

История Французской революции с 1789 по 1814 год

Мсье Минье

History of the French Revolution from 1789
to 1814

M. Mignet

Электронная книга проекта Гутенберга по истории Французской революции с 1789 по 1814 год

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История Французской революции с 1789 по 1814 год

Автор: М. Минье

Дата выхода: 1 января 2006 г. [Электронная книга № 9602]

Последнее обновление: 2 января 2021 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсеры: Энн Сулард, Чарльз Альдарондо, Тиффани Вергон и команда корректоров Project Gutenberg, распространяемая онлайн

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ С 1789 По 1814 ГОД" ***

Продюсеры: Энн Сулард, Чарльз Альдарондо, Тиффани Вергон,

и Команда онлайн-корректоров проекта Gutenberg

ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ С 1789 По 1814 ГОД

АВТОР Ф.А.М. МИНЬЕ

Введение

Из величайших событий Истории ни одно не привлекло большего внимания и не оказалось более трудным для интерпретации, чем Французская революция. Конечное значение других поразительных событий и их место в развитии человечества можно легко оценить. Достаточно ясно, что нашествия варваров ознаменовали гибель классического мира, уже смертельно раненного подъемом христианства. Достаточно ясно, что Ренессанс освободил человеческий интеллект от оков убогого средневековья, что Реформация закрепила победу "нового учения", включив теологию в число предметов человеческих споров. Но Французская революция, кажется, не поддается полному анализу. Ее сложность была велика, противоречия многочисленны и поразительны. Движение, якобы направленное против деспотизма, достигло кульминации в установлении деспотизма гораздо более полного, чем тот, который был свергнут. Апостолы свободы объявили вне закона целые классы своих сограждан, заливая невинной

кровью землю, которую, как они утверждали, они освободили от угнетения. Апостолы равенства установили тиранию ужаса, стремясь искоренить всех, кто совершил грех удачливости. Апостолы братства пронесли огонь и меч до самых дальних пределов Европы, требуя, чтобы континент подчинился произволу одного народа. И из Революции родились самые строгие из современных кодексов законов, тот дух милитаризма, который сегодня вызывает скорбь во всем мире, та нетерпимость к нетерпимости, которая привела к вооруженным антиклерикальным преследованиям во всех странах. Актеры драмы были не менее разнообразны, чем разыгрываемые сцены. Революция породила Мирабо и Талейрана, Робеспьера и Наполеона, Сийеса и Эбера. Маршалы Первой империи, доктринеры Реставрации, журналисты орлеанистской монархии - все они были в равной степени детьми этого поколения бурь и стрессов, высокого идеализма и грубой жестокости, переменчивой судьбы и славы, смешанной с бедствиями.

Описать весь характер движения, столь сложного, столь разнообразного в своих обещаниях и исполнении, столь насыщенного происшествиями, столь богатого действиями, вполне можно объявить невозможным. Как только какое-то предположение было явно установлено, внезапно обнаруживается новый аспект периода, и все суждения немедленно подлежат пересмотру. То, что Революция была великим событием, несомненно; все остальное кажется неопределенным. Для некоторых это, как это было для Чарльза Фокса, величайшее из всех событий и гораздо лучше всего. Для некоторых это, как это было для Берка, проклятая вещь, мерзость запустения. Если рассматривать только ее темную сторону, она угнетает саму душу человека. Король, виновный лишь в приятной слабости и законной или благочестивой привязанности; королева, самым серьезным недостатком которой было всего лишь легкомыслие молодости и красоты, была приговорена к смерти. За верность своим друзьям погибла мадам Ролан; за любовь к своему мужу погибла Люсиль Демулен. Агенты Террора не щадили ни возраста, ни пола; ни выдающиеся достижения, ни ничтожество унылой посредственности не снискали пощады в их руках. Несчастную Дю Барри вытащили из ее неизвестного убежища, чтобы разделить судьбу Мальзерба, Байи, Лавуазье. Робеспьер был защищен своей холодной неподкупностью не больше, чем Барнав своим красноречием, Эбер своей чувственностью, Дантон своим практическим здравым смыслом. Ничто не могло спасти от всепожирающей гильотины. Те, кто все-таки выжил, похоже, выжили почти случайно, благодаря какому-то капризу судьбы или преступному легкомыслию "les tricoteuses", мерзких женщин, которые унижали самые отбросы своего пола.

За такие зверства не нужно пытаться приносить извинения, но их причину можно объяснить, можно понять факторы, вызвавшие такую народную ярость. Стоя на террасе Версаля или бродя по обширным помещениям замка, путешественник видит в воображении драматическую панораму давно ушедшего прошлого. Двор заполнен полубезумными женщинами, кричащими, что Отец своего Народа должен накормить своих голодающих детей. Всеми любимая цинично шутит, когда под проливным дождем Помпадур уносят в могилу. Ментенон, мрачно-набожный, зловещим шепотом призывает к совершению великого преступления, умоляя короля спасти его погрязшую в пороках душу. Монтеспан счастливо смеется в свои короткие дни триумфа. И доминирующей на сцене является внушительная фигура Великого Монарха. Людовик преследует свое великое творение; Людовик в расцвете сил, вызывающий восхищение и страх в Европе, воплощение королевской власти; Людовик окружен своим веселым и блестящим двором, все стремятся повторить его историческое хвастовство, оставить в своем хозяине последние следы своей индивидуальности.

Затем опускается завеса. Но некоторые могут приподнять ее, чтобы увидеть совсем другое, гораздо более волнующее видение, и таким образом открываются более глубокие причины Ужаса. Ибо они видят огромное множество людей, запятнанных заботами, изможденных, одиноких, борющихся, умирающих, трудящихся даже до самой смерти, чтобы удовлетворить мимолетную прихоть тирана. Людовик приказал; возник Версаль, дворец редкого наслаждения для принцев и знати, для остроумцев и придворных прелатов, для серьезных философов и дам, столь же хрупких, сколь и прекрасных. Дворец и ад, мрачный памятник царственному эгоизму, созданный для удовлетворения раздутого тщеславия деспота, вечное предупреждение человечеству о том, что злоупотребление абсолютной властью - вещь проклятая. Каждый цветок в этих обширных садах был орошен слезами страдающих душ; каждый камень в этом огромном нагромождении зданий был зацементирован человеческой кровью. Никто не может оценить, какой мучительной платой может стать Версаль; никто не может сказать всей его стоимости, поскольку человеческим страданиям нет цены. Усталые труженики шли навстречу своей гибели, никем не замеченные, без почестей, на их страдания не обращали внимания, на их боль не обращали внимания, А король радовался своей славе, в то время как его поэты воспевали его хвалу.

Но настал день расплаты, и этот день стал Ужасом. Наследники тех, кто трудился, свели счета с наследниками тех, кто играл. Игроки погибли храбро, как галантные джентльмены, какими они были; их мужеству аплодируют, мир оплакивает их судьбу. Страдания, отомщенные таким образом, забыты; вся долгая многовековая агония, все часы без солнца, вся тьма отчаяния страны. Ибо эта печаль была скрыта; это была всего лишь чрезвычайно горькая участь бедняков, лишенная того драматического интереса, который освещает один бессмертный час боли. И все же тот, кто хочет правильно оценить Террор, кто хочет полностью понять Революцию, должен подумать не только о страданиях тех, кто пал жертвами вспышки безумного безумия, но и о страданиях, которыми это безумие было вызвано. За несколько месяцев французский народ получил все, что мог, за многие десятилетия угнетения. Они требовали возмездия за строительство Версаля, за все замки Турени; за все бремя, возложенное на них с того дня, когда свобода была закована в цепи и Франция стала рабой своих монархов. Louis XVI. заплатили за эгоистичную славу Людовика XIV; дворяне заплатили за удовольствия, которыми так беспечно наслаждались их предки; привилегированные классы - за привилегии, которые они узурпировали и которыми так жестоко злоупотребляли.

Плата ложилась тяжким бременем на плечи отдельных людей; невинные часто страдали из-за виновных; Лианкур погиб, а Полиньяк сбежал. Многие, желавшие Франции добра, многие, трудившиеся ради ее спасения, погибли; добродетель получила справедливое наказание в виде порока. Но у Революции есть и другая сторона; это был не просто кошмар из ужасов, нагроможденных на ужасы. Частью пафоса Истории является то, что зло не оставляло без внимания ни одно добро, что только страданием можно искупить человечество, что через долину теней лежит путь, по которому раса медленно продвигается к осуществлению своего высокого предназначения. И если бы жертвы гильотины могли предвидеть будущее, многие могли бы умереть с радостью. Ибо своей смертью они дали рождение новой Франции. Революция становится выше преступлений и безумств своих авторов; она искупила перед потомками все горе, которое она причинила, все зло, которое было совершено от ее имени. Если это убило смех, то также высушило многие слезы. Благодаря этому привилегии во Франции были уничтожены, тирания стала еще более невероятной, почти невозможной. Язва униженного феодализма была сметена. Мужчины были равны перед законом. Те барьеры,

которые сдерживали течение экономической жизни во Франции, были разрушены. Все карьеры были открыты для талантов. Было признано право производителя на участие в распространении продукта. Прежде всего, было разъяснено новое евангелие политической свободы. Мир и князья мира сего узнали, что народы существуют не для удовольствия какого-то деспота и наживы его раболепствующих сателлитов. В порядке природы ничто не может родиться иначе, как через страдание; в порядке политики это не менее верно. Из печали коротких месяцев выросла радость долгих лет; революция убивала, чтобы она же могла оживить.

В этом, возможно, и кроется секрет его сложности, его кажущихся противоречий. Авторы революции преследовали идеал, идеал, выраженный в трех словах: Свобода, Равенство, Братство. Чтобы они могли победить в своих поисках, они должны были как разрушать, так и созидать. Им пришлось смести прошлое и из возникшего хаоса построить новый порядок. Как в разрушении, так и в созидании они совершали ошибки; они пали намного ниже своих высоких идеалов. Альтруистические энтузиасты Национального собрания уступили место практичным политикам Конвента, дипломатам Директории, генералам Консульства. Империя была далека от реализации того яркого видения возрождающейся нации, которое ослепило французов в первые часы работы Генеральных штатов. Свобода была принесена в жертву эффективности; равенство - любви людей к почетным титулам; братство - желанию славы. Так было со всеми человеческими усилиями. Человек несовершенен, и это несовершенство омрачает его самые прекрасные достижения. Каким бы великим движением ни считалось, его конечное достижение далеко не соответствует его первоначальному обещанию. Зачинщики Революции были всего лишь людьми; они были способны открыть для себя истинный путь к счастью не больше, чем их собратья, и крепко держаться за него. Они колебались между двумя крайностями - деспотизмом и анархией; они уклонились от пути благодати. И их задача осталась невыполненной. Многие из их мечтаний были далеки от осуществления; они не положили начало эре совершенного блаженства; они не создали Утопии. Но их труд не был напрасным. Несмотря на свои разочарования, несмотря на все свои преступления и грубые ошибки, Французская революция была великим, замечательным событием. Это действительно способствовало возвышению человечества, и мир стал лучше от этого.

Чтобы указать на эту истину, чтобы он мог что-то сделать, чтобы противодействовать искажению прошлого, Минье написал свою *Историю Французской революции*. В тот момент, когда он приехал из Экса в Париж, волна реакции во Франции неуклонно нарастала. Десятилетия пали; Людовик XVIII. сдавался ультрароялистской клике. С помощью таких случайных событий, как убийство герцога Беррийского, и при поддержке искусственного большинства в Палате Виллель пытался вернуть *старый режим*. Вопрос о компенсации для *эмигрантов* уже обсуждался; предлагался церковный контроль за образованием. Прямая критика министерства была затруднена и даже опасна из-за цензуры прессы. Прежде всего, поборники реакции опирались на определенное искажение недавней истории своей страны. Память о терроре была все еще жива; ее усердно поддерживали живой. Людей поощряли бояться революционного насилия, забывать о злоупотреблениях, которыми это насилие было вызвано и которые оно уничтожило. На все жалобы на тиранию исполнительной власти, на все требования большей политической свободы реакционеры давали один ответ. Они заявили, что готовы выслушать такие жалобы Людовика XVI. потерял свой трон и жизнь; что, удовлетворив такие требования, был подготовлен путь для кровавого деспотизма Робеспьера. И они указывали на очевидную мораль, заключающуюся в том, что уступки внешне мягким и законным просьбам быстро оживят силы анархии. Они настаивали на том, что только сильное правительство и

жесточайшие репрессии против недовольных могут защитить Францию от возобновления того кошмара ужаса, при мысли о котором она все еще содрогалась. И поэтому те, кто хотел предотвратить дальнейшее развитие реакции, должны были прежде всего заставить своих соотечественников осознать, что Революция была не просто оргией убийств. Они должны были избавить свободу от той клеветы, благодаря которой ее ограничение стало возможным и даже популярным.

Понимая это, Минье написал. С его стороны было бы напрасно отрицать, что были совершены зверства, и еще не наступил день для панегирика Дантону в защиту Робеспьера. Минье не пытался совершить невозможное. Скорее, предоставляя аргументы своим оппонентам, он стремился более эффективно противостоять им. Он выдвинул в качестве своего фундаментального тезиса, что революция неизбежна. Это был итог прошлой истории Франции; она следовала тем курсом, которым была обязана следовать. Таким образом, отдельные лица и эпизоды в драме относительно незначительны и неважны. О совершенных преступлениях можно сожалеть; память о них не должна вызывать никакого осуждения движения в целом. Судить о Революции по Террору или по Консульству было бы неправильно и глупо; объявлять ее злом из-за того, что она не протекала мягко и упорядоченно, значило бы оскорблять исторический смысл. Разумнее и выгоднее заглянуть под поверхность, выискать те глубокие уроки, которые можно извлечь. И Минье завершает свою работу изложением одного из этих уроков, который для него был, возможно, самым важным: "О том, как не изменить нормальную жизнь Франции, когда человек долговечен, когда удовлетворен вдвойне, когда ты веришь в свершившуюся предпринимательскую революцию. Il lui faut, dans le gouvernement, une liberté politique réelle, et dans la société, le bien-être matériel que produit le développement sans cesse perfectionné de la civilisation."

Целью Минье не было представлять полный отчет о революции, и хотя он описывает наиболее важные события того периода, он не пытается исчерпывающе рассмотреть все ее многочисленные стороны. Соответственно, можно указать на различные упущения. Он не объясняет организацию "депутатов в командировке", он лишь бросает взгляд на организацию коммун или Комитета общественного спасения. Его рассказ о Консульстве и Империи кажется непропорционально кратким. Но сложность периода и богатство материалов для его истории делают невозможным подробное обсуждение его одним человеком, и работа Минье скорее выигрывает, чем проигрывает из-за своих ограничений. Те факты, которые иллюстрируют его фундаментальный тезис, должным образом зафиксированы; четко указаны причины и результаты событий; действия отдельных людей описаны в той мере, в какой они соответствуют цели автора. Вся книга отмечена заметной беспристрастностью; лишь в редких случаях, как в случае с Лафайетом, обстоятельствам, при которых она была написана, позволялось окрашивать вынесенные суждения. Ценность работы также серьезно не снижается из-за того факта, что современные исследования вынуждают пересмотреть ее в некоторых деталях, поскольку совершенно очевидно, что она не претендует на окончательную и подробную историю того периода. Это философское исследование великой эпохи, и как таковое, какую бы точку зрения на него ни критиковали, оно проливает свет и вполне достойно сохранения. Она представляет собой вдумчивый и вдохновляющий комментарий к Французской революции.

Л. СЕСИЛ ДЖЕЙН. 1915.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА.—Франсуа Огюст Мари Минье родился в Экс в Провансе в 1796 году. Он получил образование в Авиньоне и в своем родном городе, сначала изучая юриспруденцию. Но, добившись некоторых литературных успехов, в 1821 году он переехал в Париж и посвятил себя писательству. Он стал профессором истории в *Атене*, а после революции 1830 года был назначен директором архива Министерства иностранных дел, этот пост он занимал до 1848 года. Затем Ламартин сместил его с должности и он умер в отставке в 1854 году. Его *История Французской революции* была впервые опубликована в 1824 году; перевод на английский появился в европейской библиотеке Боуга в 1846 году и здесь отредактирован заново. Среди других работ Минье можно упомянуть "*Антуан Перес и Филипп II*". и "*Историю Марии Стюарт*". Как журналист, он писал в основном о внешней политике для *Courrier Français*.

БИБЛИОГРАФИЯ

Éloge de Charles VII., 1820; Les Institutions de Saint Louis, 1821; De la féodalité, des institutions de Saint Louis et de l'influence de la législation de ce prince, 1822; Histoire de la révolution française, 1824 (trans. 2 vols., London, 1826, Bonn's Libraries, 1846); La Germanie au VIIIe et au IXe siècle, sa conversion au christianisme, et son introduction dans la société civilisée de l'Europe occidentale, 1834; Essai sur la formation territoriale et politique de la France depuis la fin de XIe siècle jusqu'à la fin du XVe, 1836; Notices et Mémoires historiques, 1843; Charles Quint, son abdication, son séjour, et sa mort au monastère de Yuste, 1845; Antonio Perez et Philippe II., 1845 (translated by C. Cocks, London, 1846; translated from second French edition by W. F. Ainsworth, London, 1846); Histoire de Marie Stuart, 2 vols., 1851 (translated by A. R. Scoble, 1851); Portraits et Notices, historiques et littéraires, 2 vols., 1852; Éloges historiques, 1864; Histoire de la rivalité de François I. et de Charles Quint, 1875; Nouveaux éloges historiques, 1877.

Содержание

Введение

Характер французской революции — Ее результаты, ее прогресс—Сменяющие друг друга формы монархии—Людовик XIV. и Людовик XV.—Состояние умов людей, финансов, государственной власти и общественных желаний при восшествии на престол Людовика XVI.—Его персонаж—Морепа, премьер—министр—Его политика—Выбирает популярных министров—реформаторов—Его объект—Тюрго, Мальзерб, Неккер— Их планам противостоят двор и привилегированные классы—Их провал—Смерть Морепа—Влияние королевы Марии—Антуанетты—Популярных министров сменяют придворные министры—Калонн и его система—Бриенн, его характер и попытки—Тяжелое состояние общества финансы—Оппозиция собрания нотаблей, парламента и провинций —Отставка Бриенна—Вторая администрация Неккера—Созыв генеральных штатов —Непосредственные причины революции.

ГЛАВА I

С 5 МАЯ 1789 ГОДА По НОЧЬ На 4 АВГУСТА

Открытие штатов-генеральный—Мнение суда, министерства и различных органов королевства относительно штатов—Проверка полномочий—Вопрос о голосовании приказом или опросом—Орден общин превращается в национальную ассамблею—Суд закрывает Зал штатов—Присяга на теннисном корте—Большинство ордена духовенства объединяется с палатой общин—

Королевское заседание 23 июня—Его бесполезность—Проект суда—События 12, 13 и 14 июля—Увольнение Неккера— Восстание в Париже—Формирование национальной гвардии—Осада и взятие Бастилии—Последствия 14 июля—Декреты в ночь на 4 августа—Характер только что совершившейся революции.

ГЛАВА II

С НОЧИ С 4 АВГУСТА НА 5 И 6 ОКТЯБРЯ 1789 ГОДА

Состояние учредительного собрания—Партия высшего духовенства и дворянства— Мори и Казалес—Партия министерства и двух палат: Мунье, Лалли-Толлендаль—Народная партия: триумвират Барнава, Дюпора и Лам—Ее позиция—Влияние Сийеса—Мирабо, главы собрания в тот период—Мнение, которое должно быть сформировано об орлеанской партии—Конституционные труды—Декларация прав—Постоянство и единство законодательного органа—Королевская санкция—Вызванная этим внешняя агитация—Проект суда— Банкет в честь корпусной гвардии—Восстание 5 и 6 октября—Король приезжает на жительство в Париж.

ГЛАВА III

С 6 ОКТЯБРЯ 1789 ГОДА До СМЕРТИ МИРАБО В апреле 1791 ГОДА

Результаты октябрьских событий—Разделение провинций на департаменты—Организация административных и муниципальных властей в соответствии с системой народного суверенитета и выборов—Финансы; всех использованных средств недостаточно—Собственность духовенства объявлена национальной—Продажа собственности духовенства приводит к ассигнациям—Гражданское устройство духовенства—Религиозная оппозиция епископов— Годовщина 14 июля—Отмена титулов—Конфедерация Марсова поля—Новая организация армии—Оппозиция офицеров— Раскол, нарушающий гражданское устройство духовенства—Клубы—Смерть Мирабо—В течение всего года в этот период разделение сторон становится более решительным.

ГЛАВА IV

С АПРЕЛЯ 1791 ГОДА По 30 сентября, ДО ОКОНЧАНИЯ РАБОТЫ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Политическое состояние Европы до Французской революции—Система союзов, соблюдаемая различными государствами—Всеобщая коалиция против революции— Мотивы каждой державы—Конференция в Мантуе и циркуляр в Павии—Бегство в Варенн—Арест короля—Его отстранение от должности—Республиканская партия впервые отделяется от партии конституционной монархии—Последняя восстанавливает короля—Декларация Пильница—Король принимает конституцию—Конец учредительного собрания—Мнение об этом.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

ГЛАВА V

С 1 ОКТЯБРЯ 1791 ГОДА По 21 СЕНТЯБРЯ 1792 ГОДА

Ранние отношения между законодательным собранием и королем—Состояние партий: фейяны опираются на средние классы, жирондисты — на народ—Эмиграция и несогласное духовенство; декрет против них; королевское вето—Объявление войны—жирондистское министерство; Дюмурье, Ролан— Объявление войны королю Венгрии и Богемии—Бедствия

наших армий; декрет о резервном лагере на двадцать тысяч человек в Париже; декрет об изгнании священников, не имеющих права голоса; вето короля; падение жирондистского министерства—Петиция о мятежники 20 июня, призванные обеспечить принятие декретов и отзыв министров—Последние усилия конституционной партии—Манифест герцога Брауншвейгского— События 10 августа—Военное восстание Лафайета против зачинщиков событий 10 августа; оно терпит неудачу—Раскол собрания и новая коммуна; Дантон— Вторжение пруссаков— Массовые убийства 2 сентября—Аргоннская кампания-Причины событий в законодательном собрании.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СЪЕЗД

ГЛАВА VI

С 20 СЕНТЯБРЯ 1792 ГОДА По 21 ЯНВАРЯ 1793 ГОДА

Первые меры Конвента —Его состав—Соперничество Жиронды и Гора—Сила и взгляды двух партий—Робеспьер: жирондисты обвиняют его в стремлении к диктатуре—Марат—Новое обвинение Робеспьера со стороны Луве; Защита Робеспьера; Конвент переходит к порядку дня—Гора, одержавший победу в этой борьбе, требует суда над Людовиком XVI.—Мнения партий по этому вопросу—Конвент постановляет, что Людовик XVI. будет судим, и сам по себе — Людовик XVI. в Темпле; его ответы перед Конвентом; его защита; его осуждение; мужество и безмятежность его последних минут — кем он был и кем не был как король.

ГЛАВА VII

С 21 ЯНВАРЯ 1793 ГОДА По 2 ИЮНЯ

Политическое и военное положение Франции—Англия, Голландия, Испания, Неаполь и все круги империи присоединяются к коалиции— Дюмуре, завоевав Бельгию, предпринимает экспедицию в Голландию—Он хочет восстановить конституционную монархию-Отступления наших армий—Борьба между Жирондой и Горой—Заговор 10 марта—Восстание в Вандее; его ход—Дезертирство Дюмуре—Жирондисты обвиняются в том, что они были его сообщниками— Новые заговоры против них—Создание Комиссии Двенадцати для пресечения заговорщиков— Восстания 27 и 31 мая против Комиссии двенадцати; их подавление — Восстание 2 июня против двадцати двух ведущих жирондистов; их арест — Полное поражение этой партии.

ГЛАВА VIII

Со 2 ИЮНЯ 1793 ГОДА По АПРЕЛЬ 1794 ГОДА

Восстание департаментов против 31 мая—Затяжные неудачи на границах—Продвижение Вандеи—*Монтаньяры* объявляют конституцию 1793 года и немедленно приостанавливают ее действие, чтобы сохранить и укрепить революционное правительство—*Массовая дамба*; закон против подозреваемых лиц—Победы *монтаньяров* во внутренних районах и на границах— Смерть королевы, двадцати двух жирондистов и т. Д.- Комитет общественного спасения; его власть; его члены—Республиканский календарь— День независимости. победители 31 мая расходятся — ультрареволюционная фракция коммуны, или эбертисты, отменяет католическую религию и устанавливает культ Разума; их борьба с комитетом общественного спасения; их поражение — умеренная фракция *монтаньяров*, или дантонистов, желает уничтожить революционную диктатуру и установить законное правительство; их падение - комитет общественного спасения остается один и торжествует победу.

ГЛАВА IX

ОТ СМЕРТИ ДАНТОНА В апреле 1794 ГОДА До 9 ТЕРМИДОРА (27 ИЮЛЯ 1794 года)

Усиление террора; его причина—Система демократов; Власть Сен-Жюста— Робеспьера— Праздник Высшего Существа—Кутон представляет закон 22—го Прериала, который реорганизует революционный трибунал; беспорядки; дебаты; окончательное подчинение конвенции—Активные члены комитета разделились - Робеспьер, Сен-Жюст и Кутон с одной стороны; Бийо-Варенн, Колло—д'Эрбуа, Баррер и члены комитета общей безопасности с другой —Поведение Робеспьера—Он уходит из комитета и опирается на якобинцев и коммуну— 8 Термидора он требует обновления комитетов; предложение отклонено-Заседание 9 термидора; Сен-Жюст осуждает комитеты; его прерывает Тальен; Бийо— Варенн яростно нападает на Робеспьера; всеобщее возмущение конвента против триумvirата; они арестованы — Коммуна восстает и освобождает заключенных —Опасность и мужество конвента; он объявляет повстанцев вне закона — Триумvirат секции конвента заявляют о Поражении и казни Робеспьера.

ГЛАВА X

С 9 ТЕРМИДОРА По 1 ПРЕРИАЛ, ГОД III. (20 МАЯ 1795 г.). ЭПОХА ВЗЛЕТА И ПАДЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Конвент после падения Робеспьера; партия комитетов; Термидорианская партия; их конституция и цель—Распад демократической партии комитетов—Импичмент Лебону и государству—перевозчику Парижа —якобинцы и Предместья выступают за старые комитеты;женесс дореи секции термидорианцев—Импичмент Бийо-Варенну, Колло-д'Эрбуа, Барреру и Вадье—Движение Жерминаля—Транспортировка обвиняемых и нескольких горцев, их приверженцев—Восстание 1—го Прериала—Поражение демократической партии; разоружение предместий - Низший класс исключен из правительства, лишен конституции 93-го года и теряет свою материальную власть.

ГЛАВА XI

С 1-ГО ПРЕРИАЛЯ (20 МАЯ 1795 г.) По 4-Е БРЮМЕРА (26 ОКТЯБРЯ) IV ГОДА, ЗАКРЫТИЕ КОНВЕНТА

Кампании 1793 и 1794 годов—Расположение армий при известии о 9 Термидоре —Завоевание Голландии; положение на Рейне—Базельский мир с Пруссией—Мир с Испанией—Наступление на Киберон—Реакция перестает быть традиционной и становится роялистской—Резня революционеров на юге—Директорская конституция III года.— Декреты Фруктидора, требующие переизбрания двух третей конвента-Раздражение отколовшейся роялистской партии -Она становится повстанческой— 13 июля Вандемьер—Назначение советов и директории—Закрытие съезда; его продолжительность и характер.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДИРЕКТОРИЯ

ГЛАВА XII

ОТ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИРЕКТОРИИ 27 ОКТЯБРЯ 1795 ГОДА До ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 18 ФРУКТИДОРА V ГОДА (3 АВГУСТА 1797 ГОДА)

Обзор революции—Ее второй характер реорганизации; переход от общественной к частной жизни—Пять руководителей; их труды на благо внутренних дел—Умиротворение Вандеи—

Заговор Бабефа; окончательное поражение демократической партии—План кампании против Австрии; завоевание Италии генералом Бонапартом; Кампо-Формийский мирный договор; Французская республика признана с ее приобретениями и ее связью с Голландской, Ломбардской и Лигурийской республиками, которые продлили ее правление в Европе—Выборы роялистов в V году; они меняют положение республики—Новое соперничество между французскими властями. контрреволюционная партия в советах, в клубе Клиши, в салонах и конвенциональная партия в директории, в Сальмском клубе и в армии - Государственный переворот 18—го Фруктидора; вандемская партия снова потерпела поражение.

ГЛАВА XIII

С 18-Го ФРУКТИДОРА В V ГОДУ (4 СЕНТЯБРЯ 1797 г.) По 18-Е БРЮМЕРА В VIII ГОДУ. (9 НОЯБРЯ 1799 г.)

К 18—му Фруктидору директория возвращается, с небольшими смягчениями, к революционному правительству—Общий мир, за исключением Англии—Возвращение Бонапарта в Париж—Экспедиция в Египет—Демократические выборы на VI год.—Директория аннулирует их 22—го Флореаля—Вторая коалиция; Россия, Австрия и Англия нападают на республику через Италию, Швейцарию и Голландию; общие поражения-Демократические выборы на VII год.; 30—го прериаля советы берут верх и дезорганизуют старую директорию—Две партии в новой директории и во второй коалиции. советы: умеренная республиканская партия под руководством Сийеса, Роже—Дюко и древних; крайняя республиканская партия под руководством Мулена, Голье, Пятисот и Общества Манежей — Различные проекты —Победы Массены в Швейцарии; Брюна в Голландии -Бонапарт возвращается из Египта; приходит к взаимопониманию с Сийесом и его партией -18 и 19 Брюмера -Конец системы управления.

КОНСУЛЬСТВО

ГЛАВА XIV

С 18 БРЮМЕРА (9 НОЯБРЯ 1799 г.) По 2 декабря 1804 г.

Надежды, возлагаемые различными партиями после 18 Брюмера— Временное правительство— Конституция Сийеса; искажено консульской конституцией VIII года.—Формирование правительства; мирные замыслы Бонапарта—Кампания в Италии; победа при Маренго— Всеобщий мир: на континенте по Люневильскому мирному договору с Англией; по Амьенскому мирному договору —Объединение партий; внутреннее процветание Франции —Амбициозная система Первого консула; восстанавливает духовенство в государстве по Конкордату 1802 года; он создает военный орден Франции. рыцарство посредством ордена Почетного легиона; он завершает этот порядок вещей пожизненным консульством-Возобновление военных действий с Англией— Заговор Жоржа и Пишегрю—Война и попытки роялистов служат предлогом для создания империи—Наполеон Бонапарт назначен наследственным императором; коронован папой 2 декабря 1804 года в церкви Нотр—Дам—Последовательный отказ от революции— Рост абсолютной власти за четыре года консульства.

ИМПЕРИЯ

ГЛАВА XV

С МОМЕНТА ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ, 1804-1814

Характер империи—изменение республик создается каталог, в царствах Третьей коалиции; взятие Вены; победы при Ульме и Аустерлице; мир в Прессбурге; возведение двух королевств Бавария и Вюртемберг против Австро—Конфедерация Рейна—Жозеф Наполеон назначил королем неаполитанским; Луи-Наполеон, король Голландии Четвертой коалиции; битва при Йене; взятие Берлина; победы при Прейсиш-Эйлау и Фридландом; Тильзитский мир; в прусской монархии уменьшается наполовину; королевства Саксония и Вестфалия, возбужденного против него; что Вестфальский дано Жером Наполеон—Гранд Империя встает с своего Среднего Царства, Его Рейнский союз, его посредничестве Швейцарии, ее великие уделы; это по примеру Карла Великого—блокада континента—Наполеон работают прекращение торговли по снижению Англии, как он использовал оружие, чтобы покорить континент—вторжение в Испанию и Португалию; Жозеф Наполеон назначил на трон Испании; Мурат заменяет его на трон Неаполя—новый порядок событий: национальные восстания полуострова; религиозные конкурсы с папой—коммерческая оппозиции Голландии Пятой коалиции—Победа Ваграмский; мир Вены; брак Наполеона с эрцгерцогиней Марией-Луизой—провал попыткой сопротивления; папа лишен престола; Холланд вновь объединенной империи, и война в Испании возбуждено уголовное дело энергично—Россия отказывается от континентальной системы; кампания 1812 г.; захват Москвы; отступление—реакция против власти Наполеона; в кампании 1813; общее отпадение—коалиции всей Европы; исчерпание Франция; чудесный кампании 1814 года—союзные державы в Париже; отречение в Фонтенбло; характер Наполеона; его роль во Французской революции—вывод.

Введение

Я собираюсь сделать краткий обзор истории Французской революции, которая положила начало эре новых обществ в Европе, подобно тому как английская революция положила начало эре новых правительств. Эта революция не только изменила политическую власть, но и полностью изменила внутреннее существование нации. Формы общества средневековья все еще сохранялись. Земля была разделена на враждебные провинции, население - на соперничающие классы. Дворянство утратило все свои полномочия, но все еще сохраняло все свои различия: у народа не было прав, у королевской власти не было ограничений; Франция пребывала в полной неразберихе произвольного управления, классового законодательства и особых привилегий для особых органов. Вместо этих злоупотреблений революция заменила систему, более соответствующую справедливости и лучше подходящую для нашего времени. Он заменил закон произволом воли, равенство привилегиями; освободил людей от классовых различий, землю - от провинциальных барьеров, торговлю - от оков корпораций и товариществ, сельское хозяйство - от феодального порабощения и гнета десятины, собственность - от препятствий, связанных с податью, и привел все к состоянию единого государства, единой правовой системы, единого народа.

Чтобы осуществить такую мощную реформу, как эта, революции предстояло преодолеть множество препятствий, включая временные эксцессы с долговременными выгодами. Привилегированные стремились предотвратить это; Европа - подчинить это; и, таким образом, вынужденная бороться, она не могла ограничить свои усилия или умерить свою победу.

Соппротивление изнутри привело к суверенитету масс, а агрессия извне - к военному господству. И все же цель была достигнута, несмотря на анархию и деспотизм: старое общество было разрушено во время революции, а новое утвердилось при империи.

Когда реформа становится необходимой и наступает момент для ее проведения, ничто не может ей помешать, все способствует ей. Если бы люди были счастливы, если бы они тогда пришли к взаимопониманию; если бы богатые отказались от своих излишеств, а бедные удовлетворились достижением того, в чем они действительно нуждались, революции совершались бы спокойно, и историку не пришлось бы фиксировать ни эксцессов, ни бедствий; ему просто пришлось бы показать переход человечества к более мудрому, свободному и счастливому состоянию. Но в летописях народов пока нет ни одного примера таких разумных жертв; те, кто должен был их принести, отказались это сделать; те, кто требовал их, принудили к этому насильно; и добро было принесено, как и зло, с помощью средств и со всей жестокостью узурпации. До сих пор не было другого суверена, кроме силы.

Рассматривая историю важного периода, простиравшегося от открытия генеральных штатов до 1814 года, я предлагаю объяснить различные кризисы революции, одновременно описывая их ход. Таким образом, будет видно, по чьей вине, возникнув под таким счастливым покровительством, она так ужасно выродилась; каким образом она превратила Францию в республику и как на руинах республики она воздвигла империю. Эти различные фазы были почти неизбежны, настолько непреодолимой была сила событий, которые их породили. Возможно, было бы опрометчиво утверждать, что положение вещей ни при каких обстоятельствах не могло быть иным; но несомненно, что революция, возникшая из таких причин, использовавшая и возбуждавшая такие страсти, естественно пошла таким путем и закончилась таким результатом. Прежде чем мы перейдем к его истории, давайте посмотрим, что привело к созыву генеральных штатов, которые сами привели ко всему последующему. Проследивая предварительные причины революции, я надеюсь показать, что ее было так же невозможно избежать, как и направлять.

С момента своего основания французская монархия не имела ни устоявшейся формы, ни фиксированного и признанного общественного права. При первых расах корона была выборной, нация - суверенной, а король - простым военным вождем, зависящим от общего мнения во всех принимаемых решениях и во всех предпринимаемых предприятиях. Нация избирала своего главу, осуществляла законодательную власть на Марсовом поле под председательством короля и судебную власть в судах под руководством одного из его должностных лиц. При феодальном режиме королевская демократия уступила место королевской аристократии. Абсолютная власть вознеслась еще выше, дворяне лишили ее народа, как впоследствии принц ограбил дворян. В этот период монарх стал наследственным; не как король, а как индивидуальный владелец феода; законодательная власть принадлежала сеньорам на их обширных территориях или в парламентах баронов; а судебная власть - вассалам в манориальных судах. Одним словом, власть становилась все более и более концентрированной, и по мере того, как она переходила от многих к немногим, в конце концов она перешла от немногих к одному человеку. В течение столетий непрерывных усилий короли Франции разрушали феодальное здание и, наконец, утвердились на его руинах, шаг за шагом узурпировав феодальные владения, подчинив вассалов, подавив парламенты баронов, отменив или подчинив себе манориальные суды, взяв на себя законодательную власть и добившись, чтобы судебная власть осуществлялась от их имени в парламентах легистов.

Генеральные штаты, созывавшиеся по неотложным случаям с целью получения субсидий и состоявшие из трех сословий нации: духовенства, дворянства и третьего сословия, или общин, - не имели постоянного существования. Возникнув в то время, когда действовала королевская прерогатива, они сначала находились под ее контролем, а в конце концов были подавлены ею. Самое сильное и решительное противодействие, с которым королям приходилось сталкиваться в своих проектах расширения, исходило гораздо меньше от этих собраний, которые они санкционировали или отменяли по своему усмотрению, чем от знати, отстаивавшей против них сначала свой суверенитет, а затем и свое политическое значение. От Филиппа Августа до Людовика XI. целью всех их усилий было сохранение собственной власти; от Людовика XI. до Людовика XIV. стать министрами королевской семьи. Фронды были последней кампанией аристократии. При Людовике XIV. абсолютная монархия окончательно утвердилась и господствовала без споров.

Правительство Франции, начиная с Людовика XIV. до революции, было все еще скорее произвольным, чем деспотическим; ибо монархи обладали гораздо большей властью, чем они пользовались. Барьеры, противостоявшие посягательствам этой огромной власти, были чрезвычайно слабыми. Корона распоряжалась людьми посредством *кассовых документов*, имуществом - путем конфискации, государственными доходами - путем обложения налогами. Некоторые органы, это правда, обладали средствами защиты, которые назывались привилегиями, но эти привилегии редко соблюдались. Парламент имел право утвердить или отклонить самозванство, но король мог добиться его согласия с помощью *закона о правосудии* и наказать его членов изгнанием. Дворянство было освобождено от налогов; духовенство пользовалось привилегией взимать налоги самостоятельно в виде бесплатных даров; некоторые провинции пользовались правом увеличивать налоги, а другие производили их оценку самостоятельно. Таковы были ничтожные свободы Франции, и даже все они обернулись на пользу привилегированным классам и во вред народу.

И эта Франция, столь порабощенная, была, кроме того, плохо организована; излишества власти были еще менее терпимы, чем их несправедливое распределение. Нация, разделенная на три сословия, которые сами подразделялись на несколько классов, была жертвой всех нападений деспотизма и всех зол неравенства. Знать подразделялась: на придворных, живших за счет милостей государя, то есть за счет труда народа, и целью которых было управление провинциями или повышение в звании в армии; облагороженных парвеню, которые осуществляли внутреннее управление и целью которых было получить контрольные должности и максимально использовать свое положение, пока они его занимали, занимая всевозможные должности; легистов, которые вершили правосудие и были единственными компетентными выполнять его функции; и землевладельцев, которые угнетали страну, осуществляя те феодальные порядки, которые они занимали. права, которые все еще сохранились. Духовенство было разделено на два класса: один предназначался для епископств и аббатств и их богатых доходов; другой - для апостольских функций и их бедности. Третье сословие, подавленное двором, униженное дворянством, само было разделено на корпорации, которые, в свою очередь, вымещали друг на друге зло и презрение, которые они получали от высших классов. Он владел едва ли третьей частью земли, и это было обременено феодальной рентой, причитающейся владельцам поместий, десятиной духовенству и налогами королю. В качестве компенсации за все эти жертвы оно не пользовалось политическими правами, не имело доли участия в управлении и не было допущено к государственной службе.

Людовик XIV. истощил главную пружину абсолютной монархии слишком длительным напряжением и слишком жестоким использованием. Любящий власть, раздраженный невзгодами своей юности, он подавлял всякое сопротивление, запрещал всякого рода оппозицию — оппозицию аристократии, проявлявшуюся в бунте, оппозицию парламентов, проявлявшуюся в протестах, оппозицию протестантов, формой которой была свобода совести, которую церковь считала еретической, а королевская власть - раскольнической. Людовик XIV. подчинил дворян, призвав их ко двору, где милости и удовольствия были компенсацией за их зависимость. Парламент, до тех пор служивший орудием короны, попытался стать ее противовесом, и принц высокомерно наложил на него шестидесятилетнее молчание и покорность. Наконец, отмена Нантского эдикта завершила эту работу деспотизма. Деспотичное правительство не только не потерпит сопротивления, но и требует, чтобы его подданные одобряли его и подражали ему. Подчинив себе действия людей, оно преследует совесть; нуждаясь в постоянном движении, оно ищет жертвы, когда они не попадают на его пути. Огромная власть Людовика XIV. проводилась внутри страны против еретиков; внешне - против всей Европы. Угнетение нашло честолюбивых людей, которые советовали ему, драгун, которым служили, и успех, который поощрял его; раны Франции были скрыты лаврами, ее стоны утонули в песнях победы. Но в конце концов гениальные люди умерли, победы прекратились, промышленность эмигрировала, деньги исчезли; и стал очевидным факт, что сами успехи деспотизма истощают его ресурсы и поглощают его будущее прежде, чем это будущее наступит.

Смерть Людовика XIV. сигналом к реакции послужил внезапный переход от нетерпимости к недоверию, от духа послушания к духу дискуссии. При регентстве третье сословие приобрело значение, благодаря своему растущему богатству и интеллекту, все то, что дворянство потеряло во внимании, а духовенство - во влиянии. При Людовике XV двор вел разорительные войны, не сопровождавшиеся большой славой, и вел негласную борьбу с общественным мнением, в открытую - с парламентом. В его лоно закралась анархия, правительство попало в руки королевских любовниц, власть была в полном упадке, а оппозиция ежедневно добивалась новых успехов.

Парламенты претерпели изменение положения и системы. Королевская власть наделила их властью, которую они теперь обратили против нее. Как только совместными усилиями парламента и королевской семьи было завершено крушение аристократии, победители поссорились, согласно обычной практике союзников после победы. Члены королевской семьи стремились уничтожить инструмент, который стал опасным, когда перестал быть полезным, а парламент стремился управлять членами королевской семьи. Эта борьба, благоприятствовавшая монарху при Людовике XIV, со смешанными поражениями и успехами при Людовике XV, прекратилась только с революцией. Парламент по самой своей природе был призван служить лишь инструментом. Осуществляя свои прерогативы и свои амбиции как организации, заставляя ее противопоставлять себя сильным и поддерживать слабых, она поочередно служила короне против аристократии и нации против короны. Именно это сделало его таким популярным при Людовике XV. и Людовике XVI., хотя он нападал на двор только из духа соперничества. Общественное мнение, не вникая в его мотивы, приветствовало не его амбиции, а его сопротивление и поддерживало его, потому что защищалось им. Осмелев от такого поощрения, оно стало грозным для авторитета. После отмены воли самого властного и наиболее послушного из монархов; после протеста против Семилетней войны; после получения контроля над финансовыми операциями и уничтожения иезуитов сопротивление стало

настолько постоянным и энергичным, что двор, встречаясь с ним со всех сторон, увидел необходимость либо подчиниться ему, либо подчинить его. Соответственно, он привел в исполнение план дезорганизации, предложенный канцлером Мопо. Этот смелый человек, который, по его собственному выражению, предложил *отставку ла куронн дю Грефф*, заменил этот враждебный парламент парламентом, преданным власти, и подвергнул аналогичной операции всю магистратуру Франции, которая следовала примеру парижской.

Но время государственных переворотов прошло. Течение выступило против произвола настолько решительно, что король прибегнул к нему с сомнением и нерешительностью и даже столкнулся с неодобрением своего двора. Возникла новая власть — власть общественного мнения, которая, хотя и не была признана, не была менее влиятельной и чьи декреты начинали приобретать суверенный авторитет. Нация, до сих пор представлявшая собой ничтожество, постепенно отстаивала свои права и, не разделяя власть, влияла на нее. Таков курс всех растущих держав; они наблюдают за ним извне, прежде чем их допускают в правительство; затем от права контроля они переходят к праву сотрудничества. Наконец наступила эпоха, когда третье сословие должно было разделить власть. В прежние периоды оно пыталось осуществить это, но тщетно, потому что его усилия были преждевременными. Тогда оно было всего лишь эмансипированным и не обладало тем, что устанавливает превосходство и ведет к приобретению власти; ибо право достигается только силой. Соответственно, в восстаниях, как и в генеральных штатах, она занимала лишь третье место; все делалось с ее помощью, но ничего для нее. Во времена феодальной тирании оно служило королям против знати; когда господствовал министерский и фискальный деспотизм, оно помогало знати против королей; но, в первом случае, оно было не более чем слугой короны; во втором, чем слугой аристократии. Борьба происходила в сфере и со стороны интересов, с которыми, как считалось, она не имела никакого отношения. Когда дворяне были окончательно разбиты во время Фронды, они сложили оружие; явное доказательство того, насколько второстепенной была роль, которую они играли.

Наконец, после столетия абсолютного подчинения, он снова появился на арене, но уже сам по себе. Прошлого не воротишь; и для знати было не больше возможностей оправиться от своего поражения, чем сейчас для абсолютной монархии восстановить свои позиции. У двора должен был появиться еще один антагонист, потому что он всегда должен быть, а власть никогда не бывает без кандидата. Третьему сословию, которое с каждым днем набирало силу, богатство, интеллект и сплоченность, было суждено бороться с ним и вытеснить его. Парламент представлял собой не класс, а орган; и в этой новой борьбе, хотя он и мог способствовать смещению власти, он не мог закрепить ее за собой.

Двор благоприятствовал прогрессу третьего сословия и внес свой вклад в развитие одного из главных средств его продвижения - его интеллекта. Самый абсолютный из монархов способствовал движению умов и, сам того не желая, создал общественное мнение. Поощряя похвалу, он подготовил почву для порицания; ибо мы не можем подвергнуться экзамену в нашу пользу, не подвергнувшись ему впоследствии в ущерб себе. Когда песни триумфа, благодарности и преклонения иссякли, начались обвинения, и философы восемнадцатого века сменили литераторов семнадцатого. Все становилось объектом их исследований и размышлений: правительства, религия, злоупотребления, законы. Они провозглашали права, обнажали человеческие потребности, обличали несправедливость. Сформировалось сильное и просвещенное общественное мнение, нападкам которого правительство подверглось, не

осмеливаясь предпринимать попытки его подавления. Она обращала в свою веру даже тех, на кого нападала; придворные подчинялись ее решениям ради моды, власть - по необходимости, и эпоха реформ была начата эпохой философии, как последняя была начата эпохой изящных искусств.

Таково было состояние Франции, когда Людовик XVI взошел на трон 11 мая 1774 года. Финансы, недостатки которых не смогли восполнить ни восстановительное министерство кардинала де Флери, ни обанкротившееся министерство аббата Терре, пренебрегаемый авторитет, несговорчивый парламент, властное общественное мнение - таковы были трудности, которые новое правление унаследовало от своих предшественников. Из всех принцев Людовик XVI по своим склонностям и добродетелям лучше всего соответствовал своей эпохе. Народ устал от произвола, и он был склонен отказаться от его осуществления; они были раздражены обременительной распущенностью двора Людовика XV; нравы нового короля были чисты, а его нужды невелики; они требовали реформ, которые стали необходимыми, и он ценил общественные нужды и прославил себя, удовлетворив их. Но творить добро было так же трудно, как продолжать творить зло; ибо необходимо было обладать достаточной силой, чтобы либо заставить привилегированные классы подчиниться реформам, либо нацию - злоупотреблениям; и Людовик XVI. не был ни восстановителем, ни деспотом. Ему не хватало той суверенной воли, которая одна совершает великие перемены в государствах и которая столь же необходима для монархов, желающих ограничить свою власть, как и для тех, кто стремится ее усилить. Louis XVI. обладал здравым умом, добрым и честным сердцем, но ему не хватало энергии характера и настойчивости в действиях. Его проекты улучшения наталкивались на препятствия, которых он не предвидел и которые не знал, как преодолеть. Соответственно, он потерпел неудачу в своих усилиях по содействию реформе, как и любой другой потерпел бы неудачу в своей попытке предотвратить ее. Вплоть до заседания генеральных штатов его правление было одной долгой и бесплодной попыткой улучшить ситуацию.

При вступлении на престол Людовик XVI избрал Морепа премьер-министром. В значительной степени способствовал нерешительному характеру его правления. Молодой, глубоко сознающий свои обязанности и собственную несостоятельность, он прибегнул к опыту семидесятичетырехлетнего старика, утратившего благосклонность Людовика XV. своим противодействием любовницам этого монарха. В нем король нашел не государственного деятеля, а простого придворного, чье пагубное влияние распространялось на весь период его правления. Морепа мало заботился ни о благополучии Франции, ни о славе своего повелителя; его единственной заботой было оставаться в фаворе. Проживая во дворце в Версале, в апартаментах, сообщающихся с апартаментами короля, и председательствуя в совете, он передал образ мыслей Людовика XVI. неуверенный, с нерешительным характером; он приучил его к полумерам, к изменениям системы, ко всем несоответствиям власти и особенно к необходимости делать все другими и ничего от себя. У Морепа был выбор министров, и они пользовались его расположением так же усердно, как он - расположением короля. Опасаясь поставить под угрозу свое положение, он не допускал в министерство людей с влиятельными связями и назначал восходящих лидеров, которые нуждались в его поддержке для собственной защиты и осуществления своих реформ. Он последовательно привлек Тюрго, Мальзерб и Неккера к руководству делами, каждый из которых взялся внести улучшения в тот департамент правительства, который был непосредственным объектом его исследований.

Мальзерб, происходивший из семьи юристов, унаследовал парламентские добродетели, а не парламентские предрассудки. Независимый ум сочетался с благородным сердцем. Он хотел предоставить каждому человеку его права; обвиняемому - право на защиту; протестантам - свободу совести; авторам - свободу печати; каждому француз - личную свободу; и он предложил отменить пытки, восстановить нантский эдикт и подавить *печатную литературу* и цензуру. Тюрго, обладавший энергичным и всесторонним умом, необычайной твердостью и силой характера, пытался реализовать еще более масштабные проекты. Он присоединился к Мальзербу, чтобы с его помощью завершить создание системы, которая должна была вернуть единство правительству и равенство стране. Этот добродетельный гражданин постоянно занимался улучшением положения народа; он один предпринял то, что революция совершила в более поздний период, — уничтожение рабства и привилегий. Он предлагал освободить сельские округа от принудительного труда, провинции - от их барьеров, коммерцию - от внутренних повинностей, торговлю - от ее оков и, наконец, заставить дворянство и духовенство вносить взносы в налоги в той же пропорции, что и третье сословие. Этот великий министр, о котором Мальзерб сказал: "у него голова Бекона и сердце Лопиталья", хотел с помощью провинциальных собраний приучить нацию к общественной жизни и подготовить ее к восстановлению генеральных штатов. Он произвел бы революцию с помощью указов, если бы был в состоянии баллотироваться. Но при системе особых привилегий и всеобщего рабства все проекты, направленные на общественное благо, были невыполнимы. Тюрго вызвал недовольство придворных своими улучшениями, вызвал неудовольствие парламента отменой статутного труда, надзирателей и внутренних обязанностей и встревожил старого министра превосходством, которое его добродетель давала ему над Людовиком XVI. Принц оставил его, хотя в то же время заметил, что Тюрго и он сам были единственными людьми, которые желали благополучия народу: так плачевно положение королей!

Тюрго сменил в 1776 году на посту генерального контролера финансов Ключи, бывшего контролера Сан-Доминго, которого через шесть месяцев сменил сам Неккер. Неккер был иностранцем, протестантом, банкиром и в большей степени администратором, чем государственным деятелем; соответственно, он задумал план реформирования Франции, менее масштабный, чем у Тюрго, но который он осуществил с большей умеренностью, и ему помогало время. Назначенный министром для того, чтобы найти деньги для двора, он воспользовался желаниями двора, чтобы обеспечить свободы для народа. Он восстановил финансы посредством наведения порядка и заставил провинции вносить умеренный вклад в свое управление. Его взгляды были мудры и справедливы; они состояли в том, чтобы привести доходы в соответствие с расходами, сократив последние; путем применения налогообложения в обычные времена и займов, когда непреодолимые обстоятельства делали необходимым обложение налогами как в будущем, так и в настоящем; путем установления того, что налоги будут взиматься провинциальными собраниями, и путем учреждения публикации отчетов, чтобы облегчить получение займов. Эта система была основана на природе займов, которые, нуждаясь в кредите, требуют публичности управления; и на природе налогообложения, которое, нуждаясь в одобрении, требует также участия в управлении. Всякий раз, когда возникает дефицит и правительство подает заявки на его покрытие, если оно обращается к кредиторам, оно должно представить свой баланс; если оно обращается к налогоплательщикам, оно должно предоставить им долю своих полномочий. Таким образом, ссуды привели к составлению счетов и уплате налогов генеральным штатам; первое ставило власть под юрисдикцию общественного мнения, а второе - под юрисдикцию народа. Но Неккер, хотя и не так стремился к реформам, как

Тюрго, хотя и желал искупить злоупотребления, которые его предшественник хотел уничтожить, был не более удачлив, чем он. Его экономность вызвала недовольство придворных; меры провинциальных собраний вызвали неодобрение парламентов, которые хотели монополизировать оппозицию; и премьер-министр не мог простить ему видимость доверия. Он был вынужден уйти от власти в 1781 году, через несколько месяцев после публикации знаменитого *финансового отчета*, который внезапно приобщил Францию к знаниям о государственных делах и навсегда сделал невозможным абсолютное правление.

Смерть Морепа последовала сразу после ухода на пенсию Неккера. Королева заняла его место при Людовике XVI и унаследовала все его влияние на него. Этот добрый, но слабый принц нуждался в руководстве. Его жена, молодая, красивая, активная и амбициозная, получила большое влияние на него. И все же можно сказать, что дочь Марии Терезы слишком сильно или слишком мало походила на свою мать. Она сочетала легкомыслие с доминированием и распоряжалась властью только для того, чтобы наделить ею людей, которые привели к ее собственному краху и краху государства. Морепа, не доверяя придворным министрам, всегда выбирал популярных министров; правда, он их не поддерживал; но если не происходило ничего хорошего, то, по крайней мере, не увеличивалось зло. После его смерти придворные министры сменили популярных министров и своими ошибками сделали неизбежным кризис, который другие пытались предотвратить своими реформами. Это различие в выборе весьма примечательно; именно оно, благодаря смене людей, привело к изменению системы управления. Революция относится к этой эпохе; отказ от реформ и возвращение беспорядков ускорили ее приближение и усилили ее ярость.

Калонн был призван из интендантства к общему управлению финансами. Неккеру уже были назначены два преемника, когда в 1783 году Калонну было подано заявление. Калонн был смелым, блестящим и красноречивым; он обладал большой готовностью и плодородным умом. Либо по ошибке, либо намеренно он принял систему управления, прямо противоположную системе его предшественника. Неккер рекомендовал экономию, Калонн хвастался своими щедрыми тратами. Неккер потерпел неудачу из-за придворных, Калонн стремился заручиться их поддержкой. Его софизмы подкреплялись его щедростью; он убедил королевую *упраздненствами*, дворян пенсиями; он дал большое распространение финансам, чтобы масштабы и легкость его операций могли вселить уверенность в справедливости его взглядов; он даже обманул капиталистов, впервые показав себя пунктуальным в своих платежах. Он продолжал привлекать займы и после заключения мира и исчерпал кредит, который Неккер предоставил правительству своим мудрым поведением. Дойдя до этого момента, лишив себя ресурса, с самым использованием которого он был не в состоянии справиться, он был вынужден прибегнуть к налогообложению, чтобы продлить свое пребывание у власти. Но к кому он мог обратиться? Люди больше не могли платить, а привилегированные классы ничего не могли предложить. Тем не менее, необходимо было принять решение, и Калонн, больше надеясь на что-то новое, созвал ассамблею нотаблей, которая начала свои заседания в Версале 22 февраля 1787 года. Но обращение к другим должно доказывать конец системы, основанной на расточительности. Служитель, который возвысился, давая, не мог поддерживать себя, прося.

Знатные люди, избранные правительством из высших классов, образовали министерское собрание, которое не имело ни надлежащего существования, ни полномочий. Действительно, чтобы избежать участия в парламентах и генеральных штатах, Калонн обратился к более

подчиненному собранию, надеясь найти его более послушным. Но оно, состоящее из привилегированных лиц, было мало склонно к жертвоприношениям. Это стало еще менее таковым, когда оно увидело бездну, которую выкопала всепожирающая администрация. Оно с ужасом узнало, что займы за несколько лет составили тысячу шестьсот сорок шесть миллионов и что ежегодный дефицит доходов составлял сто сорок миллионов. Это разоблачение стало сигналом к падению Калонна. Он пал, и его сменил Бриенн, архиепископ Санский, его оппонент в ассамблее. Бриенна думала, что большинство знати было предано ему, потому что объединилось с ним против Калонна. Но привилегированные классы были не более расположены приносить жертвы Бриенну, чем его предшественнику; они поддерживали его нападки, которые отвечали их интересам, а не его честолюбию, к которому они были равнодушны.

Архиепископ Санский, которого порицают за отсутствие плана, был не в том положении, чтобы составить его. Ему не позволили продолжать расточительство Калонна, а возвращаться к сокращениям Неккера было слишком поздно. Экономия, которая в прежние времена была средством обеспечения безопасности, в этом отношении уже не была таковой. Необходимо было прибегнуть либо к налогодоборению, чему парламент воспротивился; либо к займам, которые были исчерпаны; либо к жертвам со стороны привилегированных классов, которые не желали на них идти. Бриенн, для которого должность была главным смыслом жизни, который с трудностями своего положения сочетал ограниченность средств, пробовал все и ни в чем не преуспевал. Его ум был активен, но ему не хватало силы, а его характеру не хватало твердости. Смелый, предшествующий действию, но слабый впоследствии, он погубил себя своей нерешительностью, недостатком предусмотрительности и постоянным изменением средств. Оставалось принять только плохие меры, но он не мог решиться ни на одну из них и следовать ей; в этом была его настоящая ошибка.

Собрание знати было мало покорным и очень скудным. Санкционировав учреждение провинциальных собраний, регулирование торговли зерном, отмену барщины и новый гербовый сбор, она распалась 25 мая 1787 года. Она распространила по всей Франции то, что узнала о нуждах трона, ошибках министров, упадке двора и непоправимых страданиях народа.

Бриенне, лишенной этой помощи, пришлось прибегнуть к налогодоборению как к ресурсу, от использования которого на некоторое время отказались. Он потребовал принятия двух указов — о почтовых марках и о территориальных субсидиях. Но парламент, который в то время находился в полном расцвете сил и амбиций и которому финансовые затруднения министерства давали возможность усилить свою власть, отказал в приеме. Сосланный в Труа, он устал от изгнания, и министр отозвал его при условии, что оба эдикта будут приняты. Но это была лишь приостановка военных действий; потребности короны вскоре сделали борьбу более упорной и ожесточенной. Министру пришлось подавать новые заявки на получение денег; его существование зависело от выдачи нескольких последовательных займов на сумму в четыреста сорок миллионов. Необходимо было добиться их зачисления.

Бриенн, ожидая противодействия со стороны парламента, добился принятия этого эдикта *судебной палатой*, и, чтобы примирить магистратуру и общественное мнение, протестанты были восстановлены в своих правах на том же заседании, а Людовик XVI пообещал ежегодно публиковать отчеты о состоянии финансов и созыве генеральных штатов до истечения пяти лет. Но этих уступок было уже недостаточно: парламент отказался от зачисления и восстал против

министерской тирании. Некоторые из его членов, среди прочих герцог Орлеанский, были изгнаны. Парламент своим декретом выразил протест против *lettres de cachet* потребовал отзыва своих членов. Этот указ был отменен королем и утвержден парламентом. Военные действия усилились.

Магистратура Парижа пользовалась поддержкой всей магистратуры Франции и поощрялась общественным мнением. Он провозгласил права нации и свою собственную некомпетентность в вопросах налогообложения; и, став либеральным из-за процентов и став щедрым из-за угнетения, он выступил против произвольного тюремного заключения и потребовал регулярного созыва генеральных штатов. После этого акта мужества он объявил о несменяемости своих членов и некомпетентности любого, кто мог бы узурпировать их функции. За этим смелым манифестом последовал арест двух членов, д'Эпремениля и Гойслара, реформа органа и учреждение пленарного заседания.

Бриенн понимал, что противодействие парламента носит систематический характер, что оно будет возобновляться при каждом новом требовании субсидий или при разрешении каждого займа. Изгнание было всего лишь временным средством, которое приостановило противодействие, но не уничтожило его. Затем он спроектировал сведение этого органа к судебным функциям и привлек к выполнению этого проекта самого Ламуаньона, хранителя печатей. Ламуаньон был опытен в государственных переворотах. Он обладал смелостью и в сочетании с энергичной решимостью Мопе обладал большей степенью осмотрительности и честности. Но он ошибся в отношении силы власти и того, чего можно было добиться в его времена. Мопе восстановил парламент, сменив его членов; Ламуаньон хотел дезорганизовать его. Первое из этих средств, если бы оно увенчалось успехом, привело бы лишь к временному покою; второе должно было привести к окончательному покою, поскольку оно было направлено на уничтожение власти, которую другое только пыталось сместить; но реформа Мопе продлилась недолго, а реформа Ламуаньона не могла быть осуществлена. Казнь последнего, однако, была оформлена сносно. Вся магистратура Франции была сослана в тот же день, чтобы могла состояться новая судебная организация. Хранитель печатей лишил парижский парламент его политических атрибутов, наделив ими пленарный суд в составе министров, и сократил его судебную компетенцию в пользу судебных приставов, юрисдикцию которых он расширил. Общественное мнение было возмущено; Шатле протестовал, провинции восстали, а верховный суд не мог ни быть сформирован, ни действовать. Беспорядки вспыхнули в Дофине, Бретани, Провансе, Фландрии, Лангедоке и Беарне; министерству вместо обычной оппозиции парламента пришлось столкнуться с гораздо более оживленной и фракционной. В нем приняли участие дворянство, третье сословие, провинциальные штаты и даже духовенство. Бриенн, испытывая острую нехватку денег, созвал чрезвычайное собрание духовенства, которое немедленно обратилось к королю с требованием упразднить его верховный суд и отозвать генеральные штаты: только они могли отныне исправить расстроенное состояние финансов, обеспечить государственный долг и положить конец подобным конфликтам властей.

Архиепископ Санский своим противостоянием с парламентом отложил финансовые слушания, создав политические трудности. В тот момент, когда последнее прекратилось, первое появилось вновь и сделало его отступление неизбежным. Не получая ни налогов, ни займов, не имея возможности воспользоваться пленарным заседанием суда и не желая отзываться парламенты, Бриенн в качестве последнего средства пообещал созвать генеральные штаты. Этим он ускорил свое разорение. Его вызвали в финансовый департамент, чтобы устранить

затруднения, которые он усугубил, и раздобыть деньги, которые он не смог получить. Напротив, он вызвал раздражение нации, поднял мятеж в различных органах государственной власти, подорвал авторитет правительства и сделал неизбежным созыв генеральных штатов, что, по мнению суда, было наихудшим средством сбора денег. Он скончался 25 августа 1788 года. Причиной его падения стала приостановка выплаты процентов по долгу, что стало началом банкротства. Этому министра обвиняли больше всего, потому что он пришел последним. Унаследовав недостатки, неловкости прошлых времен, ему пришлось бороться с трудностями своего положения, не имея достаточных средств. Он прибегал к интригам и притеснениям; он изгонял, приостанавливал работу, дезорганизовывал парламент; все было для него препятствием, ничто ему не помогало. После долгой борьбы он пал из-за усталости и слабости; я не смею сказать, из-за неспособности, потому что, будь он намного сильнее и искуснее, будь он Ришелье или Сюлли, он все равно пал бы. Никому больше не принадлежало произвольно собирать деньги или угнетать людей. В свое оправдание следует сказать, что он не создавал того положения, из которого не смог выпутаться; его единственной ошибкой было самонадеянное принятие этого положения. Он пал по вине Калонна, поскольку Калонн воспользовался доверием, внушенным Неккером, для своих щедрых расходов. Один уничтожил кредит, а другой, думая восстановить его силой, уничтожил авторитет.

Генеральные штаты стали единственным средством управления и последним ресурсом трона. Их настойчиво требовали парламент и пэры королевства 13 июля 1787 года; штаты Дофине в ассамблее Визилия; духовенство в его ассамблее в Париже. Провинциальные штаты подготовили общественное сознание к ним, а известные люди были их предшественниками. Король, пообещав 18 декабря 1787 года созвать их через пять лет, 8 августа 1788 года назначил открытие на 1 мая 1789 года. Неккер был отозван, парламент восстановлен, пленарный суд упразднен, судебные приставы уничтожены, провинции удовлетворены; и новый министр подготовил все для выборов депутатов и проведения штатов.

В эту эпоху произошла большая перемена в оппозиции, которая до тех пор была единодушной. При Бриенне министерство столкнулось с противодействием со стороны всех различных государственных органов, поскольку стремилось их подавить. При Неккере это встретило сопротивление со стороны тех же организаций, которые желали власти для себя и угнетения для народа. Из деспотического оно стало национальным, и все они по-прежнему были в равной степени против него. Парламент продолжал борьбу за власть, а не за общественное благо; и дворянство объединилось с третьим сословием скорее против правительства, чем в пользу народа. Каждый из этих органов требовал созыва генеральных штатов: парламент - в надежде управлять ими, как это было в 1614 году; и дворянство - в надежде восстановить свое утраченное влияние. Соответственно, магистратура предложила в качестве образца для генеральных штатов 1789 года форму 1614 года, и общественное мнение отказалось от нее; дворянство отказалось от своего согласия на двойное представительство третьего сословия, и между этими двумя сословиями произошел раскол.

Этого двойного представительства требовали интеллект эпохи, необходимость реформ и значение, которое приобрело третье сословие. Это уже было признано в провинциальных собраниях. Бриенна, прежде чем покинуть министерство, обратилась с призывом к писателям того времени, чтобы узнать, каков был бы наиболее подходящий метод составления и проведения генеральных штатов. Среди произведений, благоприятных для народа, появились знаменитые памфлеты Сийеса о Третьем сословии и д'Антрэга о Генеральных штатах.

Общественное мнение с каждым днем становилось все более решительным, и Неккер, желая, но боясь, удовлетворить его, а также желая согласовать все распоряжения, получить всеобщее одобрение, созвал 6 ноября 1788 года второе собрание нотаблей для обсуждения состава генеральных штатов и выборов их членов. Он думал склонить его принять двойное представительство третьего сословия, но оно отказалось, и он был вынужден решать, несмотря на нотаблей, то, что ему следовало бы решать без них. Неккер был не из тех, кто избегает споров, заранее устраняя все трудности. Он не проявлял инициативы в отношении представительства третьего сословия, как и в более поздний период не проявлял ее в отношении вопроса о голосовании приказами или опросом. Когда были созваны генеральные штаты, решение этого второго вопроса, от которого зависело состояние власти и народа, было предоставлено силе.

Как бы то ни было, Неккер, не сумев заставить нотаблей принять двойное представительство третьего сословия, добился его принятия советом. Королевская декларация от 27 ноября постановила, что депутатов в генеральных штатах должно быть не менее тысячи и что депутаты третьего сословия должны быть равны по численности депутатам дворянства и духовенства вместе взятым. Кроме того, Неккер добился принятия кюре в орден духовенства, а протестантов - в орден третьего сословия. Для выборов были созваны окружные собрания; каждый прилагал все усилия, чтобы добиться выдвижения членов своей партии и составить манифесты, излагающие его взгляды. Парламент имел лишь незначительное влияние на выборы, а суд - вообще никакого. Дворянство выбрало нескольких популярных депутатов, но в основном таких, которые были преданы интересам своего ордена и выступали как против третьего сословия, так и против олигархии знатных придворных семей. Духовенство назначало епископов и аббатов, привязанных к привилегиям, и кюре, благосклонных к народному делу, которое было их собственным; наконец, третье сословие выбирало людей просвещенных, твердых и единомышленников в своих желаниях. Депутация дворянства состояла из двухсот сорока двух джентльменов и двадцати восьми членов парламента; депутация духовенства - из сорока восьми архиепископов или епископов, тридцати пяти аббатов или деканов и двухсот восьми кюре; депутация коммун - из двух священнослужителей, двенадцати дворян, восемнадцати городских судей, двухсот членов графства, двухсот двенадцати адвокатов, шестнадцати врачей и двухсот шестнадцати торговцев и земледельцев. Открытие генеральных штатов было назначено на 5 мая 1789 года.

Так была совершена революция. Суд тщетно пытался предотвратить, как впоследствии и аннулировать ее. Под руководством Морепа король назначал популярных министров и предпринимал попытки реформ; под влиянием королевы он назначал придворных министров и предпринимал попытки добиться власти. Угнетение имело такой же небольшой успех, как и реформы. После тщетных обращений к придворным с просьбой о сокращении налогов, к парламенту - о поборах, к капиталистам - о займах, он искал новых налогоплательщиков и обратился с апелляцией к привилегированным слоям общества. Он потребовал от знати, состоящей из дворян и духовенства, участия в государственных делах, на что они ответили отказом. Затем он впервые обратился ко всей Франции и созвал генеральные штаты. Он обращался к различным организациям нации, прежде чем обращаться к самой нации; и только после отказа первой он обратился от нее к силе, вмешательству и поддержке которой он боялся. Он предпочитал частные собрания, которые, будучи изолированными, неизбежно

оставались второстепенными, общему собранию, представляющему все интересы, которое должно объединять все полномочия. Вплоть до этой великой эпохи с каждым годом потребности правительства возрастали, а сопротивление становилось все более масштабным. Оппозиция перешла от парламентов к знати, от дворянства к духовенству, а от них всех - к народу. По мере того, как каждый из них приходил к власти, начиналась его оппозиция, пока все эти частные оппозиции не сливались воедино или не уступали дорогу национальной оппозиции. Генеральные штаты лишь провозгласили революцию, которая уже сформировалась.

ГЛАВА I

С 5 МАЯ 1789 ГОДА По НОЧЬ На 4 АВГУСТА

5 мая 1789 года было назначено на открытие генеральных штатов. Их установке предшествовала религиозная церемония, состоявшаяся накануне. Король, его семья, его министры, представители трех орденов прошли процессией от церкви Нотр-Дам до церкви Святого Людовика, чтобы послушать вступительную мессу. Мужчины не без энтузиазма восприняли возвращение национальной церемонии, которой Франция была так долго лишена. Все это имело вид фестиваля. Огромное множество людей стекалось со всех концов в Версаль; погода стояла великолепная; они были щедры на пышные украшения. Волнующая музыка, доброе и удовлетворенное выражение лица короля, красота и манеры королевы и, как ничто другое, всеобщая надежда воодушевили каждого. Но на этикет, костюмы и порядок присвоения званий в штатах в 1614 году смотрели с сожалением. Духовенство в сутанах, широких плащах и квадратных шапочках или в фиолетовых мантиях с газонокосилками занимало первое место. Затем появились дворяне, одетые в черные сюртуки с жилетами и отделкой из золотой ткани, кружевные галстуки и шляпы с белыми плюмажами по моде Генриха IV. Скромное третье сословие шло последним, одетое в черное, в короткие плащи, муслиновые галстуки и шляпы без перьев и петель. В церкви между тремя орденами существовало такое же различие по местам.

Королевский сеанс состоялся на следующий день в Зале Меню. Галереи, расположенные в форме амфитеатра, были заполнены зрителями. Депутаты были вызваны и представлены в соответствии с порядком, установленным в 1614 году. Духовенство провели направо, знать - налево, а простолудинов - перед тронем в конце зала. Делегации из Дофине, из Крепи в Валуа, к которому принадлежал герцог Орлеанский, и из Прованса были встречены громкими аплодисментами. Появление Неккера также было встречено с общим энтузиазмом. Общественное благоволение было выражено по отношению ко всем, кто внес свой вклад в созыв генеральных штатов. Когда депутаты и министры заняли свои места, появился король в сопровождении королевы, принцев и блестящей свиты. Зал огласился аплодисментами при его появлении. Когда он вошел, появился Людовик XVI. занял свое место на троне, и когда он надел шляпу, три ордена одновременно прикрылись ею. Палата общин, вопреки обычаю древних государств, без колебаний подражала дворянству и духовенству: время, когда представители третьего сословия должны были оставаться непокрытыми и говорить, стоя на коленях, прошло. Затем речь короля ожидалась в глубоком молчании. Людям не терпелось узнать истинные чувства правительства по отношению к штатам. Преследовало ли это цель уподобить новое собрание древнему или предоставить ему ту роль, которую ему отводили государственные нужды и важность данного события?

"Джентльмены, - взволнованно сказал король, - день, которого я с таким нетерпением ожидал, наконец настал, и я вижу вокруг себя представителей нации, правлением которой я горжусь. Со времени последней сессии генеральных штатов прошло много времени, и хотя созыв этих ассамблей, казалось, вышел из употребления, я без колебаний восстановил обычай, из которого королевство могло бы черпать новую силу и который мог бы открыть для нации новый источник счастья".

За этими словами, которые много обещали, последовали только пояснения относительно долга и объявления об уменьшении расходов. Король, вместо того чтобы мудро указать штатам курс, которому они должны следовать, призвал ордена к объединению, выразил свою нехватку денег, свой страх перед нововведениями и пожаловался на беспокойство общественного мнения, не предложив никаких средств его удовлетворения. Тем не менее, ему очень аплодировали, когда в конце своей речи он произнес следующие слова, которые полностью описывали его намерения: "Все, чего можно ожидать от самого дорогого интереса к общественному благу, все, что можно требовать от государя, первого друга своего народа; вы можете и должны надеяться на мои чувства. Чтобы дух счастливого единения пронизывал это собрание, джентльмены, и чтобы это стало незабываемой эпохой счастья и процветания королевства, - таково желание моего сердца, самое горячее из моих желаний; одним словом, это награда, которой я ожидаю за честность моих намерений и мою любовь к моим подданным".

Следующим выступил Барентин, хранитель печати. Его речь была усилением уважения к генеральным штатам и милостям короля. После долгой преамбулы он, наконец, коснулся темы мероприятия. "Его Величество, - сказал он, - не изменил древнему методу обсуждения, предоставив двойное представительство в пользу самого многочисленного из трех сословий, того, на которое в основном ложится бремя налогообложения. Хотя голосование путем опроса, приводящее лишь к одному результату, по-видимому, имеет то преимущество, что наилучшим образом отражает общее желание, король желает, чтобы эта новая форма была принята только со свободного согласия штатов и одобрения его величества. Но каким бы ни было мнение по этому вопросу, какие бы различия ни были проведены между различными вопросами, которые станут предметами обсуждения, не может быть никаких сомнений в том, что в вопросе налогообложения три ордена объединит самая полная гармония". Правительство не возражало против голосования путем опроса в финансовых вопросах, поскольку это было более оперативно; но в политических вопросах оно высказалось за голосование по приказу, как более эффективную проверку нововведений. Таким образом, она стремилась достичь своей собственной цели, а именно субсидий, и не позволить нации достичь своей цели, которой была реформа. Способ, которым хранитель печатей определял провинцию генеральных штатов, более ясно раскрывал намерения суда. В какой-то мере он свел их к расследованию вопроса о налогообложении, чтобы проголосовать по нему, и к обсуждению закона, касающегося прессы, с целью установления ее ограничений, а также к реформе гражданского и уголовного законодательства. Он запретил все другие изменения и в заключение сказал: "Все справедливые требования были удовлетворены; король не обратил внимания на нескромный ропот; он снисходительно отнесся к ним; он даже простил выражение тех ложных и экстравагантных максим, в угоду которым предпринимались попытки заменить пагубные химеры неизменными принципами монархии. Вы с негодованием отвергнете опасные нововведения, которые враги общественного блага стремятся смешать с необходимыми и счастливыми переменами, которые должно произвести это возрождение и которые составляют первое желание его величества".

Эта речь продемонстрировала слабое знание желаний нации или была направлена на открытую борьбу с ними. Недовольное собрание обратилось к Неккеру, от которого ожидало иного выражения. Он был популярным министром, получил двойное представительство, и все надеялись, что он одобрит голосование путем опроса, единственный способ позволить третьему сословию привлечь к ответственности свои силы. Но он говорил как генеральный контролер и как человек осторожный. Его речь, длившаяся три часа, была затянутой по бюджету; и когда, утомив собрание, он затронул интересующую его тему, то говорил нерешительно, чтобы не связывать себя обязательствами ни с судом, ни с народом.

Правительству следовало бы лучше понять важность генеральных штатов. Восстановление работы этого собрания само по себе возвестило о великой революции. Нация с надеждой ожидала его появления, но оно вновь появилось в эпоху, когда древняя монархия приходила в упадок и когда оно одно было способно реформировать государство и обеспечить потребности королевской семьи. Трудности того времени, характер их миссии, выбор их членов - все говорило о том, что штаты были собраны не как налогоплательщики, а как законодатели. Право на возрождение Франции было предоставлено им общественным мнением, передано им общественными решениями, и они нашли в чудовищности злоупотреблений и общественном поощрении силу взяться за выполнение этой великой задачи.

Королю надлежало присоединиться к их трудам. Таким образом, он смог бы восстановить свою власть и обезопасить себя от эксцессов революции, сам оказав содействие в ее осуществлении. Если бы, возглавив эти перемены, он установил новый порядок вещей твердо, но справедливо; если бы, исполняя желания Франции, он определил права ее граждан, провинцию генеральных штатов и пределы королевской власти; если бы, со своей стороны, он отказался от произвола, неравенства со стороны дворянства и привилегий со стороны различных органов; одним словом, если бы он осуществил все реформы, которых требовало общественное мнение и которые были проведены учредительным собранием, он предотвратил бы роковые разногласия, возникшие впоследствии. . Редко можно встретить принца, готового поделиться своей властью или достаточно просвещенного, чтобы уступить то, что ему придется потерять. И все же Людовик XVI. он бы сделал это, если бы на него меньше влияли окружающие и если бы он следовал велениям своего собственного разума. Но величайшая анархия царила в советах короля. Когда собрались генеральные штаты, не было принято никаких мер, не было принято никакого решения, которое могло бы предотвратить спор. Louis XVI. колебался между своим министерством, которым руководил Неккер, и своим двором, которым руководили королева и несколько принцев из его семьи.

Неккер, удовлетворенный получением представительства третьего сословия, опасался нерешительности короля и недовольства двора. Недостаточно оценивая важность кризиса, который он рассматривал скорее как финансовый, чем социальный, он ждал развития событий, чтобы действовать, и льстил себя надеждой, что сможет направлять эти события, не пытаясь подготовить почву для них. Он чувствовал, что древняя организация государств больше не могла сохраняться; что существование трех порядков, каждый из которых обладал правом отказа, противоречило проведению реформ и прогрессу администрации. Он надеялся, после испытания этой тройной оппозиции, сократить число орденов и добиться принятия английской формы правления, объединив духовенство и дворянство в одной палате, а третье сословие - в другой. Он не предвидел, что, раз начавшись, борьба, его вмешательство будет напрасным; что

полумеры не устроят ни одну из сторон; что слабые из-за упрямства, а сильные из-за страсти выступают против этой системы умеренности. Уступки удовлетворяют только перед победой.

Суд, столь далекий от желания организовать генеральные штаты, стремился аннулировать их. Оно предпочитало случайное сопротивление крупных организаций нации разделению власти с постоянным собранием. Разделение орденов благоприятствовало его взглядам; оно рассчитывало на разжигание их разногласий и, таким образом, препятствовало их действиям. Генеральные штаты так и не добились никакого результата из-за недостатков своей организации; суд надеялся, что он останется прежним, поскольку два первых постановления были менее склонны уступать реформам, которых требовал последний. Духовенство желало сохранить свои привилегии и богатство и ясно предвидело, что жертвы, которые оно должно было принести, были более многочисленными, чем выгоды, которые можно было получить. Дворянство, со своей стороны, хотя и восстановило давно утраченную политическую независимость, осознавало, что ему придется уступить народу больше, чем оно могло бы получить от королевской семьи. Новая революция была почти полностью в пользу третьего сословия, и первые два ордена были вынуждены объединиться с двором против третьего сословия, поскольку совсем недавно они объединились с третьим сословием против двора. Только интерес привел к этой смене партии, и они объединились с монархом без привязанности, поскольку защищали народ, не заботясь об общественном благе.

Не жалели сил, чтобы удержать дворянство и духовенство в таком расположении духа. Депутаты этих двух сословий были объектами благосклонности и соблазнов. Комитет, к которому принадлежали самые выдающиеся личности, заседал у графини де Полиньяк; в него были допущены главные депутаты. Именно здесь были приобретены Де Эпремениль и Де Энтрэг, два самых горячих защитника свободы в парламенте или перед генеральными штатами, которые впоследствии стали ее самыми решительными противниками. Здесь также определялся костюм депутатов разных сословий и предпринимались попытки разделить их, сначала с помощью этикета, затем с помощью интриг и, наконец, силой. При дворе преобладали воспоминания о древних генеральных штатах; он думал, что может регулировать настоящее с помощью прошлого, сдерживать Париж с помощью армии, депутатов третьего сословия - с помощью дворянства, управлять штатами, разделяя ордена, и разделять ордена, возрождая древние обычаи, которые возвышали знать и унижали простолюдинов. Таким образом, после первого заседания предполагалось, что все было предотвращено из-за того, что ничего не было предоставлено.

6 мая, на следующий день после открытия штатов, знать и духовенство разошлись по своим палатам и построились. Третье сословие, будучи из-за своего двойного представительства самым многочисленным сословием, получило в свое распоряжение Государственный зал, и там ожидали два других сословия; оно рассматривало свое положение как временное, своих членов как предполагаемых депутатов и приняло систему бездействия до тех пор, пока другие сословия не присоединятся к нему. Затем началась памятная борьба, исход которой заключался в том, чтобы решить, следует ли осуществить революцию или остановить ее. Будущая судьба Франции зависела от разделения или воссоединения орденов. Этот важный вопрос возник в связи с проверкой полномочий. Народные депутаты очень справедливо утверждали, что это должно быть сделано совместно, поскольку, даже если в объединении орденов было отказано, невозможно было отрицать заинтересованность каждого из них в проверке полномочий других; привилегированные депутаты, напротив, утверждали, что,

поскольку ордена существуют отдельно, проверка должна проводиться соответственно. Они чувствовали, что одно-единственное сотрудничество в будущем сделает невозможным всякое разделение.

Палата общин действовала с большой осмотрительностью, обдуманностью и уравновешенностью. Они достигли своей цели путем последовательных усилий, сопряженных с опасностями, медленного и нерешительного успеха и постоянно возобновляемой борьбы. Систематическое бездействие, которого они придерживались с самого начала, было самым надежным и мудрым курсом; бывают случаи, когда путь к победе заключается в том, чтобы знать, как ее дожидаться. Палата общин была единодушна и одна составляла численную половину генеральных штатов; дворянство имело в своих рядах некоторых популярных инакомыслящих; большинство духовенства, состоявшее из нескольких епископов, сторонников мира и многочисленного класса кюре, третьего сословия церкви, придерживалось настроений, благоприятных для палаты общин. Следовательно, усталость должна была привести к объединению; это было то, на что надеялось третье сословие, чего боялись епископы и что побудило их 13 мая предложить себя в качестве посредников. Но это посредничество было вынужденным и не принесло никакого результата, поскольку дворянство не допускало голосования путем опроса, а палата общин - по приказу. Соответственно, примирительные совещания, напрасно затянувшиеся до 27 мая, были разогнаны дворянством, которое высказалось за раздельную проверку.

На следующий день после этого враждебного решения палата общин решила провозгласить себя ассамблеей нации и пригласила духовенство присоединиться к ним *во имя Бога мира и общего блага*. Суд, встревоженный этой мерой, вмешался с целью возобновления заседаний. Первым уполномоченным, назначенным для целей примирения, было поручено урегулировать разногласия в приказах; министерство обязалось урегулировать разногласия между уполномоченными. Таким образом, государства зависели от комиссии, а у комиссии был совет принцев в качестве арбитра. Но эти новые конференции завершились не более удачно, чем первая. Они упорствовали, ни один из орденов не был готов ни в чем уступить другим, и дворянство в конце концов разогнало их, подтвердив все свои решения.

В бесполезных переговорах уже прошло пять недель. Третье сословие, поняв, что настал момент для его самоорганизации и что более длительное промедление настроит против него нацию и разрушит доверие, которое оно приобрело из-за отказа привилегированных классов сотрудничать с ним, решило действовать и проявило в этом ту же умеренность и твердость, которые оно проявляло во время своего бездействия. Мирабо объявил, что у депутата Парижа есть предложение; и Сийес, физически робкий, но предприимчивый, обладавший большим авторитетом в своих идеях и лучше, чем кто-либо, подходивший для предложения меры, доказал невозможность объединения, срочность проверки, справедливость совместного требования и добился того, что собрание постановило, что дворянство и духовенство должны быть *приглашены* в Государственный зал, чтобы принять участие в проверке, которая состоится, *будут ли они отсутствовать или присутствовать*.

За мерой всеобщей проверки последовала другая, еще более энергичная. Палата общин, прекратив проверку 17 июня по предложению Сийеса, учредила *Национальное собрание*. Этот смелый шаг, посредством которого самый многочисленный орден и единственный, чьи полномочия были легализованы, объявил себя представительством Франции и отказался

признать два других, пока они не будут проверены, определил вопросы, до сих пор не решенные, и превратил ассамблею штатов в ассамблею народа. Система порядков исчезла у политических властей, и это был первый шаг к упразднению классов в частной системе. Этот достопамятный декрет от 17 июня содержал в себе зародыш ночи 4 августа; но было необходимо защитить то, что они осмелились решить, и были основания опасаться, что такая решимость не может быть поддержана.

Первый декрет *Национального собрания* был актом суверенитета. Он поставил привилегированные классы в зависимость от себя, провозгласив неделимость законодательной власти. Суд по-прежнему сдерживался с помощью налогообложения. Собрание объявило незаконность предыдущих сборов, проголосовало за них временно, пока оно продолжало заседать, и прекратило их после своего роспуска; оно восстановило доверие капиталистов, консолидировав государственный долг, и обеспечило нужды народа, назначив комитет по обеспечению существования.

Такая твердость и дальновидность вызвали энтузиазм у нации. Но те, кто руководил судом, видели, что разногласия, возникшие таким образом между орденами, не достигли своей цели и что для достижения ее было необходимо прибегнуть к другим средствам. Они считали, что только королевской власти достаточно, чтобы предписывать продолжение действия приказов, которые оппозиция знати больше не могла поддерживать. Они воспользовались поездкой в Марли, чтобы вывести Людовика XVI из-под влияния благоразумных и миролюбивых советов Неккера и побудить его принять враждебные меры. Этот принц, одинаково доступный как хорошим, так и плохим советам, окруженный двором, преданный партийному духу и умолявший в интересах своей короны и во имя религии остановить пагубный прогресс палаты общин, в конце концов уступил и пообещал все. Было решено, что он должен официально явиться в ассамблею, отменить ее декреты, распорядиться о разделении орденов как конститутивной основы монархии и лично утвердить реформы, которые должны быть проведены генеральными штатами. С этого момента тайный совет возглавлял правительство, действуя уже не тайно, а самым открытым образом. Барентен, хранитель печати, граф д'Артуа, принц де Конде и принц де Конти в одиночку осуществляли согласованные ими проекты. Неккер потерял все свое влияние; он предложил королю план примирения, который мог бы увенчаться успехом до того, как борьба достигла такой степени жестокости, но больше не мог этого делать. Он посоветовал провести еще одно королевское заседание, на котором должно было быть предоставлено право голоса путем опроса в вопросах налогообложения, а также право голоса по приказу остаться в вопросах, представляющих частный интерес и привилегии. За этой мерой, которая была неблагоприятна для палаты общин, поскольку имела тенденцию поддерживать злоупотребления, наделяя дворянство и духовенство правом возражать против их отмены, последовало бы учреждение двух палат для следующих генеральных штатов. Неккер любил полумеры и хотел путем последовательных уступок добиться политических изменений, которые должны были быть осуществлены немедленно. Настал момент предоставить нации все ее права или предоставить ей самой воспользоваться ими. Его проект королевского заседания, и без того недостаточный, был преобразован новым советом в ход государственной политики. Последний думал, что предписания трона запугают ассамблею и что Франция удовлетворится обещаниями реформ. Казалось, никто не подозревал, что худший риск, которому может подвергнуться королевская семья, - это неповиновение.

Меры государственной политики обычно приходят неожиданно и застают врасплох тех, на кого они призваны повлиять. С этим было не так; его подготовка имела тенденцию препятствовать успеху. Опасались, что большинство духовенства признает ассамблею, объединившись с ней; и чтобы предотвратить столь решительный шаг, вместо того, чтобы ускорить королевское заседание, они закрыли Государственный зал, чтобы приостановить работу ассамблеи до дня заседания. Приготовления, ставшие необходимыми из-за присутствия короля, послужили предлогом для этой неумелой и неподобающей меры. В то время Байи председательствовал на собрании. Этот добродетельный гражданин, не ища их, получил все почести зарождающейся свободы. Он был первым президентом собрания, так же как был первым депутатом Парижа и должен был стать его первым мэром. Любимый своей собственной партией, уважаемый своими противниками, он сочетал в себе самые мягкие и просвещенные добродетели, самое мужественное чувство долга. Извещенный хранителем печатей в ночь на 20 июня о приостановлении заседания, он остался верен воле собрания и не побоялся ослушаться суда. В назначенный час на следующий день он отправился в зал заседаний и, обнаружив там вооруженные силы, выразил протест против этого акта деспотизма. Тем временем прибыли депутаты, недовольство росло, все, казалось, были готовы бросить вызов опасностям заседания. Самые возмущенные предлагали отправиться в Марли и провести собрание под окнами короля; один назвал Теннисный корт; это предложение было хорошо принято, и депутаты отправились туда процессией. Байи был во главе; народ с энтузиазмом последовал за ними; даже солдаты вызвались сопровождать их, и там, в пустом зале, депутаты палаты общин, стоя с поднятыми руками и с сердцами, полными своей священной миссии, поклялись, за единственным исключением, не расходиться, пока они не дадут Франции конституцию.

За этой торжественной присягой, принесенной 20 июня в присутствии нации, 22-го последовал важный триумф. Ассамблея, все еще лишенная своего обычного места заседаний, не имея возможности пользоваться теннисным кортом, поскольку принцы наняли его нарочно, чтобы им в этом отказали, собралась в церкви Святого Людовика. На этом заседании большинство духовенства присоединилось к ним в разгар патриотических порывов. Таким образом, меры, принятые для устрашения собрания, укрепили его мужество и ускорили объединение, которому они должны были помешать. Этими двумя отказами суд предвещал знаменитое заседание 23 июня.

Наконец это произошло. Многочисленная охрана окружила зал заседаний генеральных штатов, двери которого были открыты для депутатов, но закрыты для публики. Король прибыл, окруженный пышностью власти; его приняли, вопреки обычаю, в глубоком молчании. Его речь довершила уровень недовольства властным тоном, с которым он диктовал меры, отвергнутые общественным мнением и ассамблеей. Король жаловался на недостаток единства, вызванный самим двором; он порицал поведение собрания, считая его лишь порядком третьего сословия; он отменил его декреты, предписал продлить действие орденов, ввел реформы и определил их пределы; обязал генеральные штаты принять их и пригрозил распустить их и самостоятельно заботиться о благосостоянии королевства, если встретит еще большее противодействие с их стороны. После этой властной сцены, столь неподходящей случаю и противоречащей его сердцу, Людовик XVI. удалился, приказав депутатам разойтись. Духовенство и знать повиновались. Народные избранники, неподвижные, безмолвные и возмущенные, остались сидеть. Они продолжали в таком духе некоторое время, когда Мирабо внезапно нарушил молчание и сказал: "Джентльмены, я признаю, что то, что вы только что услышали, могло бы послужить на благо страны, если бы подарки деспотизма не были всегда опасны. Что это за

оскорбительная диктатура? К помпезности оружия, к осквернению национального храма прибегают, чтобы приказать вам быть счастливыми! Кто отдает этот приказ? Ваш мандат. Кто устанавливает для вас эти непререкаемые законы? Ваш уполномоченный; тот, кто скорее должен был бы получить их от вас, джентльмены, — от нас, облеченных политическим и неприкосновенным священством; одним словом, от нас, от кого только двадцать пять миллионов людей ищут определенного счастья, потому что оно должно быть согласовано, дано и принято всеми. Но свобода ваших дискуссий ограничена; вооруженные силы окружают собрание! Где враги нации? Катилина у наших ворот? Я требую, чтобы, облакая себя своим достоинством, своей законодательной властью, вы замкнулись в религии вашей клятвы. Это не позволяет вам отделяться до тех пор, пока вы не сформируете конституцию".

Церемониймейстер, обнаружив, что собрание не разошлось, подошел и напомнил им о приказе короля.

"Иди и скажи своему хозяину, - крикнул Мирабо, - что мы здесь по приказу народа, и ничто, кроме штыка, не прогонит нас отсюда".

- Сегодня вы тот же, - спокойно добавил Сийес, - кем были вчера. Давайте поразмыслим.

Ассамблея, полная решимости и достоинства, начала прения соответствующим образом. По предложению Камю было решено настаивать на уже принятых постановлениях, а по предложению Мирабо была установлена неприкосновенность членов собрания.

В тот день королевская власть была утрачена. Инициатива в области права и моральной власти перешла от монарха к собранию. Те, кто своими советами спровоцировал это сопротивление, не осмелились наказать его. Неккер, решение об увольнении которого было принято в то утро, вечером был умоляем королевой и Людовиком XVI. остаться на своем посту. Этот министр не одобрил королевское заседание и, отказавшись присутствовать на нем, снова завоевал доверие собрания, которое потерял из-за своих колебаний. Сезон позора стал для него сезоном популярности. Этим отказом он стал союзником ассамблеи, которая решила поддержать его. Каждому кризису нужен лидер, чье имя становится знаменем его партии; пока ассамблея спорила с судом, этим лидером был Неккер.

На первом заседании та часть духовенства, которая объединилась с собранием в церкви Святого Людовика, снова присоединилась к нему; несколько дней спустя к ним присоединились сорок семь представителей знати, среди которых был герцог Орлеанский; и суд был вынужден пригласить дворянство и меньшинство духовенства прекратить инакомыслие, которое отныне было бесполезным. 27 июня обсуждение стало всеобщим. Приказы перестали существовать юридически и вскоре исчезли. Отдельные места, которые они до сих пор занимали в общем зале, вскоре смешались; тщетное преимущество ранга исчезло перед национальной властью.

Суд, после тщетных попыток воспрепятствовать созданию ассамблеи, теперь мог только объединиться с ней, чтобы руководить ее деятельностью. Проявив благоразумие и искренность, она все еще могла бы исправить свои ошибки и заставить забыть о своих нападках. В определенные моменты можно проявлять инициативу в принесении жертв; в другие все, что можно сделать, - это сделать заслугу в том, чтобы принять их. При открытии генеральных штатов король мог бы сам составить конституцию, теперь же он был обязан получить ее от собрания; если бы он подчинился этому положению, он безошибочно улучшил бы его. Но советники

Людовика XVI, оправившись от первого неожиданного поражения, решили прибегнуть к штыку после того, как они потерпели неудачу в борьбе с властью. Они заставили короля предположить, что пренебрежение его приказами, безопасность его трона, соблюдение законов королевства и даже благополучие его народа зависят от того, приведет ли он ассамблею в повиновение; что последнее, заседающее в Версале, недалеко от Парижа, двух городах, решительно выступающих в его пользу, должно быть подчинено силой и перемещено в какое-нибудь другое место или распущено; что необходимо срочно принять эту резолюцию, чтобы остановить работу ассамблеи, и что для ее выполнения необходимо срочно созвать войска, которые могли бы запугать ассамблею и поддерживать порядок в Париже и Версале.

Пока вынашивались эти заговоры, народные депутаты приступили к законодательной работе и подготовили с нетерпением ожидаемую конституцию, с принятием которой, по их мнению, им не следовало больше откладывать. Из Парижа и главных городов королевства посыпались обращения, в которых они поздравляли их с проявленной мудростью и призывали продолжать работу по возрождению Франции. Войска тем временем прибывали в большом количестве; Версаль превратился в лагерь; Государственный зал был окружен стражей, и горожанам отказали во входе. Париж также был окружен различными частями армии, готовыми взять его в осаду или блокаду, в зависимости от обстоятельств. Эти обширные военные приготовления, эшелоны артиллерии, прибывающие с границ, и присутствие иностранных полков, повиновение которых было неограниченным, возвещали о зловещих планах. Население было неспокойно и взволновано, и собрание желало просветить трон относительно своих проектов и добиться вывода войск. По предложению Мирабо 9 июля оно обратилось к королю с твердым, но уважительным обращением, которое оказалось бесполезным. Louis XVI. заявил, что он один должен судить о необходимости сбора или распускания войск, и заверил их, что собравшиеся образуют лишь армию предосторожности для предотвращения беспорядков и защиты собрания. Более того, он предложил собранию перенести его в Нуайон или Суассон, то есть поставить его между двумя армиями и лишить поддержки народа.

Париж был в величайшем волнении; этот огромный город был единодушен в своей преданности ассамблее. Опасности, угрожавшие представителям нации и ей самой, а также нехватка продовольствия подтолкнули ее к восстанию. Капиталисты из интереса и страха банкротства; люди просвещения и все средние классы из патриотизма; люди, движимые нуждой, приписывающие свои страдания привилегированным классам и двору, жаждущие волнений и перемен, - все горячо поддерживали дело революции. Трудно представить себе движение, которое взбудоражило столицу Франции. Оно возникло из покоя и тишины рабства; оно было, так сказать, поражено новизной своего положения и опьянено свободой и энтузиазмом. Пресса будоражила общественное мнение, газеты публиковали дебаты собрания и позволяли публике как бы присутствовать на его заседаниях, а вопросы, обсуждавшиеся в его стенах, обсуждались под открытым небом, на площадях. В частности, именно в Пале-Рояле проводилось столичное собрание. Сад всегда был заполнен толпой, которая казалась постоянной, хотя и постоянно обновлялась. Назначению *трибуны* соответствовал стол, первый попавшийся гражданин становился оратором; там люди распространялись об опасностях, угрожавших стране, и побуждали друг друга к сопротивлению. Уже сейчас по ходатайству Пале-Рояля тюрьмы аббатства были взломаны, и несколько гренадеров французской гвардии, которые были заключены в тюрьму за отказ стрелять в народ, с триумфом освобождены. Эта вспышка не имела никаких последствий; депутация уже ходатайствовала от имени доставленных пленников о защите интересов собрания, которое рекомендовало королю помиловать их. Они вернулись в

тюрьму и получили помилование. Но этот полк, один из самых укомплектованных и храбрых, стал благосклонен к народному делу.

Таково было расположение Парижа, когда двор, разместив войска в Версале, Севре, на Марсовом поле и Сен-Дени, счел себя способным осуществить свой план. Это началось 11 июля с изгнания Неккера и полной реконструкции министерства. Маршал де Бройль, ла Галиссоньер, герцог де ла Вогийон, барон де Бретей и интендант Фулон были назначены на замену Пюисегюру, Монморену, Ла Люзерну, Сен-Присту и Неккеру. Последний получил во время ужина 11 июля записку от короля, предписывавшую ему немедленно покинуть страну. Он очень спокойно закончил обед, не сообщив о смысле полученного заказа, а затем сел в свой экипаж вместе с мадам Неккер, как будто намереваясь поехать в Сент-Омер, и поехал по дороге в Брюссель.

На следующий день, в воскресенье, 12 июля, около четырех часов пополудни в Париже стало известно о позоре и отъезде Неккера. Эта мера была расценена как приведение в исполнение заговора, за приготовлениями к которому так долго наблюдали. За короткое время город пришел в величайшее замешательство; со всех сторон собрались толпы; более десяти тысяч человек стеклись в Пале-Рояль, все пораженные этим известием, готовые ко всему, но не знающие, какую меру предпринять. Камиль Демулен, молодой человек, более смелый, чем остальные, один из обычных ораторов толпы, взобрался на стол с пистолетом в руке и воскликнул: "Граждане, нельзя терять времени; отставка Неккера - это звон по Святому Варфоломею для патриотов! Этой же ночью все швейцарские и немецкие батальоны покинут Марсово поле, чтобы уничтожить нас всех; остался один выход - взяться за оружие!" Эти слова были встречены бурными возгласами одобрения. Он предложил носить кокарды для взаимного признания и защиты. "Должны ли они быть зелеными, - воскликнул он, - цвета надежды; или красными, цвета свободного ордена Цинцинната?" "Зеленый! зеленый!" - закричала толпа. Оратор вышел из-за стола и прикрепил веточку дерева к своей шляпе. Все подражали ему. Каштаны у дворца были почти облетевшими, и толпа в смятении устремила к дому скульптора Курциуса.

Они берут бюсты Неккера и герцога Орлеанского, также распространился слух, что последний будет сослан, и, обернув их крепом, с триумфом несут. Эта процессия проходит по улицам Сен-Мартен, Сен-Дени и Сент-Оноре, увеличиваясь с каждым шагом. Толпа обязывает всех встречных снимать шляпы. Встретив конный патруль, они берут их в качестве сопровождения. Таким образом процессия продвигается к Вандомской площади, и там они дважды обносят два бюста вокруг статуи Людовика XIV. Подходит отряд королевского аллемана и пытается разогнать толпу, но был обращен в бегство градом камней; и толпа, продолжая свой путь, достигает площади Людовика XV. Здесь на них нападают драгуны принца де Ламбеска; после нескольких мгновений сопротивления они приходят в замешательство; носитель одного из бюстов и солдат одного из французских гвардейцев убиты. Толпа рассеивается, часть направляется к набережным, часть возвращается на бульвары, остальные спешат к Тюильри у моста Турнан. Принц де Ламбеск во главе своих всадников с обнаженной саблей преследует их в садах и нападает на безоружную толпу, которая мирно прогуливалась и не имела никакого отношения к процессии. В этой атаке старик ранен саблей; толпа защищается скамьями и устремляется на террасы; возмущение становится всеобщим; раздается клич *К оружию!* вскоре это звучит со всех сторон, в Пале-Рояле и Тюильри, в сити и в предместьях.

Мы уже говорили, что полк французской гвардии был благосклонно расположен к народу: соответственно, ему было приказано оставаться в казармах. Принц де Ламбеск, опасаясь, что она, тем не менее, может принять активное участие, приказал шестидесяти драгунам расположиться перед ее департаментом, расположенным на шоссе д'Антен. Солдаты стражи, и без того недовольные тем, что их держат в качестве пленников, были сильно раздражены при виде этих незнакомцев, с которыми у них была стычка несколько дней назад. Они хотели взяться за оружие, и их офицерам, применявшим попеременно угрозы и мольбы, было очень трудно сдерживать их. Но они больше ничего не хотели слышать, когда несколько их солдат сообщили им о нападении на Тюильри и смерти одного из их товарищей: они схватились за оружие, выломали ворота, выстроились в боевой порядок у входа в казармы и закричали: "*Живите?*" — "Рояль-аллеман". — "Вы за третье сословие?" "Мы за тех, кто нами командует". Тогда французские гвардейцы открыли по ним огонь, убили двух их людей, ранили троих, а остальных обратили в бегство. Затем они быстро продвинулись с примкнутыми штыками к площади Людовика XV. и заняли позицию между Тюильри и Елисейскими полями, народом и войсками, и удерживали этот пост всю ночь. Солдатам Марсова поля немедленно было приказано наступать. Когда они добрались до Елисейских полей, французская гвардия встретила их мушкетными залпами. Они хотели заставить их сражаться, но те отказались: пети-сюиссы были первыми, кто подал этот пример, которому последовали другие полки. Офицеры в отчаянии приказали отступить; войска отступили до Грилье-де-Шайо, откуда вскоре вышли на Марсово поле. Дезертирство французской гвардии и явный отказ даже иностранных войск идти на столицу привели к провалу придворных проектов.

Вечером народ направился в Ратушу и потребовал, чтобы ударили в набат, собрались жители округов и вооружили горожан. Несколько выборщиков собрались в Ратуше и взяли власть в свои руки. Они оказали большую услугу своим согражданам и делу свободы своим мужеством, осмотрительностью и активностью в эти дни восстания; но в первой суматохе восстания им с трудом удалось добиться того, чтобы их слышали. Беспорядки были в самом разгаре; каждый подчинялся только велениям своих собственных страстей. Бок о бок с благожелательно настроенными гражданами находились люди с подозрительным характером, которые искали в восстании только возможности для грабежа и беспорядков. Бандырабочих, нанятых правительством на общественные работы, по большей части без жилья и средств к существованию, сжигали заграждения, наводняли улицы, грабили дома и получили название разбойников. Ночь с 12-го на 13-е число прошла в смятении и тревоге.

Отъезд Неккера, повергший столицу в такое возбуждение, произвел не меньшее впечатление в Версале и на ассамблее. Это вызвало такое же удивление и недовольство. Депутаты отправились ранним утром в Государственный зал; они были мрачны, но их молчание объяснялось скорее возмущением, чем унынием. "На открытии сессии, - сказал один из депутатов, - собрание в скорбном молчании выслушало несколько обращений о соблюдении декретов, более внимательных к своим собственным мыслям, чем к зачитанным обращениям". Начал Мунье; он выступил против увольнения министров, любимых нацией, и выбора их преемников. Он предложил обратиться к королю с требованием отозвать их, указав ему на опасности, связанные с насильственными мерами, на несчастья, которые последуют за использованием войск, и сообщив ему, что ассамблея торжественно выступает против позорного национального банкротства. При этих словах чувства собрания, до сих пор сдерживаемые, вырвались наружу в хлопках в ладоши и криках одобрения. Затем Лалли-Толлендаль, друг Неккера, вышел вперед с печальным видом и произнес длинную и

красноречивую хвалебную речь изгнанному министру. Его слушали с величайшим интересом; его горе откликнулось на горе общественности; дело Неккера теперь стало делом всей страны. Само дворянство встало на сторону представителей третьего сословия, либо считая опасность общей, либо опасаясь навлечь на себя ту же вину, что и двор, если тот не одобрит его поведение, или, возможно, оно подчинится общему порыву.

Благородный депутат, граф де Вирье, подал пример и сказал: "Собравшись для принятия конституции, давайте создадим конституцию; давайте укрепим наши взаимные узы; давайте обновим, утвердим и освятим славные декреты от 17 июня; давайте присоединимся к знаменитой резолюции, принятой 20 числа того же месяца. Давайте все мы, да, все, все объединенные ордена, поклянемся быть верными этим прославленным указам, которые сейчас одни могут спасти королевство". *"Конституция должна быть создана, или нас не будет"*, - добавил герцог де Ларошфуко. Но это единодушие еще более утвердилось, когда собранию стало известно о восстании в Париже, о бесчинствах, последовавших за сожжением заграждений, о собрании избирателей в ратуше, о смятении в столице и о том факте, что граждане были готовы подвергнуться нападению солдат или перебить друг друга. Затем по залу пронесся единый крик: "Пусть исчезнет воспоминание о наших сиюминутных разногласиях! Давайте объединим наши усилия для спасения страны!" К королю немедленно была отправлена депутация в составе восьмидесяти человек, среди которых были все депутаты Парижа. Архиепископ Вьенский, президент собрания, возглавлял ее. Оно должно было сообщить королю об опасностях, угрожавших столице, о необходимости отослать войска и доверить заботу о городе гражданскому ополчению; и если оно получит эти требования от короля, в Париж должна быть отправлена депутация с утешительными известиями. Но вскоре участники вернулись с неудовлетворительным ответом.

Теперь ассамблея увидела, что она должна полагаться только на себя и что проекты суда были окончательно утверждены. Отнюдь не обескураженный, он только стал более твердым и немедленно единогласно проголосовал указ, провозглашающий ответственность нынешних министров короля и всех его советников, *какого бы ранга они ни были*; он также вынес вотум сожаления по поводу Неккера и других опальных министров; он постановил, что не перестанет настаивать на распуске войск и создании ополчения граждан; он поставил государственный долг под защиту чести Франции и придерживался всех своих предыдущих указов. После этих мер он принял последнюю, не менее необходимую; опасаясь, что Государственный зал может быть ночью занят вооруженными силами с целью разгона собрания, он решил заседать постоянно до дальнейших распоряжений. Было решено, что часть членов совета будет сидеть всю ночь, а другая сменит их рано утром. Чтобы избавить почтенного архиепископа Вьенского от утомления постоянным президентством, был назначен вице-президент для замещения его в этих чрезвычайных случаях. Лафайет был избран председательствовать на ночных заседаниях. Оно прошло без прений; депутаты остались на своих местах, соблюдая тишину, но внешне спокойные и безмятежные. Именно благодаря этим мерам, этому выражению общественного сожаления, этим декретам, этому единодушному энтузиазму, этому неизменному здравому смыслу, этому негибкому поведению ассамблея постепенно поднялась до уровня, соответствующего ее опасностям и ее миссии.

13-го числа восстание в Париже приняло более регулярный характер. Ранним утром население стекалось к Ратуше; там и во всех церквях били в набат, а на улицах били в барабаны, созывая горожан вместе. Вскоре общественные места были переполнены. Были сформированы отряды

под названиями "добровольцы Пале-Рояля", "добровольцы Тюильри", "Бастоша" и "Аркебузы". Округа собрались, и каждый из них проголосовал за двести человек для его защиты. Не хватало только оружия, и его жадно искали везде, где была хоть какая-то надежда его найти. Все, что можно было найти у оружейников и фехтовальщиков, было изъято, владельцам были отправлены квитанции. Они обратились за оружием в Отель де Виль. Избиратели, которые все еще были в сборе, напрасно отвечали, что у них их нет; они настаивали на том, чтобы они были. Затем избиратели послали главу города г-на де Флесселя, прево маршана, который один знал о военном положении столицы и чей народный авторитет обещал оказать большую помощь в этой сложной ситуации. Толпа встретила его громкими аплодисментами: "*Друзья мои*, - сказал он, - *я ваш отец; вы будете довольны*". В отеле Hôtel de Ville был сформирован постоянный комитет для принятия мер по обеспечению общей безопасности.

Примерно в то же время было объявлено, что Дом лазаристов, в котором хранилось большое количество зерна, был разграблен; что Гард-Мебль был взломан, чтобы приобрести старое оружие, и что оружейные мастерские были разграблены. Со стороны толпы ожидалось величайшие эксцессы; она дала волю своей ярости, и, казалось, было трудно совладать с ней. Но это был момент энтузиазма и бескорыстия. Толпа сама разоружила подозреваемых; зерно, найденное у Лазаристов, было вывезено в Галле; ни один дом не был разграблен, а экипажи, наполненные провизией, мебелью и утварью, остановленные у городских ворот, были доставлены на Гревскую площадь, которая превратилась в обширный склад. Здесь толпа увеличивалась с каждой минутой, раздавались крики *Оружие!* Было уже около часа дня. Затем глава купечества объявил о немедленном прибытии двенадцати тысяч ружей с мануфактуры Шарлевиля, за которыми вскоре последуют еще тридцать тысяч.

Это на некоторое время успокоило народ, и комитет получил возможность спокойно выполнять свою задачу по организации народного ополчения. Менее чем за четыре часа план был составлен, обсужден, принят, напечатан и провозглашен. Было решено, что численность парижской гвардии до дальнейших распоряжений должна быть увеличена до сорока восьми тысяч человек. Всем гражданам было предложено назвать свои имена; в каждом округе был свой батальон; в каждом батальоне были свои командиры; командование этой армией граждан было предложено герцогу д'Омону, которому потребовалось двадцать четыре часа, чтобы принять решение. Тем временем маркиз де ла Саль был назначен заместителем командующего. Затем зеленую кокарду заменили на синюю и красную, которые были цветами города. Вся эта работа заняла несколько часов. Округа выразили свое согласие с мерами, принятыми постоянным комитетом. Клерки Шатле, служащие Дворца, студенты-медики, солдаты стражи и, что было еще более ценно, французская гвардия предложили свои услуги собранию. Начали формироваться патрули, которые расхаживали по улицам.

Люди с нетерпением ждали исполнения обещания главы купечества, но оружие так и не прибыло; приближался вечер, и они опасались, что ночью снова начнется атака войск. Они подумали, что их предали, когда услышали о попытке тайно вывезти из Парижа почти пятьдесят тонн пороха, которые были перехвачены людьми у заграждений. Но вскоре после этого прибыло несколько ящиков с надписью "*Артиллерия*". При этом зрелище суматоха улеглась; ящики были препровождены в Ратушу, поскольку предполагалось, что в них находится оружие, которое ожидалось получить из Шарлевиля. Когда их вскрыли, в них оказалось старое белье и куски дерева. Со всех сторон раздались крики о предательстве, смешанные с ропотом и угрозами в адрес комитета и главы купечества. Последний извинился, заявив, что его обманули, и, чтобы

выиграть время или избавиться от толпы, послал их в Шартре за оружием. Не найдя там никого, толпа вернулась, разъяренная и недоверчивая. Тогда комитет пришел к выводу, что нет другого способа вооружить Париж и отвести подозрения от народа, кроме как выковать пики, и соответственно отдал приказ немедленно изготовить пятьдесят тысяч копий. Чтобы избежать эксцессов предыдущей ночи, город был освещен, и патрули маршировали по нему во всех направлениях.

На следующий день люди, которые не смогли получить оружие накануне, пришли рано утром, чтобы попросить его у комитета, обвиняя его в отказе и неудачах предыдущего дня. Комитет напрасно посылал за ними; из Шарлевиля ничего не прибыло, в Шартре тоже ничего нельзя было найти, а сам арсенал был пуст.

Толпа, более не удовлетворенная оправданиями и более чем когда-либо убежденная в том, что ее предали, всей массой устремилась к Дому инвалидов, где находился значительный склад оружия. Оно не проявило страха перед войсками, расположенными на Марсовом поле, ворвалось в отель, несмотря на мольбы губернатора г-на де Сомбрейля, обнаружило двадцать восемь тысяч ружей, спрятанных в подвалах, захватило их, забрало все сабли, шпаги и пушки и с триумфом унесло их. Пушки были установлены у входа в предместья, во дворце Тюильри, на набережных и мостах для защиты столицы от вторжения войск, которого ожидали с минуты на минуту.

Даже в то же утро была объявлена тревога, что полки, расквартированные в Сен-Дени, выступили в поход и что пушки Бастилии были направлены на улицу Сент-Антуан. Комитет немедленно направил войска для установления истины; назначил отряды граждан для защиты этой части города и направил депутацию к коменданту Бастилии с просьбой отвести пушки и не предпринимать никаких враждебных действий. Эта тревога, вместе с ужасом, который внушала эта крепость, ненавистью к злоупотреблениям, которые она прикрывала, важностью владения таким выдающимся пунктом и того, чтобы не оставить его во власти врага в момент восстания, привлекли внимание населения в этом направлении. С девяти утра до двух единственным объединяющим словом по всему Парижу было "а-ля Бастилия! à la Bastille!" Горожане спешили туда группами со всех сторон, вооруженные ружьями, пиками и саблями. Толпа, уже окружившая его, была значительной; часовые крепости стояли на своих постах, а разводные мосты подняты, как на войне.

Депутат округа Сен-Луи-де-ла-Культура по имени Тюрио де ла Розьер попросил о переговорах с губернатором Де Лоне. Когда его допустили к нему, он попросил его изменить направление выстрела. Губернатор ответил, что пушки всегда стояли на башнях и не в его власти было сдвинуть их с места; но в то же время, услышав о тревоге, охватившей парижан, он приказал отодвинуть их на несколько шагов и вынуть из иллюминаторов. С некоторым трудом Тюрио получил разрешение продолжить осмотр крепости и проверить, действительно ли ее состояние было таким удовлетворительным для города, каким представлял его губернатор. Продвигаясь вперед, он заметил три орудия, направленные на улицы, ведущие к открытому пространству перед крепостью, и готовые смести тех, кто мог бы попытаться напасть на нее. Около сорока швейцарцев и восьмидесяти инвалидов были вооружены. Тюрио призвал их, а также персонал заведения, во имя чести и своей страны не действовать как враги народа. И офицеры, и солдаты поклялись, что не применяют свое оружие, если на них не нападут. Затем Тюрио поднялся на башни и увидел толпу, собирающуюся со всех сторон, и жителей Сент-Антуанского предместья,

которые поднимались всей массой. Толпа снаружи, не видя его возвращения, уже требовала его с большим шумом. Чтобы удовлетворить народ, он появился на парапете крепости и был встречен громкими аплодисментами в садах арсенала. Затем он вернулся к своим спутникам и, проинформировав их о результатах своей миссии, направился в комитет.

Но теперь нетерпеливая толпа требовала сдачи Бастилии. Время от времени раздавались крики: "Бастилия! мы возьмем Бастилию!" Наконец двое мужчин, более решительных, чем остальные, выскочили из толпы, запрыгнули на караульное помещение и ударили тяжелыми топорами по цепям подъемного моста. Солдаты кричали им, чтобы они отошли, и угрожали открыть огонь; но они продолжали наносить удары, им удалось разорвать цепи и опустить мост, а затем они бросились по нему, сопровождаемые толпой. Таким образом, они продвинулись вперед, чтобы перерезать цепи второго моста. Теперь гарнизон разогнал их выстрелом из ружей. Однако они возобновили атаку, и в течение нескольких часов их усилия были ограничены вторым мостом, подход к которому защищался непрерывным огнем из крепости. Толпа, разъяренная этим упорным сопротивлением, пыталась взломать ворота топорами и поджечь караульное помещение. Со стороны гарнизона раздался убийственный залп картечи, и многие из осаждавших были убиты и ранены. Они стали только более решительными, и, поддержанные смелостью и решимостью двух храбрецов, Эли и Хулина, которые были у них во главе, они с яростью продолжили атаку.

Комитет Ратуши был в состоянии сильного беспокойства. Осада Бастилии казалась им весьма опрометчивым предприятием. Они постоянно получали сведения о бедствиях, которые происходили перед крепостью. Они колебались между страхом перед войсками, если те окажутся победителями, и страхом перед толпой, которая требовала боеприпасов для продолжения осады. Поскольку они не могли отдать то, чем не обладали, толпа кричала о предательстве. Комитет отправил две депутации с целью прекратить военные действия и предложить губернатору доверить охрану этого места горожанам; но среди суматохи, криков и стрельбы они не могли быть услышаны. Был послан третий, несший барабан и знамя, чтобы его было легче отличить, но ему повезло не больше: ни одна из сторон ничего не желала слушать. Собрание в Ратуше, несмотря на все его усилия и активность, все еще вызывало подозрения населения. Особенно большое недоверие вызывал мэр купцов. "Он уже несколько раз обманывал нас в течение дня", - сказал один. "Он говорит, - сказал другой, - о рытье траншеи; он только хочет выиграть время, заставить нас потерять наше". Тогда какой-то старик закричал: "Товарищи, почему вы слушаете предателей? Вперед, за мной! Менее чем через два часа Бастилия будет взята!"

Осада длилась более четырех часов, когда прибыли французские гвардейцы с пушками. Их прибытие изменило вид боя. Сам гарнизон умолял губернатора уступить. Несчастный Де Лоне, страшась ожидавшей его участи, хотел взорвать крепость и похоронить себя под ее развалинами и развалинами предместья. В отчаянии он направился к пороховому складу с зажженной спичкой. Гарнизон остановил его, поднял белый штандарт на платформе и поменял местами орудия в знак мира. Но нападавшие все еще продолжали сражаться и наступать, крича: "Опустите мосты!" Швейцарский офицер с зубчатой стены предложил капитулировать, получив разрешение удалиться из здания с боевыми почестями. "Нет! нет!" - кричала толпа. Тот же офицер предложил сложить оружие под обещание сохранить их жизни. "Опустите мост, - ответил первый из нападавших, - вы не пострадаете". После этого заверения ворота были открыты, мост опущен, и толпа ворвалась в Бастилию. Те, кто руководил толпой, хотели спасти

от ее мести губернатора, швейцарских солдат и инвалидов; но крики "Сдавайтесь! сдавайтесь! они стреляли в своих сограждан, они заслуживают того, чтобы их повесили!" - раздавалось со всех сторон. Губернатор, несколько швейцарских солдат и инвалидов были оторваны от защиты тех, кто пытался защитить их, и преданы смерти неумолимой толпой.

Постоянный комитет ничего не знал о результатах боя. В зал заседаний ворвалась разъяренная толпа, которая угрожала главе купечества и выборщикам. Флессель начал беспокоиться о своем положении; он был бледен и взволнован. Подвергаясь самым жестоким упрекам и угрозам, они заставили его перейти из зала комитета в зал генеральной ассамблеи, где собралась огромная толпа граждан. "Пусть он идет; пусть он следует за нами", - раздавалось со всех сторон. "Это уж слишком!" - возразил Флессель. "Давайте пойдем, раз они этого требуют; давайте пойдем туда, где меня ждут". Едва они достигли большого зала, как внимание толпы привлекли крики на Гревской площади. Они услышали крики "Победа! победа! свобода!" Это возвестило о прибытии завоевателей Бастилии. Вскоре они сами вошли в зал с самой шумной и устрашающей помпой. Наиболее отличившихся провезли с триумфом, увенчанных лаврами. Их сопровождали более полутора тысяч человек с горящими глазами и растрепанными волосами, со всевозможными видами оружия, которые давили друг на друга так, что пол прогибался у них под ногами. Один нес ключи и штандарт Бастилии; другой прикрепил к штыку ее устав; третий с ужасающим варварством поднял окровавленной рукой пряжку губернаторского жезла. Во время этого парада процессия победителей Бастилии, сопровождаемая огромной толпой, заполонившей набережные, вошла в зал ратуши, чтобы сообщить комитету о своем триумфе и решить судьбу выживших заключенных. Некоторые хотели оставить это на усмотрение комитета, но другие кричали: "Нет пощады заключенным! Нет пощады людям, которые стреляли в своих сограждан!" Ла Саллю, коменданту, курфюрсту Моро де Сен-Мери и храброму Эли удалось умиротворить толпу и добиться всеобщей амнистии.

Теперь настала очередь несчастного Флесселя. Говорят, что письмо, найденное у Де Лоне, доказало предательство, в котором его подозревали. "Я развлекаю парижан, - писал он, - кокардами и обещаниями. Продержитесь до вечера, и вы получите подкрепление". Толпа поспешила к его кабинету. Более умеренные требовали, чтобы он был арестован и заключен в Шатле; но другие выступали против этого, говоря, что его следует препроводить в Пале-Рояль и там судить. Это решение вызвало всеобщее удовлетворение. - В Пале-Рояль! В Пале-Рояль! - раздавалось со всех сторон. "Что ж, пусть будет так, господа, - невозмутимо ответил Флессель, - пойдемте в Пале-Рояль". С этими словами он спустился по ступенькам, прошел сквозь толпу, которая расступилась, чтобы дать ему дорогу, и последовала за ним, не оказав ему никакого насилия. Но на углу набережной Пеллетье незнакомец бросился вперед и убил его выстрелом из пистолета.

После этих сцен войны, суматохи, споров и мести парижане, опасаясь, судя по некоторым перехваченным письмам, что ночью будет предпринято нападение, приготовились встретить врага. Все население участвовало в работах по укреплению города; они возводили баррикады, открывали укрепления, немощеные улицы, ковали пики и отливали пули. Женщины таскали камни на крыши домов, чтобы раздавить проходящих мимо солдат. Национальная гвардия была распределена по постам; Париж, казалось, превратился в огромную литейную мастерскую и обширный лагерь, и всю ночь они провели при оружии, ожидая начала конфликта.

В то время как восстание в Париже приняло такой жестокий, постоянный и серьезный характер, что происходило в Версале? Двор готовился осуществить свои планы против столицы и ассамблеи. Для их казни была назначена ночь на 14-е число. Барон де Бретей, стоявший во главе министерства, пообещал восстановить королевскую власть в течение трех дней. Маршал де Бройль, командующий армией, собранной вокруг Парижа, получил неограниченные полномочия всех видов. 15-го числа декларация от 23 июня должна была быть возобновлена, и король, вынудив ассамблею принять ее, должен был распустить ее. Сорок тысяч экземпляров этой декларации были готовы к распространению по всему королевству; и для удовлетворения насущных потребностей казначейства было выпущено более ста миллионов бумажных денег. Движение в Париже не только не выступило против решения суда, но и поддержало его взгляды. До последнего момента оно смотрело на это как на мимолетное восстание, которое легко подавить; оно не верило ни в его упорство, ни в его успех, и ему казалось невозможным, чтобы город, состоящий из горожан, мог противостоять армии.

Ассамблея была проинформирована об этих проектах. В течение двух дней она заседала без перерыва, пребывая в состоянии сильного беспокойства. Он не знал о большей части того, что происходило в Париже. В одно время было объявлено, что восстание носит всеобщий характер и что весь Париж марширует на Версаль; затем, что войска наступают на столицу. Им показалось, что они слышат выстрелы, и они приложили уши к земле, чтобы убедиться в этом. Вечером 14-го было объявлено, что король намеревается уехать ночью и что собрание будет предоставлено на милость иностранных полков. Эта последняя тревога была небезосновательной. Карета и лошади были наготове, а телохранитель несколько дней оставался в сапогах. Кроме того, в Оранжерее происходили по-настоящему тревожные происшествия; войска готовились и воодушевлялись к походу раздачей вина и поощрениями. Все говорило о том, что наступил решающий момент.

Несмотря на приближающуюся и возрастающую опасность, собрание было непоколебимо и настаивало на своих первых резолюциях. Мирабо, который сначала потребовал распустить войска, теперь организовал еще одну депутацию. Оно уже было готово к отправлению, когда виконт де Ноай, депутат, только что прибывший из Парижа, сообщил собранию о ходе восстания, разграблении домов инвалидов, вооружении народа и осаде Бастилии. Вимпфен, другой депутат, добавил к этому рассказу об опасностях, которым подвергся лично он, и заверил их, что ярость населения возрастает вместе с грозящей ему опасностью. Ассамблея предложила учредить службу курьеров, которые будут доставлять им разведданные каждые полчаса.

М. М. Ганиль и Банкаль-де-Иссар, отправленные комитетом в Отель-де-Иссар в качестве депутации в ассамблею, подтвердили все, что они только что слышали. Они сообщили им о мерах, принятых избирателями для обеспечения порядка и обороны столицы; о бедствиях, которые произошли перед взятием Бастилии; о бесполезности депутатий, отправленных к губернатору, и сообщили им, что огонь гарнизона окружил крепость с убитыми. При этом известии в собрании поднялся крик негодования, и немедленно была отправлена вторая депутация, чтобы сообщить эти печальные вести королю. Первый вернулся с неудовлетворительным ответом; было уже десять вечера. Король, узнав об этих катастрофических событиях, которые, казалось, предвещали другие, еще более страшные, казался взволнованным. Борясь с ролью, которую его вынудили принять, он сказал депутатам: "Вы все больше и больше разрываете мое сердце ужасными известиями, которые вы приносите

о несчастьях Парижа. Невозможно предположить, что приказы, отданные войскам, являются причиной этих катастроф. Вы знакомы с ответом, который я вернул первой депутации; мне нечего к нему добавить. "Этот ответ состоял из обещания, что войска на Марсовом поле будут отосланы из Парижа, и приказа, данного генералам, принять командование гвардией граждан. Таких мер было недостаточно, чтобы исправить опасное положение, в которое были поставлены люди; и это не удовлетворило ассамблею и не придало ей уверенности.

Вскоре после этого депутаты д'Ормессон и Дюпор объявили собранию о взятии Бастилии и гибели Де Лоне и Флесселя. Было предложено отправить третью депутацию к королю с мольбой о выводе войск. "Нет, - сказал Клермон Тоннер, - оставьте им ночь для консультаций; короли должны приобретать опыт так же, как и другие люди". Так собрание провело ночь. На следующее утро была назначена другая депутация, чтобы сообщить королю о несчастьях, которые последуют за более длительным отказом. Когда Мирабо уже собирался тронуться в путь, он остановил его: "Скажите ему, - воскликнул он, - что орды чужеземцев, окруживших нас, получили вчера визиты, ласки, увещевания и подарки от принцев, принцесс и фаворитов; скажите ему, что ночью эти иностранные сателлиты, объевшиеся золотом и вином, предсказывали в своих нечестивых песнях покорение Франции и призывали к разгрому национального собрания; скажите ему, что в его собственном дворце придворные танцевали под звуки этой варварской музыки и что такова была прелюдия к свадьбе. резня святого Варфоломея! Скажи ему, что Генрих его предков, которого он хотел взять за образец, память о котором чтят все народы, отправил провизию в взбунтовавшийся Париж, когда сам осаждал город, в то время как дикие советники Людовика высылают зерно, которое торговля доставляет в Париж верным и голодающим".

Но в этот момент в собрание вошел король. Герцог де Лианкур, воспользовавшись доступом, который давало ему звание магистра мантий, ночью сообщил королю о дезертирстве французской гвардии, а также о нападении и взятии Бастилии. Услышав эту новость, о которой его советники держали его в неведении, монарх с удивлением воскликнул: "Это восстание!" - "Нет, сир! это настоящая революция". Этот выдающийся гражданин рассказал ему об опасности, которой подвергали его планы двора, о страхах и раздражении народа, о недовольстве войск, и он решил предстать перед собранием, чтобы рассказать им о своих намерениях. Новость поначалу вызвала бурю радости. Мирабо объяснил своим коллегам, что не подобает предаваться преждевременным аплодисментам. "Давайте подождем, - сказал он, - пока его величество не объявит о добрых намерениях, которых мы привыкли ожидать от него. В Париже течет кровь наших братьев. Пусть печальное уважение будет первым приемом, оказанным королем представителями несчастного народа: молчание народа - урок королей".

К собранию вернулось мрачное настроение, которое не покидало его в течение трех предыдущих дней. Король вошел без охраны, в сопровождении только своих братьев. Сначала его встретили глубоким молчанием; но когда он сказал им, что *один с нацией* и что, полагаясь на любовь и верность своих подданных, он приказал войскам покинуть Париж и Версаль; когда он произнес трогательные слова — *Eh bien, c'est moi qui me fie à vous*, последовали всеобщие аплодисменты. Собравшиеся спонтанно поднялись и проводили его обратно в замок.

Это известие вызвало ликование в Версале и Париже, где успокоенные люди внезапно перешли от враждебности к благодарности. Louis XVI. придя таким образом в себя, он почувствовал важность личного умиротворения столицы, возвращения любви народа и, таким

образом, умиротворения народной власти. Он объявил собранию, что отзывает Неккера и на следующий день отправляется в Париж. Собрание уже назначило депутацию из ста человек, которая отправилась в столицу раньше короля. Это было воспринято с энтузиазмом. Были назначены Байи и Лафайет, которые входили в его состав, бывший мэр Парижа, последний главнокомандующий гражданской гвардией. Байи был обязан этим вознаграждением своему долговому и трудному председательствованию в ассамблее, а Лафайет - своему славному и патриотическому поведению. Друг Вашингтона и один из главных поборников независимости Америки, он по возвращении в свою страну первым произнес название генеральных штатов, присоединился к ассамблее вместе с меньшинством дворянства и с тех пор зарекомендовал себя одним из самых ревностных сторонников революции.

27-го числа новые магистраты отправились встречать короля во главе муниципалитета и парижской гвардии. "Сир, - сказал Байи, - я привез вашему величеству ключи от вашего славного города Парижа; это те же самые ключи, которые были вручены Генриху IV; он вернул себе свой народ; теперь народ вернул себе своего короля". С площади Людовика XV. направляясь к Ратуше, король прошел через двойную линию национальной гвардии, выстроенной в шеренги глубиной в три-четыре человека и вооруженной ружьями, пиками, копьями, косами и посохами. Их лица все еще были мрачны; и не было слышно никаких криков, кроме часто повторяемого крика "Да здравствует нация!" Но когда Людовик XVI. когда он вышел из кареты, получил из рук Байи трехцветную кокарду и, окруженный толпой без охраны, уверенно вошел в Ратушу, со всех сторон раздались крики "Да здравствует король!". Примирение было полным; Людовик XVI. получил самые сильные знаки внимания. Одоблив выбор народа относительно новых магистратов, он вернулся в Версаль, где испытывал некоторое беспокойство за успех своего путешествия из-за предшествующих неприятностей. Национальное собрание встретило его наавеню де Пари; оно провожало его до замка, где королева и ее дети бросились в его объятия.

Министры, выступавшие против революции, и все авторы неудачных проектов удалились от двора. Граф д'Артуа и двое его сыновей, принц де Конде, принц де Конти и семья Полиньяк в сопровождении многочисленного кортежа покинули Францию. Они поселились в Турине, где к графу д'Артуа и принцу де Конде вскоре присоединился Калонн, который стал их агентом. Так началась первая эмиграция. Принцам-эмигрантам недолго пришлось разжигать гражданскую войну в королевстве и формировать европейскую коалицию против Франции.

Неккер вернулся с триумфом. Это был прекраснейший момент в его жизни; мало у кого были такие моменты. Министр нации, опозоренный за это и отозванный из-за этого, он был встречен по дороге из Беля в Париж всеми проявлениями общественной благодарности и радости. Его въезд в Париж был днем праздника. Но день, поднявший его популярность до пика, положил этому конец. Толпа, все еще разъяренная против всех, кто участвовал в заговоре 14 июля, с безжалостной жестокостью предала смерти Фулона, предполагаемого министра, и его племянника Бертье. Возмущенный этими казнями, опасаясь, что жертвами могут стать другие, и особенно желая спасти барона де Безенваля, командующего парижской армией под командованием маршала де Бройля, и находящегося в заключении заключенного, Неккер потребовал всеобщей амнистии и добился ее от собрания выборщиков. Этот шаг был очень опрометчивым в момент энтузиазма и недоверия. Неккер не знал людей; он не знал, как легко они подозревают своих вождей и разрушают своих кумиров. Они думали, что он хотел защитить их врагов от наказания, которому они подверглись; округа собрались, законность амнистии,

объявленной несанкционированным собранием, подверглась яростным нападкам, и сами выборщики отменили ее. Без сомнения, было целесообразно утихомирить гнев народа и рекомендовать ему проявить милосердие; но вместо того, чтобы требовать освобождения обвиняемых, следовало обратиться в трибунал, который вывел бы их из-под кровавой юрисдикции толпы. В некоторых случаях то, что кажется наиболее гуманным, на самом деле таковым не является. Неккер, ничего не добившись, возбудил народ против себя, а округа - против выборщиков; с этого времени он начал борьбу против революции, хозяином которой, поскольку он был на мгновение ее героем, он надеялся стать. Но отдельный человек не имеет большого значения во время революции, поднимающей массы; это обширное движение либо увлекает его за собой, либо топчет ногами; он должен либо предшествовать, либо уступить. Никогда еще подчинение людей обстоятельствам не проявлялось так ясно: в революциях задействовано много лидеров, и когда они подчиняются, то только одному.

Последствия 14 июля были огромны. Движение Парижа распространилось на провинции; сельское население, подражая населению столицы, организовалось во всех направлениях в муниципалитеты для целей самоуправления и в отряды национальной гвардии для самообороны. Власть и сила были полностью вытеснены; королевская власть потеряла их в результате своего поражения, нация приобрела их. Только новые магистраты были могущественны, только им подчинялись; их предшественникам всецело не доверяли. В городах люди восстали против них и против привилегированных классов, которых они, естественно, считали врагами произошедших перемен. В сельской местности были сожжены замки, а крестьяне сожгли документы о праве собственности своих лордов. В момент победы трудно не злоупотребить властью. Но чтобы успокоить народ, необходимо было уничтожить злоупотребления, чтобы он, стремясь избавиться от них, не путал привилегии с собственностью. Классы исчезли, произвол власти был уничтожен; вместе с ними должна быть подавлена и их старая принадлежность - неравенство. Так должно было происходить установление нового порядка вещей, и эти предварительные приготовления были делом одной ночи.

Ассамблея обратилась к народу с воззваниями, призванными восстановить спокойствие. Шатле был создан суд для суда над заговорщиками 14 июля, и это также способствовало восстановлению порядка, удовлетворив толпу. Оставалось выполнить важную меру - отменить привилегии. В ночь на 4 августа виконт де Ноай подал сигнал к этому. Он предложил выкуп феодальных прав и отмену личного рабства. С этого движения начались жертвы всех привилегированных классов; между ними возникло соперничество патриотизма и публичных жертвоприношений. Энтузиазм стал всеобщим; через несколько часов был издан указ о прекращении всех злоупотреблений. Герцог дю Шатле предложил выкуп десятины и преобразование ее в денежный налог; епископ Шартрский - отмену законов об охоте; граф де Вирье - закон о защите голубей. Последовательно предлагалась и проводилась отмена сеньориальных судов, купли-продажи должностей в магистратуре, денежных иммунитетов, фаворитизма в налогообложении, дополнительных денег, первых плодов, множественности и незаслуженных пенсий. После жертв, принесенных отдельными людьми, пришли жертвы тел, городов и провинций. Компании и гражданские свободы были отменены. Маркиз де Блакон, депутат от Дофине, от имени своей провинции торжественно отрекся от ее привилегий. Другие провинции последовали примеру Дофине, а города - примеру провинций. В ознаменование

этого дня была отчеканена медаль, и ассамблея приняла решение в пользу Людовика XVI. титул *Восстановителя французской свободы*.

Та ночь, которую враг революции назвал в то время святым Варфоломеем собственности, была всего лишь святым Варфоломеем злоупотреблений. Она смела мусор феодализма; она избавила людей от остатков рабства, собственность - от сеньориальных обязательств; от опустошительной охоты и взимания десятины. Уничтожив сеньориальные суды, этот остаток частной власти, он привел к установлению принципа публичной власти; положив конец покупным должностям в магистратуре, он открыл перспективу некупленного правосудия. Это был переход от порядка вещей, при котором все принадлежало отдельным людям, к другому, при котором все должно было принадлежать нации. Та ночь изменила облик королевства; она сделала всех французов равными; теперь все могли получить государственную службу; стремиться к идее собственной собственности, проявлять трудолюбие ради собственной выгоды. Та ночь была революцией, столь же важной, как восстание 14 июля, следствием которого она стала. Это сделало людей хозяевами общества, как другой сделал их хозяевами правительства, и это позволило им подготовить новую конституцию, разрушив при этом старую.

Революция продвигалась быстро, добилась больших результатов за очень короткое время; она была бы менее стремительной, менее полной, если бы на нее не напали. Каждый отказ становился для нее причиной нового успеха; она пресекала интриги, сопротивлялась авторитету, торжествовала над силой; и в момент времени, которого мы достигли, все здание абсолютной монархии рухнуло до основания из-за ошибок ее вождей. 17 июня произошло исчезновение трех орденов, и генеральные штаты превратились в национальное собрание; 23 июня прекратилось моральное влияние королевской власти; 14 июля - ее физическая власть; собрание унаследовало одно, народ - другое; наконец, 4 августа завершилась эта первая революция. Период, который мы только что рассмотрели, заметно выделяется на фоне остальных; в течение его короткого периода силы были смещены, и все предварительные изменения были осуществлены. Следующий период - это период, в течение которого новая система обсуждается, устанавливается и в течение которого собрание, после того как оно было деструктивным, становится конструктивным.

ГЛАВА II

С НОЧИ С 4 АВГУСТА НА 5 И 6 ОКТЯБРЯ 1789 г.

Национальное собрание, состоявшее из элиты нации, было полно интеллекта, чистых намерений и проектов на благо общества. На самом деле она не была свободна от партий или полностью единодушна; но в массе не доминировал какой-либо человек или идея; и именно масса, по своему убеждению, всегда беспрепятственному и часто совершенно спонтанному, решала споры и даровала популярность. Ниже были указаны различия во взглядах и интересах, которые она содержала в себе:—

При дворе была партия в собрании, привилегированные классы, которые долгое время хранили молчание и лишь с запозданием принимали участие в дебатах. Эта партия состояла из тех, кто во время спора о приказах выступил против объединения. Аристократические классы, несмотря на их временное согласие с палатой общин, имели интересы, совершенно противоположные интересам национальной партии; и, соответственно, дворянство и высшее духовенство, которые составляли Правое крыло собрания, находились в постоянной оппозиции к нему, за

исключением дней особого возбуждения. Эти враги революции, неспособные предотвратить ее своими жертвами или остановить ее своей приверженностью, систематически боролись против всех ее реформ. Их предводителями были два человека, которые не были первыми среди них ни по рождению, ни по рангу, но превосходили остальных талантами. Мори и Казалес представляли, так сказать, один духовенство, а другой дворянство.

Эти два оратора из привилегированных классов, в соответствии с намерениями своей партии, которые мало верили в продолжительность этих изменений, скорее протестовали, чем защищались; и во всех своих дискуссиях их целью было не наставить ассамблею, а подорвать ее репутацию. Каждый внес в свою роль особый склад ума и характера: Мори произносил длинные речи, Казале - оживленные вылазки. Первый сохранил на трибуне свои привычки проповедника и академика; он говорил на законодательные темы, не понимая их, никогда не улавливая правильного взгляда на предмет, ни даже того, что наиболее выгодно для его партии; он демонстрировал дерзость, эрудицию, мастерство, блестящую и хорошо выдержанную речь, но никогда не проявлял твердости суждений, твердой убежденности или настоящего красноречия. Аббат Мори говорил, как сражаются солдаты. Никто не мог противоречить чаще и настойчивее, чем он, или более легкомысленно заменять рассуждения цитатами и софизмами, или риторические фразы настоящими порывами чувств. Он обладал большим талантом, но ему не хватало способности, которая придает ему жизнь и истину. Казалес был полной противоположностью Мори: у него был справедливый и подвижный ум; его красноречие было таким же поверхностным, но более оживленным; в его вспышках гнева чувствовалась искренность, и он всегда приводил самые веские доводы. Не будучи ритором, он всегда рассматривал истинную сторону вопроса, который касался его партии, и оставлял декламацию Мори. При ясности его взглядов, пылом характере и умелом использовании своих талантов его единственной ошибкой было его положение; Мори, с другой стороны, добавил свои заблуждения к тем, которые были неотделимы от дела, которое он отстаивал.

У Неккера и министерства тоже была партия, но она была менее многочисленной, чем другая, из-за своей умеренности. Франция была тогда разделена на привилегированные классы, выступавшие против революции, и на людей, которые страстно желали ее. Тогда еще не было места для партии-посредника между ними. Неккер объявил себя сторонником английской конституции, и те, кто из честолюбия или убеждений разделял его взгляды, сплотились вокруг него. Среди них был Мунье, человек сильного ума и непреклонного духа, который рассматривал эту систему как тип представительного правительства; Лалли-Толлендаль, придерживавшийся в своих взглядах первого и более убедительного варианта; Клермон-Тоннер, друг и союзник Мунье и Лалли; одним словом, меньшинство дворянства и некоторые епископы, которые надеялись стать членами верхней палаты, если взгляды Неккера будут приняты.

Лидеры этой партии, впоследствии названной монархической, хотели произвести революцию путем компромисса и ввести во Франции уже сформированное представительное правительство, а именно правительство Англии. На каждом этапе они умоляли сильных мира сего пойти на компромисс со слабыми. До 14 июля они просили суд и привилегированные классы удовлетворить требования палаты общин; после этого они просили палату общин согласиться на соглашение с судом и привилегированными классами. Они считали, что каждый должен сохранять свое влияние в государстве; что свергнутые партии - это недовольные партии и что им необходимо обеспечить легальное существование, иначе с их стороны следует ожидать нескончаемой борьбы. Но они не понимали, насколько мало их идеи соответствовали

моменту исключительных страстей. Началась борьба, которая должна была привести к триумфу системы, а не к компромиссу. Это была победа, которая заставила три ордена уступить место единому собранию, и было трудно нарушить единство этого собрания, чтобы прийти к правительству из двух палат. Умеренная партия не смогла добиться этого правительства ни от двора, ни от нации: одним оно казалось слишком популярным, другим - слишком аристократичным.

Остальная часть собрания состояла из национальной партии. Пока еще в нем не наблюдалось людей, которые, подобно Робеспьеру, Петиону, Бюзо и др., желали бы начать вторую революцию после завершения первой. В тот период самыми крайними представителями этой партии были Дюпор, Барнав и Ламет, которые образовали триумvirат, мнения которого были подготовлены Дюпором, поддержаны Барнавом и управлялись Александром Ламетом. Было что-то замечательное, свидетельствовавшее о духе равенства того времени в этом тесном союзе адвоката, принадлежащего к средним классам, советника, принадлежащего к парламентскому классу, и полковника, принадлежащего ко двору, которые отказались от интересов своего ордена, чтобы объединиться во имя общественного блага и народного счастья. Эта партия сначала заняла более передовое положение, чем то, которого достигла революция. 14 июля стало триумфом среднего класса; учредительное собрание было его законодательным органом, национальная гвардия - его вооруженной силой, мэрия - его народной властью. Мирабо, Лафайет, Байи опирались на этот класс; один был его трибуном, другой - генералом, а третий - магистратом. Партия Дюпора, Барнава и Лам придерживалась принципов и отстаивала интересы того периода революции; но эта партия, состоявшая из молодых людей горячего патриотизма, которые вступили в общественные дела с превосходными качествами, прекрасными талантами и высоким положением и которые к любви к свободе присоединили честлюбивое стремление играть ведущую роль, с самого начала оказалась скорее впереди революции 14 июля. Его опорой в ассамблее были члены крайне левых извне, в клубах, в нации, в народной партии, которые сотрудничали 14 июля и которые не желали, чтобы только буржуазия извлекла выгоду из победы. Поставив себя во главе тех, у кого не было лидеров, и кто, будучи немного вне правительства, стремился войти в него, оно не перестало принадлежать к этому первому периоду революции; только оно сформировало своего рода демократическую оппозицию, даже в самом среднем классе, расходясь со своими лидерами лишь по нескольким незначительным пунктам и голосуя с ними по большинству вопросов. Среди этих популярных людей это было скорее патриотическое соревнование, чем партийные разногласия.

Дюпор, обладавший сильным умом и рано приобретший опыт управления политическими страстями в борьбе, которую парламент вел против министерства и которой он главным образом руководил, хорошо знал, что народ успокаивается в тот момент, когда он добился своих прав, и что он начинает слабеть, как только успокаивается. Чтобы поддерживать в силе тех, кто руководил в ассамблее, в мэрии, в ополчении; чтобы не допустить ослабления общественной активности и не распустить людей, помощь которых ему могла однажды понадобиться, он задумал и осуществил знаменитую конфедерацию клубов. Этот институт, как и все, что придает большой импульс нации, принес много пользы и много вреда. Она препятствовала законной власти, когда этого самого по себе было достаточно; но она также придавала огромную энергию революции, когда, атакованная со всех сторон, она могла спастись только самыми яростными усилиями. В остальном основатели этого объединения не просчитали всех его последствий. Они рассматривали это просто как колесо, предназначенное

для поддержания или приведения в движение общественной машины, не подвергаясь опасности, когда она имела тенденцию к замедлению или прекращению своей деятельности; они не думали, что работают на благо толпы. После бегства Варенна эта партия стала слишком требовательной и слишком грозной; они отказались от нее и выступили против нее с помощью массы собрания и среднего класса, руководством которыми осталось вакантным после смерти Мирабо. В этот период для них было важно как можно скорее завершить конституционную революцию, ибо затягивание ее означало бы начало республиканской революции.

Основная масса собрания, о которой мы только что упомянули, изобиловала справедливыми, опытными и даже превосходящими умами. Ее лидерами были два человека, незнакомых третьему сословию и принятых им. Без аббата Сийеса учредительное собрание, вероятно, отличалось бы меньшим единством в своей деятельности, а без Мирабо - меньшей энергией в своем поведении.

Сийес был одним из тех людей, которые создают секты в эпоху энтузиазма и которые пользуются властью могущественного разума в эпоху просвещения. Одиночество и философские занятия сделали его зрелым в раннем возрасте. Его взгляды были новыми, сильными и обширными, но несколько чересчур систематическими. Общество было предметом его особого изучения; он наблюдал за его развитием, исследовал его пружины. Природа правления казалась ему не столько вопросом права, сколько вопросом эпохи. Его необъятный интеллект распределял общество наших дней по его разделением, отношениям, полномочиям и движению. Сийес, хотя и обладал холодным темпераментом, обладал пылом, который пробуждает стремление к истине, и страстью, которую дает ее открытие; соответственно, он был абсолютен в своих взглядах, презирая взгляды других, потому что считал их неполными и потому что, по его мнению, полуправда была ошибкой. Противоречия раздражали его; он не был общительным. Желая заявить о себе как можно лучше, он не мог сделать это с каждым. Его ученики передавали его системы другим, что окружало его своего рода тайной и делало его объектом своеобразного почитания. Он обладал авторитетом, который дает полная политическая наука, и конституция могла бы возникнуть в его голове во всеоружии, подобно Минерве Юпитера или законодательству древних, если бы не то, что в наши дни каждый стремился участвовать в решении этой задачи или критиковать ее. Тем не менее, за исключением некоторых изменений, его планы в целом были приняты, и в комитетах у него было больше учеников, чем коллег.

Мирабо добился в "Трибюн" такого же влияния, как Сийес в комитетах. Он был человеком, который только ждал случая, чтобы стать великим. В Риме, в лучшие дни республики, он был бы Гракхом; в период ее упадка - Катилиной; во времена Фронды - кардиналом де Рецем; а в эпоху упадка монархии, когда такое существо могло найти применение своим необъятным способностям только в волнении, он стал примечателен неистовством своих страстей и их наказанием, жизнь его проходила в совершении излишеств и страданиях за них. Эта грандиозная деятельность требовала занятости; революция обеспечила ее. Привыкший к борьбе с деспотизмом, раздраженный презрением знати, которая была ниже его по положению и исключала его из своего сообщества; умный, дерзкий, красноречивый, Мирабо чувствовал, что революция станет его делом и его жизнью. Он в точности соответствовал главным потребностям своего времени. Его мысли, его голос, его действия были мыслями трибуна. В опасных обстоятельствах он проявлял серьезность, которая увлекает собрание; в трудных дискуссиях - неопровержимую вылазку, которая сразу кладет им конец; одним словом он

подавлял честолюбие, заглушал вражду, приводил в замешательство соперничество. Это могущественное существо, чувствовавшее себя совершенно непринужденно в разгар волнения, то отдаваясь порывистости, то фамильярности сознательной силы, осуществляло своего рода верховенство в собрании. Вскоре он приобрел огромную популярность, которую сохранял до конца; и тот, на кого при его первом появлении в законодательном собрании все смотрели с опаской, после его смерти был принят в Пантеон под слезы собрания и всей Франции. Если бы не революция, Мирабо не смог бы реализовать свое предназначение, потому что недостаточно быть великим: нужно жить в подходящее время.

Герцог Орлеанский, которому была придана партия, имел лишь небольшое влияние в собрании; он голосовал за большинство, а не большинство за него. Личная привязанность некоторых ее членов, его имя, опасения двора, популярность, которой пользовались его взгляды, надежды, а не заговоры, укрепили его репутацию фракционного персонажа. У него не было ни качеств, ни недостатков заговорщика; возможно, он помогал своими деньгами и своим именем народным движениям, которые все равно произошли бы без него и которые преследовали иную цель, чем его возвышение. До сих пор распространенной ошибкой является приписывание величайшей из революций какому-то мелкому частному маневрированию, как будто в такую эпоху целый народ можно использовать как инструмент одного человека.

Ассамблея получила всю полноту власти; корпорации зависели от нее; национальная гвардия подчинялась ей. Она была разделена на комитеты для облегчения своей деятельности и ее исполнения. Королевская власть, хотя и существовала по праву, была в какой-то мере приостановлена, поскольку ей не подчинялись, и собранию приходилось действовать самостоятельно. Таким образом, независимо от комитетов, которым было поручено подготовить его меры, он назначил других лиц для осуществления полезного руководства самостоятельно. Комитет снабжения занимался закупкой провизии, важной вещи в год дефицита; комитет по расследованию вел переписку с корпорациями и провинциями; комитет по исследованиям получал информацию против заговорщиков 14 июля. Но финансы и конституция, которые прошлые кризисы отложили, были предметом особого внимания.

После кратковременного обеспечения потребностей казны ассамблея, хотя теперь и стала суверенной, проконсультировалась, изучив *cahiers*, с пожеланиями своих избирателей. Затем она приступила к формированию своих институтов с использованием метода либеральных и широких дискуссий, который заключался в том, чтобы обеспечить Франции конституцию, соответствующую справедливости и отвечающую ее потребностям. Соединенные Штаты Америки на момент обретения независимости провозгласили в декларации права человека и гражданина. Это всегда будет первым шагом. Народ, вышедший из рабства, чувствует необходимость заявить о своих правах еще до того, как сформирует свое правительство. Те французы, которые помогали американской революции и которые сотрудничали в нашей, предложили аналогичную декларацию в качестве преамбулы к нашим законам. Это было приемлемо для собрания законодателей и философов, не ограниченного никакими рамками, поскольку не существовало никаких институтов, и управляемого примитивными и фундаментальными идеями общества, поскольку оно было учеником восемнадцатого века. Хотя эта декларация содержала только общие принципы и ограничивалась изложением в максимах того, что конституция должна была закрепить в законах, она была рассчитана на то, чтобы возвысить сознание и привить гражданам сознание их достоинства и важности. По предложению Лафайета собрание уже приступило к этому обсуждению; но события в Париже и

декреты от 4 августа прервали его работу; теперь они были возобновлены и завершены определением принципов, которые должны были лечь в основу нового закона и которые заключались в признании справедливости во имя человечества.

Приняв эти общие положения, ассамблея обратила свое внимание на организацию законодательной власти. Это была одна из его важнейших задач; она заключалась в том, чтобы определить характер его функций и установить его отношения с королем. В ходе этого обсуждения собранию оставалось только решить будущее состояние законодательной власти. Наделенный конституционной властью, он был поставлен выше своих собственных решений, и никакая промежуточная власть не могла приостановить или воспрепятствовать его миссии. Но какой должна быть форма совещательного органа на будущих сессиях? Должна ли она оставаться неделимой или быть разделена на две палаты? Если должна быть принята последняя форма, какой должна быть природа второй палаты? Должна ли она быть преобразована в аристократическое собрание или в сенат умеренной направленности? И каким бы ни был совещательный орган, должен ли он быть постоянным или периодическим, и должен ли король разделять с ним законодательную власть? Таковы были трудности, волновавшие ассамблею и Париж в течение сентября.

Если мы рассмотрим позицию ассамблеи и ее представления о суверенитете, мы легко поймем, каким образом были решены эти вопросы. Она рассматривала короля всего лишь как наследственного представителя нации, не имеющего ни права собирать ее представителей, ни права направлять их или отстранять от должности. Соответственно, он отказался предоставить ему инициативу в принятии законов и роспуске собрания. Он считал, что законодательный орган не должен зависеть от короля. Более того, он опасался, что, предоставив правительству слишком сильное влияние на ассамблею или не всегда удерживая ее в составе, принц может воспользоваться промежутками, в течение которых его оставят в покое, для посягательства на другие власти и, возможно, даже для разрушения новой системы. Поэтому власти, находящейся в постоянной деятельности, они хотели противопоставить всегда существующее собрание, и соответственно было заявлено о постоянстве собрания. Дебаты по поводу его неделимости или разделения были очень оживленными. Неккер, Мунье и Лалли-Толлендаль желали, чтобы в дополнение к представительной палате был создан сенат, члены которого назначались бы королем по представлению народа. Они рассматривали это как единственное средство сдерживания власти и даже предотвращения тирании отдельного собрания. Их приверженцами были такие члены, которые разделяли их идеи или которые надеялись войти в состав верхней палаты. Большинство дворянства желало не палаты пэров, а аристократического собрания, членом которого оно должно было избираться. Они не могли прийти к согласию: партия Мунье отказывалась поддержать проект, рассчитанный на возрождение орденов, а аристократия отказывалась принять сенат, который подтвердил бы разложение дворянства. Большая часть депутатов от духовенства и палаты общин высказалась за единство собрания. Народная партия считала незаконным назначать пожизненных законодателей; она считала, что верхняя палата станет инструментом двора и аристократии и тогда будет опасна или станет бесполезной, объединившись с палатой общин. Таким образом, дворянство из неудовлетворенности и национальная партия из духа абсолютной справедливости одинаково отвергли верхнюю палату.

Это решение ассамблеи стало объектом многих упреков. Сторонники высшего сословия приписали все зло революции отсутствию этого порядка; как будто кто-либо вообще мог

остановить ее развитие. Не конституция придала ему тот характер, который он имел, а события, возникшие в результате партийной борьбы. Что сделала бы верхняя палата в отношениях между судом и нацией? Если бы она выступала за первое, то не смогла бы направить или спасти его; если бы она выступала за второе, то не укрепила бы его; в любом случае за этим неизбежно последовало бы его подавление. В такие времена прогресс стремителен, и все, что пытается его остановить, излишне. В Англии палата лордов, хотя и послушная, была приостановлена во время кризиса. Каждая из этих различных систем имеет свою эпоху; революции совершаются одной камерой, а заканчиваются двумя.

Королевская санкция вызвала бурные дебаты в собрании и яростные крики снаружи. Вопрос заключался в роли короля в принятии законов; почти все депутаты были согласны в одном пункте. Они были полны решимости признать его право санкционировать законы или отклонять их; но одни желали, чтобы это право было неограниченным, другие - чтобы оно было временным. На самом деле это означало то же самое, поскольку король не мог продлевать свой отказ до бесконечности, а право вето, хотя и абсолютное, имело бы лишь приостанавливающий характер. Но эта способность, дарованная одному человеку, сдерживать волю народа, казалась непомерной, особенно за пределами собрания, где ее меньше понимали.

Париж еще не оправился от волнений 14 июля; народное правительство только начиналось, и город переживал всю свою свободу и беспорядки. Собрание выборщиков, которое в трудных обстоятельствах заменило временную корпорацию, только что было заменено. Сто восемьдесят членов, выдвинутых округами, были законодателями и представителями города. Пока они разрабатывали план муниципальной организации, каждый желал командовать, ибо во Франции любовь к свободе - это почти любовь к власти. Комитеты действовали отдельно от мэра; собрание представителей восстало против комитетов, а округа - против собрания представителей. Каждый из шестидесяти округов присвоил себе законодательную власть и передал исполнительную власть своим комитетам; все они считали членов генеральной ассамблеи своими подчиненными, а себя наделенными правом отменять свои декреты. Эта идея о суверенитете руководителя над делегатом быстро развивалась. Те, кто не имел доли власти, собирались на собрания, а затем предавались дискуссиям; солдаты спорили в Оратории, портные-подмастерья - в Колоннаде, парикмахеры - на Елисейских полях, слуги - в Лувре; но самые оживленные дебаты происходили в Пале-Рояле. Были рассмотрены вопросы, занимавшие национальное собрание, и его обсуждения подверглись критике. Нехватка провизии также собирала толпы, и эти толпы были не в последнюю очередь опасны.

Таково было состояние Парижа, когда начались дебаты о праве вето. Тревога, которую вызвало это право, предоставленное королю, была чрезвычайной. Казалось, что судьба свободы зависела от решения этого вопроса и что одно только право вето могло вернуть древнюю систему. Толпа, не знавшая природы и пределов власти, желала, чтобы собрание, на которое она полагалась, делало все, а король, которому она не доверяла, ничего не делал. Каждый инструмент, оставшийся в распоряжении суда, казался средством контрреволюции. Толпа в Пале-Рояле пришла в волнение; тем членам ассамблеи, которые, подобно Мунье, высказались за абсолютное вето, были направлены письма с угрозами. Они говорили о том, чтобы уволить их как неверных представителей и двинуться маршем на Версаль. Пале-Рояль направил депутацию в ассамблею и потребовал от коммуны объявить, что депутаты могут быть отозваны, и поставить их в постоянную зависимость от избирателей. Коммуна осталась непреклонной, отвергла требования Пале-Рояля и приняла меры для предотвращения беспорядочных

собраний. Национальная гвардия поддерживала его; это подразделение было настроено хорошо; Лафайет завоевал его доверие; оно становилось организованным, носило форму, подчинялось дисциплине по примеру французской гвардии и научилось у своего начальника любви к порядку и уважению к закону. Но средний класс, составлявший его, еще не вступил в исключительное владение народным правительством. Толпа, которая была записана 14 июля, еще не была полностью распущена. Эта агитация извне привела к бурным дебатам по поводу вето; таким образом, очень простой вопрос приобрел большое значение, и министерство, понимая, сколь пагубным может оказаться влияние абсолютного решения, а также видя, что *неограниченное вето* и *приостанавливающее вето* - это одно и то же, убедило короля удовлетвориться последним и отказаться от первого. Собрание заявило, что отказ принца от его санкции не может быть продлен более чем на две сессии; и это решение удовлетворило всех.

Двор воспользовался волнениями в Париже для реализации других проектов. В течение некоторого времени это влияло на мнение короля. Сначала он отказался санкционировать декреты от 4 августа, хотя они были конституционными, и, следовательно, он не мог избежать их обнародования. Приняв их, по протестам ассамблеи, он возобновил те же трудности, связанные с декларацией прав. Целью суда было представлять Людовика XVI. будучи притесняемым собранием и вынужденным подчиниться мерам, которые он не желал принимать, оно с нетерпением переносило свое положение и стремилось восстановить свой прежний авторитет. Бегство было единственным средством, и требовалось узаконить его; в присутствии ассамблеи и в окрестностях Парижа ничего нельзя было сделать. Королевская власть пала 23 июня, военная мощь - 14 июля; альтернативы, кроме гражданской войны, не было. Поскольку убедить короля пойти по этому пути было трудно, они ждали до последнего момента, чтобы склонить его к бегству; его колебания привели к провалу плана. Предлагалось удалиться в Мец, в Буйе, в гущу его армии; призвать к монарху дворянство, сохранившие верность войска, парламенты; объявить ассамблею и Париж мятежными; призвать их к повиновению или принудить их к нему; и если древняя система не может быть полностью восстановлена, по крайней мере, ограничиться декларацией от 20 июня. С другой стороны, если двор был заинтересован в удалении короля из Версаля, чтобы это могло что-то изменить, то сторонники революции были заинтересованы в том, чтобы доставить его в Париж; орлеанская фракция, если таковая существовала, была заинтересована в том, чтобы обратить короля в бегство, запугав его, в надежде, что собрание назначит своего лидера *генерал-лейтенантом королевства*; и, наконец, народ, испытывавший нужду в хлебе, желал, чтобы король жил в Париже, в надежде, что его присутствие уменьшится или положит конец восстанию. нехватка провизии. При всех этих существующих причинах нужен был только повод для того, чтобы вызвать восстание; суд предоставил этот повод. Под предлогом защиты от беспорядков в Париже она вызвала войска в Версаль, удвоила домашнюю охрану и послала за драгунами и фландрским полком. Вся эта подготовка войск вызвала сильнейшие опасения; распространился слух о контрреволюционных мерах, было объявлено о бегстве короля и роспуске собрания как о чем-то близком. Странные мундиры и желто-черные кокарды можно было увидеть в Люксембургском дворце, Пале-Рояле и на Елисейских полях; враги революции демонстрировали такую степень радости, какой они не проявляли уже некоторое время. Поведение суда подтвердило эти подозрения и раскрыло цель всех этих приготовлений.

Офицеров Фландрского полка, с тревогой встреченных в Версале, чествовали в замке и даже допустили к карточным столам королевы. Были предприняты все усилия, чтобы заручиться их преданностью, и королевская стража устроила в их честь пир. Были приглашены офицеры

драгун и егерей, находившихся в Версале, офицеры швейцарской гвардии, швейцарской сотни, прево и штаба национальной гвардии. Местом проведения фестиваля был выбран театр в замке, который предназначался для самых торжественных придворных праздников и который после женитьбы второго брата короля использовался только для императора Иосифа II. Королевским музыкантам было приказано присутствовать на этом первом празднике, устроенном гвардией. Во время банкета с энтузиазмом произносились тосты за короля и королевскую семью, в то время как нация была опущена или отвергнута. За вторым блюдом гренадерам Фландрии, двум швейцарским корпусам и драгунам было позволено стать свидетелями этого зрелища и разделить чувства, одушевлявшие гостей. Энтузиазм возрастал с каждой минутой. Внезапно объявили о прибытии короля; он вошел, одетый в охотничий костюм, королева опиралась на его руку и несла дофина. Крики любви и преданности раздались со всех сторон. За здоровье королевской семьи пили с обнаженными шпагами; и когда Людовик XVI. удалился, заиграла музыка: *"О Ричард! О топ ро! абандоннский университет."* Сцена приобрела теперь весьма значительный характер; марш халланов и обилие вина лишили гостей всякой сдержанности. Прозвучал сигнал к атаке; шатающиеся гости взобрались на ложи, словно готовясь к штурму; в то время как раздавались кокарды; трехцветная кокарда, как говорят, была растоптана, и затем гости разошлись по галереям замка, где придворные дамы засыпали их поздравлениями и украсили лентами и кокардами.

Таков был этот знаменитый банкет 1 октября, который двор имел неосторожность повторить третьего. Нельзя не сокрушаться о его фатальном недостатке предвидения; он не мог ни подчиниться своей судьбе, ни изменить ее. Это собрание войск, столь далекое от предотвращения агрессии в Париже, спровоцировало ее; банкет не укрепил преданность солдат ни на йоту, в то время как усилил дурное расположение духа народа. Чтобы защитить себя, не было необходимости в таком рвении, а для бегства не требовалось такой тщательной подготовки; но суд никогда не принимал мер, рассчитанных на успех его замыслов, или же он принимал их только наполовину, и, чтобы принять решение, он всегда ждал, пока не заканчивалось время.

Известие об этом банкете и появлении черных кокард произвело величайшую сенсацию в Париже. С 4-го числа подавленные слухи, контрреволюционные провокации, страх перед заговорами, негодование против двора и растущая тревога из-за нехватки провизии - все это возвещало о восстании; толпа уже смотрела в сторону Версаля. 5-го числа восстание вспыхнуло яростно и непобедимо; сигналом послужила полная нехватка муки. Молодая девушка, войдя в караульное помещение, схватила барабан и помчалась по улицам, барабаня в него и крича: "Хлеба! Хлеба!" Вскоре ее окружила толпа женщин. Эта толпа продвигалась к Ратуше, увеличиваясь по мере продвижения. Они растолкали стражу, стоявшую у дверей, и проникли внутрь, требуя хлеба и оружия; они взломали двери, схватили оружие, ударили в набат и двинулись маршем к Версалю. Вскоре народ поднялся в *массовом порядке*, выдвигая одно и то же требование, пока со всех сторон не раздался крик: "За Версаль!" Женщины отправились первыми во главе с Майяром, одним из добровольцев Бастилии. Население, национальная гвардия и французские гвардейцы попросили следовать за ними. Командир Лафайет долго сопротивлялся их отъезду, но тщетно; ни его усилия, ни популярность не могли преодолеть упрямство народа. В течение семи часов он выступал с речью и удерживал их. Наконец, раздраженные этой задержкой, отвергнув его совет, они приготовились отправиться в путь без него; когда, чувствуя, что теперь его долг вести себя так же, как раньше, сдерживать их, он получил разрешение от корпорации и отдал приказ отправляться около семи вечера.

Волнение в Версале было менее бурным, но столь же реальным; национальная гвардия и ассамблея были встревожены и раздражены. Двойной банкет, устроенный придворными войсками, одобрение, выраженное королевой, *"Очарование еврейского путешествия"* — отказ короля признать просто Права человека, его сознательное выжидание и нехватку провизии — вызвали тревогу у представителей народа и наполнили их подозрениями. Петион, осудивший пирушки гвардейцев, был вызван депутатом-роялистом, чтобы объяснить свой донос и назвать виновных. "Пусть будет ясно заявлено, — воскликнул Мирабо, — что всякий, кто не является королем, является подданным и несет ответственность, и я быстро представлю доказательства". Эти слова, которые указывали на королеву, заставили Правых замолчать. Этой враждебной дискуссии предшествовали и последовали не менее оживленные дебаты, касающиеся отказа в санкциях и нехватки провизии в Париже. Наконец, как раз в тот момент, когда к королю была отправлена депутация с требованием безоговорочного признания им Прав Мужчины и с просьбой всеми силами содействовать снабжению Парижа провизией, было объявлено о прибытии женщин во главе с Майяром.

Их неожиданное появление, поскольку они перехватили всех курьеров, которые могли сообщить об этом, вызвало ужас при дворе. Версальские войска взяли за оружие и окружили замок, но намерения женщин не были враждебными. Майяр, их лидер, рекомендовал им явиться в качестве просителей, и в таком качестве они последовательно представили свои жалобы ассамблее и королю. Соответственно, первые часы этого бурного вечера были достаточно спокойными. И все же было невозможно, чтобы между возбужденной толпой и домашними войсками, объектами столь сильного раздражения, не возникли причины для вражды. Последние были размещены во дворе замка напротив национальной гвардии и Фландрского полка. Пространство между ними было заполнено женщинами и добровольцами Бастилии. Посреди неразберихи, неизбежно возникшей из-за такого сопоставления, возникла потасовка; это послужило сигналом к беспорядку и конфликту. Гвардейский офицер ударил парижского солдата саблей и, в свою очередь, был ранен в руку. Национальная гвардия выступила противдомашних войск; конфликт приобрел жаркий характер и был бы кровопролитным, если бы не темнота, плохая погода и приказы, отданные домашним войскам, сначала прекратить огонь, а затем отступить. Но поскольку их обвинили в том, что они были агрессорами, ярость толпы продолжалась некоторое время; их квартиры были взломаны, двое из них были ранены, а еще одного с трудом спасли.

Во время этой суматохи двор был в смятении; было высказано предположение о бегстве короля и подготовлены экипажи; пикет национальной гвардии увидел их у ворот Оранжереи и, закрыв ворота, вынудил их вернуться; более того, король, либо не знавший о замыслах двора, либо считавший их невыполнимыми, отказался бежать. Страхи смешивались с его миролюбивыми намерениями, когда он колебался, отразить агрессию или обратиться в бегство. Побежденный, он предчувствовал судьбу английского короля Карла I. Отсутствуя, он опасался, что герцог Орлеанский получит наместничество в королевстве. Но тем временем дождь, усталость и бездействие придворных войск уменьшили ярость толпы, и Лафайет прибыл во главе парижской армии.

Его присутствие восстановило безопасность двора, а ответы короля депутации из Парижа удовлетворили толпу и армию. За короткое время деятельность Лафайета, здравый смысл и дисциплина парижской гвардии восстановили порядок повсюду. Спокойствие вернулось. Толпа женщин и добровольцев, одолеваемая усталостью, постепенно рассеялась, и некоторым

из национальной гвардии была доверена защита замка, в то время как другие были размещены со своими товарищами по оружию в Версале. Королевская семья, успокоенная после тревог и страхов этой мучительной ночи, удалилась отдыхать около двух часов ночи. Около пяти Лафайет, посетив аванпосты, вверенные его попечению, и обнаружив, что часовые хорошо охраняются, в городе спокойно, а толпы разошлись или спят, тоже немного отдохнул.

Однако около шести часов несколько мужчин из низшего сословия, более энергичных, чем остальные, и проснувшихся раньше, чем они, бродили вокруг замка. Обнаружив, что ворота открыты, они сообщили об этом своим спутникам и вошли. К сожалению, внутренние посты были доверены домашней страже и не были переданы парижской армии. Этот роковой отказ стал причиной всех несчастий этой ночи. Внутренняя стража даже не была усилена; ворота почти не посещались, и стража неслась так же небрежно, как и в обычных случаях. Эти люди, возбужденные всеми страстями, которые привели их в Версаль, увидев в окне одного из придворных, начали оскорблять его. Он выстрелил и ранил одного из них. Затем они бросились на войска, защищавшие замок, грудь в грудь и героически пожертвовали собой. У одного из них было время предупредить королеву, которой нападавшие особенно угрожали; и полуодетая, она побежала искать убежища к королю. В замке царили чрезвычайный беспорядок и опасность.

Лафайет, узнав о вторжении в королевскую резиденцию, вскочил на коня и поспешно поехал к месту опасности. На площади он встретил нескольких придворных, окруженных разъяренной толпой, которая была готова убить их. Он бросился к ним, позвал нескольких французских гвардейцев, которые были поблизости, и, спасши домашних солдат и рассеяв нападавших, поспешил в замок. Он нашел его уже охраняемым гренадерами французской гвардии, которые при первых звуках беспорядков поспешили защитить домашние войска от ярости парижан. Но сцена на этом не закончилась; толпа снова собралась на мраморном дворе под королевским балконом, громко звала его, и он появился. Они требовали, чтобы он уехал в Париж; он пообещал вернуться туда со своей семьей, и это обещание было встречено всеобщими аплодисментами. Королева решила сопровождать его, но предубеждение против нее было так сильно, что путешествие было небезопасным; необходимо было примирить ее с толпой. Лафайет предложил ей сопровождать его на балкон; после некоторого колебания она согласилась. Они появились на нем вместе, и, чтобы каким-то знаком связаться с буйствующей толпой, победить ее враждебность и пробудить ее энтузиазм, Лафайет почтительно поцеловал королеву руку; толпа ответила одобрительными возгласами. Теперь оставалось заключить мир между ними и домашними войсками. Лафайет подошел с одним из них, прикрепил к его шляпе свою собственную трехцветную кокарду и обнял его перед толпой, которая кричала: *"Да здравствует корпусная гвардия!"* Так закончилась эта сцена; королевская семья отправилась в Париж в сопровождении армии и смешанной с ней гвардии.

Восстание 5 и 6 октября было полностью народным движением. Мы не должны пытаться объяснить это тайными мотивами или приписывать скрытым амбициям; это было спровоцировано неосторожностью суда. Банкет, устроенный придворными войсками, сообщения о бегстве, страх гражданской войны и нехватка провизии сами по себе привели Париж к нападению на Версаль. Если особые подстрекатели, которые при самом тщательном расследовании все еще остаются сомнительными, способствовали возникновению этого движения, они не изменили ни его направления, ни его цели. Результатом этого события стало

разрушение древнего режима двора; он лишил его охраны, перевел из королевской резиденции в Версале в столицу революции и отдал под надзор народа.

ГЛАВА III

С 6 ОКТЯБРЯ 1789 ГОДА До СМЕРТИ МИРАБО В апреле 1791 ГОДА

Период, составляющий предмет этой главы, был примечателен не столько событиями, сколько постепенным разделением партий. По мере того, как вносились изменения в государство и законы, те, чьи интересы или мнения они ущемляли, заявляли о себе против них. С самого основания генеральных штатов у революции были враги - двор; с момента объединения орденов и отмены привилегий - дворянство; с момента создания единого собрания и отказа от двух палат - министерство и сторонники английской формы правления. Более того, оно было против этого со времен ведомственной организации, провинций; со времени декрета о собственности и гражданском устройстве духовенства - всего церковного корпуса; со времени введения новых военных законов - всех офицеров армии. Может показаться, что ассамблее не следовало производить так много изменений сразу, чтобы не наживать так много врагов; но ее общие планы, ее потребности и сами заговоры ее противников требовали всех этих нововведений.

После 5 и 6 октября ассамблея эмигрировала, как это сделал суд после 14 июля. Мунье и Лалли-Толлендаль покинули его, отчаявшись обрести свободу с того момента, как их взглядам перестали следовать. Слишком категоричные в своих планах, они хотели, чтобы народ, после проведения собрания 14 июля, внезапно прекратил действовать, что демонстрировало полное незнание импульса революций. Когда люди однажды были использованы, их трудно распустить, и самый разумный курс - не оспаривать, а регулировать вмешательство. Лалли-Толлендаль отказался от своего титула француза и вернулся в Англию, на землю своих предков. Мунье отправился в Дофине, свою родную провинцию, которую он пытался поднять на восстание против собрания. Было непоследовательно жаловаться на восстание и в то же время провоцировать его, особенно когда это было выгодно другой партии, поскольку она была слишком слаба, чтобы противостоять старому режиму и революции. Несмотря на свое влияние в Дофине, чьими прежними движениями он руководил, Мунье не смог создать там центр постоянного сопротивления, но тем самым ассамблея получила предупреждение разрушить древнюю провинциальную организацию, которая могла стать основой гражданской войны.

После 5 и 6 октября национальные представители последовали за королем в столицу, где их общее присутствие в значительной степени способствовало спокойствию. Народ был удовлетворен обладанием королем, причины, возбуждавшие его ажиотаж, прекратились. Герцог Орлеанский, которого, справедливо или нет, считали организатором восстания, только что был отправлен в отставку; он принял миссию в Англию; Лафайет был полон решимости поддерживать порядок; национальная гвардия, воодушевленная лучшим духом, с каждым днем приобретала привычку к дисциплине и повиновению; корпорация, преодолев неразбериху, возникшую при ее первом создании, начала пользоваться авторитетом. Оставалась только одна причина беспорядков — нехватка провизии. Несмотря на рвение и предусмотрительность комитета, на который была возложена задача обеспечения припасами, ежедневные собрания людей угрожали общественному спокойствию. Люди, которых так легко обмануть, когда они страдают, убили пекаря по имени Франсуа, которого несправедливо обвинили в монополизме. 21 октября было объявлено военное положение, разрешающее корпорации применить силу для

разгона толпы после того, как она призвала граждан удалиться. Власть принадлежала классу, заинтересованному в поддержании порядка; округа и национальная гвардия подчинялись собранию. Подчинение закону было преобладающей страстью той эпохи. Депутаты, со своей стороны, стремились лишь к завершению конституции и осуществлению реорганизации государства. У них было тем больше причин ускорить выполнение своей задачи, что враги собрания воспользовались тем, что осталось от старого режима, чтобы поставить его в затруднительное положение. Соответственно, на каждое из их начинаний оно отвечало указом, который, изменяя древний порядок вещей, лишал их одного из средств нападения.

Все началось с более равного и регулярного раздела королевства. Провинции, которые с сожалением наблюдали за потерей своих привилегий, образовали небольшие государства, масштабы которых были слишком велики, а администрация слишком независима. Было важно уменьшить их размер, изменить их названия и подчинить их одному правительству. 22 декабря ассамблея приняла в этом отношении проект, задуманный Сийесом и представленный Туре от имени комитета, который постоянно занимался этим вопросом в течение двух месяцев.

Франция была разделена на восемьдесят три департамента, почти равные по площади и численности населения; департаменты были разделены на округа и кантоны. Их управление получило единообразную иерархическую форму. В департаменте был административный совет, состоящий из тридцати шести членов, и исполнительный справочник, состоящий из пяти членов: как следует из названий, функции одного заключались в принятии решений, а другого - в действиях. Округ был организован таким же образом; хотя и в меньшем масштабе, в нем были совет и директория, меньшие по численности и подчинявшиеся вышестоящей директории и совету. Кантон, состоящий из пяти или шести приходов, был избирательным, а не административным делением; активные граждане, а чтобы считаться таковыми, необходимо было платить налоги в размере трехдневного заработка, объединились в кантоне для назначения своих депутатов и магистратов. Все в новом плане подлежало выборам, но это имело несколько степеней. Казалось неблагодарным доверить массе выбор ее делегатов и незаконным исключать их из нее; этого трудного вопроса удалось избежать путем двойного избрания. Активные граждане кантона назначили выборщиков, которым было поручено назначить членов национального собрания, администраторов департамента, округа и судей трибуналов; в каждом департаменте был учрежден уголовный суд, в каждом округе - гражданский суд, а в каждом кантоне - полицейский суд.

Таково было учреждение департамента. Оставалось регулировать деятельность корпорации: управление ею было поручено генеральному совету и муниципалитету, состоящему из членов, количество которых было пропорционально населению городов. Муниципальные чиновники немедленно назначались народом и только они могли санкционировать применение вооруженных сил. Корпорация была первой ступенью ассоциации, королевство - последней; департамент был промежуточным звеном между корпорацией и государством, между универсальными интересами и чисто местными.

Осуществление этого плана, который организовал суверенитет народа, который позволил всем гражданам соглашаться при избрании своих должностных лиц, доверил им их собственное управление и распределил их в механизм, который, позволяя двигаться всему государству, сохранял соответствие между его частями и предотвращал их изоляцию, возбудил недовольство некоторых провинций. Штаты Лангедок и Бретань протестовали против нового

раздела королевства, и на их стороне парламенты Меца, Руана, Бордо и Тулузы восстали против действий ассамблеи, которая распустила Палаты отпусков, отменила постановления и объявила комиссии штатов недееспособными. Сторонники старого режима использовали все средства, чтобы помешать его прогрессу; дворянство возбуждало провинции, парламенты принимали резолюции, духовенство издавало мандаты, а писатели пользовались свободой печати, чтобы нападать на революцию. Двумя его главными врагами были дворяне и епископы. Парламент, не имевший корней в нации, лишь сформировал магистратуру, нападки которой были предотвращены уничтожением самой магистратуры, тогда как дворянство и духовенство располагали средствами действия, которые выдержали влияние этого органа. Несчастья этих двух классов были вызваны ими самими. После преследования революции в ассамблее они впоследствии атаковали ее открытой силой — духовенство, внутренними восстаниями — дворянство, вооружив против нее Европу. Они возлагали большие надежды на анархию, которая, это правда, причинила Франции много зла, но которая отнюдь не улучшила их собственное положение. Давайте теперь посмотрим, как были вызваны враждебные действия духовенства; для этого мы должны немного вернуться назад.

Революция началась с финансов и еще не смогла положить конец затруднениям, которые ее вызвали. Внимание ассамблеи привлекли более важные объекты. Призванный больше не для покрытия административных расходов, а для создания государства, он время от времени приостанавливал обсуждение законодательства, чтобы удовлетворить более насущные потребности казны. Неккер предложил временные меры, которые были приняты конфиденциально и почти без обсуждения. Несмотря на это рвение, он не без неудовольствия увидел, что финансы считаются подчиненными конституции, а министерство - ассамблее. Первый заем в тридцать миллионов (1 200 000 фунтов стерлингов), за который проголосовали 9 августа, не принес успеха; последующий заем в восемьдесят миллионов (3 200 000 фунтов стерлингов), за который проголосовали 27 числа того же месяца, оказался недостаточным. Пошлины были снижены или отменены, и они почти ничего не приносили из-за трудности их взимания. Обращаться к общественному доверию стало бесполезно, оно отказалось от его помощи; и в сентябре Неккер предложил в качестве единственного средства чрезвычайный взнос в размере четвертой части доходов, подлежащий немедленной выплате. Каждый гражданин должен был сам установить свою пропорцию, используя ту простую форму клятвы, которая хорошо выражала эти первые дни чести и патриотизма: *"Я заявляю правду."*

Теперь Мирабо установила над Неккером полную финансовую диктатуру. Он говорил о неотложных нуждах государства, о трудах собрания, которые не позволили ему обсудить план министра и которые в то же время препятствовали рассмотрению какого-либо другого плана; о мастерстве Неккера, которое обеспечило успех его собственного мероприятия; и убеждал собрание возложить на него ответственность за его успех, уверенно приняв его. Поскольку некоторые не одобряли взгляды министра, а другие подозревали намерения Мирабо по отношению к нему, он завершил свою речь, одну из самых красноречивых, которые он когда-либо произносил, показав надвигающееся банкротство и воскликнув: "Проголосуйте за эту чрезвычайную субсидию, и пусть она окажется достаточной! Проголосуйте за это, ибо если у вас есть сомнения относительно средств, то у вас их нет относительно потребности и нашей неспособности ее удовлетворить. Голосуйте за это, ибо общественные обстоятельства не терпят отлагательства, и мы будем нести ответственность за все отсрочки. Остерегайтесь просить времени; несчастье никогда не дает его. Господа, по случаю нелепого движения в Пале-Рояле, абсурдного вторжения, которое никогда не имело никакого значения, кроме как в слабом

воображении или в умах людей с дурными намерениями и недобросовестных, вы однажды услышали эти слова: *"Катилина у ворот Рима, и все же они решаются!"* И все же вокруг нас не было ни Катилины, ни опасностей, ни фракций, ни Рима. Но теперь наступило банкротство, отвратительное банкротство; оно угрожает поглотить вас, ваше имущество, вашу честь, и все же вы решаетесь!" Мирабо покорило собрание своим ораторским искусством, и за патриотический вклад проголосовали единодушными аплодисментами.

Но этот ресурс принес лишь кратковременное облегчение. Финансы революции зависели от более смелых и масштабных мер. Необходимо было не только поддержать революцию, но и восполнить огромный дефицит, который остановил ее прогресс и угрожал ее будущей судьбе. Оставался только один путь — объявить церковную собственность национальной и продать ее ради спасения государства. Общественный интерес предписывал такой курс; и это могло быть сделано справедливо, поскольку духовенство было не собственниками, а простыми распорядителями этой собственности, преданными религии, а не священникам. Таким образом, нация, взяв на себя расходы по устройству алтаря и поддержку своих служителей, могла бы приобрести и присвоить важный финансовый ресурс и добиться большого политического результата.

Важно было больше не оставлять в государстве независимую организацию, особенно древнюю, ибо во времена революции все древнее враждебно. Духовенство, благодаря своей грозной иерархии и богатству, незнакомое с новыми переменами, осталось бы республикой в королевстве. Его форма принадлежала другой системе: когда не было государства, а были только органы, каждый порядок предусматривал свое собственное регулирование и существование. У духовенства были свои декреты, у дворянства — свои феодальные законы, у народа — свои корпорации; все было независимым, потому что все было частным. Но теперь, когда функции становились публичными, было необходимо создать магистратуру духовенства, как они создали магистратуру королевской семьи; и, чтобы сделать их зависимыми от государства, было важно, чтобы им платило государство, и вернуть монарху его владения, а духовенству — его собственность, наделив каждого из них соответствующими дарами. Эта великая операция, уничтожившая древний церковный режим, была осуществлена следующим образом:

Одной из самых насущных потребностей была отмена десятины. Поскольку это был налог, уплачиваемый сельским населением духовенству, жертва была бы принесена в пользу тех, кто был угнетен ими. Соответственно, после объявления, что они подлежат возврату, в ночь на 4 августа, они были прекращены 11 августа без предоставления какого-либо эквивалента. Духовенство сначала выступало против этой меры, но впоследствии у него хватило здравого смысла согласиться. Архиепископ Парижский пожертвовал десятину от имени всех своих братьев, и этим актом благоразумия он показал себя верным линии поведения, принятой привилегированными классами в ночь на 4 августа; но это был предел его жертв.

Вскоре после этого начались дебаты относительно владения церковной собственностью. Талейран, епископ Отенский, предложил духовенству отказаться от него в пользу нации, которая использовала бы его для покрытия расходов на богослужения и погашения своих долгов. Он доказал справедливость и уместность этой меры и показал огромные выгоды, которые получит государство. Имущество духовенства составляло несколько тысяч миллионов франков. После выплаты его долгов, обеспечения церковных служб и больниц, а также

пожертвований его служителей все еще оставалось бы достаточно средств для погашения государственного долга, будь то постоянного или аннуитетного, и для возмещения денег, уплаченных за судебные должности. Духовенство восстало против этого предложения. Дискуссия стала очень оживленной; и было решено, несмотря на их сопротивление, что они не являются собственниками, а просто хранителями богатства, которое благочестивые короли и верующие посвятили религии, и что нация, выделяя средства на общественное богослужение, имеет право отозвать такое имущество. Указ, предоставивший его в его распоряжение, был принят 2 декабря 1789 года.

С этого момента вспыхнула ненависть духовенства к революции. В начале работы генеральных штатов она была менее непреклонна, чем дворянство, в стремлении сохранить свои богатства; теперь она проявила себя такой же непримиримой, как и они, к новому режиму, самым упорным и яростным врагом которого она стала. Тем не менее, поскольку декрет предоставил церковную собственность в распоряжение нации, пока еще не вытеснив ее, он не сразу вызвал противодействие. Администрация по-прежнему была доверена ей, и она надеялась, что имущество церкви может послужить залогом для погашения долга, но не будет продано.

Действительно, было трудно осуществить продажу, которую, однако, нельзя было отложить, казначейство существовало только на ожиданиях, а казначейство, снабжавшее его векселями, начало терять всякий кредит из-за количества выпущенных им векселей.

Они добились своего и приступили к новой финансовой организации следующим образом: потребности этого и следующего года потребовали продажи этого имущества на сумму в четыреста миллионов франков; чтобы облегчить это, парижская корпорация сделала значительные взносы, и муниципалитеты королевства последовали примеру Парижа. Они должны были вернуть в казну эквивалент имущества, полученного ими от государства для продажи частным лицам; но им нужны были деньги, и они не могли передать нужную сумму, поскольку еще не встречались с покупателями. Что нужно было делать? Они предоставили муниципальные банкноты, предназначенные для возмещения расходов государственным кредиторам, пока они не получат средства, необходимые для отзыва банкнот. Дойдя до этого, они увидели, что вместо муниципальных банкнот было бы лучше создать казначейские векселя, которые имели бы обязательное обращение и отвечали назначению денежной единицы: это упрощало операцию за счет ее обобщения. Таким образом, возникли ассигнации.

Это изобретение было очень полезно для революции и само по себе обеспечило продажу церковной собственности. Ассигнации, которые были платежным средством для государства, стали залогом для кредиторов. Последние, получая их, не были обязаны принимать плату землей за то, что они предоставили деньгами. Но рано или поздно ассигнации попали бы в руки людей, склонных реализовать их, и тогда они должны были быть уничтожены одновременно с тем, как перестали быть залогом. Для того чтобы они могли выполнить свое предназначение, требовалось их принудительное обращение; для обеспечения их сохранности количество было ограничено стоимостью имущества, предлагаемого к продаже; а чтобы они не обесценились при слишком резком изменении, на них были начислены проценты. Ассамблея с момента их выпуска желала обеспечить им всю полноту денежных средств. Оставалось надеяться, что скрытая из-за недоверия монета немедленно появится вновь и что ассигнаты вступят с ней в конкуренцию. Ипотека делала их столь же надежными, а проценты делали их более прибыльными; но этот интерес, сопровождавшийся большими неудобствами, исчез после

первой эмиссии. Таково было происхождение бумажных денег, выпущенных в условиях такой крайней необходимости и с такой осторожностью, которые позволили революции совершить такие великие дела и которые были дискредитированы причинами, связанными не столько с их природой, сколько с их последующим использованием.

Когда духовенство декретом от 29 декабря увидело, что управление церковным имуществом передано муниципалитетам, что оно собирается продать его на сумму в четыреста миллионов франков и что выпуск бумажных денег рассчитан на то, чтобы облегчить это разграбление и сделать его окончательным, оно не оставило ничего незавершенным, чтобы обеспечить вмешательство Бога в дело его обогащения. Оно предприняло последнюю попытку: предложило реализовать от своего имени заем в четыреста миллионов франков, который был отклонен, потому что в противном случае, после того как оно решило, что не является собственником церковного имущества, оно, таким образом, снова было бы признано таковым. Затем он изыскал все средства, чтобы воспрепятствовать деятельности муниципалитетов. На юге это поднимало католиков против протестантов; за кафедрой это будоражило совесть; в исповедальне это рассматривало торговлю как святотатство, а с трибуны это стремилось вызвать подозрения в чувствах собрания. Она возбуждала как можно больше религиозных вопросов с целью скомпрометировать ассамблею и смешать свои собственные интересы с интересами религии. Злоупотребления и бесполезность монашеских обетов в тот период признавались всеми, даже духовенством. При их отмене 13 февраля 1790 года епископ Нанси случайно и вероломно предложил, чтобы только католическая религия имела общественное богослужение. Ассамблея была возмущена мотивами, побудившими выдвинуть такое предложение, и оно было отклонено. Но то же предложение было снова выдвинуто на другом заседании, и после бурных дебатов ассамблея заявила, что из уважения к Верховному Существо и католической религии, единственной, поддерживаемой за счет государства, она считает, что не должна принимать решения по представленному ей вопросу.

Таково было расположение духовенства, когда в июне и июле 1790 года ассамблея обратила свое внимание на свою внутреннюю организацию. Духовенство с нетерпением ждало этой возможности спровоцировать раскол. Этот проект, принятие которого причинило столько зла, был направлен на восстановление церкви на ее древней основе и восстановление чистоты ее учения; это была работа не философов, а строгих христиан, которые хотели поддержать религию государством и заставить их взаимно содействовать ее счастью. Сокращение числа епископств до того же числа, что и кафедр, соответствие церковных границ гражданским, назначение епископов выборщиками, которые также выбирали депутатов и администраторов, упразднение капитулов и замена каноников викариями были главными чертами этого плана; в нем не было ничего, что нападало бы на догмы или богослужение церкви. Долгое время епископы и другие духовные лица назначались народом; что касается епархиальных границ, то это действие было чисто материальным и ни в коем случае не религиозным. Кроме того, оно щедро обеспечивало поддержку членов церкви, и если высшие сановники видели, что их доходы сокращаются, то кюре, составлявшие самую многочисленную часть, увеличивали свои.

Но предлога не хватало, и за гражданское устройство духовенства охотно ухватились. С самого начала обсуждения архиепископ Эксский выразил протест против принципов церковного комитета. По его мнению, назначение или отстранение от должности епископов гражданскими властями противоречило дисциплине; и когда указ был поставлен на голосование, епископ Клермонский повторил принципы, выдвинутые архиепископом Экским, и покинул зал во главе

всех несогласных. Декрет был принят, но духовенство объявило войну революции. С этого момента оно еще теснее сблизилось с несогласным дворянством. В равной степени поставленные в общее положение, два привилегированных класса использовали все свои средства, чтобы остановить ход реформ.

Едва были сформированы департаменты, как они послали агентов собрать выборщиков и попробовать новые кандидатуры. Они не надеялись получить благоприятный выбор, но стремились разжечь разногласия между ассамблеей и департаментами. Этот проект был осужден с трибуны и провалился, как только о нем стало известно. Затем его авторы приступили к работе другим способом. Срок, отведенный депутатам генеральных штатов, истек, их полномочия были ограничены одним годом, согласно желанию округов. Аристократы воспользовались этим обстоятельством, чтобы потребовать новых выборов в собрание. Если бы они добились этого, то получили бы большое преимущество, и с этой целью они сами апеллировали к суверенитету народа. "Без сомнения, - ответил Шапелье, - весь суверенитет принадлежит народу; но этот принцип неприменим к данному случаю; это означало бы уничтожение конституции и свободы обновлять собрание до того, как конституция будет завершена. Это, действительно, надежда тех, кто желает увидеть, как свобода и конституция погибнут, и стать свидетелями возвращения отличия сословий, расточительности в государственных расходах и злоупотреблений, проистекающих из деспотизма". В этот момент все взгляды обратились Направо и остановились на аббате Мори. *"Отправьте этих людей в Шатле, - резко крикнул тот. - или, если вы их не знаете, не говорите о них."* "Конституция, - продолжал Шапелье, - может быть принята только одним собранием. Кроме того, бывших выборщиков больше не существует; судебные приставы распределены по департаментам, приказы больше не являются отдельными. Следовательно, положение об ограничении власти не имеет ценности; следовательно, оно будет противоречить конституции, если депутаты не сохранят свои места в этом собрании; их присяга предписывает им оставаться там, и этого требуют общественные интересы".

"Вы запутываете нас в софизмах, - ответил аббат Мори. - Как долго мы были национальным собранием? Вы говорите о присяге, которую мы принесли 20 июня, не принимая во внимание, что это не может ослабить то, что мы дали нашим избирателям. Кроме того, джентльмены, конституция завершена; вам остается только объявить, что король обладает всей полнотой исполнительной власти. Мы находимся здесь с единственной целью - обеспечить французской нации право влиять на свое законодательство, установить принцип, согласно которому налогообложение должно быть одобрено народом, и обеспечить нашу свободу. Да, конституция создана; и я буду выступать против любого указа, направленного на ограничение прав народа на своих представителей. Основатели свободы должны уважать свободу нации; нация выше всех нас, и мы разрушаем нашу власть, ограничивая национальную власть".

Речь аббата Мори была встречена громкими аплодисментами справа. Мирабо немедленно поднялся на трибуну. "Спрашивается, - сказал он, - как долго народные избранники были национальным собранием? Отвечаю, с того дня, когда, обнаружив дверь своего сессионного зала окруженной солдатами, они пошли и собрались там, где могли, и поклялись скорее погибнуть, чем предать или отказаться от прав нации. Какими бы ни были наши полномочия, в тот день их природа изменилась; и какими бы полномочиями мы ни пользовались, наши усилия и подвиги сделали их законными, а сплочение нации осватило их. Все вы помните высказывание великого человека древности, который пренебрег юридическими формами,

чтобы спасти свою страну. Вызванный фракционным трибуном заявить, соблюдал ли он законы, он ответил: "Клянусь, я спас свою страну!" Господа, - воскликнул он, обращаясь к депутатам палаты общин, - "Я клянусь, что вы спасли Францию!"

Затем собрание поднялось в результате стихийного движения и заявило, что заседание не должно закрываться до тех пор, пока их задача не будет выполнена.

В то же время усилились контрреволюционные действия и без собрания. Предпринимались попытки соблазнить или дезорганизовать армию, но ассамблея приняла благоразумные меры в этом отношении. Она завоевала расположение войск, сделав продвижение по службе независимым от двора и дворянских титулов. Граф д'Артуа и принц де Конде, которые удалились в Турин после 14 июля, вели переписку с Лионом и югом; но эмигранты еще не обладали тем внешним влиянием, которое они впоследствии приобрели в Кобленце, и не находили внутренней поддержки, поэтому все их усилия были тщетны. Попытки восстания, инициированные духовенством в Лангедоке, имели столь же незначительный эффект. Они вызвали некоторые временные беспорядки, но не привели к религиозной войне. Необходимо время, чтобы сформировать партию; еще больше требуется, чтобы побудить ее решиться на серьезные военные действия. Более осуществимым планом было похищение короля и отправка его в Перонн. Маркиз де Фаврас при поддержке *месье*, брата короля, готовился к казни, когда это было обнаружено. Шатле приговорил к смерти этого бесстрашного авантюриста, который потерпел неудачу в своем предприятии из-за того, что предпринял его слишком напоказ. Бегство короля после октябрьских событий могло быть осуществлено только тайно, как это впоследствии произошло в Варенне.

Позиция суда была двусмысленной и вызывающей смущение. Оно поощряло все контрреволюционные предприятия и не признавало ни одного; оно более чем когда-либо ощущало свою слабость и зависимость от собрания; и хотя желало сбросить ярмо, боялось предпринять попытку, потому что успех казался трудным. Соответственно, оно возбуждало оппозицию, не сотрудничая в ней открыто; с некоторыми оно мечтало о восстановлении старого режима, с другими оно стремилось лишь видоизменить революцию. Мирабо недавно заключил с ней договор. Будучи одним из главных авторов реформы, он стремился придать ей стабильность, сковав фракцию. Его целью было обратить двор на сторону революции, а не отдать революцию двору. Поддержка, которую он предложил, была конституционной; он не мог предложить никакой другой, ибо его власть зависела от его популярности, а его популярность - от его принципов. Но он был неправ, позволив купить это. Если бы его безмерные нужды не вынуждали его принимать деньги и продавать свои советы, он не был бы более виноват, чем неизменный Лафайет, Ламеты и жирондисты, которые последовательно вели с ним переговоры. Но ни один из них не завоевал доверия двора; он прибегал к ним только в крайних случаях. С их помощью он пытался приостановить революцию, в то время как с помощью аристократии он пытался уничтожить ее. Из всех популярных лидеров Мирабо, пожалуй, имел наибольшее влияние при дворе, потому что он был самым обаятельным и обладал самым сильным умом.

Ассамблея неустанно работала над конституцией в разгар этих интриг и заговоров. Она приняла постановление о новой судебной организации Франции. Все новые должности магистратуры были временными. При абсолютной монархии вся власть исходила от трона, и все должностные лица назначались королем; при конституционной монархии вся власть исходила от народа, должностные лица должны были назначаться им. Только трон передавался по наследству;

остальные полномочия, не являясь собственностью ни мужчины, ни семьи, не были ни пожизненными, ни наследственными. Законодательство того периода зависело от одного-единственного принципа - суверенитета нации. Судебные функции сами по себе имели такой изменчивый характер. Суд присяжных, демократический институт, ранее распространенный почти на всем континенте, но который только в Англии пережил посягательства феодализма и трона, был внедрен в уголовные дела. Для рассмотрения гражданских дел были назначены специальные судьи. Были созданы постоянные суды, два апелляционных суда для предотвращения ошибок *икассационный суд*, призванный обеспечить сохранение форм защиты закона. Эта грозная власть, когда она исходит от трона, может быть независимой, только будучи постоянной; но она должна быть временной, когда она исходит от народа; потому что, хотя она зависит от всех, она ни от кого не зависит.

По другому вопросу, не менее важному, о праве на заключение мира или войну, ассамблея решила новый и деликатный вопрос, и это уверенно, справедливо и оперативно, после одной из самых ярких и красноречивых дискуссий, которые когда-либо отличали ее заседания. Поскольку мир и война зависели скорее от действия, чем от воли, он, вопреки обычному правилу, доверил инициативу королю. Тот, кто лучше всех мог судить о его пригодности, должен был предложить этот вопрос, но решать его было предоставлено законодательному органу.

Народный поток, после того как он вырвался против старого режима, постепенно улегся в свое русло; новые плотины сдерживали его со всех сторон. Правительство революции быстро устанавливалось. Ассамблея предоставила новому режиму его монарха, его национальное представительство, его территориальное деление, его вооруженные силы, его муниципальную и административную власть, его народные суды, его валюту, его духовенство; она договорилась о своем долге и нашла средства для восстановления собственности без несправедливости.

Приближалось 14 июля: нация считала этот день годовщиной своего освобождения, и велись приготовления к празднованию его с торжественностью, рассчитанной на возвышение душ граждан и укрепление общих уз союза. Было назначено созвать конфедерацию всего королевства на Марсовом поле; и там, под открытым небом, депутаты, присланные восьмьюдесятью тремя департаментами, национальные представители, парижская гвардия и монарх должны были принести присягу конституции. В качестве прелюдии к этому патристическому празднику популярные представители дворянства предложили отменить титулы; и собрание стало свидетелем еще одного заседания, подобного тому, которое состоялось 4 августа. Титулы, гербы, ливреи и рыцарские ордена были отменены 20 июня, и тщеславие, как и власть ранее, утратило свои привилегии.

Это заседание установило повсюду равенство и привело вещи в соответствие со словами, уничтожив всю помпезную атрибутику других времен. Раньше титулы обозначали функции; гербы отличали могущественные семьи; ливреи носили целые армии вассалов; рыцарские ордена защищали государство от иностранных врагов, Европу - от исламизма; но теперь ничего этого не осталось. Титулы утратили свою истинность и пригодность; дворянство, перестав быть магистратурой, перестало быть даже украшением; и власть, как и слава, отныне должна была исходить из рядов плебеев. Но то ли аристократия ценила свои титулы больше, чем привилегии, то ли они только ждали предлога, чтобы открыто заявить о себе, эта последняя мера больше, чем какая-либо другая, определила эмиграцию и ее нападки. Это было для дворянства тем же, чем гражданская конституция была для духовенства, - скорее поводом, чем причиной вражды.

Наступило 14 июля, и революция была свидетелем нескольких таких славных дней — только погода не соответствовала этому великолепному празднику. Депутаты всех департаментов были представлены королю, который принял их с большой приветливостью; и он, со своей стороны, также получил самые трогательные свидетельства любви, но как конституционный король. "Сир, - сказал предводитель бретонской депутации, преклоняя одно колено и протягивая свой меч, - я вручаю вам в руки верный меч храбрых бретонцев: он обагрится только кровью ваших врагов". Louis XVI. поднял, обнял его и вернул меч. "Оно не может быть в лучших руках, чем у моих храбрых бретонцев, - ответил он. - Я никогда не сомневался в их верности и привязанности; заверьте их, что я отец и брат, друг всех французов". "Сир, - ответил депутат, - каждый француз любит и будет продолжать любить вас, потому что вы гражданин короля".

Конфедерация должна была состояться на Марсовом поле. Грандиозные приготовления едва успели завершиться вовремя; весь Париж в течение нескольких недель был занят подготовкой к 14-му числу. В семь часов утра процессия выборщиков, представителей корпорации, председателей округов, национального собрания, парижской гвардии, армейских депутатов и федератов департаментов в полном порядке двинулась от места взятия Бастилии. Присутствие всех этих национальных корпусов, развевающиеся знамена, патриотические надписи, разнообразные костюмы, звуки музыки, радость толпы придавали шествию самый впечатляющий вид. Она пересекла город и переправилась через Сену под артиллерийский залп по лодочному мосту, который был переброшен через нее накануне. Он въехал на Марсово поле под триумфальной аркой, украшенной патриотическими надписями. Каждый занял отведенное ему место в безупречном порядке и под крики аплодисментов.

Огромное пространство Марсова поля было огорожено возвышающимися над землей скамьями, на которых могли разместиться четыреста тысяч зрителей. Посередине был воздвигнут античный алтарь, а вокруг него, на обширном амфитеатре, расположились король, его семья, ассамблея и корпорация. Федераты департаментов выстроились в определенном порядке под своими знаменами; представители армии и национальной гвардии были в их рядах и под их знаменами. Епископ Отенский вззошел на алтарь в папских одеждах; четыреста священников в белых ризах, украшенных ниспадающими трехцветными поясами, были расставлены по четырем углам алтаря. Месса была отслужена под звуки военной музыки, а затем епископ Отенский благословил орифлammu и восемьдесят три знамени.

На обширной территории воцарилась глубокая тишина, и Лафайет, назначенный в тот день главнокомандующим всеми национальными гвардейцами королевства, выступил вперед первым, чтобы принести гражданскую присягу. Принесенный на руках гренадеров к алтарю страны, под одобрительные возгласы народа, он громким голосом воскликнул от своего имени, а также от имени федератов и войск: "Мы клянемся в вечной верности нации, закону и королю; поддерживать в меру наших сил конституцию, принятую национальным собранием и королем; и оставаться соединенными с каждым французом неразрывными узами братства". Тотчас же раздалась пушечная пальба, продолжительные крики "Да здравствует нация!" "Да здравствует король!" и звуки музыки смешались в воздухе. Председатель национального собрания принес ту же клятву, и все депутаты повторили ее в один голос. Затем Людовик XVI. встал и сказал: "Я, король Франции, клянусь использовать всю власть, делегированную мне конституционным актом государства, для поддержания конституции, утвержденной национальным собранием и

принятой мной". Королева, увлеченная энтузиазмом момента, встала, подняла дофина на руки и, показывая его народу, воскликнула: "Смотрите, мой сын, он разделяет со мной те же чувства". В этот момент были приспущены знамена, слышались одобрительные возгласы народа, подданные поверили в искренность монарха, монарх - в любовь подданных, и этот счастливый день завершился благодарственным гимном.

Праздники конфедерации затянулись на несколько дней. Мэрия Парижа устраивала иллюминации, балы и спортивные состязания для депутатов департаментов. На том месте, где год назад стояла Бастилия, устраивался бал; тут и там виднелись решетки, оковы, руины, а на двери была надпись " *Ici on danse*", что разительно контрастировало с древним предназначением этого места. Современник замечает: "Они действительно танцевали с радостью и уверенностью на земле, где было пролито так много слез; где так часто стонали мужество, гениальность и невинность; где так часто заглушались крики отчаяния". В память о конфедерации была отчеканена медаль, и по окончании торжеств депутаты вернулись в свои департаменты.

Конфедерация лишь приостановила враждебность партий. Мелкие интриги возобновились как в ассамблее, так и за ее пределами. Герцог Орлеанский вернулся со своей миссии или, точнее говоря, из изгнания. Расследование событий 5 и 6 октября, в совершении которых он и Мирабо обвинялись как авторы, проводилось следствием Шатле, которое было приостановлено, а теперь возобновлено. Этим нападением суд снова продемонстрировал свою недалекость, поскольку ему следовало либо доказать обвинение, либо не выдвигать его. Ассамблея, приняв решение выдать виновных, если бы таковые нашлись, заявила, что оснований для судебного разбирательства нет; и Мирабо, после ошеломляющей вспышки гнева против всего этого дела, добился Права хранить молчание и, таким образом, с триумфом оправился от обвинения, которое было выдвинуто специально для того, чтобы запугать его.

Они напали не только на нескольких депутатов, но и на саму ассамблею. Суд интриговал против этого, но правые довели дело до преувеличения. "Нам нравятся его декреты, - сказал аббат Мори. - Мы хотим еще три или четыре". Нанятые клеветники продавали у самых его дверей газеты, рассчитанные на то, чтобы лишить его уважения народа; министры обвиняли его и препятствовали его продвижению. Неккер, которого все еще преследовали воспоминания о его прежнем господстве, обратился к нему с памятными письмами, в которых выступал против его постановлений и давал ему советы. Этот министр не мог привыкнуть к второстепенной роли: он не соглашался с внезапными планами ассамблеи, столь полностью противоречащими его идеям постепенных реформ. Наконец, убедившись или устав от тщетности своих усилий, он покинул Париж, подав в отставку, 4 сентября 1790 года и незаметно пересек те провинции, которые год назад он прошел с триумфом. В революциях о людях легко забывают, потому что нация видит многих в их разнообразном ходе. Если мы не хотим считать их неблагодарными, мы ни на мгновение не должны прекращать служить в соответствии с их собственным желанием.

С другой стороны, дворянство, нашедшее новый предмет недовольства в отмене титулов, продолжало свои контрреволюционные усилия. Поскольку ей не удалось взволновать народ, который со своего положения находил недавние перемены очень полезными, она прибегла к средствам, которые считала более надежными; она покинула королевство с намерением вернуться туда со всей Европой в качестве своего вооруженного союзника; но, ожидая, пока будет организована система эмиграции, ожидая появления иностранных врагов революции,

она продолжала возбуждать врагов к ней внутри королевства. Войска, как мы уже отмечали ранее, уже в течение некоторого времени подвергались различным манипуляциям. Новый военный кодекс был благоприятен для солдат; продвижение по службе, ранее предоставлявшееся дворянству, теперь предоставлялось по выслуге лет. Большинство офицеров были приверженцами старого режима и не скрывали этого факта. Вынужденные принять то, что стало общепринятой присягой, - клятву верности нации, закону и королю, некоторые покидали армию и увеличивали число эмигрантов, в то время как другие пытались привлечь солдат на свою сторону.

Генерал Буйе был из этого числа. После долгого отказа принять гражданскую присягу он, наконец, сделал это с таким намерением. У него под командованием был многочисленный отряд войск у северной границы; он был умен, решителен, предан королю, выступал против революции, какой она тогда стала, хотя и был другом реформ; обстоятельство, которое впоследствии навлекло на него подозрения в Кобленце. Он держал свою армию изолированной от граждан, чтобы она могла сохранять верность и чтобы она не была заражена духом неподчинения, который они передавали войскам. Благодаря умелому управлению и возвышению великого ума ему также удалось сохранить доверие и привязанность своих солдат. Нигде такого не было. Офицеры были объектами всеобщей неприязни; их обвиняли в уменьшении жалованья и в том, что они не заботились о большей части войск. Преобладающие мнения также имели некоторое отношение к этой неудовлетворенности. Эти совокупные причины привели к восстаниям среди мужчин; восстание в Нанси в августе 1790 года вызвало большую тревогу и стало почти сигналом к гражданской войне. Три полка - Шатовье, метрдотеля и личный королевский - восстали против своих командиров. Буйе было приказано выступить против них; он сделал это во главе гарнизона и национальной гвардии Меца. После оживленной стычки он усмирил их. Собрание поздравило его; но Париж, видевший в Буйе заговорщика, был вновь взбужден этим известием. Собирались толпы, и громко требовали импичмента министрам, которые отдали приказ Буйе двинуться маршем на Нанси. Лафайету, однако, удалось утихомирить это волнение, поддержанное собранием, которое, оказавшись между контрреволюцией и анархией, выступило против того и другого с равной мудростью и мужеством.

Аристократия торжествовала при виде трудностей, ставивших собрание в тупик. Они воображали, что оно будет вынуждено зависеть от массы или полностью лишит себя ее поддержки; и в том и в другом случае возвращение к старому режиму представлялось им коротким и легким. Духовенство принимало участие в этой работе. Продажа церковного имущества, которой оно всячески препятствовало, была произведена по более высокой цене, чем установленная. Народ, освобожденный от десятины и успокоенный относительно государственного долга, был далек от того, чтобы прислушиваться к гневным советам священников; соответственно, они воспользовались гражданским устройством духовенства, чтобы спровоцировать раскол. Мы видели, что это постановление ассамблеи не повлияло ни на дисциплину, ни на вероучение церкви. Король санкционировал это 26 декабря; но епископы, стремившиеся прикрыть свои интересы покровом религии, заявили, что это посягательство на духовный авторитет. Папа, с которым советовались относительно этой чисто политической меры, отказался дать на нее свое согласие, чего король искренне добивался, и поощрял противодействие священников. Последние решили, что они не согласятся с установлением гражданской конституции; что те из них, кто может быть подавлен, будут протестовать против этого неканонического акта, что каждое епископство, созданное без согласия папы, должно

быть недействительным, и что митрополитам следует отказать в учреждении епископов, назначенных в соответствии с гражданскими формами.

Ассамблея укрепила эту лигу, попытавшись помешать ей. Если бы, вопреки их истинному желанию, несогласные священники были предоставлены самим себе, они не обнаружили бы элементов религиозной войны. Но ассамблея постановила, что священнослужители должны присягнуть на верность нации, закону и королю и поддерживать гражданскую конституцию духовенства. Отказ от принятия этой присяги должен был сопровождаться заменой других лиц в их епископствах и исцелениях. Собрание надеялось, что высшее духовенство из корыстных побуждений и низшее духовенство из честолюбия примут эту меру.

Епископы, напротив, думали, что все духовенство последует их примеру и что, отказавшись от присяги, они оставят государство без общественного богослужения, а народ - без священников. Результат не оправдал ожиданий ни одной из сторон; большинство епископов и кюре ассамблеи отказались принести присягу, но несколько епископов и много кюре приняли ее. Несогласные должностные лица были лишены этого права, и выборщики назначили им преемников, которые получили канонические учреждения от епископов Отена и Лиды. Но лишённые власти церковники отказались отказаться от своих функций и объявили своих преемников незваными гостями, совершаемые ими таинства недействительными, а всех христиан, которые осмелились бы признать их, отлученными от церкви. Они не покидали своих епархий; они выдвигали обвинения и подстрекали людей к неповиновению законам; и таким образом, дело, представляющее частный интерес, стало сначала делом религии, а затем и делом партии. Существовало две группы духовенства, одна конституционная, другая непокорная; у каждой из них были свои приверженцы, и они относились друг к другу как к мятежникам и еретикам. В зависимости от страсти или интереса религия становилась инструментом или препятствием; и в то время как священники становились фанатиками, революция создавала неверующих. Люди, еще не зараженные этой болезнью высших классов, потеряли, особенно в городах, веру своих отцов из-за неосторожности тех, кто поставил их между революцией и их религией. "Епископы, - сказал маркиз де Ферьер, которого никто не заподозрит, - отказались принять какие-либо меры и своими преступными интригами закрыли все пути к примирению, принесли католическую религию в жертву безумному упрямству и порочащей привязанности к своему богатству".

Каждая партия стремилась завоевать народ; за ней ухаживали как за сувереном. После попытки повлиять на нее с помощью религии были использованы другие средства - дубинки. В тот период клубы были частными собраниями, на которых обсуждались меры правительства, дела государства и постановления собрания; их обсуждения не имели авторитета, но они оказывали определенное влияние. Первый клуб был обязан своим возникновением бретонским депутатам, которые уже встречались в Версале, чтобы обсудить, какие действия им следует предпринять. Когда национальные представители были переведены из Версаля в Париж, бретонские депутаты и те члены ассамблеи, которые придерживались их взглядов, проводили свои заседания в старом монастыре якобинцев, который впоследствии дал название их собраниям. Сначала это не перестало быть подготовительным собранием, но со временем якобинский клуб не ограничился влиянием на собрание; он стремился также влиять на муниципалитет и народ и принимал в качестве партнеров членов муниципалитета и простых граждан. Его организация стала более регулярной, его действия - более мощными; о его заседаниях регулярно

сообщалось в газетах; он создал филиалы клубов в провинциях и выдвинул на сторону законной власти другую силу, которая сначала консультировала, а затем руководила ею.

Якобинский клуб, утративший свой примитивный характер и превратившийся в народное собрание, был покинут частью своих основателей. Последний основал другое общество по плану старого, под названием "клуб 89-го". Сийес, Шапелье, Лафайет, Ларошфуко руководили этим, как Ламет и Барнав руководили якобинцами. Мирабо принадлежала обоим, и оба одинаково ухаживали за ней. Эти клубы, из которых один преобладал в собрании, а другой - в народе, были привержены новому порядку вещей, хотя и в разной степени. Аристократия стремилась атаковать революцию ее собственным оружием; она открыла роялистские клубы, чтобы противостоять народным клубам. Это общество, впервые созданное под названием *Беспристрастного клуба*, не могло долго существовать, потому что оно не обращалось ни к какому классовому мнению. Вновь появившись под названием *Монархического клуба*, он включил в число своих членов всех тех, чьи взгляды он представлял. Она стремилась завоевать популярность среди низших классов и раздавала хлеб; но народ, далекий от того, чтобы принять ее предложения, рассматривал такие учреждения как контрреволюционное движение. Люди мешали их заседаниям и несколько раз вынуждали их менять место встречи. В конце концов, в январе 1791 года муниципальные власти оказались вынуждены закрыть этот клуб, ставший причиной нескольких беспорядков.

Недоверие толпы было крайним; отъезд тетушек короля, которому она придавала преувеличенное значение, усилил ее беспокойство и заставил предположить, что готовится еще один отъезд. Эти подозрения не были беспочвенными, и они вызвали своего рода восстание, которое контрреволюционеры попытались обратить в свою пользу, похитив короля. Этот проект провалился благодаря решимости и мастерству Лафайета. В то время как толпа направилась в Венсен, чтобы разрушить темницу, которая, по их словам, сообщалась с Тюильри и способствовала бегству короля, более шестисот человек, вооруженных мечами и кинжалами, вошли в Тюильри, чтобы вынудить короля бежать. Лафайет, отправившийся в Венсен, чтобы разогнать толпу, вернулся, чтобы подавить контрреволюционеров в замке, после того как разогнал толпу народной партии, и этой второй экспедицией он вернул себе доверие, которого лишился в первой.

Эта попытка привела к побегу Людовика XVI. его боялись больше, чем когда-либо. Соответственно, вскоре после этого, когда он захотел отправиться в Сен-Клу, ему помешали толпа и даже его собственная охрана, несмотря на усилия Лафайета, который пытался заставить их уважать закон и свободу монарха. Ассамблея, со своей стороны, после принятия декрета о неприкосновенности принца, после регулирования деятельности его конституционной гвардии и назначения регентства ближайшему наследнику короны мужского пола, объявила, что его бегство из королевства приведет к его свержению. Растущая эмиграция, открытое признание ее целей и угрожающая позиция европейских кабинетов министров - все это вызывало опасения, что король может принять такое решение.

Тогда, впервые, ассамблея попыталась остановить прогресс эмиграции декретом; но этот декрет был сложным вопросом. Если они наказывали тех, кто покидал королевство, они нарушали принципы свободы, провозглашенные священными декларацией прав; если они не создавали препятствий для эмиграции, они ставили под угрозу безопасность Франции, поскольку дворяне просто покидали ее, чтобы вторгнуться в нее. В ассамблее, исключая тех, кто

выступал за эмиграцию, одни смотрели только на правое дело, другие - только на опасность, и каждый был на стороне ограничительного закона или выступал против него, в зависимости от своего взгляда на предмет. Те, кто желал принятия закона, хотели, чтобы он был мягким; но только один закон мог быть осуществим в такой момент, и ассамблея воздержалась от его принятия. Этот закон по произвольному распоряжению комитета из трех членов должен был вынести беглецу гражданский смертный приговор и конфискацию его имущества. "Ужас, вызванный прочтением этого проекта, - воскликнул Мирабо, - доказывает, что этот закон достоин быть включенным в кодекс Дракона и не может найти места среди декретов национального собрания Франции. Я заявляю, что буду считать себя освобожденным от всех клятв верности, которые я давал по отношению к тем, кто может быть достаточно печально известен, чтобы назначить диктаторскую комиссию. Популярность, которой я жажду и которой имею честь пользоваться, - это не слабая трость; я хочу, чтобы она пустила корни в почве, основанной на справедливости и свободе". Внешнее положение еще не было достаточно тревожным для принятия такой меры безопасности и революционной обороны.

Мирабо недолго наслаждался популярностью, в которой, как ему казалось, он был так уверен. Это было последнее заседание, на котором он присутствовал. Через несколько дней после этого он покончил с жизнью, измученный страстями и тяжелым трудом. Его смерть, случившаяся 2 марта 1791 года, считалась общественным бедствием; весь Париж присутствовал на его похоронах; по всей Франции был объявлен всеобщий траур, и его останки были помещены в сосуд, который только что был освящен *для великих людей*, во имя *разведывательного отечества*. Никто не сменил его по могуществу и популярности; и долгое время во время трудных дискуссий взоры собрания обращались к тому месту, откуда они привыкли слышать повелительное красноречие, положившее конец их дебатам. Мирабо, после того как помог революции своей смелостью в периоды испытаний и своими убедительными доводами после ее победы, умер вовремя. Он строил грандиозные планы; он хотел укрепить трон и консолидировать революцию; две попытки, чрезвычайно трудные в такое время. Следует опасаться, что королевская власть, если бы он сделал ее независимой, подавила бы революцию; или, если бы он потерпел неудачу, революция свергла бы королевскую власть. Возможно, невозможно преобразовать старую власть в новый порядок; возможно, революция должна быть продолжительной, чтобы стать легитимной, и трон, по мере своего восстановления, приобретет новизну других институтов.

С 5 и 6 октября 1789 года по апрель 1791 года национальное собрание завершило реорганизацию Франции; двор предался мелким интригам и планам бегства; привилегированные классы искали новых средств к власти, поскольку те, которыми они обладали раньше, были последовательно отняты у них. Они воспользовались всеми возможностями для беспорядков, которые предоставляли им обстоятельства, чтобы напасть на новый режим и восстановить старый посредством анархии. При открытии судебных органов дворянство вызвало протесты палат отдыха; когда провинции были упразднены, оно вызвало протест орденов. Как только были сформированы департаменты, оно попыталось провести новые выборы; когда истек срок действия старых предписаний, оно добилось роспуска собрания; когда был принят новый военный кодекс, оно попыталось спровоцировать дезертирство офицеров; наконец, поскольку все эти средства противодействия не привели к успеху его замыслов, оно эмигрировало, чтобы возбудить Европу против революции. Духовенство, со своей стороны, недовольное потерей своих владений еще больше, чем церковной конституцией, стремилось разрушить новый порядок путем восстаний и вызвать

восстания путем раскола. Таким образом, именно в эту эпоху партии постепенно разобщались и два враждебных революции класса подготовили элементы гражданской и внешней войны.

ГЛАВА IV

С АПРЕЛЯ 1791 ГОДА По 3 сентября. КОНЕЦ УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Французская революция должна была изменить политическое состояние Европы, положить конец вражде королей между собой и положить начало вражде между королями и народом. Это произошло бы гораздо позже, если бы сами короли не спровоцировали это. Они стремились подавить революцию и расширили ее; ибо, нападая на нее, они должны были сделать ее победоносной. Затем Европа достигла срока действия политической системы, которая повлияла на нее. Политическая деятельность нескольких государств, бывшая внутренней при феодальном правительстве, стала внешней при монархическом правительстве. Первый период закончился почти одновременно у всех великих наций Европы. Тогда короли, которые так долго воевали со своими вассалами, потому что они были в контакте с ними, столкнулись друг с другом на границах своих королевств и сразились. Поскольку никакое господство не могло стать всеобщим, ни господство Карла V, ни господство Людовика XIV, слабые всегда объединялись против сильных, после нескольких перипетий превосходства и альянсов было установлено своего рода европейское равновесие. Чтобы оценить скрытые события, я предлагаю рассмотреть это равновесие до революции.

Австрия, Англия и Франция были, начиная с Вестфальского мира и до середины восемнадцатого века, тремя великими державами Европы. Интересы объединили двух первых против третьего. У Австрии были причины опасаться влияния Франции в Нидерландах; Англия опасалась его на море. Соперничество во власти и торговле часто приводило к их разногласиям, и они стремились ослабить или ограбить друг друга. Испания, с тех пор как на троне находился принц из дома Бурбонов, была союзником Франции против Англии. Это, однако, была пришедшая в упадок держава: ограниченная уголком континента, угнетенная системой Филиппа II, лишенная по Семейному договору единственного врага, который мог удержать ее в действии, и только на море она сохранила хоть что-то от своего древнего превосходства. Но у Франции были и другие союзники по обе стороны от Австрии: Швеция на севере; Польша и Порта на востоке; на юге Германии - Бавария; Пруссия на западе; и в Италии - Неаполитанское королевство. Эти державы, имевшие основания опасаться посягательств Австрии, естественно, были союзниками ее врага. Пьемонт, расположенный между двумя системами союза, в зависимости от обстоятельств и своих интересов становился на сторону любой из них. Голландия была объединена с Англией или с Францией, поскольку в республике преобладала партия штатгальтеров или партия народа. Швейцария была нейтральной.

Во второй половине восемнадцатого века на севере поднялись две державы - Россия и Пруссия. Последний был превращен из простого электората в важное королевство Фридрихом-Вильгельмом, который дал ему сокровища и армию; и его сыном Фридрихом Великим, который использовал их для расширения своей территории. Россия, долгое время не связанная с другими государствами, была более конкретно введена в европейскую политику Петром I и Екатериной II. Присоединение этих двух держав значительно изменило древние союзы. Совместно с венским кабинетом министров Россия и Пруссия осуществили первый раздел Польши в 1772 году; а после смерти Фридриха Великого императрица Екатерина и император Иосиф объединились в 1785 году, чтобы осуществить раздел Европейской Турции.

Версальский кабинет министров, ослабленный после опрометчивой и неудачной Семилетней войны, содействовал разделу Польши, не противодействуя ему, не препятствовал падению Османской империи и даже позволил своему союзнику, республиканской партии в Голландии, пасть под ударами Пруссии и Англии, не оказывая ей помощи. Последние державы в 1787 году силой восстановили наследственный штатгальдерат Соединенных провинций. Единственным актом, который делал честь французской политике, была поддержка, которую она с радостью оказала освобождению Северной Америки. Революция 1789 года, расширив моральное влияние Франции, еще больше ослабила ее дипломатическое влияние.

Англия под руководством молодого Питта была встревожена в 1788 году амбициозными проектами России и объединилась с Голландией и Пруссией, чтобы положить им конец. Военные действия вот-вот должны были начаться, когда в феврале 1790 года умер император Иосиф, и ему наследовал Леопольд, который в июле принял Рейхенбахскую конвенцию. Эта конвенция при посредничестве Англии, России и Голландии установила условия мира между Австрией и Турцией, который был окончательно подписан 4 августа 1791 года в Систове; в то же время она предусматривала умиротворение Нидерландов. По настоянию Англии и Пруссии Екатерина II. также заключила мир с Портой в Яссах 29 декабря 1791 года. Эти переговоры и договоры, к которым они привели, положили конец политической борьбе восемнадцатого века и позволили державам свободно обратить свое внимание на Французскую революцию.

Европейские князья, у которых до сих пор не было врагов, кроме самих себя, рассматривали это как общего врага. Древние военные и союзнические отношения, на которые уже не обращали внимания во время Семилетней войны, теперь полностью прекратились: Швеция объединилась с Россией, а Пруссия с Австрией. Теперь не было ничего, кроме королей с одной стороны и народа с другой, ожидающих поддержки, которую мог бы оказать им его пример или ошибки принцев. Вскоре была сформирована всеобщая коалиция против французской революции. Австрия вступила в нее в надежде на усиление; Англия - отомстить за американскую войну и уберечься от духа революции; Пруссия - укрепить находящуюся под угрозой абсолютную власть и с выгодой нанять свою безработную армию; германские государства - восстановить феодальные права некоторым из своих членов, которые были их лишены отменой старого режима в Эльзасе; король Швеции, объявивший себя поборником произвола, восстановить его во Франции, как он только что сделал в своей собственной стране; Россия - чтобы она могла без проблем осуществить раздел Польши, в то время как внимание Европы было направлено в другое место; наконец, все монархи из дома Бурбонов, исходя из интересов власти и семейных привязанностей. Эмигранты поощряли их в этих проектах и подстрекали к вторжению. По их словам, Франция была без армии или, по крайней мере, без лидеров, без денег, предавшаяся беспорядкам, уставшая от собрания, настроенная на старый режим и не имевшая ни средств, ни желания защищаться. Они стекались толпами, чтобы принять участие в обещанной короткой кампании, и образовали организованные отряды под командованием принца де Конде в Вормсе и графа д'Артуа в Кобленце.

Граф д'Артуа особенно ускорил выбор кабинетов министров. Император Леопольд находился в Италии, и граф отправился к нему вместе с Калоном в качестве министра и графом Альфонсом де Дюрфором, который был его посредником при дворе Тюильри и который передал ему полномочия короля вести переговоры с Леопольдом. Сопровождение состоялось в Мантуе, и граф де Дюрфор вернулся и передал Людовику XVI. от имени императора была составлена секретная декларация, в которой ему было объявлено о скорой помощи коалиции. Австрия должна была

выдвинуть тридцать пять тысяч человек на границу Фландрии; германские государства - пятнадцать тысяч в Эльзас; швейцарцы - пятнадцать тысяч на лионскую границу; король Сардинии - пятнадцать тысяч на границу Дофине; Испания должна была увеличить свою армию в Каталонии до двадцати тысяч; Пруссия была благосклонна к коалиции, и король Англии должен был принять в ней участие в качестве курфюрста Ганноверского. Все эти войска должны были выступить в одно и то же время, в конце июля; дом Бурбонов должен был тогда заявить протест, а державы - опубликовать манифест; однако до тех пор было важно сохранить план в тайне, избежать любого частичного восстания и не предпринимать попыток к бегству. Таков был результат переговоров в Мантуе 20 мая 1791 года.

Людовик XVI, то ли из желания не отдавать себя полностью на милость иностранных держав, то ли опасаясь влияния, которое граф д'Артуа, если бы он вернулся во главе победоносных эмигрантов, принял бы на себя в созданном им правительстве, предпочел восстановить правительство в одиночку. В лице генерала Буйе у него был преданный и умелый сторонник, который в то же время осуждал как эмиграцию, так и ассамблею и обещал ему убежище и поддержку в его армии. В течение некоторого времени между ним и королем велась тайная переписка. Буйе подготовил все для его приема. Он разбил лагерь в Монмеди под предлогом передвижения враждебных войск на границе; он разместил отряды на маршруте, по которому должен был следовать король, для сопровождения его, и поскольку для этих мероприятий был необходим мотив, он утверждал, что это защита денег, отправленных для выплаты жалованья войскам.

Королевская семья, со своей стороны, сделала все возможное для подготовки к отъезду; очень немногие люди были проинформированы об этом, и никакие меры не выдавали этого. Louis XVI. а королева, напротив, придерживалась линии поведения, рассчитанной на то, чтобы заставить замолчать подозрения; и ночью 20 июня они вышли в назначенный час из замка, один за другим, переодетые. Таким образом, они ускользнули от бдительности охраны, добрались до бульвара, где их ждала карета, и направились по дороге в Шалон и Монмеди.

На следующий день известие об этом побеге повергло Париж в ужас; вскоре негодование стало преобладающим настроением; собрались толпы, и волнение усилилось. Тех, кто не предотвратил бегство, обвинили в его содействии. Ни Байи, ни Лафайет не избежали всеобщего недоверия. Это событие считалось предвестником вторжения во Францию, триумфа эмигрантов, возвращения старого режима и затяжной гражданской войны. Но поведение собрания вскоре вернуло общественное сознание к спокойствию и безопасности. Были приняты все меры, которых требовала столь сложная конъюнктура. Оно призвало министров и власти к себе; успокоило народ прокламацией; приняло надлежащие меры предосторожности для обеспечения общественного спокойствия; взяло в свои руки исполнительную власть, поручило Монморену, министру иностранных дел, информировать европейские державы о своих мирных намерениях; направило уполномоченных заручиться благосклонностью войск и принять их присягу, приносимую уже не от имени короля, а от имени ассамблеи, и, наконец, через департаменты издало приказ об аресте любого лица, пытающегося покинуть королевство. "Таким образом, менее чем за четыре часа, - говорит маркиз де Ферьер, - собрание было наделено всеми видами власти. Правительство продолжало действовать; общественное спокойствие не испытало ни малейшего потрясения; и Париж и Франция извлекли урок из этого опыта, столь рокового для королевской власти, что монарх почти всегда чужой для правительства, существующего от его имени".

Тем временем Людовик XVI. и его семья приближались к завершению своего путешествия. Успех первых дней путешествия и увеличивающееся расстояние от Парижа сделали короля менее сдержанным и более уверенным в себе; он имел неосторожность показаться на людях, был узан и арестован в Варенне 21-го. Национальная гвардия немедленно взялась за оружие; офицеры отрядов, выставленных Буйе, тщетно пытались спасти короля; драгуны и гусары боялись их или отказывались поддержать. Буйе, узнав об этом роковом событии, поспешил во главе кавалерийского полка. Но было уже слишком поздно; добравшись до Варенна, он обнаружил, что король покинул его несколько часов назад; его эскадроны устали и отказались наступать. Национальная гвардия была со всех сторон при оружии, и после провала его предприятия у него не было другого выхода, кроме как уволиться из армии и покинуть Францию.

Ассамблея, узнав об аресте короля, направила к нему в качестве уполномоченных трех своих членов: Петиона, Латур-Мобура и Барнава. Они встретились с королевской семьей в Эперне и вернулись вместе с ними. Именно во время этого путешествия Барнав, тронутый здравым смыслом Людовика XVI, очарованием Марии-Антуанетты и судьбой этой павшей семьи, проявил к ней серьезный интерес. С того дня он давал ей свои усердные советы и поддержку. Прибыв в Париж, королевская свита прошла сквозь огромную толпу, которая не выражала ни аплодисментов, ни ропота, но хранила укоризненное молчание.

Король был временно отстранен от должности: к нему приставили охрану, как и к королеве; были назначены уполномоченные для его допроса. Волнение охватило все стороны. Одни желали сохранить короля на троне, несмотря на его бегство; другие утверждали, что он отрекся от престола, осудив в манифесте, адресованном французам при его отъезде, как революцию, так и действия, которые исходили от него в тот период, который он назвал временем плена.

Теперь начала появляться республиканская партия. До сих пор она оставалась либо зависимой, либо скрытой, потому что у нее не было никакого собственного существования, либо потому, что ей нужен был предлог для проявления себя. Борьба, которая шла сначала между собранием и судом, затем между конституционалистами и аристократами, а в последнее время и между самими конституционалистами, теперь должна была начаться между конституционалистами и республиканцами. Во времена революции таков неизбежный ход событий. Сторонники недавно созданного тогда ордена встретились и отказались от разногласий, которые были вредны для их дела, даже когда ассамблея была всемогущей, но которые стали крайне опасными теперь, когда партия эмиграции угрожала им, с одной стороны, и толпа - с другой. Мирабо больше не было. Центр, на который опирался этот могущественный человек и который составлял наименее амбициозную часть собрания, наиболее приверженную принципам, мог, присоединившись к Ламетам, восстановить Людовика XVI. и конституционной монархии, и представляют собой грозную оппозицию народному волнению.

Этот союз состоялся; партия Лам пришла к соглашению с Андре и основными членами Центра, сделала предложения ко двору и открыла клуб Фейянов в противовес клубу якобинцев. Но последние не могли нуждаться в лидерах; при Мирабо они боролись против Мунье; при Ламетам - против Мирабо; при Петионе и Робеспьере они боролись против Ламетов. Партия, желавшая второй революции, постоянно поддерживала самых крайних участников уже совершившейся революции, потому что это делало борьбу и победу доступными для нее. В этот период из подчиненной она стала независимой; она больше не боролась за других и за чужие мнения, а за саму себя и под своим собственным знаменем. Двор своими многочисленными ошибками,

неосмотрительными махинациями и, наконец, бегством монарха дал ему своего рода полномочия открыто заявлять о своей цели; и Ламеты, отказавшись от него, предоставили это дело его истинным лидерам.

Ламеты, в свою очередь, подверглись упрекам толпы, которая видела только их союз с двором, не изучая его условий. Но поддерживаемые всеми конституционалистами, они были самыми сильными в собрании; и они сочли необходимым как можно скорее утвердить короля, чтобы положить конец разногласиям, угрожавшим новому порядку, разрешив общественной партии требовать упразднения королевской власти, пока длится ее приостановление.

Уполномоченные, назначенные для допроса Людовика XVI. продиктовали ему декларацию, которую они представили от его имени собранию и которая смягчила пагубные последствия его бегства. Докладчик заявил от имени семи комитетов, которым поручено рассмотрение этого важного вопроса, что нет никаких оснований для привлечения Людовика XVI к суду. или для объявления о его низложении. Дискуссия, последовавшая за этим докладом, была долгой и оживленной; усилия республиканской партии, несмотря на их настойчивость, не увенчались успехом. Выступало большинство их ораторов; они требовали низложения или регентства, то есть народного правления или подхода к нему. Барнав, выслушав все их доводы, закончил свою речь такими замечательными словами: "Возрожденцы империи, следуйте своим курсом, не отклоняясь. Вы доказали, что у вас хватило мужества покончить со злоупотреблениями властью; вы доказали, что обладали всем необходимым для замены мудрых и благих институтов на их месте; докажите теперь, что у вас есть мудрость защищать и поддерживать их. Нация только что продемонстрировала свою силу и мужество; она продемонстрировала, торжественно и спонтанным движением, все, что она могла противопоставить угрожавшим ей нападениям. Продолжайте принимать те же меры предосторожности; пусть наши границы, пусть наши рубежи будут надежно защищены. Но пока мы проявляем нашу силу, давайте также докажем нашу умеренность; давайте подарим мир миру, встревоженному событиями, которые происходят среди нас; давайте дадим повод для триумфа всем тем, кто в других странах проявил интерес к нашей революции. Они взывают к нам со всех сторон: вы могущественны; будьте мудры, будьте умеренны, в этом будет заключаться ваша высшая слава. Таким образом, вы докажете, что в различных обстоятельствах вы можете использовать различные средства, таланты и добродетели".

Ассамблея встала на сторону Барнава. Но чтобы успокоить народ и обеспечить будущую безопасность Франции, он постановил, что король должен рассматриваться как отрекающийся *де-факто*, если он откажется от присяги, данной им конституции; если он возглавит армию с целью ведения войны против нации или позволит кому-либо сделать это от своего имени; и что в таком случае, став простым гражданином, он перестанет быть неприкосновенным и может нести ответственность за действия, совершенные после его отречения.

В тот день, когда этот указ был принят ассамблеей, лидеры республиканской партии подняли волну протеста против него. Но зал, в котором он заседал, был окружен национальной гвардией, и на него нельзя было напасть или запугать. Агитаторы, не сумевшие помешать принятию декрета, настроили народ против него. Они составили петицию, в которой отрицали компетенцию собрания; апеллировали от него к суверенитету нации, обращались с Людовиком XVI. как с низложенным после его бегства, и требовали заменить его. Эта петиция, составленная Бриссо, автором "*Французского патриота*" и президентом *Исследовательского комитета* Парижа, была принесена 17 июля к алтарю страны на Марсовом поле: огромная толпа

собралась, чтобы подписать ее. Собрание, осведомленное о происходящем, призвало к себе муниципальные власти и приказало им сохранять общественное спокойствие. Лафайет выступил против толпы, и в первый раз ему удалось разогнать ее без кровопролития. Муниципальные чиновники разместились в доме инвалидов, но в тот же день толпа вернулась в большем количестве и с большей решимостью. Дантон и Камилла Демулен обратились к ним с речью от алтаря страны. Двое инвалидов, предположительно шпионов, были убиты, а их головы насажены на пики. Восстание стало тревожным. Лафайет снова отправился на Марсово поле во главе тысячи двухсот человек национальной гвардии. Байи сопровождал его и развернул красное знамя. Затем именем закона толпе было приказано разойтись; она отказалась удалиться и, презирая власть, закричала: "Долой красный флаг!" - и забросала камнями национальную гвардию. Лафайет приказал своим людям стрелять, но в воздух. Толпу это не испугало, и она возобновила атаку; вынужденный упорством повстанцев, Лафайет приказал произвести еще один выстрел, настоящий и действенный. Перепуганная толпа разбежалась, оставив на поле боя множество убитых. Беспорядки теперь прекратились, порядок был восстановлен; но пролилась кровь, и народ так и не простил Байи или Лафайету жестокой необходимости, к которой их довела толпа. Это была обычная битва, в которой республиканская партия, еще недостаточно сильная или устоявшаяся, потерпела поражение от партии конституционной монархии. Покушение на Марсово поле было прелюдией народных движений, которые привели к 10 августа.

Пока это происходило в ассамблее и в Париже, эмигранты, которых бегство Людовика XVI. вселяло надежду, были повергнуты в ужас его арестом. Месье, бежавший одновременно со своим братом и более удачливый, прибыл в Брюссель один, с полномочиями и титулом регента. С тех пор эмигранты полагались только на помощь Европы; офицеры сложили свои знамена; двести девяносто членов ассамблеи протестовали против ее постановлений; чтобы узаконить вторжение, Буйе написал угрожающее письмо в немыслимой надежде запугать ассамблею и в то же время взять на себя единственную ответственность за бегство Людовика XVI.; наконец, император, король Пруссии и граф д'Артуа встретились в Пильнице, где 27 августа они приняли знаменитое заявление, подготовительное к восстанию. вторжение во Францию, которое отнюдь не улучшило положение короля, а поставило бы его под угрозу, если бы ассамблея в своей мудрости не продолжала следовать своим новым планам, невзирая одновременно на крики толпы дома и иностранных держав.

В декларации Пильница монархи рассматривали дело Людовика XVI. как свое собственное. Они требовали, чтобы он был свободен ходить, куда ему заблагорассудится, то есть, чтобы он восстановил себя на троне; чтобы собрание было распущено и чтобы принцы империи, обладающие владениями в Эльзасе, были восстановлены в своих феодальных правах. В случае отказа они угрожали Франции войной, в которой примут участие все державы, которые были гарантами французской монархии. Это заявление, отнюдь не обескураживающее, лишь вызвало раздражение ассамблеи и народа. Люди спрашивали только другого: какое право имели европейские князья вмешиваться в управление Францией; по какому праву они отдавали приказы великим людям и ставили им условия; и поскольку монархи прибегли к силе, народ Франции приготовился оказать им сопротивление. Границы были приведены в состояние обороны; сто тысяч человек национальной гвардии были зачислены, и они со спокойной безмятежностью ожидали нападения врага, твердо убежденные, что французский народ на своей собственной земле и в состоянии революции будет непобедим.

Тем временем ассамблея приближалась к завершению своей работы; гражданские отношения, государственное налогообложение, природа преступлений, их судебное преследование и наказание регулировались ею столь же мудро, как и общественные и конституционные отношения в стране. Равенство было введено в законы о наследовании, налогообложении и наказаниях; ничего не оставалось, как объединить все конституционные декреты в свод и представить их королю на утверждение. Собрание начинало уставать от своих трудов и своих разногласий; сам народ, который во Франции всегда устает от того, что продолжается дольше определенного времени, желал нового национального представительства; поэтому созыв коллегий выборщиков был назначен на 5 августа. К сожалению, члены нынешнего собрания не смогли войти в состав следующего; это было решено перед вылетом в Варенн. В этом важном вопросе собрание было сбито с толку соперничеством одних, бескорыстием других, стремлением к анархии со стороны аристократов и господству республиканцев. Напрасно Дюпор восклицал: "В то время как все донимают нас всевозможными новыми принципами, как можно упустить из виду, что стабильность также является принципом правления? Неужели Франция, дети которой так пылки и переменчивы, каждые два года будет подвергаться революции в своих законах и взглядах?" Таково было желание привилегированных классов и якобинцев, хотя и с разными взглядами. Во всех подобных вопросах учредительное собрание было обмануто или отклонено; когда речь шла о министерстве, оно решило, вопреки мнению Мирабо, что ни один депутат не может занимать этот пост; что касается вопроса о переизбрании, оно решило, вопреки мнению своих собственных членов, что оно не может состояться; в том же духе оно запретило им в течение четырех лет занимать любые должности, предложенные им принцем. Эта мания бескорыстия вскоре побудила Лафайета отказаться от командования национальной гвардией, а Байи подать в отставку с поста мэра. Таким образом, эта замечательная эпоха полностью уничтожила конституционный орган.

Объединение конституционных указов в один орган привело к идее их пересмотра. Но эта идея пересмотра вызвала большое недовольство и почти не возымела эффекта; нежелательно было придавать конституции более аристократический характер дополнительными мерами, чтобы толпа не потребовала сделать ее более популярной. Чтобы ограничить суверенитет нации и в то же время не упускать его из виду, ассамблея заявила, что Франция имеет право пересмотреть свою конституцию, но что было бы благоразумно не пользоваться этим правом в течение тридцати лет.

Акт о конституции был представлен королю шестьюдесятью депутатами; приостановление действия было снято Людовиком XVI. возобновил осуществление своей власти; и охрана, предоставленная ему законом, была передана под его собственное командование. Таким образом, ему была возвращена свобода, и конституция была представлена ему. Изучив его в течение нескольких дней, "я принимаю конституцию", - написал он ассамблее. "Я обязуюсь поддерживать ее у себя дома, защищать от всех нападков из-за границы и добиваться ее исполнения всеми средствами, которые она предоставляет в мое распоряжение. Я заявляю, что, будучи информированным о приверженности подавляющего большинства людей конституции, я отказываюсь от своих притязаний на помощь в работе, и что, будучи ответственным только перед нацией, ни один другой человек, теперь, когда я отрекся, не имеет права жаловаться".

Это письмо вызвало всеобщее одобрение. Лафайет потребовал и добился амнистии в пользу тех, кто подвергался судебному преследованию за содействие бегству короля или за судебные

процессы против революции. На следующий день король прибыл лично, чтобы принять конституцию в ассамблее. Население провожало его туда одобрительными возгласами; он был объектом энтузиазма депутатов и зрителей, и в тот день он вновь завоевал доверие и привязанность своих подданных. Закрытие ассамблеи было назначено на 29 сентября; король присутствовал; его речь часто прерывалась аплодисментами, и когда он сказал: "Для вас, джентльмены, которые на протяжении долгой и трудной карьеры проявляли такое неутомимое рвение, остается одна обязанность, которую вы должны выполнить, когда вернетесь в свои дома по всей стране: объяснять своим согражданам истинное значение законов, которые вы для них создали; давать советы тем, кто пренебрегает ими; разъяснять и объединять все мнения примером, который вы подадите, демонстрируя свою любовь к порядку и подчинение законам". Крики "Да! да!" были произнесены всеми депутатами в один голос. "Я полагаюсь на то, что вы передадите мои чувства вашим согражданам". "Да! да!" "Скажите им всем, что король всегда будет их первым и самым верным другом; что он нуждается в их любви; что он может быть счастлив только с ними и их средствами; надежда внести свой вклад в их счастье поддержит мое мужество, поскольку удовлетворение от успеха будет моей самой сладкой наградой"

"Это речь, достойная Генриха IV", - произнес чей-то голос, и король покинул зал под самые громкие признания в любви.

Затем Туре громким голосом, обращаясь к народу, воскликнул: "Учредительное собрание объявляет свою миссию выполненной и его заседания прекращаются". Так завершилось это первое и славное собрание нации. Оно было смелым, умным, справедливым и имело только одну страсть — страсть к закону. За два года своими усилиями и с неутомимой настойчивостью она совершила величайшую революцию, когда-либо виденную одним поколением людей. Среди своих трудов она подавляла деспотизм и анархию, расстраивая заговоры аристократии и поддерживая толпу в подчинении. Его единственная вина заключалась в том, что он не доверил руководство революцией тем, кто был ее авторами; он лишил себя власти, подобно тем законодателям древности, которые изгнали себя из своей страны после принятия конституции. Новое собрание не приложило усилий к консолидации своей работы, и революция, которая должна была завершиться, была возобновлена.

Конституция 1791 года была основана на принципах, адаптированных к идеям и ситуации Франции. Эта конституция была работой среднего класса, в то время самого сильного; ибо, как хорошо известно, господствующая сила всегда овладевает институтами. Когда оно принадлежит только одному человеку, это деспотизм; когда несколькими, это привилегия; когда всем, это право; это последнее состояние является пределом, поскольку оно является источником общества. Франция, наконец, достигла этого, пройдя через феодализм, который был аристократическим институтом, и абсолютную власть, которая была монархическим институтом. Равенство было освящено среди граждан, а делегирование полномочий признано среди властей; таковы должны были быть при новой системе положение людей и форма правления.

В этой конституции народ был источником всех полномочий, но он ничего не осуществлял; ему были доверены только выборы в первой инстанции, и его магистраты избирались людьми, избранными из просвещенной части общества. Последние составляли ассамблею, суды, государственные учреждения, корпорации, ополчение и, таким образом, обладали всей силой и могуществом государства. Только она была пригодна для их осуществления, потому что только

она обладала интеллектом, необходимым для управления государством. Народ был еще недостаточно развит, чтобы участвовать во власти, следовательно, власть попала в его руки лишь случайно, самым случайным и мимолетным образом; но он получил гражданское воспитание и был приучен к управлению в первичных собраниях в соответствии с истинной целью общества, которая состоит не в том, чтобы передать свои преимущества как достояние одному определенному классу, а в том, чтобы заставить всех пользоваться ими, когда все способны их приобрести. Это было ведущей характеристикой конституции 1791 года; по мере того, как каждый постепенно становился компетентным пользоваться этим правом, он был допущен к нему; она расширяла свои пределы вместе с развитием цивилизации, которая с каждым днем призывает все большее число людей к управлению государством. Таким образом, было установлено истинное равенство, реальным характером которого является приемлемость, подобно тому как характер неравенства заключается в исключении. Сделав власть передаваемой путем выборов, оно сделало ее государственной магистратурой; в то время как привилегии, сделав ее наследственной путем передачи, делают ее частной собственностью.

Конституция 1791 года установила однородные власти, которые соответствовали друг другу и, таким образом, взаимно сдерживали друг друга; тем не менее, следует признать, королевская власть была слишком подчинена народной власти. Иначе и быть не может: суверенитет, из какого бы источника он ни исходил, создает себе слабый противовес, когда он ограничивает сам себя. Учредительное собрание ослабляет королевскую власть; король, который является законодателем, ограничивает prerogatives собрания.

Эта конституция была, однако, менее демократичной, чем конституция Соединенных Штатов, которая была практически осуществима, несмотря на протяженность территории, доказывая, что не форма институтов, а согласие, которое они получают, или инакомыслие, которое они возбуждают, разрешает или препятствует их созданию. В новой стране, после революции независимости, как в Америке, возможна любая конституция; есть только одна враждебная партия, партия метрополии, и когда она побеждена, борьба прекращается, потому что поражение ведет к ее изгнанию. Иначе обстоит дело с социальными революциями в странах, которые существуют уже давно. Изменения затрагивают интересы, интересы формируют партии, партии вступают в соперничество, и чем больше распространяется победа, тем больше растет противодействие. Именно это и произошло во Франции. Работа учредительного собрания пострадала не столько от своих недостатков, сколько от нападков фракций. Оказавшись между аристократией и толпой, она подверглась нападению одной и вторжению другой. Последняя не стала бы суверенной, если бы гражданская война и иностранная коалиция не призвали ее к вмешательству и помощи. Чтобы защитить страну, стало необходимо, чтобы он управлял ею; тогда он совершил свою революцию, как средний класс совершил свою собственную. У нее было свое 14 июля 10 августа; свое учредительное собрание, конвент; свое правительство, которым был комитет общественного спасения; и все же, как мы увидим, без эмиграции не было бы республики.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

ГЛАВА V

С 1 ОКТЯБРЯ 1791 ГОДА По 21 СЕНТЯБРЯ 1792 ГОДА

Новое собрание открыло свою сессию 1 октября 1791 года. Оно немедленно провозгласило себя *национальным законодательным собранием*. С момента своего первого появления у него была возможность продемонстрировать свою приверженность реальному положению вещей и уважение, которое он испытывал к авторам французской свободы. Книга конституции была торжественно вручена ему архивариусом Камю, в сопровождении двенадцати старейших членов национального представительства. Ассамблея приняла конституционный акт стоя, не раскрывая его, и под одобрительные возгласы людей, занявших трибуны, принесла на нем присягу: "*жить свободно или погибнуть!*" Он выразил благодарность членам учредительного собрания и затем приготовился приступить к своей работе.

Но его первые отношения с королем не носили такого же характера единения и доверия. Суд, несомненно, надеявшийся восстановить в законодательном органе то превосходящее положение, которое он потерял при учредительном собрании, не применял достаточного управления по отношению к восприимчивой и встревоженной народной власти, которая тогда считалась первой в государстве. Ассамблея направила депутацию из шестидесяти своих членов к королю, чтобы объявить о своем открытии. Король не принял их лично и передал через министра юстиции сообщение, что он не сможет дать им аудиенцию до полудня следующего дня. Это бесцеремонное увольнение и косвенное общение между национальными представителями и принцем через министра чрезвычайно задела депутацию. Соответственно, когда аудиенция состоялась, Дюшастель, возглавлявший депутацию, лаконично сказал ему: "Сир, национальное законодательное собрание заседает; мы уполномочены проинформировать вас об этом". Louis XVI. ответил еще более сухо: "Я не смогу навестить вас раньше пятницы". Такое поведение суда по отношению к собранию было неapolитичным и мало рассчитано на то, чтобы смягчить чувства народа.

Собрание одобрило холодность, проявленную депутацией, и вскоре прибегло к акту возмездия. Церемония, с которой король должен был быть принят среди них, была устроена в соответствии с предшествующими законами. Для него было приготовлено ложе в виде трона; по отношению к нему обращались с титулами *сир* и *величество*, и депутаты, стоя с непокрытыми головами при его появлении, должны были садиться, надевать шляпы и снова вставать, с почтением следя за всеми движениями принца. Некоторые беспокойные и преувеличенные умы сочли подобную снисходительность недостойной суверенного собрания. Депутат Гранженев потребовал, чтобы слова *сир* и *величество* были заменены "более конституционным и изысканным" титулом *король Франции*. Кутон решительно поддержал это предложение и предложил назначить королю простую должность, точно такую же, как у президента. Эти предложения вызвали некоторое неодобрение со стороны нескольких членов комиссии, но большинство с готовностью восприняли их. "Мне доставляет удовольствие предполагать, - сказал Гуаде, - что французский народ всегда будет чтить простой фотейль, на котором восседает председатель национального собрания, гораздо больше, чем позолоченный фотейль, на котором восседает глава исполнительной власти. Я ничего не скажу, джентльмены, о титулах *сир* и *величество*. Меня удивляет, что национальное собрание обсуждает, следует ли их сохранить. Слово *сир* означает сеньор; оно принадлежало феодальной системе, которая прекратила свое

существование. Что касается термина "*величество*", то его следует использовать только в отношении Бога и людей".

Предыдущий вопрос был востребован, но слабо; эти предложения были поставлены на голосование и поддержаны значительным большинством. Тем не менее, поскольку этот декрет казался враждебным, конституционное мнение высказалось против него и осудило эту чрезмерную строгость в применении принципов. На следующий день те, кто требовал ответа на предыдущий вопрос, заявили, что решения, принятые накануне, должны быть отменены. В то же время был распространен отчет о том, что король не войдет в ассамблею, если указ будет сохранен в силе; и указ был отменен. Эти мелкие стычки между двумя державами, которым приходилось опасаться узурпации, самонадеянности и, что более важно, недоброжелательности между ними, закончились здесь, в этом случае, и все воспоминания о них были стерты присутствием Людовика XVI. в законодательном органе, где его приняли с величайшим уважением и живейшим энтузиазмом.

Главной темой его речи было всеобщее умиротворение. Он указал ассамблее на темы, которые должны привлечь ее внимание, — финансы, гражданское право, коммерцию и укрепление нового правительства; он пообещал использовать свое влияние для восстановления порядка и дисциплины в армии, перевода королевства в состояние обороны и распространения идей, касающихся Французской революции, рассчитанных на восстановление взаимопонимания в Европе. Он добавил следующие слова, которые были встречены бурными аплодисментами: "Джентльмены, для того, чтобы ваши важные труды, а также ваше рвение приносили все то благо, которого от них можно ожидать, между законодательным органом и королем должны царить постоянная гармония и неизменное доверие. Враги нашего мира слишком рьяно стремятся разъединить нас, но пусть любовь к родине скрепит наш союз, а общественные интересы сделают нас неразделимыми! Таким образом, общественная власть может развиваться беспрепятственно; правительство не будет терзаться напрасными страхами; имущество и вера каждого будут одинаково защищены, и ни у кого не останется предлога жить отдельно от страны, где действуют законы и где уважаются права всех". К сожалению, без революции существовали два класса, которые не вписывались в ее состав и чьи усилия в Европе и внутри Франции были направлены на то, чтобы помешать осуществлению этих мудрых и миролюбивых слов. Как только в государстве появляются перемещенные стороны, начинается борьба, и против них должны быть приняты враждебные меры. Соответственно, внутренние беспорядки, разжигаемые священниками, не являющимися юристами, военные сборы эмигрантов и подготовка к коалиции вскоре завели законодательное собрание дальше, чем позволяла конституция и чем оно само предлагало.

Состав этого собрания был полностью народным. Преобладающие идеи были в пользу революции, двор, знать и духовенство не оказали никакого влияния на выборы. В этом собрании, как и в предыдущих, не было сторонников абсолютной власти и привилегий. Две фракции Левых, разделившиеся к концу учредительного собрания, снова оказались лицом к лицу, но уже не в том соотношении численности и силы. Народное меньшинство предыдущей ассамблеи стало большинством в этой. Уже опробованный запрет на избрание представителей, необходимость выбирать депутатов из числа наиболее выдающихся своим поведением и мнениями, и особенно активное влияние клубов привели к такому результату. Мнения и партии вскоре стали известны. Как и в учредительном собрании, здесь были Правые, Центр, Левые, но совершенно иного характера.

Правые, состоявшие из твердых и абсолютных конституционалистов, составляли партию Фейяна. Его главными ораторами были Дюма, Рамон, Воблан, Беньо и др. У него были определенные отношения с двором через Барнава, Дюпора и Александра Лам, которые были его бывшими лидерами; но советам которых Людовик XVI редко следовал, который с большим доверием прислушивался к советам тех, кто непосредственно его окружал. Снаружи она опиралась на клуб фельетонистов и на буржуазию. Национальная гвардия, армия, директория департамента и вообще все официальные органы власти отнеслись к этому благосклонно. Но эта партия, которая больше не преобладала в собрании, вскоре потеряла не менее важный пост в муниципалитете, который заняли ее противники из левых.

Они образовали партию, названную жирондистской, которая во время революции была лишь промежуточной партией между средним классом и массами. Тогда у нее не было подрывного проекта, но она была настроена защищать революцию всеми способами и в этом отличалась от конституционалистов, которые защищали ее только с помощью закона. Во главе его стояли блестящие ораторы Жиронды (Примечание: название реки Гаронна по имени ее впадения в Дордонь), которые дали название этой партии, Верньо, Гваде, Генсонне и провансалец Иснар, обладавший стилем еще более страстного красноречия, чем у них. Его главным руководителем был Бриссо, который, будучи членом парижской корпорации во время последней сессии, впоследствии стал членом ассамблеи. Взгляды Бриссо, выступавшего за полную реформу; его большая активность ума, которую он развил сразу в журнале "*Патриот*", на трибуне собрания и в клубе якобинцев; его точное и обширное знание положения иностранных держав обеспечили ему большое влияние в момент борьбы между партиями и войны с Европой. Кондорсе обладал влиянием другого рода; он был обязан этому своим глубоким идеям, своему высшему разуму, который почти обеспечил ему место Сийеса во втором революционном поколении. Петион, обладавший спокойным и решительным характером, был активным человеком в этой партии. Его спокойный вид, беглая речь, знакомство с людьми вскоре обеспечили ему должность муниципального судьи, которую Байи занимал для среднего класса.

Левые имели в ассамблее ядро партии более экстремистской, чем они сами, и члены которой, такие как Шабо, Базир, Мерлен, были для жирондистов тем же, чем Петион, Бузо, Робеспьер были для левых от учредительного собрания. Это было началом демократической фракции, которая снаружи служила вспомогательным средством Жиронды и управляла клубами и толпой. Робеспьер в обществе якобинцев, где он установил свое влияние после ухода из собрания; Дантон, Камиль Демулен и Фабр д'Эглантин в Кордельерах, где они основали клуб новаторов, более радикальных, чем якобинцы, состоявший из представителей буржуазии; пивовар Сантерр в предместьях, где находилась народная власть; были истинными вождями этой фракции, которая зависела от целого класса и стремилась установить свой собственный режим.

Центр законодательного собрания был искренне привержен новому порядку вещей. У него были почти те же взгляды, та же склонность к умеренности, что и у Центра учредительного собрания; но его власть была совсем иной: он больше не стоял во главе сложившегося класса, с помощью которого он мог бы подчинить себе все крайние партии. Общественные опасности, вновь давшие о себе знать отсутствием возвышенных мнений и партий извне, полностью уничтожили Центр. Вскоре она перешла на сторону сильнейших, судьба всех умеренных партий, и Левые оказали на нее влияние.

Положение ассамблеи было очень тяжелым. Ее предшественник оставил ей партии, которые она, очевидно, не могла усмирить. С самого начала сессии она была вынуждена обратить свое внимание на них и на то, чтобы противостоять им. Эмиграция набирала угрожающие темпы: два брата короля, принц де Конде и герцог де Бурбон, выступили против Людовика XVI. принимая конституционный акт, то есть против единственного средства примирения; они заявили, что король не может отрицать права древней монархии; и их протест, распространившийся по всей Франции, произвел большое впечатление на их сторонников. Офицеры покидали армию, дворянство - свои замки, целые роты дезертировали, чтобы завербоваться на границе. Тем, кто колебался, посылали прялки, а тем, кто не эмигрировал, угрожали потерей положения, когда дворянство вернется с победой. В австрийских Низменностях и граничащих с ними электоратах сформировалось то, что получило название *La France extérieure*. Контрреволюция открыто готовилась в Брюсселе, Вормсе и Кобленце под защитой и даже при содействии иностранных дворов. Послы эмигрантов были приняты, в то время как послы французского правительства были уволены, плохо приняты или даже брошены в тюрьму, как в случае с г-ном Дюверье. Французских торговцев и путешественников, подозреваемых в патриотизме и приверженности революции, разыскивали по всей Европе. Несколько держав открыто заявили о себе: в их число входили Швеция, Россия и Испания; последней в то время управлял маркиз Флорида-Бланка, человек, всецело преданный эмигрантской партии. В то же время Пруссия готовила свою армию к войне: ряды испанских и сардинских войск увеличивались на наших альпийских и пиренейских границах, а Густав собирал шведскую армию.

Несогласные церковники не оставили ничего незавершенного, что могло бы привести к отклонению в пользу эмигрантов на родине. "Священники, и особенно епископы, - говорит маркиз де Ферьер, - использовали все ресурсы фанатизма, чтобы возбудить людей в городе и деревне против гражданского устройства духовенства". Епископы приказали священникам больше не совершать богослужения в одной церкви с конституционными священниками, опасаясь, что люди могут перепутать их. "Независимо, - добавляет он, - от циркулярных писем, адресованных кюре, инструкции, предназначенные для народа, были распространены по стране. Они сказали, что священники-конституционеры, которых они называли *Злоумышленниками*, не могли эффективно совершать таинства, и что каждый, кто посещал их служения, становился в их присутствии виновным в смертном грехе; что те, кто был женат злоумышленниками, не были женаты; что они навлекли проклятие на себя и на своих детей; что никто не должен общаться с ними или с теми, кто отделился от церкви; что муниципальные чиновники, которые их установили, подобно им, стали отступниками; что с момента их установки все звонари и пономари должны сложить свои полномочия. Эти фанатичные речи произвели тот эффект, на который рассчитывали епископы. Религиозные беспорядки вспыхнули со всех сторон".

Восстание особенно сильно вспыхнуло в Кальвадосе, Жеводане и Вандее. Эти районы были недоброжелательно настроены по отношению к революции, потому что в них было мало представителей среднего и интеллигентного классов, а также потому, что население до того времени находилось в состоянии зависимости от дворянства и духовенства. Жирондисты, забив тревогу, хотели принять строгие меры против эмиграции и несогласных священников, которые нападали на новый порядок вещей. Бриссо предложил положить конец эмиграции, отказавшись от мягкой системы, применявшейся к ней до сих пор. Он разделил эмигрантов на три класса: —1-й. Главные лидеры, и во главе их братья короля. 2-я очередь. Государственные чиновники, которые оставили свои посты и страну и стремились переманить на свою сторону

своих коллег. 3-я очередь. Частные лица, которые, чтобы сохранить жизнь, или из отвращения к революции, или из других побуждений, покинули свою родину, не подняв против нее оружия. Он требовал, чтобы против первых двух классов были введены в действие суровые законы; но считал хорошей политикой быть снисходительным по отношению к последнему. Что касается священнослужителей и агитаторов, не признающих законность, некоторые из жирондистов предлагали ограничиться более строгим надзором; другие считали, что по отношению к ним можно придерживаться только одной безопасной линии поведения: дух мятежа можно подавить, только изгнав их из страны. "Все попытки примирения, - сказал пылкий Иснард, - впредь будут тщетны. Каковы, я спрашиваю, были последствия этих повторных помилований? Смелость ваших врагов возросла из-за вашей снисходительности; они перестанут причинять вам вред, только когда лишатся средств для этого. Они должны быть победителями или покоренными. В этом пункте все должны согласиться; человек, который не хочет видеть эту великую истину, по моему мнению, политически слеп".

Конституционалисты были против всех этих мер; они не отрицали опасности, но считали такие законы произвольными. Они сказали, что прежде всего необходимо уважать конституцию и с этого времени ограничиваться мерами предосторожности; что достаточно продолжать обороняться от эмигрантов и ждать, чтобы наказать несогласных священников, пока они не обнаружат действительные заговоры с их стороны. Они рекомендовали не нарушать закон даже по отношению к врагам, опасаясь, что, начав такой курс, его будет невозможно остановить, и тогда революция будет проиграна, подобно древнему режиму, из-за его несправедливости. Но собрание, которое считало безопасность государства более важной, чем строгое соблюдение закона, которое видело опасность в колебаниях и которое, более того, находилось под влиянием страстей, побуждающих к принятию срочных мер, не было остановлено этими соображениями. С общего согласия он снова, 30 октября, принял указ, касающийся старшего брата короля, Людовика-Станислава-Ксаверия. Согласно конституции, этот принц должен был вернуться во Францию через два месяца, иначе по истечении этого срока он считался бы утратившим свои права регента. Но соглашение прекратилось в отношении указов против эмигрантов и священников. 9 ноября ассамблея постановила, что французы, собравшиеся за границей, подозреваются в заговоре против своей страны; что, если они останутся собравшимися 1 января 1792 года, с ними будут обращаться как с заговорщиками, они будут наказаны смертной казнью и что после вынесения смертного приговора за неповиновение доходы от их поместий должны быть конфискованы в пользу нации, всегда без ущерба для прав их жен, детей и законных кредиторов. 29 числа того же месяца был принят аналогичный указ в отношении несогласных священников. Их обязали принести гражданскую присягу под страхом лишения пенсий и по подозрению в бунте против закона. Если они по-прежнему отказывались, за ними следовало пристально наблюдать; и если в их приходах происходили какие-либо религиозные беспорядки, их следовало доставлять в главный город департамента, и если обнаруживалось, что они принимали какое-либо участие в подстрекательстве к неповиновению, они подлежали тюремному заключению.

Король санкционировал первый указ, касающийся его брата; он наложил вето на два других. Незадолго до этого он публично отрекся от эмиграции и написал принцам-эмигрантам, отозвав их в королевство. Он пригласил их вернуться во имя спокойствия Франции и той привязанности и повиновения, которыми они были обязаны ему как своему брату и королю. "Я всегда буду благодарен вам за то, - сказал он в заключение письма, - что вы избавили меня от необходимости действовать вопреки вам благодаря неизменному решению, которое я принял,

поддерживать то, что я объявил". Эти мудрые приглашения не привели ни к какому результату, но Людовик XVI, хотя и осуждал поведение эмигрантов, не дал своего согласия на меры, принятые против них. Отказавшись от своей санкции, он был поддержан друзьями конституции и директорией департамента. Эта поддержка была ему небесполезна в то время, когда в глазах народа он казался пособником эмиграции, когда он вызвал недовольство жирондистов и отделился от собрания. Ему следовало бы тесно сотрудничать с ней, поскольку в своих письмах он ссылаясь на конституцию против эмигрантов и против революционеров, пользуясь своей прерогативой. Его положение могло укрепиться только тогда, когда он искренне примкнул к первой революции и объединил свое собственное дело с делом буржуазии.

Но суд не был настолько смиренен; он все еще ожидал лучших времен, и таким образом был лишен возможности придерживаться неизменной линии поведения и вынужден повсюду искать основания для надежды. Время от времени склоняясь к вмешательству иностранных держав, оно продолжало переписку с Европой; оно интриговало со своими министрами против народной партии и использовало Фейянов против жирондистов, хотя и с большим недоверием. В этот период его главным ресурсом были мелкие махинации Бертрана де Молевиля, который руководил советом; который основал *французский клуб*, членам которого он платил; который покупал аплодисменты трибун собрания, надеясь этой имитацией революции победить настоящую революцию, его целью было обмануть партии и аннулировать действие конституции, соблюдая ее буквально.

Таким поведением суд имел даже неосторожность ослабить конституционалистов, которых он должен был усилить; за их счет он одобрил избрание Петиона в мэры. Из-за бескорыстия, с которым было воспринято предыдущее собрание, все, кто занимал при нем популярные посты, последовательно отказались от них. 18 октября Лафайет сложил с себя командование национальной гвардией, а Байи только что ушел из мэрии. Конституционная партия предложила Лафайету заменить его на этом первом государственном посту, который, разрешая или сдерживая восстания, отдавал Париж во власть того, кто его занимал. До тех пор она находилась в руках конституционалистов, которые таким образом подавили восстание на Марсовом поле. Они потеряли руководство ассамблеей, командование национальной гвардией; теперь они потеряли корпорацию. Двор отдал Петиону, кандидату от жирондистов, все имевшиеся в его распоряжении голоса. "Господин де Лафайет, - заметила королева Бертрану де Молевилю, - желает быть мэром Парижа только для того, чтобы стать мэром дворца. Петион - якобинец, республиканец, но он глупец, неспособный когда-либо возглавить партию". 4 ноября Петион был избран мэром большинством в 6708 голосов при общем количестве 10 632 человек.

Жирондисты, в пользу которых это выдвижение стало решающим, не удовлетворились получением должности мэра. Франция не могла долго оставаться в этом опасном и временном состоянии. Декреты, которые, справедливо или нет, должны были обеспечить защиту революции и которые были отвергнуты королем, не были заменены никакими правительственными мерами; министерство проявило либо нежелание, либо явное безразличие. Жирондисты, соответственно, обвинили Делессара, министра иностранных дел, в том, что он ставит под угрозу честь и безопасность нации тоном своих переговоров с иностранными державами, своей медлительностью и недостатком мастерства. Они также

горячо критиковали Дюпорталя, военного министра, и Бертрана де Мольвиля, морского министра, за пренебрежение привести побережье и границы в состояние обороны. Поведение курфюрстов Трева, Майнца и епископа Шпира, которые одобряли военные приготовления эмигрантов, особенно возбудило национальное негодование. Дипломатический комитет предложил королю объявить, что нация с удовлетворением воспримет его требование к соседним князьям разогнать военные сборища в течение трех недель и что он собирает силы, необходимые для того, чтобы заставить их уважать международное право. Этой важной мерой они также хотели заставить Людовика XVI. заключить торжественное обязательство и заявить ратисбонскому сейму, а также другим дворам Европы о твердых намерениях Франции.

Иснард поднялся на трибуну, чтобы поддержать это предложение. "Давайте, - сказал он, - в этот кризис осознаем всю важность нашей миссии; давайте обратимся к министрам, к королю, ко всей Европе с подобающей нам твердостью. Давайте скажем нашим министрам, что до сих пор нация не вполне удовлетворена поведением кого-либо из них; что отныне у них не будет иного выбора, кроме как между общественной благодарностью и местью законов; и что под словом "ответственность" мы понимаем смерть. Давайте скажем королю, что в его интересах защищать конституцию; что он правит только народом и для народа; что нация является его сувереном и что он подчиняется закону. Давайте скажем Европе, что если французский народ однажды обнажит меч, он выбросит ножны и не поднимет их снова, пока не будет увенчан лаврами победы; что если кабинеты министров вовлекут королей в войну против народа, мы вовлечем народ в смертельную войну против королей. Давайте скажем им, что все сражения народ должен вести по приказу деспотов" - здесь его прервали громкие аплодисменты — "Не аплодируйте, — закричал он, - "не аплодируйте; уважайте мой энтузиазм; это энтузиазм свободы! Давайте скажем Европе, что все битвы, которые будет вести народ по приказу деспотов, похожи на удары, которые два друга, возбужденные вероломным подстрекателем, наносят друг другу в темноте. Когда приходит свет, они бросают оружие, обнимают и наказывают своего обманщика. Так будет, если, когда иностранные армии сражаются с нашими, на них воссияет свет философии. Народы обнимутся в присутствии свергнутых тиранов — на земле утешенные, на Небесах довольные".

Ассамблея единогласно и с энтузиазмом приняла предложенную меру и 29 ноября направила королю послание. Вобланк был лидером депутации. "Сир, - сказал он Людовику XVI, - национальное собрание едва взглянуло на состояние нации, как увидело, что смуты, которые все еще волнуют ее, проистекают из преступных приготовлений французских эмигрантов. Их дерзость поощряется немецкими князьями, которые попирают ногами договоры между ними и Францией и делают вид, что забывают, что они обязаны этой империи Вестфальским договором, который обеспечил их права и безопасность. Эти враждебные приготовления, эти угрозы вторжения потребуют вооружений, поглощающих огромные суммы, которые нация с радостью выплатила бы своим кредиторам. Ваше дело, сир, заставить их воздержаться; ваше дело обращаться к иностранным державам на языке, подобающем королю Франции. Скажите им, что везде, где разрешены приготовления против Франции, Франция признает только врагов; что мы будем свято соблюдать нашу клятву не совершать завоеваний; что мы предлагаем им добрососедство, нерушимую дружбу свободного и могущественного народа; что мы будем уважать их законы, их обычаи и их конституции; но что мы добьемся уважения к себе самим! Скажите им, что если князья Германии продолжают одобрять приготовления, направленные против французов, французы принесут на свои территории не огонь и меч, а свободу. Именно они должны просчитать последствия этого пробуждения наций".

Louis XVI. ответил, что он самым тщательным образом рассмотрит послание ассамблеи; и через несколько дней он прибыл лично, чтобы объявить о своих решениях по этому вопросу. Они соответствовали общему желанию. Король сказал под бурные аплодисменты, что он прикажет объявить курфюрсту Тревскому и другим избирателям, что, если все собрания и враждебные приготовления со стороны французских эмигрантов в их штатах не прекратятся до 15 января, он будет считать их врагами. Он добавил, что напишет императору, чтобы тот попросил его, как главу империи, использовать свою власть для предотвращения бедствий, к которым приведет затянувшееся сопротивление нескольких членов германского корпуса. "Если к этим заявлениям не прислушаются, тогда, джентльмены, — сказал он, — мне останется только предложить войну - войну, которую народ, торжественно отказавшийся от завоеваний, никогда не объявляет без необходимости, но которую свободная и великодушная нация предпримет и продолжит, когда этого потребуют ее честь и безопасность".

Шаги, предпринятые королем совместно с принцами империи, были подкреплены военными приготовлениями. 6 декабря новый военный министр сменил Дюпорталя; Нарбонн, взятый из Фельянов, молодой, деятельный, стремящийся отличиться триумфом своей партии и защитой революции, немедленно отправился к границам. Было реквизировано сто пятьдесят тысяч человек; с этой целью собрание проголосовало за чрезвычайное выделение двадцати миллионов франков; были сформированы три армии под командованием Рошамбо, Люкнера и Лафайета; наконец, был принят декрет об импичменте *господину*, графу д'Артуа и принцу де Конде как заговорщикам, направленным против общей безопасности государства и конституции. На их имущество был наложен арест, и срок, ранее установленный для *Monsieur's* в королевство, истек, он был лишен права на регентство.,,

Курфюрст Тревский обязался разогнать собрания и не допускать их впредь. Однако это была лишь тень разгона. Австрия приказала маршалу Бендеру защищать курфюрста, если на него нападут, и ратифицировала выводы Ратисбонского сейма, который требовал восстановления владений принцев; отказалась санкционировать какую-либо денежную компенсацию за потерю их прав и оставила Франции только альтернативу восстановления феодализма в Эльзасе или войны. Эти две меры венского кабинета ни в коем случае не были мирными. Его войска продвинулись к границам Франции и стали еще одним доказательством того, что было бы небезопасно полагаться на его нейтралитет. У него было пятьдесят тысяч человек в Нидерландах; шесть тысяч были размещены в Брайсгау; и тридцать тысяч человек направлялись из Богемии. Эта мощная армия наблюдения может в любой момент превратиться в армию нападения.

Собрание сочло, что императору срочно необходимо принять решение. Оно смотрело на курфюрстов просто как на своих агентов, а на эмигрантов - как на орудия; ибо принц фон Кауниц признавал законной "лигу суверенов, объединившихся ради безопасности и чести корон". Поэтому жирондисты хотели опередить этого опасного противника, чтобы не дать ему времени для более тщательной подготовки. Они потребовали от него до 10 февраля определенного объяснения его действительных намерений в отношении Франции. В то же время они выступили против тех министров, на которых они не могли положиться в случае войны. Неспособность Делессара и особенно интриги Мольвиля дали повод для нападения; уцелел только Нарбонн. Им помогали разногласия в совете, которые были частично аристократическими в лице Бертрана де Мольвиля, Делессара и др., и частично конституционными в Нарбонне и Кайе де Жервиля, министра внутренних дел. Едва ли можно было ожидать, что люди, столь

противоположные по характеру и намерениям, придут к согласию; Бертран де Мольвиль горячо спорил с Нарбоном, который желал, чтобы его коллеги придерживались откровенной, решительной линии поведения и сделали ассамблею опорой трона. Нарбонн уступил в этой борьбе, и его увольнение повлекло за собой дезорганизацию министерства. Жирондисты возложили вину на Бертрана де Мольвиля и Делессара; первый попытался оправдать себя, но последний предстал перед верховным судом Орлеана.

У короля, запуганного нападениями собрания на членов его совета и особенно импичментом Делессара, не было иного выхода, кроме как выбрать своих новых министров из числа победившей партии. Союз с действительными правителями революции мог единственный спасти свободу и трон, восстановив согласие между собранием, верховной властью и муниципалитетом; и если бы этот союз был сохранен, жирондисты добились бы с двором того, чего, по их мнению, после самого разрыва они могли добиться только без него. Членами нового министерства были: — морской министр Лакост; - министр финансов Клавьер; - министр юстиции Дюрантон; - министр войны де Граве, вскоре замененный Серваном; - министр иностранных дел Дюмурье; - министр внутренних дел Ролан. Двое последних были самыми важными и примечательными людьми в кабинете министров.

Дюмурье было сорок семь лет, когда началась революция; до тех пор он жил, погруженный в интриги, и он слишком сильно сохранил свои старые привычки в эпоху, когда ему следовало использовать малые средства только для помощи великим, вместо того чтобы занимать их место. Первая часть его политической жизни была потрачена на поиск тех, с помощью кого он мог бы возвыситься; вторая - на тех, с помощью кого он мог бы сохранить свое положение. Придворный до 1789 года, конституционалист при первом собрании, жирондист при втором, якобинец при республике, он был в высшей степени человеком обстоятельств. Но он обладал всеми способностями великих людей: предприимчивым характером, неутомимой активностью, готовым, уверенным и широким кругозором, стремительностью действий и необычайной уверенностью в успехе; более того, он был открытым, непринужденным, остроумным, отважным; одинаково приспособленным как к оружию, так и к группировкам, полным хитрости, удивительно готовым и в трудных ситуациях искусным в искусстве побеждать. Это правда, что его великие качества были ослаблены недостатками; он был опрометчив, взбалмошен, полон непоследовательности в мыслях и действиях из-за своей постоянной жажды движения и махинаций. Но его большим недостатком было полное отсутствие политических убеждений. Во времена революции тот, кто решительно не принадлежит к той или иной партии и когда он честолобив, ничего не может сделать для свободы или власти, если только он не видит дальше непосредственных целей этой партии и не обладает более сильной волей, чем его коллеги. Таким его сделал Кромвель; таким его сделал Бонапарт; в то время как Дюмурье, нанятый всеми партиями, думал, что сможет взять верх над ними всеми, интригуя. Он хотел страсти своего времени: того, что завершает мужчину и только оно позволяет ему властвовать.

Ролан был полной противоположностью Дюмурье; это был характер, который Либерти нашла готовым, как будто вылепленным ею самой. У Роланда были простые манеры, строгая мораль, проверенные мнения; восторженно привязанный к свободе, он был способен бескорыстно посвятить ее делу всю свою жизнь или погибнуть за нее, без показухи и сожаления. Человек, достойный родиться в республике, но неуместный в революции и плохо приспособленный к агитации и борьбе партий; его таланты не были превосходными, характер несколько несговорчивым; он не был искусен в знании людей и управлении ими; и хотя он был

трудолюбив, хорошо информирован и активен, он не произвел бы большого эффекта, если бы не его жена. Все, чего он хотел, у нее было для него: сила, способности, возвышение, дальновидность. Мадам Ролан была душой Жиронды; именно в ее доме собирались эти блестящие и отважные люди, чтобы обсудить нужды и опасности своей страны; именно она побуждала к действию тех, кого считала способными к действию, и поощряла к трибуне тех, кого считала красноречивыми.

Суд назвал это министерство, которое было назначено в марте месяце, *le Ministère Sans-Culotte*. В первый раз, когда Ролан появился в замке в ботинках на шнуровке и в круглой шляпе, вопреки этикету, церемониймейстер отказался впустить его. Однако, вынужденный уступить дорогу, он в отчаянии сказал Дюмуре, указывая на Ролана: "Ах, сударь, на его ботинках нет пряжек". "Ах, сударь, все потеряно", - ответил Дюмуре с видом самой сочувственной серьезности. Таковы были мелочи, которые все еще занимали внимание двора. Первым шагом нового министерства была война. Положение Франции становилось все более и более опасным; всего следовало опасаться из-за враждебности Европы. Леопольд был мертв, и это событие было рассчитано на то, чтобы ускорить принятие решения венским кабинетом министров. Его молодой преемник, Франциск II, вероятно, был менее миролюбивым или менее благоразумным, чем он. Более того, Австрия собирала свои войска, разбивала лагеря и назначала генералов; она вторглась на территорию Беле и разместила гарнизон в Порентруи, чтобы обеспечить себе вход в департамент Ду. Относительно его проектов не могло быть никаких сомнений. Собрания в Кобленце возобновились в большей степени, чем раньше; венский кабинет лишь временно разогнал эмигрантов, собравшихся в бельгийских провинциях, чтобы предотвратить вторжение в эту страну в то время, когда она еще не была готова отразить вторжение; однако он просто стремился сохранить видимость и позволил штабу генералов в полной форме и с белой кокардой остаться в Брюсселе. Наконец, ответ принца фон Кауница на требуемые объяснения ни в коей мере не был удовлетворительным. Он даже отказался вести прямые переговоры, и барону фон Кобенцлю было поручено ответить, что Австрия не отступит от уже выдвинутых необходимых условий. Восстановление монархии на основе королевского заседания 23 июня; возвращение ее собственности духовенству; территории Эльзаса со всеми их правами немецким князьям; Авиньона и Венеции папе римскому; таков был *ультиматум* Австрии. Теперь всякое согласие было невозможно; мир больше нельзя было поддерживать. Франции угрожала участь, которую только что постигла Голландия, и, возможно, участь Польши. Теперь единственный вопрос заключался в том, ждать ли войны или начать ее, воспользоваться ли энтузиазмом народа или позволить этому энтузиазму остыть. Истинный виновник войны - не тот, кто ее объявляет, а тот, кто делает ее необходимой.

20 апреля Людовик XVI. отправился в ассамблею, на которой присутствовали все его министры. "Я пришел, господа, - сказал он, - в национальное собрание по одному из самых важных дел, которые могут занимать представителей нации. Мой министр иностранных дел зачитает вам отчет, подготовленный нашим советом, о нашей политической ситуации". Затем Дюмуре поднялся. Он изложил основания для недовольства, которые Франция имела против австрийского дома; цель конференций в Мантуе, Рейхенбахе и Пильнице; коалиция, которую она сформировала против французской революции; ее вооружение становилось все более значительным; открытая защита, которую она предоставляла группам эмигрантов; властный тон и неприкрытое затягивание переговоров, наконец, невыносимые условия ее *ультиматума*; и, после долгого ряда соображений, основанных на враждебном поведении короля Венгрии и Богемии (Франциска II. еще не был избран императором); о неотложных обстоятельствах нации;

о ее официально объявленном решении не терпеть оскорблений, никаких посягательств на ее права; о чести и добросовестности Людовика XVI, хранителя достоинства и безопасности Франции; он потребовал войны против Австрии. Louis XVI. затем сказал слегка дрожащим голосом: "Вы слышали, господа, о результатах моих переговоров с венским двором. Выводы доклада основаны на единодушном мнении моего совета; я сам принял их. Они согласуются с пожеланиями, часто высказываемыми мне национальным собранием, и с чувствами, часто выражаемыми группами граждан в различных частях королевства; все предпочитают войну продолжающимся оскорблениям французского народа, и опасности, угрожающей существованию страны. В первую очередь моим долгом было испытать все средства для поддержания мира. Потерпев неудачу в этих усилиях, я теперь прихожу, в соответствии с условиями конституции, предложить национальному собранию войну против короля Венгрии и Богемии". Речь короля была встречена аплодисментами, но торжественность обстоятельств и величие принятого решения наполнили душу каждого безмолвным и сосредоточенным волнением. Как только король удалился, ассамблея проголосовала за внеочередное заседание на вечер. На этом заседании решение о войне было принято почти единогласно. Так была предпринята против главнокомандующей конфедеративных держав та война, которая затянулась на четверть века, которая победоносно привела к революции и которая изменила весь облик Европы.

Вся Франция восприняла это сообщение с радостью. Война придавала новое движение и без того взволнованному народу. Округа, муниципалитеты, народные общества писали обращения; людей записывали в армию, предлагали добровольные подарки, ковали пики, и казалось, что нация восстает, чтобы подстеречь Европу или напасть на нее. Но энтузиазм, который в конечном итоге обеспечивает победу, поначалу не играет роли организации. Соответственно, в начале кампании регулярные войска были единственным, на что можно было положиться, пока не были обучены новые рекруты. Таково было состояние вооруженных сил. Обширная граница, от Дюнкерка до Хунингуэна, была разделена на три крупных военных округа. Слева, от Дюнкерка до Филиппвиля, армия севера численностью около сорока тысяч пехотинцев и восьми тысяч всадников находилась под командованием маршала де Рошамбо. Лафайет командовал армией центра, состоявшей из сорока пяти тысяч пехотинцев и семи тысяч всадников и занимавшей район между Филиппвилем и линиями Вайсемберга. Наконец, рейнская армия, состоявшая из тридцати пяти тысяч пехотинцев и восьми тысяч всадников, простиравшаяся от Вейсемберга до Беле, находилась под командованием маршала Люкнера. Граница между Альпами и Пиренеями была вверена генералу Монтескью, армия которого была незначительной, но эта часть Франции еще не была в опасности.

Маршал де Рошамбо придерживался мнения, что было бы благоразумнее оставаться в обороне и просто охранять границы. Дюмурье, напротив, хотел взять инициативу в свои руки, как это было сделано при объявлении войны, чтобы воспользоваться преимуществом быть подготовленным первым. Он был очень предприимчив, и поскольку, хотя и был министром иностранных дел, руководил военными операциями, его план был принят. Он состоял из быстрого вторжения в Бельгию. Эта провинция в 1790 году попыталась сбросить австрийское иго, но после краткой победы была покорена превосходящими силами. Дюмурье предполагал, что патриоты Брабанта одобряют нападение французов как средство обретения свободы для себя. С этой целью он объединил тройное вторжение. Два генерала, Теобальд Диллон и Бирон, командовавшие во Фландрии под командованием Рошамбо, получили приказ наступать: один с четырьмя тысячами человек из Лилля на Турне, другой с десятью тысячами из Валансьена на

Монс. В то же время Лафайет с частью своей армии покинул Мец и форсированным маршем двинулся на Намюр, через Стенаи, Седан, Мезьер и Живе. Но этот план требовал от солдат дисциплины, которой они, конечно, еще не приобрели, а от командиров - согласия, которого было очень трудно добиться; кроме того, колонны вторжения были недостаточно сильны для такого предприятия. Едва Теобальд Диллон пересек границу, как при встрече с первым врагом 28 апреля войска охватил панический ужас. Крик *sauve qui peut* пронесся по рядам, и генерал был унесен и убит своими войсками. Почти то же самое произошло при тех же обстоятельствах в корпусе Бирона, который был вынужден в беспорядке отступить на свою прежнюю позицию. Внезапное и одновременное бегство этих двух колонн следует объяснить либо страхом перед врагом со стороны войск, которые никогда прежде не подвергались обстрелу, либо недоверием к своим командирам, либо предателями, которые подняли тревогу о предательстве.

Лафайет, прибыв в Бувин, проехав пятьдесят лье по плохим дорогам за два или три дня, узнал о бедствиях Валансьена и Лилля; он сразу увидел, что цель вторжения потерпела неудачу, и справедливо подумал, что наилучшим выходом было бы осуществить отступление. Рошамбо жаловался на поспешный и неуместный характер мер, которые были самым категоричным образом предписаны ему. Поскольку он не хотел оставаться пассивной машиной, обязанной по воле министров занимать пост, которым он сам должен был бы полностью руководить, он подал в отставку. С этого момента французская армия возобновила оборону. Граница была разделена только на два общих командования: одно, вверенное Лафайету, простиралось от моря до Лонгви, а другое, от Мозеля до Юры, было вверено Лакнеру. Лафайет отдал свою левую руку под командование Артура Диллона, а правой потянулся к Лакнеру, у которого Бирон был своим лейтенантом на Рейне. На этой позиции они ожидали союзников.

Между тем первые проверки усилили разрыв между Фельянами и жирондистами. Генералы приписывали их планам Дюмурье, министерство приписывало их тому способу, которым его планы были осуществлены генералами, которые, будучи назначены Нарбоном, принадлежали к конституционной партии. Якобинцы, с другой стороны, обвиняли контрреволюционеров в том, что они вызвали бегство криком "*sauve qui peut!*" Их радость, которую они не скрывали, заявленная надежда вскоре увидеть конфедератов в Париже, возвращение эмигрантов и восстановление старого режима подтвердили эти подозрения. Считалось, что двор, увеличивший численность личного состава с тысячи восьмисот до шести тысяч человек, и эти тщательно отобранные контрреволюционеры действовали заодно с коалицией. Общественность осудила под названием *Autrichien comites* секретный комитет, само существование которого не могло быть доказано, и недоверие достигло своего апогея.

Ассамблея немедленно приняла решительные меры. Оно вступило на путь войны и с тех пор было обречено регулировать свое поведение в гораздо большей степени с учетом общественной безопасности, чем с учетом простой справедливости дела. Он решил заседать постоянно; он распустил домашние войска; в связи с ростом религиозных беспорядков он издал указ об изгнании непокорных священников, чтобы ему не приходилось одновременно бороться с коалицией и умиротворять бунтовщиков. Чтобы исправить недавние поражения и иметь резервную армию близ столицы, 8 июня оно проголосовало по предложению военного министра Сервана за создание лагеря под Парижем из двадцати тысяч человек, набранных из провинций. Оно также стремилось возбудить общественное мнение революционными празднествами и начало вербовать толпу и вооружать ее пиками, полагая, что никакая помощь не может быть лишней в такой опасный момент.

Все эти меры не прошли без противодействия со стороны конституционалистов. Они выступали против создания двадцатитысячного лагеря, который они рассматривали как армию партии, направленную против национальной гвардии и трона. Сотрудники первой выразили протест, и реорганизация этого органа была немедленно произведена в соответствии с мнениями доминирующей партии. В состав новой национальной гвардии были введены роты, вооруженные пиками. Конституционалисты были еще более недовольны этой мерой, которая вводила в их ряды низший класс и которая, как им казалось, имела целью вытеснение буржуазии населением. Наконец, они открыто осудили изгнание священников, которое, по их мнению, было не чем иным, как проскрипцией.

Louis XVI. в течение некоторого времени проявлял прохладу по отношению к своим министрам, которые, со своей стороны, были более требовательны к нему. Они убеждали его допустить к себе священников, принявших присягу, чтобы подать пример в пользу конституционной религии и устранить предлоги для религиозной агитации; он упорно отказывался от этого, поскольку был полон решимости больше не делать религиозных уступок. Эти последние декреты положили конец его согласию с Жирондой; в течение нескольких дней он не упоминал об этом предмете, не говоря уже о том, чтобы сообщать о своих намерениях на этот счет. Именно по этому случаю Ролан обратился к нему со своим знаменитым письмом о его конституционных обязанностях и умолял его успокоить общественное мнение и утвердить свою власть, откровенно став королем революции. Это письмо еще больше разозлило Людовика XVI, уже настроенного порвать с жирондистами. В этом его поддержал Дюмурье, который, покинув свою партию, вместе с Дюрантоном и Лакост сформировал в министерстве подразделение против Ролана, Сервана и Клавьера. Но, будучи не только способным, но и амбициозным, Дюмурье посоветовал Людовику, увольняя министров, на которых ему приходилось жаловаться, санкционировать их указы, чтобы добиться популярности. Он описал это против священников как меру предосторожности в их пользу, изгнание, вероятно, избавляло их от еще более фатального запрета; он обязался предотвратить любые революционные последствия в лагере из двадцати тысяч человек, отправив каждый батальон в армию немедленно по прибытии в лагерь. На этих условиях Дюмурье взял на себя пост военного министра и выдержал нападки своей собственной партии. 13 июня король отправил в отставку своих министров, 29 июня отклонил указы, и Дюмурье отправился в армию, после того как стал объектом подозрений. Ассамблея заявила, что Ролан, Серван и Клавьер разделяют сожаление нации.

Король избрал своих новых министров из числа фельянцев. Сципио Шамбоннас был назначен министром иностранных дел; Терьер де Монсиль - министром внутренних дел; Болье - министром финансов; Лажарр - военным; Лакост и Дюрантон временно оставались министрами юстиции и морской пехоты. Все эти люди были без репутации и кредита, а сама их партия приближалась к концу своего существования. Конституционная ситуация, в течение которой она должна была влиять, все более и более решительно превращалась в революционную. Как могла легальная и умеренная партия удержаться между двумя крайними и воинствующими партиями, одна из которых наступала извне, чтобы уничтожить революцию, в то время как другая была полна решимости защищать ее любой ценой? В такой конъюнктуре фельетоны стали лишними. Король, видя их слабость, теперь, казалось, полагался только на Европу и послал Малле-Дюпана с секретной миссией к коалиции.

Тем временем все те, кого опередил народный прилив и кто принадлежал к первому периоду революции, объединились, чтобы поддержать это небольшое ретроградное движение.

Монархисты, во главе которых стояли Лалли-Толлендаль и Малуэ, два главных члена партии Мунье и Неккера; Фейяны, руководимые старым триумвиратом, Дюпор, Ламет и Барнав; наконец, Лафайет, имевший огромную репутацию конституционалиста, пытались упразднить клубы и восстановить законный порядок и власть короля. Якобинцы прилагали в этот период большие усилия; их влияние становилось огромным; они стояли во главе партии населения. Чтобы противостоять им, сдержать их, требовалась старая партия буржуазии; но она была дезорганизована, и ее влияние с каждым днем становилось все слабее. Чтобы возродить его мужество и силу, Лафайет 16 июня обратился из лагеря в Мобеже с письмом к собранию, в котором он осудил якобинскую фракцию, потребовал прекращения деятельности клубов, независимости и утверждения конституционного престола и призвал собрание от своего имени, от имени своей армии, от имени всех друзей свободы принять для общественного блага только такие меры, которые были санкционированы законом. Это письмо вызвало жаркие дебаты между правыми и левыми в ассамблее. Хотя это было продиктовано только чистыми и бескорыстными мотивами, исходившими от молодого генерала во главе его армии, это выглядело как поступок *стиле Кромвеля*, и с этого момента репутация Лафайета, до сих пор уважаемая его противниками, стала объектом нападок. На самом деле, рассматривая это исключительно с политической точки зрения, этот шаг был неосмотрительным. Жиронда, изгнанная из министерства, прекратившая свои меры для общественного блага, не нуждалась в дальнейшем подстрекательстве; и, с другой стороны, было весьма нежелательно, чтобы Лафайет использовал свое влияние, даже на благо своей партии.

Жиронда желала ради своей собственной безопасности и безопасности нации вернуть себе власть, не отступая, однако, от конституционных средств. Его целью было не свергнуть короля с престола, как в более поздний период, а вернуть его к себе. С этой целью он обратился к настоятельным просьбам толпы. После объявления войны петиционеры появлялись в зале заседаний национального собрания с оружием в руках, предлагали свои услуги по защите страны и получали разрешение пройти вооруженным маршем по палате представителей. Эта уступка была достойна порицания, поскольку отменяла все законы, запрещающие военные сборища; но обе партии оказались в чрезвычайном положении, и каждая применила незаконные средства; двор обратился к Европе, а Жиронда - к народу. Последний находился в состоянии сильного возбуждения. Вожди предместий, среди которых были депутат Шабо, Сантерр, Лежандр, мясник Гоншон, маркиз де Сен-Юруг, в течение нескольких дней готовили их к революционному восстанию, подобному тому, которое потерпело неудачу на Марсовом поле. Приближалось 20 июня, годовщина принесения присяги на Теннисном корте. Под предлогом празднования этого памятного дня гражданским праздником и установки майского столба в честь свободы 20 июня толпа численностью около восьми тысяч человек покинула предместья Сент-Антуан и Сен-Марсо и направилась на собрание.

Редерер, протоколист, донес эту новость до собрания, но тем временем толпа уже достигла дверей зала. Их лидеры попросили разрешения подать петицию и дефилировать перед собранием. Разгорелись ожесточенные дебаты между Правыми, которые не желали допускать вооруженных заявителей, и левыми, которые, руководствуясь обычаем, хотели их принять. Верньо заявил, что ассамблея нарушит все принципы, допустив вооруженные банды среди них; но, учитывая фактические обстоятельства, он также заявил, что в данном случае невозможно отклонить просьбу, которая была удовлетворена во многих других. Было трудно не уступить желаниям восторженной и огромной толпы, когда ее поддерживало большинство представителей. Толпа уже заполнила проходы, когда собрание решило, что петиционеров

следует пропустить в зал заседаний. Депутация была представлена. Оратор выражался в угрожающих выражениях. Он сказал, что народ пришел в движение; что они готовы использовать великие средства — средства, содержащиеся в декларации прав, *сопротивления угнетению*; что несогласные члены ассамблеи, если таковые найдутся, *очистили бы мир от свободы* и отправились бы в Кобленц; затем, возвращаясь к истинному замыслу этой повстанческой петиции, он добавил: "Исполнительная власть не в союзе с вами; нам не нужно никаких других доказательств этого, кроме увольнения министров-патриотов. Таким образом, счастье свободной нации должно зависеть от прихоти короля! Но должна ли у этого короля быть какая-либо иная воля, кроме воли закона? Народ хочет, чтобы это было так, а жизнь народа так же ценна, как жизнь коронованных деспотов. Что жизнь - это генеалогическое древо нации, и слабая трость должна склониться перед этим крепким дубом! Мы жалуемся, господа, на бездеятельность наших армий; мы требуем от вас вникнуть в причину этого; если это исходит от исполнительной власти, пусть эта власть будет уничтожена!"

Ассамблея ответила петиционерам, что примет их просьбу к сведению; затем она призвала их уважать закон и законные власти и разрешила им дефилировать перед ней. Эта процессия, насчитывавшая тридцать тысяч человек, включавшая женщин, детей, национальных гвардейцев и мужчин, вооруженных пиками, среди которых размахивали революционными знаменами и символикой, пела, проходя по залу, знаменитый припев "*Ca ira*" и кричала: "Да здравствует нация!" "*Vivent les sans-culottes!*" "*A bas le veto!*" Его возглавляли Сантерр и маркиз де Сен-Хуруг. Покинув собрание, оно направилось в замок во главе с петиционерами.

По приказу короля наружные двери распахнулись; толпа хлынула внутрь. Они поднялись в покои, и, взломав двери топорами, король приказал открыть их и предстал перед ними в сопровождении нескольких человек. Толпа на мгновение остановилась перед ним, но те, кто был снаружи, не испытывая благоговейного трепета перед присутствием короля, продолжали наступать. Louis XVI. был предусмотрительно помещен в нишу окна. Он никогда не проявлял большего мужества, чем в этот прискорбный день. Окруженный национальными гвардейцами, которые образовывали барьер против толпы, сидя на стуле, поставленном на стол, чтобы ему было свободнее дышать и его видели люди, он сохранял спокойное и твердое поведение. В ответ на раздавшиеся со всех сторон крики о санкционировании декретов он сказал: "Сейчас не тот способ и не тот момент, чтобы добиваться этого от меня". Имея мужество отказаться от основной цели собрания, он подумал, что не должен отвергать символ, бессмысленный для него, но в глазах народа - символ свободы; он надел на голову подаренную ему красную шапочку на острие пики. Толпа была вполне удовлетворена такой снисходительностью. Минуту или две спустя они осыпали его аплодисментами, когда он, почти задыхаясь от голода и жажды, без колебаний выпил бокал вина, подаренный ему полупьяным рабочим. Тем временем Верньо, Изнар и несколько депутатов Жиронды поспешили туда, чтобы защитить короля, обратиться к народу и положить конец этим непристойным сценам. Собрание, только что закончившее заседание, собралось снова в спешке, напуганное этой вспышкой, и отправило несколько депутатий к Людовику XVI. в качестве защиты. Наконец прибыл сам мэр Петион; он взобрался на стул, обратился к народу с речью, призвал его удалиться без шума, и народ подчинился. Эти необычные повстанцы, единственной целью которых было получение указов и министров, ушли в отставку, не выполнив своей миссии, но и не выполнив ее.

События 20 июня возбудили сторонников конституции против ее авторов. Вторжение в королевскую резиденцию, оскорбления, нанесенные Людовику XVI, незаконность петиции,

поданной при буйстве толпы, и демонстрация оружия были предметом серьезного порицания народной партии. Последняя на мгновение почувствовала себя вынужденной защищаться; помимо того, что она была виновна в беспорядках, она подверглась полной проверке. Конституционалисты приняли тон и превосходство оскорбленной и господствующей партии; но это продолжалось недолго, поскольку суд их не поддержал. Национальная гвардия была предложена Людовику XVI. герцог де Ларошфуко-Лианкур, командовавший войсками в Руане, пожелал передать его своим войскам, которые были преданы его делу. Лафайет предложил отвезти его в Компьень и поставить во главе своей армии; но Людовик XVI. отклонил все эти предложения. Он предполагал, что агитаторы будут возмущены провалом их последней попытки; и, поскольку он надеялся на избавление от коалиции европейских держав, активизировавшейся в результате событий 20 июня, он не желал использовать конституционалистов, потому что был бы вынужден вести переговоры с ними.

Лафайет, однако, попытался сделать последнее усилие в пользу законной монархии. Обеспечив командование своей армией и собрав обращения с протестами против недавних событий, он отправился в Париж, а 28 июня неожиданно предстал перед коллегией адвокатов ассамблеи. Он требовал от своего имени, а также от имени своей армии наказания повстанцев 20 июня и уничтожения якобинской партии. Его действия вызвали различные настроения в ассамблее. Правые горячо аплодировали этому, но левые протестовали против его поведения. Гуаде предложил провести расследование относительно его вины в том, что он оставил свою армию и пришел диктовать законы ассамблее. Некоторые остатки уважения помешали последнему последовать совету Гуаде; и после бурных дебатов Лафайет был допущен к участию в заседании, но все это было со стороны собрания. Затем Лафайет обратился к национальной гвардии, которая так долго была ему предана, и надеялся с ее помощью закрыть клубы, разогнать якобинцев, восстановить власть Людовика XVI. власть, которую дал ему закон, и снова установить конституцию. Революционеры были поражены и всего опасались из-за смелости и активности этого противника Марсова поля. Но суд, опасавшийся триумфа конституционалистов, привел к провалу проектов Лафайета; он назначил пересмотр дела, которому суд ухитрился помешать своим влиянием на офицеров роялистских батальонов. Гренадеры и егеря, отборные роты, настроенные еще лучше, чем остальные, должны были собраться в его резиденции и выступить против клубов; собралось едва ли тридцать человек. Таким образом, тщетно попытавшись сплотиться в деле конституции и общей обороны, суда и национальной гвардии, и обнаружив, что его бросили те, кому он пришел помочь, Лафайет вернулся в свою армию, потеряв то небольшое влияние и популярность, которые у него оставались. Эта попытка была последним симптомом жизни конституционной партии.

Ассамблея, естественно, вернулась к положению Франции, которое не изменилось. Чрезвычайная комиссия из двенадцати человек представила устами Пасторе неудовлетворительную картину состояния и раскола партии. Жан Дебри от имени той же комиссии предложил, чтобы ассамблея обеспечила спокойствие народа, который сейчас сильно встревожен, заявив, что, когда кризис станет неизбежным, ассамблея объявит, что *страна находится в опасности*; и что тогда она примет меры для обеспечения общественной безопасности. Дебаты начались по этому важному вопросу. Верньо в речи, глубоко взволновавшей ассамблею, нарисовал яркую картину всех опасностей, которым в тот момент подвергалась страна. Он сказал, что эмигранты собрались во имя короля, что правители Европы сформировали коалицию, что иностранные армии маршируют к нашим границам и что происходят внутренние беспорядки. Он обвинил его в том, что своими отказами он сдерживает

национальное рвение и отдает Францию коалиции. Он процитировал статью конституции, в которой говорилось, что "если король встанет во главе армии и направит ее силу против нации, или если он официально не выступит против такого предприятия, предпринятого от его имени, его следует считать отрекшимся от престола". Предположим, тогда, что Людовик XVI добровольно выступив против средств защиты страны, в таком случае он сказал: "разве мы не имеем права сказать ему: "О царь, который, без сомнения, думал вместе с тираном Лисандром, что истина имеет не больше ценности, чем ложь, и что людей следует забавлять клятвами, как детей забавляют игрушками; который только притворялся послушным законам, чтобы ты мог лучше сохранить власть, позволяющую тебе бросать им вызов; и который только притворялся любящим конституцию, чтобы она не свергла тебя с трона, на котором ты чувствовал себя обязанным оставаться в будущем?" чтобы уничтожить конституцию, вы рассчитываете обмануть нас лицемерными протестами? Вы думаете обмануть нас относительно наших несчастий искусством своих оправданий? Защищало ли нас противостояние иностранным солдатам, чья заведомая неполноценность не допускала сомнений в их поражении? Отложить проекты по укреплению внутренних дел? Защищало ли это нас от того, что мы не остановили генерала, который нарушал конституцию, в то время как вы подавляли мужество тех, кто стремился служить ей? Предоставила ли конституция вам право выбора министров для нашего счастья или нашей гибели? Поставила ли она вас во главе нашей армии для нашей славы или нашего позора? Дало ли это вам конституционное право на санкции, гражданский список и так много прерогатив потерять империю и конституцию? Нет! нет! человек! на кого не могло повлиять великодушие французов, кем движет только любовь к деспотизму, вы теперь ничто по сравнению с конституцией, которую вы так недостойно нарушили, и с народом, который вы так подло предали!"

Единственным ресурсом Жиронды в ее нынешнем положении было отречение короля; Верньо, правда, пока выражался лишь двусмысленно, но вся народная партия приписывала Людовику XVI проекты, которые Верньо высказал лишь в форме предположений. Через несколько дней Бриссо высказался более открыто. "Наша опасность, - сказал он, - превосходит все, что видели прошедшие века. Страна находится в опасности не потому, что нам не хватает войск, не потому, что этим войскам не хватает мужества, или что наши границы плохо укреплены, а наши ресурсы скудны. Нет, оно в опасности, потому что его сила парализована. А кто его парализовал? Человек — один человек, человек, которого конституция сделала своим главой и которого вероломные советники сделали ее врагом. Вам говорят бояться королей Венгрии и Пруссии; я говорю, что главная сила этих королей находится при дворе, и именно там мы должны в первую очередь победить их. Они говорят вам нанести удар по несогласным священникам по всему королевству. Я говорю вам нанести удар по Тюильри, то есть свалить всех священников одним ударом; вам сказано преследовать в судебном порядке всех мятежных и интригующих заговорщиков; все они исчезнут, если вы один раз достаточно громко постучите в дверь кабинета министров Тюильри, ибо этот кабинет является точкой, к которой ведут все эти нити, где замышляется каждый план и откуда исходит каждый импульс. Нация - игрушка этого кабинета. В этом секрет нашего положения, в этом источник зла, и здесь должно быть применено лекарство".

Таким образом, Жиронда подготовила собрание к рассмотрению вопроса о низложении. Но сначала был решен важный вопрос об опасности, грозящей стране. Три объединенных комитета заявили, что необходимо принять меры для обеспечения общественной безопасности, и 5 июля ассамблея приняла торжественное заявление: *Граждане, страна в*

опасности! Все гражданские власти немедленно установили за собой *постоянное наблюдение*. Все граждане, способные носить оружие и уже служившие в национальной гвардии, были зачислены на действительную службу; каждый был обязан сообщить, каким оружием и амуницией он располагает; тем, кто не мог раздобыть ружей, были розданы пики; на общественных площадях были записаны батальоны добровольцев, посреди которых были вывешены знамена с надписью "Граждане, страна в опасности!", а в Суассоне был разбит лагерь. Эти меры обороны, ставшие теперь необходимыми, подняли революционный энтузиазм до высшей точки. Это было особенно заметно в годовщину 14 июля, когда настроения толпы и федератов из департаментов проявились без утайки. Петион был объектом народного идолопоклонства и пользовался всеми почестями федерации. За несколько дней до этого он был уволен директорией департамента и советом за его поведение 20 июня; но ассамблея вернула его к исполнению обязанностей, и единственным возгласом в день федерации было: "*Петиция или смерть!*" Несколько батальонов национальной гвардии, таких как Filles-Saint-Thomas, все еще проявляли привязанность ко двору; они стали объектом народного негодования и недоверия. На Елисейских полях произошли беспорядки между гренадерами Фий-Сен-Тома и федератами Марселя, в ходе которых несколько гренадеров были ранены. С каждым днем кризис становился все более надвигающимся; партия, выступающая за войну, больше не могла мириться с конституцией. Нападки на Лафайета множились; его порицали в журналах, осуждали в ассамблее. Наконец начались военные действия. Клуб Фейянов был закрыт; гренадерские и егерские роты национальной гвардии, составлявшие силы буржуазии, были распущены; линейные солдаты и часть швейцарцев были высланы из Парижа, и начались открытые приготовления к катастрофе 10 августа.

Прогресс пруссаков и знаменитый брауншвейгский манифест способствовали ускорению этого движения. Пруссия присоединилась к Австрии и немецким князьям против Франции. Эта коалиция, к которой присоединился туринский двор, была грозной, хотя в нее входили не все державы, которые должны были присоединиться к ней поначалу. Смерть Густава, назначенного вначале командующим армией вторжения, отделила Швецию; замена министра Флориды Бланки графом д'Арандой, благоразумным и умеренным человеком, помешала Испании вступить в нее; Россия и Англия тайно одобряли нападки лиги Европы, пока еще не сотрудничая с ней. После уже упомянутых военных операций они скорее наблюдали друг за другом, чем сражались. За это время Лафайет привил своей армии хорошие привычки к дисциплине и преданности делу; а Дюмуре, находившийся под командованием Лакнера в лагере Молд, приучил вверенные ему войска к мелким сражениям и ежедневным успехам. Таким образом, они сформировали ядро хорошей армии; что было желательно, поскольку им требовались организованность и уверенность, чтобы отразить приближающееся вторжение объединившихся держав.

Им руководил герцог Брауншвейгский. Он возглавлял вражескую армию, состоявшую из семидесяти тысяч пруссаков и шестидесяти восьми тысяч австрийцев, гессенцев или эмигрантов. План вторжения был следующим: Герцог Брауншвейгский с пруссаками должен был перейти Рейн у Кобленца, подняться по левому берегу Мозеля, атаковать французскую границу в ее центральном и наиболее доступном пункте и наступать на столицу через Лонгвий, Верден и Шалон. Принц фон Гогенлоэ, находившийся слева от него, должен был наступать в направлении Меца и Тионвиля с гессенцами и группой эмигрантов; в то время как генерал Клерфе с австрийцами и другой группой эмигрантов должен был свергнуть Лафайета, стоявшего перед Седаном и Мезьером, переправиться через Маас и двинуться на Париж через Реймс и

Суассон. Таким образом, центр и два крыла должны были сосредоточенно наступать на столицу со стороны Мозеля, Рейна и Нидерландов. Другие подразделения, дислоцированные на границе по Рейну и на крайней северной границе, должны были атаковать наши войска с этих сторон и способствовать вторжению в центр.

26 июля, когда армия начала движение из Кобленца, герцог Брауншвейгский опубликовал манифест от имени императора и короля Пруссии. Он упрекал *тех, кто узурпировал бразды правления во Франции*, в нарушении порядка и свержении законного правительства; в применении ежедневно возобновляемого насилия против короля и его семьи; в произвольном подавлении прав и владений немецких князей в Эльзасе и Лотарингии; и, наконец, в том, что в довершение ко всему они объявили несправедливую войну его величеству императору и напали на его провинции в Нидерландах. Он объявил, что союзные монархи наступают, чтобы положить конец анархии во Франции, пресечь нападения на алтарь и трон; восстановить королю безопасность и свободу, которых он был лишен, и дать ему возможность осуществлять свою законную власть. Следовательно, он возложил на национальную гвардию и власти ответственность за все беспорядки, которые должны были возникнуть до прибытия войск коалиции. Он призвал их вернуться к своей древней верности. Он сказал, что жители городов, *которые осмелились встать в оборону*, должны быть немедленно наказаны как мятежники, со всей суровостью войны, а их дома разрушены или сожжены; что, если город Париж не вернет королю полную свободу и не окажет ему должного уважения, князья коалиции привлекут к ответственности членов национального собрания, департамента, округа, корпорации и национальной гвардии, лично их головами, чтобы судить по военному положению и без надежды на помилование; и что, если замок подвергнется нападению или оскорблению, власти Парижа будут наказаны. принцы осуществили бы образцовую и никогда незабываемую месть, предав Париж военной казни и тотальной подрывной деятельности. С другой стороны, он обещал, если жители Парижа незамедлительно подчинятся приказам коалиции, обеспечить им посредничество союзных князей с Людовиком XVI. за прощение их проступков и ошибок.

Этот пламенный и бестактный манифест, который не скрывал ни замыслов эмигрантов, ни замыслов Европы, который обращался с великой нацией с поистине необычайным повелительным тоном и презрением, который открыто объявлял ей обо всех бедствиях вторжения и, более того, о мести и деспотизме, вызвал национальное восстание. Это больше, чем что-либо другое, ускорило падение трона и помешало успеху коалиции. Было только одно желание, один крик сопротивления от одного конца Франции до другого; и тот, кто не присоединился бы к нему, считался бы виновным в нечестии по отношению к своей стране и священному делу ее независимости. Народная партия, поставленная перед необходимостью завоевания, не видела иного пути, кроме как уничтожить власть короля, а для того, чтобы уничтожить ее, кроме как свергнуть его с престола. Но в этой партии каждый хотел достичь цели по-своему: Жиронда - декретом собрания; вожди толпы - восстанием. Дантон, Робеспьер, Камиль Демулен, Фабр-д'Эглантин, Марат и др. были перемещенной фракцией, требовавшей революции, которая подняла бы ее из среды народа в ассамблею и корпорацию. Они были истинными лидерами нового движения, которое вот-вот должно было развернуться силами низших слоев общества против среднего класса, к которому жирондисты принадлежали по своим привычкам и положению. С того дня возникло разделение между теми, кто хотел только подавить суд в существующем порядке вещей, и теми, кто хотел ввести толпу. Последние не могли смириться с затянувшимся обсуждением. Охваченные всеми революционными

страстями, они приготовились к наступлению с применением оружия, подготовка к которому велась открыто и задолго до этого.

Их предприятие несколько раз проектировалось и приостанавливалось. 26 июля должно было вспыхнуть восстание, но оно было плохо спланировано, и Петион предотвратил его. Когда федераты из Марселя прибыли по пути в лагерь в Суассоне, жители предместья должны были встретить их, а затем неожиданно вернуться в замок. Это восстание также провалилось. Однако прибытие марсельцев воодушевило столичных агитаторов, и в Шарантоне между ними и федеральными лидерами были проведены совещания по свержению трона. Секции были сильно взволнованы; секция Моконсейля первой объявила о себе в состоянии восстания и уведомила об этом собрание. Вопрос о свержении с престола обсуждался в клубах, и 3 августа мэр Петион пришел просить об этом законодательный орган от имени коммуны и секций. Петиция была передана в чрезвычайную комиссию двенадцати. 8-го числа обсуждалось обвинение Лафайета. Остатки мужества побудили большинство поддержать его, и не без опасности. Он был оправдан, но все, кто голосовал за него, подверглись осистыванию, преследованиям и жестокому обращению со стороны народа при прекращении заседания.

На следующий день волнение было чрезвычайным. Из писем большого числа депутатов ассамблея узнала, что накануне, при выходе из палаты представителей, с ними жестоко обращались и угрожали смертью за то, что они проголосовали за оправдание Лафайета. Воблан объявил, что толпа вложила деньги и обыскала его дом в погоне за ним. Жирарден воскликнул: "Дискуссия невозможна без полной свободы мнений; я заявляю своим избирателям, что не могу обсуждать, если законодательный орган не обеспечит мне свободу и безопасность". Вобланк искренне призвал ассамблею принять самые решительные меры для обеспечения соблюдения закона. Он также потребовал, чтобы федераты, которых защищали жирондисты, были без промедления отправлены в Суассон. Во время этих дебатов президент получил послание от министра юстиции де Жоли. Он объявил, что беспорядки достигли апогея, и люди прибегали ко всякого рода излишествам. Он рассказал о тех, которые были совершены накануне вечером не только против депутатов, но и против многих других лиц. "Я, - сказал министр, - осудил эти нападения в уголовном суде; но закон бессилён; и я вынужден из соображений чести и неподкупности сообщить вам, что без срочной помощи законодательного органа правительство больше не может нести ответственность". Тем временем было объявлено, что часть квинцев заявила, что, если в тот же день не будет объявлено о свержении с престола, в полночь они ударят в набат, побьют генерала и нападут на замок. Это решение было передано сорока восьми секциям, и все они одобрили его, за исключением одной. Собрание вызвало секретаря департамента, который заверил их в своей доброй воле, но неспособности; и мэра, который ответил, что в то время, когда секции восстановили свой суверенитет, он может оказывать на людей влияние только убеждением. Собрание разошлось, не приняв никаких мер.

Повстанцы назначили нападение на замок на утро 10 августа. 8-го числа марсельцы были переведены из своих казарм на улице Бланш в Кордельеры вместе со своим оружием, пушками и штандартом. Они получили пять тысяч патронов, которые были розданы им по приказу комиссара полиции. Главным местом восстания было Сент-Антуанское предместье. Вечером, после очень бурного заседания, якобинцы отправились туда процессией; тогда было организовано восстание. Было решено распустить департамент; уволить Петиона, чтобы отстранить его от исполнения своих обязанностей и всякой ответственности; и, наконец, заменить генеральный совет нынешней коммуны восставшим муниципалитетом. Агитаторы

одновременно отправились в кварталы предместий и в казармы федеративных марсельцев и бретонцев.

Суд был предупрежден об опасности в течение некоторого времени и перешел в состояние защиты. На этом этапе он, вероятно, думал, что способен не только сопротивляться, но и полностью восстановиться. Внутренняя часть замка была занята швейцарцами в количестве восьмисот или девятисот человек, офицерами распушенной гвардии и отрядом дворян и роялистов, которые предложили свои услуги, вооруженных саблями, шпагами и пистолетами. Мандат, главнокомандующий национальной гвардией, отправился в замок со своим штабом, чтобы защитить его; он отдал приказ батальонам, наиболее приверженным конституции, взяться за оружие. Министры также были с королем; секретарь департамента отправился туда вечером по приказу короля, который также послал за Петионом, чтобы выяснить у него состояние Парижа и получить разрешение отразить нападение силой.

В полночь прозвучал набат; генерала избили. Повстанцы собрались и вступили в их ряды; члены секций разогнали муниципалитет и назначили временный совет коммуны, который проследовал в Ратушу, чтобы руководить восстанием. Батальоны национальной гвардии, со своей стороны, направились к замку и были размещены во дворе или на главных постах вместе с конной жандармерией; артиллеристы со своими орудиями заняли аллеи Тюильри, в то время как швейцарцы и добровольцы охраняли квартиры. Защита была в наилучшем состоянии.

Тем временем несколько депутатов, разбуженных ударом набата, поспешили в зал законодательного собрания и открыли заседание под председательством Верньо. Услышав, что Петион находится в Тюильри, и предположив, что он был задержан там и хотел быть освобожденным, они послали за ним в коллегия адвокатов собрания, чтобы дать отчет о состоянии Парижа. Получив этот приказ, он покинул замок; он предстал перед собранием, где депутация снова справлялась о нем, также предполагая, что он заключенный в Тюильри. С этой депутацией он вернулся в Отель-де-Виль, где новая коммуна поместила его под охрану из трехсот человек. Последний, не желая допускать в этот день беспорядков какую-либо иную власть, кроме повстанческих властей, ранним утром послал за мандатным комендантом, чтобы узнать, какие приготовления были сделаны в замке. Мандатарий колебался, стоит ли повиноваться; однако, поскольку он не знал, что муниципалитет был изменен, и поскольку его долг требовал от него подчиняться его приказам, по второму вызову, который он получил из коммуны, он проследовал в Отель-де-Виль. Увидев при входе новые лица, он побледнел. Его обвинили в том, что он разрешил войскам стрелять по людям. Он пришел в волнение, и его отправили в аббатство, и толпа убила его, когда он уходил, на ступеньках Ратуши. Коммуна немедленно возложила командование национальной гвардией на Сантера.

Таким образом, суд был лишен своего самого решительного и влиятельного защитника. Присутствие Мандата и полученный им приказ применить силу в случае необходимости были необходимы, чтобы побудить национальную гвардию к сражению. Вид дворян и роялистов поубавил ее рвения. Сам Мандат перед своим отъездом тщетно убеждал королеву распустить этот отряд, который конституционалисты считали отрядом аристократов.

Около четырех часов утра королева вызвала Редерера, секретаря департамента, который провел ночь в Тюильри, и спросила, что делать в этих обстоятельствах. Редерер ответил, что он считает необходимым, чтобы король и королевская семья проследовали в национальное собрание. "Вы предлагаете, - сказал Дюбушаж, - отвести короля к его врагам". Редерер ответил,

что за два дня до этого четыреста членов этого собрания из шестисот высказались в пользу Лафайета; и что он предложил этот план только как наименее опасный. Затем королева сказала очень уверенным тоном: "Сэр, у нас здесь есть силы: наконец-то пришло время узнать, кто одержит верх - король и конституция или фракция?" "В таком случае, мадам, - возразил Редерер, - давайте посмотрим, какие меры приняты для сопротивления". Послали за Лашенаем, который командовал в отсутствие мандата. Его спросили, принял ли он меры, чтобы не допустить прибытия толпы к замку? Охранял ли он Карусель? Он ответил утвердительно и, обращаясь к королеве, сказал гневным тоном: "Я не должен позволить вам оставаться в неведении, мадам, что апартаменты заполнены людьми всех мастей, которые очень мешают службе и препятствуют свободному доступу к королю, что вызывает недовольство среди национальной гвардии". "Сейчас не время, - ответила королева. - Я отвечу за тех, кто здесь; они пойдут первыми или последними в строю, как вам будет угодно; они готовы ко всему, что необходимо; они верные люди". Они удовлетворились тем, что послали двух министров, Жоли и Чемпиона, в ассамблею, чтобы сообщить ей об опасности и попросить ее помощи и уполномоченных. [Сноска: *Хроника последних событий*, от П. Л. Редерера, автора с самой скрупулезной точностью.]

Между защитниками замка уже существовало разделение, когда Людовик XVI в пять часов утра провел перед ними смотр. Сначала он посетил внутренние посты и обнаружил, что они движимы лучшими намерениями. Его сопровождали несколько членов его семьи, и он казался чрезвычайно печальным. "Я не буду, - сказал он, - отделять свое дело от дела добропорядочных граждан; мы спасемся сами или погибнем вместе". Затем он спустился во двор в сопровождении нескольких военачальников. Как только он прибыл, они взялись за оружие. Крик "Да здравствует король!" был услышан и повторен национальной гвардией, но артиллеристы и батальон Красного Креста ответили криком "Да здравствует нация!". В то же мгновение новые батальоны, вооруженные ружьями и пиками, дефилировали перед королем и заняли свои места на террасе Сены, крича: "Да здравствует нация!" "Vive Pétion!" Король продолжил осмотр, не без грусти, однако, восприняв это предзнаменование. Он был встречен с самыми убедительными доказательствами преданности батальонами Filles-Saint-Thomas и Petits-Pères, которые заняли террасу, протянувшуюся по всей длине замка. Когда он пересекал сад, чтобы посетить порты Пон-Турнан, батальоны пик преследовали его с криками: "Долой вето!", "Долой предателя!" и когда он вернулся, они оставили свои позиции, расположились возле Пон-Руаяля и направили свои пушки против замка. Два других батальона, размещенных во дворах, последовали их примеру и заняли позицию для атаки на площади Карусель. Вернувшись в замок, король был бледен и удручен, а королева сказала: "Все пропало! Такого рода проверки принесли больше вреда, чем пользы".

Пока все это происходило в Тюильри, повстанцы продвигались несколькими колоннами; они провели ночь, собираясь и приводя себя в порядок. Утром они ворвались в арсенал и распределили оружие. Колонна Сент-Антуанского предместья численностью около пятнадцати тысяч человек и колонна Сен-Марсо численностью в пять тысяч человек начали марш около шести. Толпа увеличивалась по мере их продвижения. Директория департамента разместила артиллеристов на Новом мосту, чтобы предотвратить объединение повстанцев с двух берегов реки. Но Мануэль, городской клерк, приказал убрать их, и, соответственно, проход был свободен. Авангард предместий, состоявший из марсельцев и бретонских федератов, уже прибыл на улицу Сент-Оноре, расположился в боевом порядке на Карусели и направил свои пушки против замка. Де Жоли и Шампион вернулись с собрания, заявив, что присутствовавших

было недостаточно для дебатов; что в нем едва насчитывалось шестьдесят или восемьдесят членов и что их предложение не было услышано. Затем Редерер, регистратор департамента, вместе с членами департамента предстал перед толпой, заметив, что такая огромная толпа не может иметь доступа ни к королю, ни к национальному собранию, и порекомендовал им назначить двадцать депутатов и доверить им выполнение их просьб. Но они его не послушали. Он обратился к национальной гвардии, напомнил им о статье закона, которая обязывает их в случае нападения отражать нападение силой. Очень небольшая часть национальной гвардии, казалось, была настроена сделать это, и единственным ответом артиллеристов был пушечный залп. Редерер, видя, что повстанцы повсюду торжествуют, что они хозяева поля боя и что они расправились с толпой и даже с войсками, поспешно вернулся во дворец во главе исполнительной директории.

Король держал совет с королевой и министрами. Муниципальный чиновник только что поднял тревогу, объявив, что колонны повстанцев приближаются к Тюильри. "Ну, и чего они хотят?" - спросил Жоли, хранитель печати. "Отречение", - ответил офицер. "Будет объявлено собранием", - добавил министр. "И что последует за отречением?" спросила королева. Муниципальный чиновник молча поклонился. В этот момент прибыл Редерер и усилил тревогу двора, объявив, что опасность чрезвычайна, что с повстанцами обращаться не будут и что на национальную гвардию нельзя полагаться. "Сир, - настойчиво сказал он, - вашему величеству нельзя терять ни пяти минут: ваша единственная безопасность находится в национальном собрании; министерство считает, что вам следует отправиться туда без промедления. При дворе недостаточно людей, чтобы защитить замок; да мы и не уверены в них. При упоминании об обороне артиллеристы выстрелили из своих пушек." Король сначала ответил, что он не заметил много людей на Карусели; и королева живо возразила, что у короля есть силы для защиты замка. Но при возобновившейся настойчивости Редерера король, внимательно посмотрев на него в течение нескольких минут, повернулся к королеве и сказал, вставая: "Пойдемте". "Месье Редерер, - сказала мадам Елизавета, обращаясь к протоколисту, - вы отвечаете за жизнь короля?" "Да, мадам, с моим собственным", - ответил он. "Я пройду прямо перед ним".

Louis XVI. покинул свои покои вместе с семьей, министрами и членами департамента и объявил людям, собравшимся для защиты замка, что направляется в национальное собрание. Он встал между двумя шеренгами национальных гвардейцев, вызванных для его сопровождения, и пересек апартаменты и сад Тюильри. Делегация ассамблеи, узнав о его приближении, вышла ему навстречу: "Сир, - сказал председатель этой делегации, - ассамблея, стремясь обеспечить вашу безопасность, предлагает вам и вашей семье убежище в своих недрах". Процессия возобновила свое шествие и с некоторым трудом пересекла террасу Тюильри, которая была запружена оживленной толпой, изрыгавшей угрозы и оскорбления. Королю и его семье было очень трудно добраться до зала собрания, где они заняли места, отведенные для министров. "Господа, - сказал король, - я пришел сюда, чтобы избежать великого преступления; я думаю, что я не могу быть в большей безопасности, чем с вами". "Сир, - ответил Верньо, занявший кресло, - "вы можете положиться на твердость национального собрания. Его члены поклялись умереть, отстаивая права народа и официальных властей". Затем король занял свое место рядом с президентом. Но Шабо напомнил ему, что собрание не может совещаться в присутствии короля и Людовика XVI. удалился со своей семьей и министрами в репортерскую ложу позади президента, откуда можно было видеть и слышать все происходящее.

С отъездом короля исчезли все мотивы для сопротивления. Средства защиты также уменьшились из-за отъезда национальной гвардии, сопровождавшей короля. Жандармерия покинула свои посты с криками "Да здравствует нация!" Национальная гвардия начала переходить на сторону повстанцев. Но враги столкнулись, и, хотя причина была устранена, бой, тем не менее, начался. Колонна повстанцев окружила замок. Марсельцы и бретонцы, занимавшие первую шеренгу, только что форсировали Королевские ворота на Карусели и вошли во двор замка. Их возглавлял старый субалтерн по имени Вестерманн, друг Дантона и очень смелый человек. Он выстроил свои войска в боевой порядок и, приблизившись к артиллеристам, заставил их присоединиться к марсельцам со своими орудиями. Швейцарцы заполнили окна замка и стояли неподвижно. Некоторое время два тела противостояли друг другу, не предпринимая никаких атак. Несколько нападавших дружно двинулись вперед, и швейцарцы в знак мира выбросили из окон несколько патронов. Они проникли в вестибюль, где были встречены другими защитниками замка. Их разделял барьер. Здесь начался бой, но неизвестно, с какой стороны он начался. Швейцарцы открыли убийственный огонь по нападавшим, которые были рассеяны. Площадь Карусель была очищена. Но марсельцы и бретонцы вскоре вернулись с новыми силами; швейцарцы были обстреляны из пушек и окружены. Они оставались на своих постах, пока не получили приказ от короля прекратить огонь. Разъяренная толпа, однако, не переставала преследовать их и предалась самым кровавым расправам. Теперь это превратилось скорее в резню, чем в сражение, и толпа учинила в замке все торжества победы.

Все это время собрание пребывало в величайшей тревоге. Первая канонада повергла их в ужас. По мере того как стрельба становилась все более частой, возбуждение возрастало. В какой-то момент депутаты сочли себя потерянными. Офицер, вошедший в зал, поспешно воскликнул: "По местам, законодатели; мы вынуждены!" Несколько человек поднялись, чтобы выйти. "Нет, нет, - кричали другие, - это наш пост". Зрители на галерке тут же воскликнули: "Да здравствует национальное собрание!" - и собрание ответило: "Да здравствует нация!" Затем снаружи раздались победные крики, и судьба монархии была решена.

Собрание немедленно приняло прокламацию о восстановлении спокойствия и призывало народ уважать правосудие, своих судей, права человека, свободу и равенство. Но толпа и их вожди держали в своих руках всю власть и были полны решимости использовать ее. Новый муниципалитет пришел, чтобы утвердить свою власть. Ему предшествовали три транспаранта с надписями: "Патриотизм, свобода, равенство". Его обращение было властным и завершалось требованием низложения короля и созыва национального собрания. Последовали депутации, и все выразили одно и то же желание или, скорее, отдали один и тот же приказ.

Собрание почувствовало себя вынужденным уступить; однако оно не захотело брать на себя низложение короля. Верньо взошел на трибуну от имени комиссии двенадцати и сказал: "Я собираюсь предложить вам очень строгую меру; я зываю к скорби ваших сердец, чтобы вы рассудили, насколько необходимо принять ее немедленно". Эта мера заключалась в созыве национального собрания, увольнении министров и отстранении от должности короля. Собрание приняло ее единогласно. Министры-жирондисты были отозваны; знаменитые декреты были приведены в исполнение, около четырех тысяч священников, не участвовавших в суде, были сосланы, а в войска были направлены комиссары, чтобы удостовериться в их исполнении. Людовик XVI, которому ассамблея сначала выделила Люксембург в качестве резиденции, был переведен всемогущей коммуной в качестве узника в Тампль под предлогом

того, что иначе она не могла бы отвечать за безопасность его личности. Наконец, 23 сентября было назначено на открытие внеочередного собрания, которому суждено было решить судьбу королевской семьи. Но королевская власть пала уже 10 августа, в этот день, отмеченный восстанием толпы против средних классов и конституционного трона, подобно тому, как 14 июля произошло восстание среднего класса против привилегированного класса и абсолютной власти короны. 10 августа началась эпоха диктатуры и произвола революции. Обстоятельства становились все более и более трудными, возникла масштабная война, требующая еще большей энергии, чем когда-либо, и эта энергия, нерегулярная, потому что популярная, сделала господство низшего класса беспокойным, жестоким и деспотичным. Природа вопроса тогда полностью изменилась; это был уже вопрос не свободы, а общественной безопасности; и условный период с момента окончания действия конституции 1791 года до того времени, когда конституция III года учредила директорию, был всего лишь длительной кампанией революции против партий и против Европы. Вряд ли могло быть иначе. "Революционное движение однажды возникло", - говорит г-н де Местр в своих *"Рассуждениях о Франции"*. [Сноска: Лозанна, 1796.] "Францию и монархию могло спасти только якобинство. Наши внуки, которых мало будут волновать наши страдания и которые будут танцевать на наших могилах, будут смеяться над нашим нынешним невежеством; они легко утешатся из-за эксцессов, свидетелями которых мы были и которые сохранили целостность лучшего из королевств".

Ведомства придерживались событий 10 августа. Армия, которая вскоре после этого подпала под влияние революции, все еще придерживалась конституционно-роялистских принципов; но поскольку войска были подчинены партиям, они легко подчинились господствующему мнению. Вторые по рангу генералы, такие как Дюмурье, Кюстин, Бирон, Келлерман и Лабурдонне, были склонны принять последние изменения. Они еще не выступали за какую-либо конкретную партию, рассматривая революцию как средство продвижения. С двумя главнокомандующими дело обстояло иначе. Лакнер колебался в нерешительности между восстанием 10 августа, которое он назвал "небольшим несчастным случаем, произошедшим с Пэрисом и его другом Лафайетом". Последний, глава конституционной партии, твердо придерживаясь своих клятв, по-прежнему желал защищать свергнутый трон и конституцию, которой больше не существовало. Он командовал примерно тридцатью тысячами человек, которые были преданы его личности и его делу. Его штаб-квартира находилась недалеко от Седана. В своем проекте сопротивления в пользу конституции он договорился с муниципалитетом этого города и директорией департамента Арденны о создании гражданского центра, вокруг которого могли бы сплотиться все департаменты. Три комиссара, Керсен, Антонель и Перальди, посланные законодательным собранием в его армию, были арестованы и заключены в башню Седана. Причина, указанная для этой меры, заключалась в том, что собрание было запугано, и члены, принявшие на себя такую миссию, по необходимости были всего лишь лидерами или инструментами фракции, которая подчинила национальное собрание и короля. Затем войска и гражданские власти возобновили свою присягу конституции, и Лафайет попытался расширить круг восстания армии против народного восстания.

Генерал Лафайет в тот момент, возможно, слишком много думал о прошлом, о законе и обычной присяге и недостаточно о действительно чрезвычайном положении, в котором тогда находилась Франция. Он видел только разрушение самых дорогих надежд друзей свободы, узурпацию государства толпой и анархическое правление якобинцев; он не понимал фатальности ситуации, которая делала необходимым триумф последнего участника революции. Едва ли было возможно, чтобы буржуазия, которая была достаточно сильна, чтобы свергнуть

старую систему и привилегированные классы, но которая успокоилась после этой победы, могла противостоять эмигрантам и всей Европе. Для этого были необходимы новое потрясение, новая вера; нужен был многочисленный, пылкий, неистощимый класс, столь же воодушевленный 10 августа, как буржуазия 14 июля. Лафайет не мог примкнуть к этой партии; он боролся с ней в учредительном собрании, на Марсовом поле, до и после 20 июня. Он не мог ни продолжать играть свою прежнюю роль, ни защищать дело само по себе, но осужденное событиями, без ущерба для своей страны и результатов революции, к которой он был искренне привязан. Его сопротивление, если бы оно продолжалось, привело бы к гражданской войне между народом и армией в то время, когда не было уверенности, что объединения всех сторон будет достаточно для борьбы с иностранной войной.

Было 19 августа, и армия вторжения, покинув Кобленц 30 июля, поднималась по Мозелю и продвигалась к этой границе. Принимая во внимание общую опасность, войска были склонны возобновить свое повиновение ассамблее; Люкнер, который поначалу одобрял взгляды Лафайета, с плачем и ругательствами отступил перед муниципалитетом Меца; и сам Лафайет увидел необходимость уступить более могущественной судьбе. Он покинул свою армию, взяв на себя всю ответственность за все восстание. Его сопровождали Бюро-де-Пюси, Латур-Мобур, Александр Ламет и несколько офицеров его штаба. Он проследовал через вражеские посты в направлении Голландии, намереваясь отправиться в Соединенные Штаты, страну, которую он принял. Но он был обнаружен и арестован вместе со своими товарищами. В нарушение прав наций с ним обращались как с военнопленным и заключили сначала в темницы Магдебурга, а затем австрийцы в Ольмюце. Английский парламент сам предпринял шаги в его пользу, но только после заключения Кампо-Формийского мирного договора Бонапарт освободил его из тюрьмы. В течение четырех лет тяжелейшего плена, подвергаясь всевозможным лишениям, находясь в неведении о состоянии своей страны и о свободе, не имея перед собой никакой перспективы, кроме вечного и сурового заключения, он проявил величайшее героическое мужество. Он мог бы получить свободу, сделав определенные опровержения, но предпочел оставаться погребенным в своей темнице, чем хотя бы в малейшей степени отказаться от священного дела, за которое взялся.

В наши дни было мало жизней более чистых, чем у Лафайета; мало характеров более красивых; мало людей, чья популярность была завоевана более справедливо и дольше сохранялась. После защиты свободы в Америке на стороне Вашингтона он желал установить ее таким же образом во Франции; но эта благородная роль была невозможна в нашей революции. Когда у народа в стремлении к свободе нет внутренних разногласий и нет врагов, кроме иностранцев, он может найти избавителя; может породить в Швейцарии Вильгельма Телля, в Нидерландах принца Оранского, в Америке Вашингтона; но когда он преследует ее против своих соотечественников и иностранцев, сразу среди фракций и сражений, он может породить только Кромвеля или Бонапарта, которые становятся диктаторами революций, когда борьба затихает и партии выдыхаются. Лафайет, актер первой эпохи кризиса, с энтузиазмом прокомментировал его результаты. Он стал генералом среднего класса, возглавил национальную гвардию при учредительном собрании, армию при законодательном собрании. Благодаря этому он возвысился, и этим он закончит. О нем можно сказать, что если он и совершал какие-то ошибки в служебном положении, то у него всегда была только одна цель, свобода, и что он пользовался только одним средством - законом. То, как, будучи еще совсем молодым, он посвятил себя

освобождению двух миров, его славное поведение и неизменная твердость, с честью передадут его имя потомкам, у которых у человека не может быть двух репутаций, как во времена вечеринки, кроме только его собственной.

Авторы событий 10 августа все больше и больше разделялись, не имея общих взглядов относительно результатов, которые должны были возникнуть в результате этой революции. Более смелая партия, захватившая коммуну или муниципалитет, хотела с помощью этой коммуны управлять Парижем; с помощью Парижа - национальным собранием; а с помощью собрания - Францией. После того, как был осуществлен переход Людовика XVI. в Тампль были сброшены все статуи королей и уничтожены все эмблемы монархии. Департамент осуществлял право надзора за муниципалитетом; чтобы быть полностью независимым, он отменил это право. Закон требовал определенных условий для того, чтобы стать гражданином; он предписывал прекратить их выполнение, чтобы масса могла быть введена в управление государством. В то же время он потребовал создания чрезвычайного трибунала для суда над *заговорщиками 10 августа*. Поскольку собрание оказалось недостаточно послушным и попыталось прокламациями призвать народ к более справедливым и умеренным чувствам, оно получило угрожающие послания из Ратуши. "Как гражданин, - сказал член коммуны, - как представитель народа, я пришел объявить вам, что сегодня вечером, в полночь, прозвучит набат и барабан призовет к оружию. Народ устал от того, что за него не мстят; трепещите, как бы они сами не свершили правосудие". "Если в течение двух-трех часов не будет назначен старшина присяжных, - сказал другой, - и если сами присяжные будут не в состоянии действовать, Париж постигнут великие бедствия". Чтобы предотвратить угрожающие вспышки, ассамблея была вынуждена назначить чрезвычайный уголовный трибунал. Этот трибунал осудил несколько человек, но коммуна, задумавшая самые ужасные проекты, не сочла это достаточно оперативным.

Во главе коммуны стояли Марат, Панис, Серж, Дюплен, Ленфан, Лефор, Журдей, Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенн, Тальен и др.; Но главным лидером партии в то время был Дантон. Он больше, чем кто-либо другой, отличился 10 августа. В течение всей этой ночи он метался из частей в казармы марсельцев и бретонцев, а из них - в Предместья. Будучи членом революционной коммуны, он руководил ее деятельностью, а впоследствии был назначен министром юстиции.

Дантон был ярким революционером; он не считал никакие средства достойными порицания, поэтому они были полезны, и, по его словам, люди могли делать все, на что осмеливались. Дантон, которого чернь называла Мирабо, имел физическое сходство с этим трибуном высших классов; у него были неправильные черты лица, мощный голос, порывистая жестикуляция, смелое красноречие, величественный лоб. Их пороки тоже были одинаковы; только у Мирабо были пороки патриция, у Дантона - демократа; то, что было смелого в концепциях Мирабо, можно было найти и у Дантона, но по-другому, потому что в революции он принадлежал к другому классу и другой эпохе. Пылкий, обремененный долгами и нуждами, с распутными привычками, отдающийся то своим страстям, то своей партии, он был грозен в погоне за целью, но становился безразличным, как только получал ее. Этот могущественный демагог представлял собой смесь самых противоположных пороков и качеств. Хотя он продал себя двору, он не казался грязным; он был одним из тех, кто, так сказать, придает вид свободы даже низости. Он был абсолютным истребителем, не будучи лично свирепым; неумолимый по отношению к массам, гуманный, щедрый даже по отношению к отдельным людям.

[Примечание: В то время, когда коммуна устраивала резню 2 сентября, он спас всех, кто

обращался к нему; он по собственной воле освободил из тюрьмы Дюпора, Барнава и Ч. Лам, своих личных противников.] Революция, по его мнению, была игрой, в которой победитель, если ему это требовалось, выигрывал жизнь побежденного. Благополучие его партии было, в его глазах, выше закона и даже человечности; это объясняет его усилия после 10 августа и его возвращение к умеренности, когда он считал республику установленной.

В этот период пруссаки, продвигаясь по плану вторжения, описанному выше, перешли границу после двадцатидневного марша. Армия Седана была без предводителя и неспособна противостоять силам, столь численно превосходящим ее и гораздо лучше организованным. 20 августа пруссаки окружили Лонгви; 21-го он подвергся бомбардировке, а 24-го капитулировал. 30-го вражеская армия прибыла к Вердену, окружила его и начала бомбардировать. Верден взят, дорога на столицу была открыта. Взятие Лонгви и приближение столь серьезной опасности привели Париж в крайнее волнение и тревогу. Исполнительный совет, состоящий из министров, был созван комитетом общей обороны для обсуждения наилучших мер, которые следует принять в этой опасной ситуации. Одни предлагали дожидаться врага под стенами столицы, другие - удалиться в Сомюр. "Вам известно, - сказал Дантон, когда подошла его очередь говорить, - что Франция - это Париж; если вы отдаете столицу иностранцу, вы сдаете себя и сдаете Францию. Именно в Париже мы должны защищаться всеми возможными средствами. Я не могу одобрить ни один план, направленный на то, чтобы отстранить вас от него. Второй проект представляется мне ничуть не лучше. Невозможно представить себе сражение под стенами столицы. 10 августа разделило Францию на две партии: одна привержена королевской власти, другая стремится к республике. Последний, решительное меньшинство которого в государстве не может быть скрыто, - единственный, на кого вы можете положиться в борьбе; другой откажется выступить; это возбудит Париж в пользу иностранца, в то время как ваши защитники, оказавшиеся между двух огней, погибнут, отражая его нападение. Если они падут, что мне кажется несомненным, ваша гибель и гибель Франции неизбежны; если, вопреки всем ожиданиям, они вернутся с победой над коалицией, эта победа все равно будет поражением для вас; ибо она будет стоить вам тысяч храбрецов, в то время как роялисты, более многочисленные, чем вы, ничуть не потеряют своей силы и влияния. Я считаю, что для того, чтобы расстроить их действия и остановить врага, мы должны внушить роялистам страх". Комитет, сразу поняв значение этих слов, пришел в замешательство. "Да, говорю вам, - продолжал Дантон, - мы должны заставить их бояться". Поскольку комитет отверг это предложение молчанием, полным тревоги, Дантон согласился с коммуной. Его целью было подавить врагов террором, все больше и больше вовлекать массы, делая их своими сообщниками, и не оставить революции другого прибежища, кроме победы.

Посещения по месту жительства совершались с большой и мрачной церемонией; большое количество лиц, чье состояние, мнения или поведение вызывали подозрения, были брошены в тюрьму. Эти несчастные были отобраны в первую очередь из двух несогласных классов, дворян и духовенства, которым было предъявлено обвинение в заговоре при законодательном собрании. Все граждане, способные носить оружие, были зачислены на Марсово поле и первого сентября отбыли на границу. Был избит генерал, зазвучал набат, загремели пушки, и Дантон, явившись в собрание, чтобы доложить о мерах, принятых для спасения страны, воскликнул: "Пушка, которую вы слышите, - это не тревожная пушка, а сигнал к атаке врага! Чтобы победить их, повергнуть их ниц, что необходимо? Дерзость, еще раз дерзость, и еще раз дерзость, и еще раз дерзость! Сведения о взятии Вердена поступили ночью 1 сентября. Коммуна воспользовалась этим моментом, когда Париж, охваченный ужасом, подумал, что враг

уже у своих ворот, чтобы привести в исполнение свои ужасные планы. Снова выстрелили пушки, прозвучал набат, заграждения были закрыты, и началась резня.

В течение трех дней заключенные, заключенные в Карме, аббатстве, Консьержери, Форсе и т.д., были убиты бандой из примерно трехсот убийц, направляемых и оплачиваемых коммуной. Это сообщество, со спокойным фанатизмом занимающееся проституцией для убийства священных форм правосудия, то судей, то палачей, казалось, скорее практиковало призвание, чем осуществляло месть; они убивали без вопросов, без угрызений совести, с убежденностью фанатиков и повиновением палачей. Если им казалось, что какие-то особые обстоятельства тронули их и пробудили в них чувства человечности, справедливости и милосердия, они на мгновение поддавались этому впечатлению, а затем начинали все сначала. Таким образом, было спасено несколько человек; но их было очень мало. Ассамблея желала предотвратить массовые убийства, но не смогла этого сделать. Министерство было столь же неспособно, как и собрание; только ужасная коммуна могла приказывать и делать все; мэр Петийон был уволен; солдаты, приставленные к заключенным, боялись сопротивляться убийцам и позволили им действовать по своему усмотрению; толпа казалась равнодушной или сообщницей; остальные граждане не осмеливались даже выдать свой ужас. Мы могли бы удивиться, что столь тяжкое преступление было с такой обдуманностью задумано, приведено в исполнение и доведено до конца, если бы не знали, к чему приведет партийный фанатизм и какой страх возникнет. Но наказание за это чудовищное преступление в конце концов пало на головы его виновников. Большинство из них погибло в буре, которую они сами же и вызвали, и теми же жестокими средствами, которые они сами же и применили. Члены партии редко избегают той участи, которой они заставили подвергнуться других.

Исполнительный совет, руководимый в отношении военных операций генералом Серваном, выдвинул недавно набранные батальоны к границе. Как человек рассудительный, он желал поставить генерала на угрожаемый рубеж, но выбор был трудным. Среди генералов, которые высказались в поддержку последних политических событий, Келлерман казался пригодным только для подчиненного командования, и поэтому власти просто поместили его в кабинет колеблющегося и некомпетентного Лакнера. Кюстин был мало сведущ в своем искусстве; он был пригоден для любого лихоглавного удара, но не для руководства великой армией, которой была доверена судьба Франции. Такая же военная неполноценность была возложена на Бирона, Лабурдонна и остальных, которые поэтому были оставлены на своих старых местах службы, с корпусом под их командованием. Остался один Дюмурье, против которого жирондисты все еще сохраняли некоторую неприязнь и в котором они, кроме того, подозревали честолюбивые взгляды, вкусы и характер авантюриста, отдавая должное его выдающимся талантам. Однако, поскольку он был единственным генералом, достойным столь важной должности, исполнительный совет поручил ему командование мозельской армией.

Дюмурье со всей поспешностью отправился из лагеря в Молде в лагерь в Седане. Он собрал военный совет, на котором общее мнение высказалось в пользу отступления к Шалону или Реймсу и прикрытия себя Марной. Далекий от принятия этого опасного плана, который обескуражил бы войска, отдал Лотарингию, Труа-Эвшес и часть Шампани и открыл дорогу на Париж, Дюмурье задумал гениальный проект. Он видел, что необходимо смелым маршем продвинуться к Аргоннскому лесу, где он мог бы безошибочно остановить врага. У этого леса было четыре истока: слева - Шен-Популеу, в центре - Круа-о-Буа и Гранпре, а справа - островки, которые открывали или закрывали проход во Францию. Пруссакки находились всего в шести лье

от леса, а Дюмурье предстояло пройти двенадцать, и он намеревался занять его, чтобы спрятаться, если надеялся на успех. Он осуществил свой план умело и смело. Генерал Диллон, наступая на островки, овладел ими с семью тысячами человек; сам он дошел до Гранпре и разбил там лагерь численностью в тринадцать тысяч человек. Круа-о-Буа и Шен-Популеу были аналогичным образом оккупированы и оборонялись некоторыми войсками. Именно здесь он написал военному министру Сервану: "Верден взят; я жду пруссаков. Лагерь Гранпре и Ле-Айлетт - это Фермопилы Франции, но мне повезет больше, чем Леониду".

Находясь в таком положении, Дюмурье мог бы остановить врага и сам надежно ожидать помощи, которая направлялась к нему со всех концов Франции. Различные батальоны добровольцев отправились в лагерь во внутренних районах страны, откуда их отправили в его армию, как только они хоть немного восстановили дисциплину. Бернонвиль, находившийся на границе с Фламандией, получил приказ наступать с девятью тысячами человек и быть у Ретеля, слева от Дюмурье, к 13 сентября. Дюваль также должен был 7-го выступить с семью тысячами человек к Шен-Популеу; а Келлерман наступал из Меца, справа от него, с подкреплением в двадцать две тысячи человек. Таким образом, время - это все, что было необходимо.

Герцог Брауншвейгский после взятия Вердена тремя колоннами перешел Маас. Генерал Клерфе действовал справа от него, а принц Гогенлоэ - слева. Отказавшись от всякой надежды выбить Дюмурье с его позиции, атаковав его спереди, он попытался повернуть его. Дюмурье был настолько неосмотрителен, что разместил почти все свои силы у Гранпре и Островков и лишь небольшой корпус у Шен-Популеу и Кокс-о-Буа — постов, правда, второстепенной важности. Пруссаки, соответственно, ухватились за это и были готовы повернуть его в его лагерь в Гранпре и таким образом принудить его сложить оружие. После этой грандиозной ошибки, которая свела на нет его первые маневры, он не отчаивался в своем положении. Ночью 14 сентября он тайно свернул свой лагерь, перешел Эну, подход к которой, возможно, был для него закрыт, отступил так же быстро, как наступал на Аргонну, и сосредоточил свои силы в лагере у Сент-Мену. Он уже задержал продвижение пруссаков в Аргонне. Сезон, по мере того как он продвигался, становился плохим. Теперь ему оставалось только сохранить свой пост до прибытия Келлермана и Бернонвиля, и успех кампании был бы обеспечен. Войска стали дисциплинированными и натренированными, и после прибытия Бернонвиля и Келлермана, которое состоялось 17-го числа, армия насчитывала около семидесяти тысяч человек.

Прусская армия следила за передвижениями Дюмурье. 20-го числа он атаковал Келлермана при Вальми, чтобы отрезать французской армии путь к отступлению на Шалон. С обеих сторон раздавалась оживленная канонада. Пруссаки двинулись колоннами к высотам Вальми, чтобы захватить их. Келлерман также построил свою пехоту в колонны, приказав им не стрелять, а ждать приближения противника и атаковать его в штыковую. Он отдал этот приказ с криком *Да здравствует нация!* и этот крик, повторенный с одного конца линии фронта до другого, поразил пруссаков еще больше, чем решительная позиция наших войск. Герцог Брауншвейгский заставил свои несколько поколебленные батальоны отступить; стрельба продолжалась до вечера; неприятель предпринял новую атаку, но был отбит. День был за нами, и успех при Вальми, сам по себе почти незначительный, произвел на наши войска и на общественное мнение Франции впечатление самой полной победы.

К той же эпохе можно отнести разочарование и отступление врага. Пруссаки начали эту кампанию по заверению эмигрантов в том, что это будет просто военная прогулка. У них не было

ни магазинов, ни провизии; посреди совершенно открытой местности они сталкивались с сопротивлением, с каждым днем все более энергичным; непрекращающиеся дожди размыли дороги; солдаты маршировали по колено в грязи, и в течение последних четырех дней вареная кукуруза была их единственной пищей. Болезни, вызванные меловой водой, отсутствием одежды и сыростью, нанесли огромный ущерб армии. Герцог Брауншвейгский посоветовал отступить, вопреки мнению короля Пруссии и эмигрантов, которые хотели рискнуть вступить в сражение и завладеть Шалоном. Но поскольку судьба прусской монархии зависела от ее армии, а полное крушение этой армии было бы неизбежным следствием поражения, мнение герцога Брауншвейгского возобладало. Начались переговоры, и пруссаки, отказавшись от своих первоначальных требований, теперь требовали только восстановления короля на конституционном троне. Но конвент только что собрался; республика была провозглашена, и исполнительный совет ответил, "что французская республика не может слушать никаких предложений, пока прусские войска полностью не покинут французскую территорию". После этого пруссаки начали свое отступление вечером 30 сентября. Это было слегка нарушено Келлерманом, которого Дюмуре отправил в погоню, в то время как сам он отправился в Париж, чтобы насладиться своим триумфом и принять меры по подготовке вторжения в Бельгию. Французские войска снова вступили в Верден и Лонгвий, а неприятель, перейдя Арденны и Люксембург, к концу октября переправился через Рейн у Кобленца. Эта кампания была отмечена общим успехом. Во Фландрии герцог Саксен-Тешенский был вынужден снять осаду с Лилля после семидневной бомбардировки, противоречащей всем военным обычаям как по своей продолжительности, так и по своей бесполезной варварственности. На Рейне Кюстин захватил Трев, Шпир и Майнц. В Альпах генерал Монтескью вторгся в Савойю, а генерал Ансельм - на территорию Ниццы. Наши армии, одерживавшие победы на всех направлениях, повсюду перешли в наступление, и революция была спасена.

Если бы мы представили картину государства, выходящего из великого кризиса, и сказали: "В этом государстве существовало абсолютное правительство, власть которого была ограничена; два привилегированных класса, утративших свое господство; огромное население, уже освобожденное под влиянием цивилизации и разума, но лишенное политических прав, и которое было вынуждено, по причине неоднократных отказов, приобрести их для себя"; если бы мы добавили: "Правительство, воспротивившись этой революции, подчинилось ей, но привилегированные классы постоянно сопротивлялись ей", — из этих данных, вероятно, был бы сделан следующий вывод:

"Правительство будет полно сожаления, народ проявит недоверие, а привилегированные классы будут нападать на новый порядок вещей, каждый по-своему. Дворянство, неспособное сделать это дома из-за своей слабости там, эмигрирует, чтобы возбудить иностранные державы, которые будут готовиться к нападению; духовенство, которое потеряет свои средства действия за границей, останется дома, где оно будет искать врагов революции. Народ, которому угрожают извне, находящийся в опасности дома, раздраженный против эмигрантов, которые стремятся вооружить иностранные державы, против иностранных держав, собирающихся напасть на его независимость, против духовенства, которое подстрекает страну к восстанию, будет относиться к духовенству, эмигрантам и иностранным державам как к врагам. Это потребует сначала надзора, затем изгнания непокорных священников; конфискации имущества эмигрантов; войны против союзной Европы, чтобы предотвратить это. Первые инициаторы революции осудят те из этих мер, которые нарушают закон; продолжатели революции, напротив, будут рассматривать их как спасение страны; и возникнут разногласия

между теми, кто предпочитает конституцию государству, и теми, кто предпочитает государство конституции. Монарх, побуждаемый своими интересами как короля, своими привязанностями и своей совестью отвергнуть такой политический курс, сойдет за пособника контрреволюции, потому что он будет делать вид, что защищает ее. Тогда революционеры попытаются одержать верх над королем путем запугивания, и, потерпев неудачу в этом, свергнут его власть".

Такова была история законодательного собрания. Внутренние беспорядки привели к указу против священников; внешние угрозы - к указу против эмигрантов; коалиция иностранных держав - к войне против Европы; первое поражение наших армий привело к образованию двадцатитысячного лагеря. Отказ Людовика XVI. принятие большинства из этих декретов сделало его объектом подозрений жирондистов; разногласия между последними и конституционалистами, которые желали, чтобы одни из них были законодателями, как в мирное время, а другие - врагами, как во время войны, разобзили сторонников революции. Для жирондистов вопрос свободы был связан с победой, а победа - с декретами. 20 июня была предпринята попытка принудить их к принятию; но, потерпев неудачу в ее осуществлении, они сочли, что либо корона, либо революция должны быть отвергнуты, и они начали 10 августа. Таким образом, если бы не эмиграция, вызвавшая войну, если бы не раскол, вызвавший беспорядки, король, вероятно, согласился бы с конституцией, а революционеры и не мечтали бы о республике.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СЪЕЗД

ГЛАВА VI

С 20 СЕНТЯБРЯ 1792 ГОДА По 21 ЯНВАРЯ 1793 ГОДА

Конвент был учрежден 20 сентября 1792 года и начал свои обсуждения 21-го. На своем первом заседании он отменил королевскую власть и провозгласил республику. 22-го она присвоила себе революцию, объявив, что она будет датироваться *нечетвертым годом Свободы, а Первым годом Французской Республики*. После этих первых мер, принятых путем аккламации, при некотором соперничестве в демократии и энтузиазме двух партий, которые разделились к закрытию законодательного собрания, конвент, вместо того чтобы приступить к своей работе, предался внутренним распрям. Жирондисты и "Гора", прежде чем начать новую революцию, желали знать, к кому из них она должна принадлежать, и огромные опасности их положения не отвлекли их от этого состязания. Им больше, чем когда-либо, следовало опасаться усилий Европы. Австрия, Пруссия и некоторые немецкие князья напали на Францию до 10 августа, и были все основания полагать, что другие государи Европы выступят против этого после падения монархии, тюремного заключения короля и сентябрьской резни. Внутри страны врагов революции прибавилось. К сторонникам старого режима, аристократии и духовенства, теперь должны были добавиться друзья конституционной монархии, с которыми связалась судьба Людовика XVI. был объектом серьезной заботы и тех, кто считал свободу невозможной без порядка или под властью толпы. Среди стольких препятствий и противников, в момент, когда требовался их строжайший союз, Жиронда и Гора атаковали друг друга с яростнейшей враждебностью. Верно, что эти две партии были совершенно несовместимы, и что их соответствующие лидеры не могли объединиться, настолько сильными и разнообразными были основания для разделения в их соперничестве за власть и в их замыслах.

События вынудили жирондистов стать республиканцами. Им гораздо больше подошло бы оставаться конституционалистами. Честность их намерений, их отвращение к толпе, их отвращение к насильственным мерам и особенно благоразумие, которое советовало им предпринимать только то, что казалось возможным, — все обстоятельства требовали от них этого; но они не были свободны оставаться теми, кем они были вначале. Они следовали предубеждению, которое привело их к республике, и постепенно привыкли к этой форме правления. Теперь они желали этого горячо и искренне, но они чувствовали, как трудно будет это установить и упрочить. Они считали это великим и благородным делом; но они чувствовали, что для этого не хватает людей. У толпы не было ни разума, ни добродетели, присущих такому типу правления. Революция, произведенная учредительным собранием, была законной, даже больше потому, что она была возможной, чем потому, что она была справедливой; у нее была своя конституция и свои граждане. Но новая революция, которая должна была призвать низшие классы к управлению государством, не могла быть долговременной. Это пагубно затронуло бы слишком много интересов и имело бы лишь сиюминутных защитников, поскольку низший класс способен на разумные действия и поведение в условиях кризиса, но не на постоянство. И все же, соглашаясь на эту вторую революцию, именно к этому низшему классу следовало обратиться за поддержкой. Жирондисты не приняли этого курса и оказались в совершенно ложном положении; они потеряли поддержку конституционалистов, не заручившись поддержкой демократов; они не имели влияния ни на одну из крайностей общества. Соответственно, они сформировали лишь половину партии, которая вскоре была свергнута, потому что у нее не было корней. Жирондисты после 10 августа были между средним классом и массами тем же, чем были монархисты или партия Мунье и Неккера после 24 июля, между привилегированными классами и буржуазией.

Гора, напротив, желала народной республики. Лидеры этой партии, раздраженные авторитетом жирондистов, стремились свергнуть их и занять их место. Они были менее умны и менее красноречивы, но более способны, более решительны и ни в малейшей степени не щепетильны в средствах. Самая крайняя демократия казалась им лучшим из правительств, и то, что они называли народом, то есть низшими слоями населения, было объектом их постоянного преклонения и самой горячей заботы. Ни одна партия не была более опасной; наиболее последовательно она работала на тех, кто вел ее борьбу.

С самого открытия конвента жирондисты занимали правые скамьи, а горная партия - вершину левой, откуда и пошло название, которым они обозначены. Жирондисты были самыми сильными в собрании; выборы в департаментах в целом прошли в их пользу. Большое число депутатов законодательного собрания было переизбрано, и поскольку в то время связь имела большое значение, члены, которые были объединены с депутатской Жирондой и парижской коммуны до 10 августа, вернулись с теми же мнениями. Другие пришли без какой-либо определенной системы или партии, без вражды или привязанностей: они образовали то, что тогда называлось *Плейн* или *марэ*. Эта партия, не проявлявшая никакого интереса к борьбе между Жирондой и Горой, голосовала на стороне, которую считала наиболее справедливой, до тех пор, пока им позволялось быть умеренными, то есть до тех пор, пока они не боялись за себя.

"Гора" состояла из депутатов Парижа, избранных под влиянием коммуны 10 августа, и нескольких очень решительных республиканцев из провинций; время от времени она пополняла свои ряды теми, кого обстоятельства приводили в восторг или кто был движим страхом. Но, хотя она уступала конвенту по численности, тем не менее, даже в этот период была

очень мощной. Это повлияло на Париж; коммуна была предана этому, и коммуна сумела утвердить себя верховной властью в государстве. Гора стремилась овладеть департаментами, пытаясь установить идентичность взглядов и поведения между муниципалитетом Парижа и провинциальными муниципалитетами; однако они не полностью преуспели в этом, и департаменты по большей части были благосклонны к своим противникам, которые проявляли свою добрую волю с помощью брошюр и журналов, присылаемых министром Роланом, чей дом Гора называла *бюро общественной деятельности*, а друзей - *интриганами*. Но помимо этого объединения коммун, которое рано или поздно должно было произойти, они были приняты якобинцами. Этот клуб, самый влиятельный, а также самый древний и разветвленный, менял свои взгляды при каждом кризисе, не меняя своего названия; это была структура, готовая для любой доминирующей силы, исключая всех инакомыслящих. Это в Париже было метрополией якобинства и управляло остальными почти властно. Гора сделала себя ее хозяевами; они уже изгнали оттуда жирондистов путем доносов и отвращения и заменили членов, взятых у буржуазии, санкюлотами. У жирондистов не оставалось ничего, кроме министерства, которое, сорванное коммуной, было бессильно в Париже. Гора, напротив, распоряжалась всей действенной силой столицы, общественным сознанием - якобинцев, секциями и предместьями - санкюлотов, повстанцами - муниципалитета.

Первой мерой партий после провозглашения республики была борьба друг с другом. Жирондисты были возмущены сентябрьскими массовыми убийствами и с ужасом созерцали на скамьях конвента людей, которые советовали или приказывали им. Больше всех остальных двое внушали им антипатию и отвращение: Робеспьер, которого они подозревали в стремлении к тирании, и Марат, который с самого начала революции в своих трудах провозгласил себя апостолом убийства. Они осуждали Робеспьера скорее враждебно, чем благоразумно; он был еще недостаточно грозен, чтобы навлечь на себя обвинение в стремлении к диктатуре. Его враги, упрекая его в намерениях, тогда невероятных и, во всяком случае, не поддающихся доказательству, сами увеличивали его популярность и значение.

Робеспьер, сыгравший столь ужасную роль в нашей революции, начинал занимать видное положение. До сих пор, несмотря на его усилия, у него были начальники в его собственной партии: при учредительном собрании - его знаменитые лидеры; при законодательном - Бриссо и Петион; 10 августа - Дантон. В эти разные периоды он выступал против тех, чья известность или популярность оскорбляли его. Способный выделиться среди знаменитых деятелей первого собрания только необычностью своих взглядов, он показал себя преувеличенным реформатором; во время второго он стал конституционалистом, потому что его соперники были новаторами, и он выступал за мир с якобинцами, потому что его соперники выступали за войну. С 10 августа он пытался в этом клубе сокрушить жирондистов и сместить Дантона, всегда связывая свое тщеславие с тщеславием толпы. Этот человек с обычными талантами и тщеславным характером был обязан своей неполноценности тому, что занял последнее место, что было большим преимуществом во времена революции; и его тщеславие заставляло его стремиться к первому рангу, делать все, чтобы достичь его, отваживаться на все, чтобы удержаться там.

Робеспьер обладал всеми необходимыми качествами для тирании; душа, правда, не великая, но и не заурядная; преимущество одной-единственной страсти, видимость патриотизма, заслуженная репутация неподкупного, суровый образ жизни и отсутствие отвращения к пролитию крови. Он был доказательством того, что среди гражданских неурядиц не ум, а

поведение ведет к политической удаче, и что упорствующая посредственность более могущественна, чем колеблющийся гений. Следует также отметить, что Робеспьер пользовался поддержкой огромной и фанатичной секты, правления которой он добивался и чьи принципы защищал с момента закрытия учредительного собрания. Эта секта берет свое начало в восемнадцатом веке, определенные мнения которого она представляла. В политике его символом был абсолютный суверенитет *Противоположного социального* Ж.Ж. Руссо, а в качестве символа веры он придерживался деизма *Профессии савойского наместника*; в более поздний период ему удалось на мгновение реализовать это в конституции 93-го года и поклонении Высшему Существо. В разные эпохи революции существовало больше фанатизма и системы, чем принято считать.

Предвидели ли жирондисты отчетливое господство Робеспьера, или они позволили увлечь себя своему негодованию, но они вместе с республиканцами обвинили его в тягчайшем из преступлений. Париж был взбудоражен духом фракции; жирондисты хотели провести закон против тех, кто возбуждал беспорядки и насилие, и в то же время придать конвенту независимую силу, опирающуюся на восемьдесят три департамента. Они назначили комиссию для представления доклада по этому вопросу. Гора критиковала эту меру как вредную для Парижа; Жиронда защищала ее, указывая на проект триумvirата, образованного депутацией Парижа. - Я родился в Париже, - сказал Осслен. - я депутат от этого города. Объявляется, что в самом ее сердце формируется партия, желающая диктатуры, триумвиров, трибунов и т.д. Я заявляю, что только крайнее невежество или глубокая порочность могли породить такой проект. Пусть член депутации Парижа, которому пришла в голову такая идея, будет предан анафеме!" "Да, - воскликнул Ребеки из Марселя, - да, в этом собрании существует партия, которая стремится к диктатуре, и я назову лидера этой партии - Робеспьера. Это тот человек, которого я осуждаю". Барбару подкрепил этот донос своими показаниями; он был одним из главных авторов событий 10 августа; он был лидером марсельцев и обладал огромным влиянием на юге. Он заявил, что примерно 10 августа две партии, разделявшие столицу, активно ухаживали за марсельцами; его привели к Робеспьеру, и там ему сказали примкнуть к тем гражданам, которые приобрели наибольшую популярность, и что Париж прямо назвал его, *Робеспьера, добродетельным человеком, который должен был стать диктатором Франции*. Барбару был человеком действия. Были некоторые правые, которые думали вместе с ним, что они должны победить своих противников, чтобы не быть побежденными ими. Они хотели, используя конвенцию против коммуны, противопоставить департаменты Парижу и, пока те оставались слабыми, ни в коем случае не щадить врагов, которым в противном случае они дали бы время стать сильнее. Но большинство боялось разрыва и трепетало при мысли об энергичных мерах.

Это обвинение против Робеспьера не имело немедленных последствий; но оно было выдвинуто против Марата, который в своем журнале "Ами народа" рекомендовал диктатуру и превозносил массовые убийства. Когда он взошел на трибуну, чтобы оправдаться, собрание содрогнулось. "A bas! à bas!" - раздавалось со всех сторон. Марат оставался невозмутимым. После кратковременной паузы он сказал: "У меня в этом собрании огромное количество личных врагов. (*Tous! tous!*) Я прошу их помнить о приличиях; я призываю их воздержаться от всех яростных криков и непристойных угроз в адрес человека, который служил свободе и им самим больше, чем они думают. Пусть хоть раз научатся слушать". И этот человек выступил посреди съезда, пораженный его смелостью и хладнокровием, его взглядами на проскрипции и диктатуру. Некоторое время он перебегал из подвала в подвал, чтобы избежать общественного гнева и выданных против него ордеров. Появился только его кровавый дневник; в нем он

требовал головы и готовил толпу к сентябрьской резне. Нет такой глупости, которая не могла бы прийти человеку в голову, и, что еще хуже, которая могла бы на мгновение не осознаться. Маратом владели определенные навязчивые идеи. У революции были враги, и, по его мнению, она не могла продолжаться, пока не освободится от них; с этого момента он считал, что не может быть ничего проще, чем уничтожить их и назначить диктатора, функции которого должны быть ограничены наложением запретов; эти две меры он провозгласил вслух с циничной жестокостью, заботясь о приличиях не больше, чем о человеческих жизнях, и презирая как слабые умы всех тех, кто называл его проекты чудовищными, вместо того, чтобы считать их глубокими. В революции были деятели действительно более кровожадные, чем он, но никто не оказал более рокового влияния на его время. Он развратил мораль партий, и без того достаточно коррумпированных; и у него были две ведущие идеи, которые комитет общественной безопасности впоследствии реализовал своими комиссарами или своим правительством, — массовое истребление и диктатура.

Обвинение Марата не возымело никакого эффекта; он вызывал больше отвращения, но меньше ненависти, чем Робеспьер; одни считали его сумасшедшим; другие рассматривали эти дебаты как ссору партий, а не как объект, представляющий интерес для республики. Более того, казалось опасным пытаться очистить конвент или уволить одного из его членов, и даже партиям было трудно сделать такой шаг. Дантон не оправдал Марата. "Он мне не нравится, - сказал он. - Я по опыту знал его темперамент; он вулканический, раздражительный и необщительный. Но зачем искать язык фракции в том, что он пишет? Имеет ли всеобщее возбуждение какую-либо иную причину, кроме причины самого революционного движения?" Робеспьер, со своей стороны, возразил, что он очень мало знал о Марате; что до 10 августа у него был с ним только один разговор, после которого Марат, резких мнений которого он не одобрял, считал его политические взгляды настолько узкими, что заявил в своем дневнике, *что у него нет ни высоких взглядов, ни смелости государственного деятеля.*

Но он был объектом гораздо большего негодования, потому что его боялись больше. Первое обвинение Ребеки и Барбару не увенчалось успехом. Вскоре после этого министр Ролан выступил с докладом о состоянии Франции и Парижа; в нем он осудил сентябрьские массовые убийства, посягательства коммуны и действия агитаторов. "Когда, - сказал он, - они делают самых мудрых и бесстрашных защитников свободы ненавистными или подозрительными, когда принципы восстания и резни смело провозглашаются и им аплодируют на собраниях, а против самого конвента поднимаются шумы, я не могу больше сомневаться, что сторонники старого режима или ложные друзья народа, скрывающие свою экстравагантность или злобу под маской патриотизма, задумали план свержения, в ходе которого они надеются подняться на руинах и трупах и удовлетворить свою жажду крови, золота и наживы". зверство".

В подтверждение своего доклада он привел письмо, в котором вице-председатель второй секции уголовного трибунала информировал его, что ему и наиболее выдающимся жирондистам угрожают; что, по словам их врагов, *хотят еще одного кровопускания*; и что эти люди не желают слышать ни о ком, кроме Робеспьера.

При этих словах последний поспешил к трибуне, чтобы оправдаться. "Никто, - закричал он, - не смеет обвинять меня в лицо!" "Я смею!" - воскликнул Луве, один из самых решительных людей Жиронды. "Да, Робеспьер, - продолжал он, устремив на него взгляд, - я обвиняю вас!" Робеспьер, до сих пор полный уверенности, был тронут. Однажды, у якобинцев, он уже мерялся

силами с этим грозным противником, которого знал как остроумного, порывистого и бескомпромиссного. Теперь заговорил Луве, и в своей самой красноречивой речи он не пощадил ни поступков, ни имен. Он проследил путь Робеспьера к якобинцам, к коммуне, к выборному собранию: "клеветал на лучших патриотов; расточал самую низменную лесть нескольким сотням граждан, которых сначала называли народом Парижа, затем абсолютным народом, а затем сувереном; повторял вечное перечисление своих собственных достоинств, совершенств и добродетелей; и никогда не упускал случая, после того как он подробно остановился на силе, величии и суверенитете народа, заявить, что он тоже был народом". Затем он описал, как он скрывался 10 августа, а затем оказал влияние на заговорщиков коммуны. Затем он перешел к сентябрьской резне и воскликнул: "Революция 10 августа принадлежит всем!" - добавил он, указывая на нескольких членов "Горы" в коммуне. "Но революция 2 сентября принадлежит им — и никому, кроме них! Разве они не прославили себя этим? Они сами с жестоким презрением называли нас всего лишь патриотами 10 августа. Со свирепой гордостью они называли себя патриотами 2 сентября! О, пусть они сохраняют это отличие, достойное присущего им мужества; пусть они сохраняют его как наше оправдание и для своего вечного позора! Эти мнимые друзья народа хотят навлечь на жителей Парижа те ужасы, которые омрачили первую неделю сентября. Они подло оклеветали их. Жители Парижа могут сражаться; они не могут убивать! Это правда, что они весь день собирались перед замком Тюильри славного 10 августа; это ложь, что их видели перед тюрьмами ужасного 2 сентября. Сколько палачей находилось внутри? Двести; вероятно, не двести. А снаружи, сколько зрителей можно было бы сосчитать привлеченными туда поистине непостижимым любопытством? Самое большее, вдвое больше. Но, спрашивается, почему, если люди не помогали в этих убийствах, они не препятствовали им? Почему? Потому что опекунская власть Петиона была ограничена; потому что Ролан говорил напрасно; потому что Дантон, министр юстиции, вообще ничего не говорил ... потому что председатели сорока восьми секций ждали приказов, которых не отдавал главнокомандующий; потому что муниципальные чиновники, надев шарфы, председательствовали на этих зверских казнях. Но законодательное собрание? Законодательное собрание! представители народа, вы отомстите за это! Бесправное состояние, в которое были доведены ваши предшественники, является посреди подобных преступлений величайшим, за которое эти негодяи, которых я осуждаю, должны быть наказаны". Возвращаясь к Робеспьеру, Луве указал на его честолубие, его усилия, его чрезвычайное влияние на людей и завершил свою пламенную филиппику рядом фактов, каждому из которых предшествовала такая ужасная форма: "*Робеспьер, я обвиняю тебя!*"

Луве спустился с трибуны под аплодисменты, Робеспьер взобрался на нее, чтобы оправдаться; он был бледен, и его встретили шепотом. То ли от волнения, то ли опасаясь предубеждения, он попросил отсрочки на неделю. Время пришло; он выглядел не столько обвиняемым, сколько триумфатором; он с иронией отверг упреки Луве и пустился в пространные извинения за себя. Следует признать, что факты были расплывчатыми, и не требовалось особых усилий, чтобы ослабить или опровергнуть их. Люди собрались на галерее, чтобы поаплодировать ему; даже сам конвент, который рассматривал эту ссору как результат личной обиды и, как сказал Баррер, не боялся человека дня, мелкого лидера беспорядков, был склонен прекратить эти дебаты. Соответственно, когда Робеспьер закончил, он заметил: "Со своей стороны, я не буду делать никаких личных выводов; я отказался от легкого преимущества отвечать на клевету моих противников более грозными обвинениями; я хотел умолчать о оскорбительной части моего оправдания. Я отказываюсь от справедливой мести, на которую я имею право, против моих

клеветников; я не прошу ничего иного, кроме возвращения мира и торжества свободы!" ему аплодировали, и съезд перешел к порядку дня. Луве тщетно пытался ответить; ему не разрешили. Барбару столь же тщетно представлялся обвинителем, а Ланжуине выступил против ходатайства о вынесении постановления, не добившись возобновления обсуждения. Сами жирондисты поддержали это: они совершили одну ошибку, начав обвинение, и другую - не продолжив его. Гора одержала победу, поскольку они не были завоеваны, и Робеспьер приблизился к вступлению в роль, от которой он был так далек. Во времена революции люди очень скоро становятся теми, кем они должны быть, и Гора приняла его за своего лидера, потому что жирондисты преследовали его как такового.

Но что было гораздо важнее личных нападков, так это дискуссии о средствах правления и управлении властями и партиями. Жирондисты нанесли удар не только по отдельным лицам, но и по коммуне. Ни одна из их мер не увенчалась успехом; они были плохо предложены или плохо поддержаны. Они должны были поддержать правительство, заменить муниципалитет, сохранить свое положение среди якобинцев и склонить их на свою сторону, привлечь на свою сторону толпу или помешать ее действиям; и они ничего из всего этого не сделали. Один из них, Бюзо, предложил приставить к конвенту охрану из трех тысяч человек, набранных из департаментов. Эта мера, которая, по крайней мере, сделала бы ассамблею независимой, не получила достаточной поддержки, чтобы быть принятой. Таким образом, жирондисты атаковали Горы, не ослабляя их, коммуну, не покоряя ее, Предместья, не подавляя их. Они раздражали Париж, прибегая к помощи департаментов, не добиваясь ее; таким образом, действуя вопреки самым распространенным правилам благоразумия, поскольку всегда безопаснее сделать что-то, чем угрожать сделать это.

Их противники умело воспользовались этим обстоятельством. Они тайно распространили сообщение, которое не могло не скомпрометировать жирондистов; оно заключалось в том, что они хотели переместить республику на юг и отказаться от остальной части империи. Затем начались упреки в федерализме, которые впоследствии стали столь фатальными. Жирондисты презирали это, потому что не видели последствий; но это неизбежно завоевывало доверие по мере того, как они становились слабыми, а их враги - дерзкими. Поводом к этому сообщению послужил проект самозащиты за Луарой и смещения правительства на юг, если север будет захвачен и Париж взят, а также пристрастие, которое они проявляли к провинциям, и их негодование против столичных агитаторов. Нет ничего проще, чем изменить внешний вид меры, изменив период, в течение которого она была принята, и обнаружить в неодобрении, выражаемом нерегулярными действиями города, намерение объединить другие города штата в лигу против нее. Соответственно, на жирондистов указывали толпе как на федералистов. В то время как они осуждали коммуну и обвиняли Робеспьера и Марата, Гора провозгласила *единство и неделимость республики*. Это был способ напасть на них и навлечь на них подозрение, хотя сами они так рьяно придерживались этих предложений, что, казалось, сожалели, что не высказали их.

Но обстоятельство, по-видимому, не связанное со спорами этих двух партий, еще лучше послужило делу Горы. Уже ободренные безуспешными попытками, которые были направлены против них, они только ждали возможности, чтобы в свою очередь выступить противниками. Конвент был утомлен этими долгими дискуссиями. Те члены, которые не были заинтересованы в них, и даже те из двух партий, которые не были в первом ряду, чувствовали необходимость согласия и желали, чтобы люди занялись республикой. Наступило очевидное перемирие, и

внимание собрания на мгновение было приковано к новой конституции, от которой оно было вынуждено отказаться из-за Горы, чтобы решить судьбу павшего принца. Лидеров крайне левых подтолкнуло к этому несколько мотивов: они не хотели, чтобы жирондисты и умеренные члены Равнины, которые руководили конституционным комитетом, возглавляемым Петионом, Кондорсе, Бриссо, Верньо, Генсоне, другими - Баррером, Сийесом и Томасом Пейном, организовали республику. Они установили бы систему буржуазии, сделав ее немного более демократической, чем в 1791 году, в то время как сами стремились сформировать народ. Но они могли достичь своей цели только силой, и они могли получить власть, только продлив революционное государство во Франции. Помимо необходимости предотвратить установление правового порядка путем ужасного государственного переворота, такого как осуждение Людовика XVI, который возбудил бы все страсти, сплотил бы вокруг себя буйствующие партии, доказав, что они являются непреклонными стражами республики, они надеялись разоблачить чувства жирондистов, которые не скрывали своего желания спасти Людовика XVI, и таким образом погубить их в глазах толпы. В этой ситуации, без сомнения, было большое количество горцев, которые в данном случае действовали с величайшей искренностью и только как республиканцы, в глазах которых Людовик XVI казался виновным в революции; а свергнутый король был опасен для молодой демократии. Но эта партия была бы более милосердной, если бы ей не пришлось разрушить Жиронду одновременно с Людовиком XVI.

В течение некоторого времени общественное мнение было подготовлено к его судебному разбирательству. Якобинский клуб разразился оскорблениями в его адрес; были распространены самые оскорбительные слухи о его характере; его осуждение требовалось для прочного установления свободы. Народные общества в департаментах направляли петиции в конвент с той же целью. Секции предстали перед зданием ассамблеи и пронесли через нее на носилках людей, раненных 10 августа, которые пришли взывать о мести Людовику Капету. Теперь они называли только Людовика XVI. этим именем древнего вождя своего рода, думая заменить титул короля своей фамилией.

Партийные мотивы и народная враждебность объединились против этого несчастного принца. Те, кто два месяца назад отверг бы саму мысль подвергнуть его какому-либо другому наказанию, кроме свержения с престола, были ошеломлены: так быстро человек теряет в критические моменты право отстаивать свое мнение! Обнаружение железного сундука особенно усилило фанатизм толпы и слабость защитников короля. После 10 августа в отделениях гражданского учета были обнаружены документы, подтверждающие тайную переписку Людовика XVI. с недовольными принцами, с эмиграцией и с Европой. В отчете, составленном по приказу законодательного собрания, его обвинили в намерении предать государство и свергнуть революцию. Его обвинили в том, что 16 апреля 1791 года он написал епископу Клермона, что, если он вернет себе власть, он вернет прежнее правительство и духовенство в то состояние, в котором они находились ранее; в том, что впоследствии он предложил войну, просто чтобы ускорить приближение своих освободителей; в том, что состоял в переписке с людьми, которые писали ему: "Война вынудит все державы объединиться против мятежных и покинутых людей, которые тиранизируют Францию, чтобы их наказание могло быстро послужить примером для всех, кто будет вынужден нарушать мир". об империях. Вы можете положиться на сто пятьдесят тысяч человек, пруссаков, австрийцев и империалистов, и на армию из двадцати тысяч эмигрантов"; на то, что он был в ладах со своими братьями, которых его общественные меры не учитывали; и, наконец, на то, что он постоянно выступал против революции.

Вскоре были представлены новые документы в поддержку этого обвинения. В Тюильри, за панелью в деревянной обшивке, в стене было проделано отверстие, закрытое железной дверью. Министр Ролан указал на этот потайной чулан, и там были обнаружены доказательства всех заговоров и интриг двора против революции; проекты народных лидеров по укреплению конституционной власти короля, восстановлению старого режима и аристократии; маневры Талона, договоренности с Мирабо, предложение, принятое Буйе в учредительном собрании, и некоторые новые заговоры в законодательном собрании. Это открытие усилило раздражение против Людовика XVI. Бюст Мирабо был сломан якобинцами, а конвент накрыл тот, что стоял в зале, где проходили его заседания.

В течение некоторого времени в собрании обсуждался вопрос о суде над этим принцем, который, будучи свергнут с престола, больше не мог быть привлечен к ответственности. Не было трибунала, уполномоченного выносить ему приговор, не было наказания, которое могло бы быть ему назначено: соответственно, они пустились в ложные толкования неприкосновенности, предоставленной Людовику XVI, чтобы осудить его законным путем. Величайшей ошибкой партий, почти несправедливой, является желание не казаться таковой. Комитету по законодательству поручено составить отчет по вопросу о том, был ли Людовик XVI. мог быть предан суду, и может ли он быть предан суду в соответствии с конвенцией, было решено утвердительно. Депутат Майе выступал от его имени против догмы неприкосновенности; но поскольку эта догма оказала влияние на предшествующую эпоху революции, он утверждал, что Людовик XVI. был неприкосновенен как король, но не как отдельная личность. Он утверждал, что нация, неспособная отказаться от своих гарантий в отношении актов власти, обеспечила неприкосновенность монарха ответственностью его министров; и что, когда Людовик XVI. действовавший как простой человек, ни на кого не возлагавший своей ответственности, он перестал быть неприкосновенным. Таким образом, Майе ограничил конституционные гарантии, данные Людовику XVI. действиями короля. Он пришел к выводу, что Людовик XVI. мог быть судим, поскольку свержение с престола было не наказанием, а сменой правительства; что он мог предстать перед судом в силу уголовного кодекса, касающегося предателей и заговорщиков; что его мог судить конвент, не соблюдая процедуры других трибуналов, потому что конвент представлял народ — народ, включающий все интересы, и все интересы, составляющие правосудие, — было невозможно, чтобы национальный трибунал мог нарушать правосудие, и, следовательно, было бесполезно подчинять его формам. Такова была цепочка софистики, с помощью которой комитет превратил конвент в трибунал. Партия Робеспьера показала себя гораздо более последовательной, руководствуясь только государственными соображениями и отвергая формы как обманчивые.

Обсуждение началось 13 ноября, через шесть дней после доклада комитета. Сторонники неприкосновенности, пока рассматривали Людовика XVI. виновен, утверждал, что его нельзя судить. Главным из них был Моррисон. Он сказал, что неприкосновенность была всеобщей; что конституция предвидела нечто большее, чем тайную враждебность со стороны Людовика XVI., открытое нападение, и даже в этом случае было лишь объявлено о его низложении; что в этом отношении нация поклялась в своем суверенитете; что миссия конвента состояла в том, чтобы сменить правительство, а не судить Людовика XVI.; что, сдерживаемое правилами правосудия, это было также и обычаями войны, которые разрешали уничтожать врага только во время боя — после победы закон оправдывает его; что, более того, республика имела право на никакого интереса в осуждении Людовика; что оно должно ограничиться по отношению к нему мерами общей безопасности, взять его в плен или изгнать из Франции. Таково было мнение о Праве

конвенции. Равнина разделяла мнение комитета, но Гора в то же время отвергала неприкосновенность Людовика XVI и суд над ним.

"Граждане, - сказал Сен-Жюст, - я берусь доказать, что мнение Моррисона, отстаивающего неприкосновенность короля, и мнение комитета, требующего суда над ним как гражданином, одинаково ложны; я утверждаю, что мы должны судить короля как врага; что мы имеем дело не столько с судебным разбирательством, сколько с противодействием ему; что, не имея места в договоре, объединяющем французов, формы судебного разбирательства соответствуют не гражданскому праву, а праву права наций; таким образом, всякое промедление или сдержанность в данном случае являются чистыми актами неблагоразумия и рядом с неосторожностью, которая оттягивает момент, который должен дать нам законы, самой роковой будет та, которая заставляет нас тянуть время с королем ". Сводя все к соображениям вражды и политики, Сен-Жюст добавил: "Те самые люди, которые собираются судить Людовика, должны установить республику: те, кто придает какое-либо значение справедливому наказанию короля, никогда не основывают республику. Граждане, если римский народ после шестисот лет добродетели и ненависти к королям; если Великобритания после смерти Кромвеля увидела, что короли восстановлены, несмотря на ее энергию, чего не должны бояться у нас добрые граждане, друзья свободы, когда они видят, как топор дрожит в ваших руках, а народ с первого дня своей свободы уважает память о своих цепях?"

Эта жестокая партия, которая хотела заменить приговор государственным переворотом, не следовать ни закону, ни форме, а нанести удар Людовику XVI. подобно завоеванному пленнику, благодаря тому, что военные действия даже пережили победу, он имел лишь очень слабое большинство в конвенте; но снаружи его решительно поддерживали якобинцы и коммуна. Несмотря на ужас, который он уже внушал, его убийственные предложения были отвергнуты конвентом; и сторонники неприкосновенности, в свою очередь, мужественно отстаивали соображения общественного интереса одновременно с нормами справедливости и гуманности. Они утверждали, что одни и те же люди не могут быть судьями и законодателями, присяжными и обвинителями. Они желали также придать восходящей республике блеск великих добродетелей, великодушия и прощения; они хотели последовать примеру народа Рима, который обрел свободу и сохранял ее пятьсот лет, потому что проявил себя великодушным; потому что они изгнали Тарквиниев вместо того, чтобы предать их смерти. С политической точки зрения они показали последствия осуждения короля, поскольку это повлияло бы на анархическую партию королевства, сделав ее еще более дерзкой; и что касается Европы, чьи все еще нейтральные державы это побудило бы присоединиться к коалиции против республики.

Но Робеспьер, который во время этих долгих дебатов проявил смелость и упорство, предвещавшие его власть, появился на трибуне, чтобы поддержать Сен-Жюста, упрекнуть конвент в том, что он поставил под сомнение решение восстания и восстановил путем сочувствия и публичной защиты павшую партию роялистов. "Собрание, - сказал Робеспьер, - невольно было уведено далеко в сторону от настоящего вопроса. Здесь мы не имеем ничего общего с судебным процессом: Людовик не обвиняемый; вы не судьи, вы есть и можете быть только государственными деятелями. У васнет права выносить приговор за или против человека, но вы призваны принять меры общественной безопасности; совершить акт национальной предосторожности. Свергнутый с престола король пригоден только для двух

целей: нарушить спокойствие государства и поколебать его свободу или укрепить ту или иную из них.

"Людовик был королем; республика основана; знаменитый вопрос, который вы обсуждаете, решен в этих нескольких словах. Людовика нельзя судить; его уже судили, он осужден, или республика не освобождена от грехов". Он требовал, чтобы конвент объявил Людовика XVI предателем по отношению к французам, преступником по отношению к человечеству и немедленно приговорил его к смертной казни в связи с восстанием.

Влияние этих крайних положений, популярность, которой они достигли без их участия, сделали осуждение в какой-то мере неизбежным. Получив необычайное влияние на другие партии, он вынудил их следовать за ним, хотя и на расстоянии. Большинство конвента, состоявшее в значительной степени из жирондистов, которые не осмеливались провозглашать Людовика XVI. неприкосновенный и Равнины решили, по предложению Петиона, вопреки мнению фанатичных Горцев и сторонников неприкосновенности, что Людовик XVI. должно быть рассмотрено конвентом. Затем Роберт Линдет выступил от имени комиссии двадцати одного со своим докладом о Людовике XVI. Было составлено обвинение с изложением вменяемых ему преступлений, и конвент вызвал заключенного в свою коллегию адвокатов.

Людовик был заключен в Тамплль на четыре месяца. Он не был свободен, как того сначала желало собрание, выделив ему Люксембург в качестве резиденции. Подозрительная коммуна тщательно охраняла его; но, покорный своей судьбе, готовый ко всему, он не проявлял ни нетерпения, ни сожаления, ни возмущения. При нем была только одна служанка, Клери, которая в то же время прислуживала его семье. В течение первых месяцев своего заключения он не был разлучен со своей семьей и по-прежнему находил утешение в общении с ними. Он утешал и поддерживал двух своих товарищей по несчастью, свою жену и сестру; он был наставником молодого дофина и давал ему уроки несчастного человека, плененного короля. Он много читал и часто обращался к Истории Англии Юма; там он прочел о многих свергнутых королях, и один из них был осужден народом. Человек всегда ищет судьбы, похожие на его собственную. Но утешение, которое он находил в глазах своей семьи, длилось недолго; как только суд над ним завершился, он был разлучен с ними. Коммуна хотела помешать заключенным добиться их оправдания; надзор, который она осуществляла за Людовиком XVI. с каждым днем становился все более тщательным и суровым.

При таком положении вещей Сантерр получил приказ проводить Людовика XVI. в коллегию адвокатов конвента. Он отправился в Храм в сопровождении мэра, который сообщил о его миссии королю и спросил, готов ли он спуститься. Людовик мгновение поколебался, затем сказал: "Это еще одно насилие. Я должен уступить!" и он решил предстать перед конвентом, не возражая против этого, как это сделал Карл I. по отношению к своим судьям. "Представители, - сказал Баррер, когда было объявлено о его приближении, - вы собираетесь воспользоваться правом на национальное правосудие. Пусть ваше отношение соответствует вашим новым обязанностям. - и, повернувшись к галерее, он добавил: - Граждане, помните ужасное молчание, которое сопровождало Людовика по возвращении из Варенна; молчание, которое было предвестником суда над королями со стороны народов". Людовик XVI казался твердым, когда вошел в зал, и пристальным взглядом обвел собравшихся. Его посадили в бар, и президент сказал ему взволнованным голосом: "Луи, французский народ обвиняет тебя. Сейчас вы услышите пункты обвинительного заключения. Луи, садись. Для него было подготовлено

кресло; он сел на него. Во время длительного экзамена он проявил большое спокойствие и присутствие духа, он отвечал на каждый вопрос соответствующим образом, часто в трогательной и торжествующей манере. Он отверг адресованные ему упреки в отношении его поведения до 14 июля, напомнив им, что его власть тогда не была ограничена; перед поездкой в Варенн - декретом учредительного собрания, которое удовлетворилось его ответами; и после 10 августа - возложением ответственности за все публичные действия на министерство и отрицанием всех секретных мер, которые приписывались лично ему. Это отрицание, однако, в глазах конвента не опровергало фактов, подтвержденных по большей части документами, написанными или подписанными рукой Людовика XVI. он воспользовался естественным правом каждого обвиняемого. Таким образом, он не признал существования железного сундука и предъявленных бумаг. Louis XVI. ссылаясь на закон безопасности, который конвенция не признавала, и конвенция стремилась защитить себя от контрреволюционных попыток, которые Людовик XVI не признавал. не хотел признавать.

Когда Людовик вернулся в Тампль, конвент рассмотрел просьбу, с которой он обратился за защитником. Несколько человек с Горы напрасно возражали против этой просьбы. Конвент постановил предоставить ему услуги адвоката. Именно тогда distinguished Мальзерб предложил себя конвенту для защиты Людовика XVI. "Дважды, - писал он, - меня вызывали на совет к тому, кто был моим хозяином, в то время, когда эта функция была предметом честолюбия каждого человека; я обязан оказать ему ту же услугу и сейчас, когда многие считают это опасным". Его просьба была удовлетворена, Людовик XVI. уходя, он был тронут этим доказательством преданности. Когда Мальзерб вошел в свою комнату, он подошел к нему, сжал в объятиях и сказал со слезами: "Твоя жертва тем более великодушна, что ты подвергаешь опасности свою собственную жизнь, не спасая мою". Мальзерб и Тронше неустанно трудились над его защитой и привлекли к себе г-на Дезеа; они стремились возродить мужество короля, но обнаружили, что король мало склонен надеяться. "Я уверен, что они лишат меня жизни; но это не имеет значения, давайте отнесемся к моему суду так, как будто я вот-вот его получу. По правде говоря, я добьюсь этого, потому что не оставлю пятна на своей памяти".

Наконец настал день защиты; ее представил месье Дезеа; Луи присутствовал. Глубочайшее молчание царило в собрании и на галереях. Г-н Дезеа воспользовался всеми соображениями справедливости и невиновности в пользу королевского узника. Он апеллировал к дарованной ему неприкосновенности; он утверждал, что как король он не может быть судим; что в качестве обвинителей представители народа не могут быть его судьями. В этом он не выдвинул ничего такого, чего уже не было поддержано одной из сторон собрания. Но главным образом он стремился оправдать поведение Людовика XVI. приписывая ему намерения, всегда чистые и безукоризненные. Он закончил такими последними и торжественными словами: "Послушайте, предвкушая, что скажет история о славе; Людовик, взойдя на трон в двадцать лет, представлял собой пример нравственности, справедливости и экономии; у него не было ни слабости, ни развращающей страсти: он был постоянным другом народа. Желал ли народ отмены репрессивного налога? Людовик отменил его: желал ли народ отмены рабства? Людовик отменил его: требовал ли народ реформ? он их создал: хотел ли народ изменить свои законы? он согласился их изменить: хотел ли народ, чтобы миллионы французов были восстановлены в своих правах? он восстановил их: желал ли народ свободы? он дал им ее. Люди не могут отрицать, что Людовик прославился тем, что своими жертвами предвосхитил народ; и именно его предлагается убить. Граждане, я не буду продолжать, я оставляю это Истории; помните, она

вынесет вам приговор, и ее приговор будет на века ". Но страсть оказалась глуха и неспособна к предвидению.

Жирондисты хотели спасти Людовика XVI, но они боялись обвинения в роялизме, которое уже было предъявлено им Горой. В течение всего процесса их поведение было довольно двусмысленным; они не осмеливались высказываться в пользу или против обвиняемого; и их умеренность погубила их, не послужив ему на пользу. В тот момент его дело, не только дело его трона, но и его жизни, принадлежало им самим. Они были близки к тому, чтобы решить, посредством акта правосудия или государственного переворота, следует ли им вернуться к правовому режиму или продлить революционный режим. Триумф жирондистов или "Горы" был связан с тем или иным из этих решений. Последние стали чрезвычайно активными. Они делали вид, что, следуя формам, люди забывают о республиканской энергии и что защита Людовика XVI. была лекцией о монархии, адресованной нации. Якобинцы решительно поддержали их, и к коллегии адвокатов пришли депутации, требующие смерти короля.

Однако жирондисты, которые не осмелились поставить вопрос о неприкосновенности, предложили искусный способ спасти Людовика XVI от смерти, обратившись к народу с апелляцией на приговор конвента. Крайне правые все еще протестовали против превращения ассамблеи в трибунал; но поскольку компетенция ассамблеи была предварительно определена, все их усилия были направлены в другое русло. Саллес предложил признать короля виновным, но оставить применение наказания на усмотрение первичного собрания. Бюзо, опасаясь, что конвент навлечет на себя упрек в слабости, считал, что он должен вынести приговор и предоставить вынесенное им решение на усмотрение народа. Этот совет был решительно отвергнут Горой и даже большим числом более умеренных членов конвента, которые видели в созыве первичных собраний зародыш гражданской войны.

Собрание единогласно решило, что Людовик виновен, когда был поставлен вопрос об обращении к народу. Двести восемьдесят четыре голоса проголосовали "за", четыреста двадцать четыре - "против"; десять человек отказались от голосования. Затем возник ужасный вопрос о характере наказания. Париж был в состоянии величайшего волнения: депутатам угрожали у самых дверей собрания; население опасалось новых эксцессов; якобинские клубы оглашались экстравагантными оскорблениями Людовика XVI и Правых. "Гора", до тех пор самая слабая партия в конвенте, стремилась получить большинство путем террора, решив, если это не удастся, тем не менее пожертвовать Людовиком XVI. Наконец, после четырех часов номинальной апелляции президент Верньо сказал: "Граждане, я собираюсь объявить результаты проверки. Когда справедливость восторжествует, наступит очередь человечности". Проголосовал семьсот двадцать один человек. Фактическое большинство составило триста шестьдесят один. Решение о смерти короля было принято большинством в двадцать шесть голосов. Мнения были самыми разными: жирондисты проголосовали за его смерть, правда, с оговорками; большинство Правых проголосовали за тюремное заключение или изгнание; несколько человек из Гор проголосовали вместе с жирондистами. Как только стал известен результат, президент сказал скорбным тоном: "От имени конвента я объявляю наказание, к которому он приговаривает Луи Капета, смертной казнью". Те, кто взял на себя защиту, появились в коллегии адвокатов; они были глубоко тронуты. Они попытались вернуть собрание к чувствам сострадания, учитывая, что незначительное большинство высказалось за приговор. Но этот вопрос уже обсуждался и было принято решение. "Законы принимаются только простым большинством", - сказал один из Горцев. "Да, - ответил голос, - но закономерно отменить; вы не

можете вернуть человеку жизнь". Мальзерб хотел заговорить, но не смог. Рывания мешали ему говорить; он мог произнести только несколько невнятных слов мольбы. Его горе тронуло собрание. Просьба об отсрочке была воспринята жирондистами как последнее средство; но и это их подвело, и роковой приговор был вынесен.

Луи ожидал этого. Когда Мальзерб пришел в слезах, чтобы объявить приговор, он обнаружил его сидящим в темноте, облокотившись на стол, закрыв лицо руками и погружившись в глубокую медитацию. Услышав шум его прихода, Людовик встал и сказал: "В течение двух часов я пытался выяснить, заслужил ли я за время своего правления хоть малейший упрек со стороны моих подданных. Что ж, господин де Малешерб, я клянусь вам всей правдой моего сердца, как человек, готовящийся предстать перед Богом, что я постоянно стремился к счастью моего народа и никогда не потворствовал желанию, противоположному этому". Малешерб настаивал, что отсрочка не будет отвергнута, но этого Людовик не ожидал. Увидев, что Мальзерб уходит, Людовик умолял его не покидать его в последние минуты жизни; Мальзерб пообещал вернуться; но он приходил несколько раз и так и не смог дозвониться до него. Луи часто спрашивал о нем и, казалось, был огорчен тем, что не видел его. Он без эмоций выслушал официальное объявление своего приговора от министра юстиции. Он попросил три дня, чтобы подготовиться к тому, чтобы предстать перед Богом, а также получить разрешение на услуги священника и свободное общение со своей женой и детьми. Были удовлетворены только последние два запроса.

Беседа была печальной сценой для этой опустошенной семьи, но момент расставания был гораздо более печальным. Людовик, расставаясь со своей семьей, пообещал увидеться с ними снова на следующий день; но, войдя в свою комнату, он почувствовал, что испытание будет непосильным, и, яростно расхаживая взад и вперед, воскликнул: "Я не пойду!" Это была его последняя борьба; остальное время он потратил на подготовку к смерти. Ночь перед казнью он спал спокойно. Клеры разбудил его, как ему было приказано, в пять и получил последние инструкции. Затем он передал Клеры свои предсмертные слова и все, что ему было позволено завещать, - кольцо, печать и немного волос. Уже били барабаны, и можно было услышать глухой звук движущихся пушек и сбивчивые голоса. Наконец прибыл Сантер. - Вы пришли за мной, - сказал Луи. - Я прошу вас об одной минуте. Он передал свое завещание в руки муниципального чиновника, попросил принести ему шляпу и твердым тоном сказал: "Пойдемте".

Карета была в часе пути от Тампля до площади Революции. Двойной ряд солдат выстроился вдоль дороги; более сорока тысяч человек были вооружены. Париж представлял собой мрачный вид. Горожане, присутствовавшие при казни, не проявили ни аплодисментов, ни сожаления; все хранили молчание. Подъехав к месту казни, Людовик вышел из кареты. Твердым шагом он взойшел на эшафот, преклонил колени, чтобы получить благословение священника, который, как записано, сказал: "Сын Людовика Святого, вознесись на небеса!" С некоторым отвращением он подчинился тому, чтобы ему связали руки, и поспешно отошел влево от эшафота. "Я умираю невиновным, - сказал он. - Я прощаю своих врагов, а вы, несчастные..." Здесь, по сигналу, барабаны и трубы заглушили его голос, и трое палачей схватили его. В десять минут одиннадцатого он перестал жить.

Так погиб в возрасте тридцати девяти лет, после шестнадцати с половиной лет правления, потраченных на попытки творить добро, лучший, но слабейший из монархов. Его предки завещали ему революцию. Он был лучше, чем кто-либо из них, рассчитан на то, чтобы

предотвратить и положить конец этому; ибо он был способен стать королем-реформатором до того, как это разразилось, или стать конституционным королем впоследствии. Он, пожалуй, единственный принц, у которого, не имея другой страсти, не было страсти к власти, и который соединял в себе два качества, которые делают хороших королей, - страх Божий и любовь к народу. Он погиб, став жертвой страстей, которых не разделял; страстей окружающих его людей, которым он был чужд, и страстей толпы, которых он не возбуждал. Немногие воспоминания о королях заслуживают такой похвалы. История скажет о нем, что, будь у него чуть больше силы духа, он был бы образцовым королем.

ГЛАВА VII

С 21 ЯНВАРЯ 1793 ГОДА По 2 ИЮНЯ

Смерть Людовика XVI. Сделала различные партии непримиримыми и усилила внешних врагов революции. Республиканцам приходилось бороться со всей Европой, с несколькими классами недовольных и с самими собой. Но Гора, которая тогда руководила народным движением, вообразила, что они зашли слишком далеко, чтобы не доводить дело до крайности. Устрашить врагов революции, возбудить фанатизм народа речами, наличием опасности и восстаниями; свалить на нее все, как на правительство, так и на безопасность республики; вселить в нее самый горячий энтузиазм во имя свободы, равенства и братства; поддерживать ее в этом жестоком кризисном состоянии с целью использования ее страстей и ее могущества - таков был план Дантона и Гора, избравших его своим вождем. Это был он, который усилил народное возбуждение растущими опасностями республики и который под именем революционного правительства установил деспотизм масс вместо юридической свободы. Робеспьер и Марат пошли даже гораздо дальше, чем он. Они стремились создать постоянное правительство, которое Дантон считал всего лишь временным. Последний был всего лишь политическим лидером, в то время как остальные были настоящими сектантами; первый - более амбициозным, второй - более фанатичным.

В результате катастрофы 21 января Гора одержала великую победу над жирондистами, чья политика была гораздо более нравственной, чем у них, и которые надеялись спасти революцию, не запятнав ее кровью. Но их человечность, их дух справедливости оказались бесполезными и даже обернулись против них самих. Их обвиняли во врагах народа, потому что они выступали против его бесчинств; в пособничестве тирану, потому что они стремились спасти Людовика XVI; и в предательстве республики, потому что они рекомендовали умеренность. Именно этими упреками Гора преследовала их с постоянной враждебностью в лоне конвента с 21 января по 31 мая и 2 июня. Жирондисты долгое время пользовались поддержкой Центра, который встал на сторону Правых против убийств и анархии и на сторону левых за меры общественной безопасности. Эта масса, которая, собственно говоря, формировала дух конвента, проявляла некоторое мужество и уравнивала мощь Горы и Коммуны, пока у нее были те бесстрашные и красноречивые жирондисты, которые несли с собой в тюрьму и на эшафот все благородные резолюции собрания.

На мгновение между различными партиями ассамблеи возникло единство. Лепеллетье Сен-Фаржо был зарезан отставным членом домашней гвардии по имени Парис за то, что проголосовал за смерть Людовика XVI. Члены конвента, объединенные общей

опасностью, поклялись на его могиле забыть о своей вражде, но вскоре возродили ее. Некоторые из сентябрьских убийц, наказания которых добивались наиболее честные республиканцы, предстали перед судом в Мо. Гора, опасаясь, что их прошлое поведение будет расследовано и что их противники воспользуются осуждением, чтобы самим более открыто напасть на них, положила конец этому разбирательству. Эта безнаказанность еще больше ободрила лидеров толпы; и Марат, который в то время имел невероятное влияние на толпу, побудил их грабить торговцев, которых он обвинил в монополизации продовольствия. Он яростно писал и выступал в своих памфлетах и против якобинцев против аристократии бюргеров, торговцев *игосударственных деятелей* (как он называл жирондистов), то есть против тех, кто в собрании или нации в целом все еще выступал против правления санкюлотов и Горцев. Было что-то страшное в фанатизме и непобедимом упрямстве этих сектантов. Название, данное ими жирондистам с самого начала конвента, было *Intrigants* из-за министерских и довольно скрытых средств, с помощью которых они противодействовали в департаментах наглому и публичному поведению якобинцев.

Соответственно, они регулярно осуждали их в клубе. "В Риме оратор ежедневно восклицал: "Карфаген должен быть разрушен!" что ж, пусть якобинец каждый день поднимается на эту трибуну и произносит эти единственные слова: "Интриганты должны быть уничтожены!" - Кто мог бы противостоять нам? Мы выступаем против преступности и эфемерной власти богатства; но в нашем деле есть истина, справедливость, бедность и добродетель. С таким оружием якобинцам скоро придется сказать: "Нам нужно было только пройти дальше, они уже вымерли". Марат, который был гораздо смелее Робеспьера, чья ненависть и замыслы все еще скрывались под определенными формами, был покровителем всех обличителей и любителей анархии. Некоторые горцы упрекали его в том, что он компрометирует их дело своими крайними советами и несвоевременными выходками; но весь якобинский народ поддерживал его даже против Робеспьера, который редко получал преимущество в спорах с ним. Рекомендованный в феврале грабеж в *Л'Ами народа* в отношении некоторых торговцев, "в качестве примера", имел место, и на Марата донесли конвенту, который после бурного заседания вынес постановление о его обвинении. Но этот указ не возымел никакого действия, поскольку обычные трибуналы не имели полномочий. Это двойное применение силы с одной стороны и слабости с другой имело место в феврале месяце. Вскоре более решительные события привели жирондистов к краху.

До сих пор военное положение Франции было удовлетворительным. Дюмуре только что завершил блестящую Аргоннскую кампанию завоеванием Бельгии. После отступления пруссаков он отправился в Париж, чтобы согласовать меры по вторжению в Австрийские Нидерланды. Вернувшись в армию 20 октября 1792 года, он начал наступление 28-го. План, предпринятый столь неуместно, с таким небольшим усилием и успехом в начале войны, был возобновлен и приведен в исполнение превосходящими средствами. Дюмуре во главе сорокатысячной бельгийской армии двинулся из Валансьена на Монс, поддерживаемый справа арденнской армией численностью около шестнадцати тысяч человек под командованием генерала Валенса, который двинулся из Живе на Намюр; а слева от него армией севера численностью восемнадцать тысяч человек под командованием генерала Лабурдоннэ, который наступал из Лилля на Турне. Австрийская армия, размещенная перед Монсом, ожидала сражения в своих укреплениях. Дюмуре полностью разгромил его, а победа при Жемаппе открыла Бельгию для французов и снова обеспечила нашему оружию господство в Европе. Одержав победу 6 ноября, Дюмуре вступил в Монс 7-го, Брюссель 14-го и Льеж 28-го. Валанс взял Намюр, Лабурдонна-Антверпен; и к середине декабря вторжение в Нидерланды было

полностью завершено. Французская армия, овладевшая Маасом и Шельдой, отправилась на зимние квартиры, предварительно оттеснив австрийцев за Рер, которых они могли бы оттеснить за Нижний Рейн.

С этого момента начались военные действия между Дюмурье и якобинцами. Декретом конвента от 15 сентября были отменены бельгийские обычаи и демократически организована эта страна. Якобинцы заслали агентов в Бельгию для пропаганды революционных принципов и создания клубов по образцу материнского общества; но фламандцы, которые приняли нас с энтузиазмом, охладели к предъявляемым к ним суровым требованиям, а также к всеобщему грабежу и невыносимой анархии, которые принесли с собой якобинцы. Вся партия, выступавшая против австрийской армии и надеявшаяся обрести свободу под защитой Франции, сочла наше правление слишком суровым и пожалела, что обратилась к нам за помощью или поддержала нас. Дюмурье, у которого были планы независимости для фламандцев и честолюбивые планы для самого себя, приехал в Париж, чтобы пожаловаться на такое невежливое поведение по отношению к завоеванным странам. Он изменил свой до сих пор двусмысленный курс; он использовал все средства, чтобы сохранить отношения с двумя фракциями; он встал под знамена ни той, ни другой, надеясь воспользоваться Правом через своего друга Генсонне и Горой через Дантона и Лакруа, в то время как он внушал благоговейный трепет перед обеими своими победами. Но в этом втором путешествии он пытался остановить якобинцев и спасти Людовика XVI.; не сумев достичь своей цели, он вернулся в армию, чтобы начать вторую кампанию, очень неудовлетворенный и полный решимости использовать свои новые победы как средство приостановления революции и смены правительства.

На этот раз все границы Франции должны были подвергнуться нападению европейских держав. Военные успехи революции и катастрофа 21 января вынудили большинство неопределившихся или нейтральных правительств присоединиться к коалиции.

Суд Сент-Джеймса, узнав о смерти Людовика XVI, отправил в отставку посла Шовелена, которого он отказывался признавать с 10 августа и после свержения короля с престола. Конвент, обнаружив, что Англия уже присоединилась к коалиции и, следовательно, все ее обещания нейтралитета тщетны и неуловимы, 1 февраля 1793 года объявил войну королю Великобритании и штатгальтеру Голландии, которые с 1788 года полностью подчинялись английскому кабинету министров. Англия до сих пор сохраняла видимость нейтралитета, но она воспользовалась этой возможностью, чтобы появиться на сцене военных действий. В течение некоторого времени Питт, настроенный на разрыв, использовал все свои ресурсы и в течение шести месяцев заключил семь союзных договоров и шесть договоров о субсидиях.

[Примечание: Эти договоры были следующими: 4 марта - статьи между Великобританией и Ганновером; 25 марта - союзный договор в Лондоне между Россией и Великобританией; 10 апреля - договор о субсидиях с ландграфом Гессен-Кассельским; 25 апреля - договор о субсидиях с Сардинией; 25 мая - союзный договор в Мадриде с Испанией; 12 июля - союзный договор с Неаполем, королевством Обеих Сицилий; 14 июля - союзный договор в лагере перед Майнцем с Пруссией; 30 августа - союзный договор в Лондоне с императором; 21 сентября - договор о субсидиях с маркграф Баденский; 26 сентября, союзный договор в Лондоне с Португалией. По этим договорам Англия предоставила значительные субсидии, особенно Австрии и Пруссии.] Таким образом, Англия стала душой коалиции против Франции; ее флоты были готовы к отплытию; министр получил 3 200 000 фунтов стерлингов в экстраординарном порядке, и Питт намеревался воспользоваться нашей революцией, обеспечив перевес

Великобритании, как Ришелье и Мазарини воспользовались кризисом в Англии в 1640 году, чтобы установить французское господство в Европе. Сент-Джеймский двор руководствовался исключительно английскими интересами; он желал любой ценой добиться укрепления аристократической власти у себя дома и установления исключительной империи в обеих Индиях и на морях.

Затем суд Сент-Джеймса произвел второй сбор в пользу коалиции. В Испании только что произошла смена министра; знаменитый Годой, герцог Алькудийский, впоследствии принц Мира, был поставлен во главе правительства благодаря интриге Англии и эмигрантов. Эта держава пришла к разрыву с республикой после того, как тщетно ходатайствовала за Людовика XVI и ценой жизни короля сделала свой нейтралитет. Германская империя полностью приняла войну; Бавария, Швабия и курфюрст палатинский присоединились к враждебным кругам империи. Неаполь последовал примеру Святого Престола; и единственными нейтральными державами были Венеция, Швейцария, Швеция, Дания и Турция. Россия все еще была занята вторым разделом Польши.

Республике со всех сторон угрожали самые воинственные войска Европы. Вскоре ей пришлось бы столкнуться с сорока пятью тысячами австро-сардинцев в Альпах; пятьюдесятью тысячами испанцев на Пиренеях; семьюдесятью тысячами австрийцев или империалистов, усиленных тридцатью восемью тысячами английских и голландских войск, на Нижнем Рейне и в Бельгии; тридцатью тремя тысячами четырьмя сотнями австрийцев между Маасом и Мозелем; ста двенадцатью тысячами шестьюстами пруссаками, австрийцами и империалистами на Среднем и Верхнем Рейне. Чтобы противостоять такому количеству врагов, конвент постановил набрать триста тысяч человек. Эта мера внешней обороны сопровождалась партийной мерой для внутренней. В тот момент, когда новые батальоны, готовые покинуть Париж, предстали перед ассамблеей, Гора потребовал создания чрезвычайного трибунала для поддержания революции внутри страны, которую батальоны собирались защищать на границах. Этот трибунал, состоящий из девяти членов, должен был судить без участия присяжных или апелляции. Жирондисты восстали со всей своей мощью против столь деспотичного и грозного учреждения, но все было напрасно, ибо они, по-видимому, оказывали покровительство врагам республики, отвергая трибунал, предназначенный для их наказания. Все, чего они добились, - это введения в него суда присяжных, отстранения некоторых жестоких людей и права отменять его действия до тех пор, пока они сохраняли какое-либо влияние.

Основные усилия коалиции были направлены против обширной границы, простиравшейся от северного моря до Хунингуэна. Принц Кобургский во главе австрийцев должен был атаковать французскую армию на Рере и Маасе, чтобы войти в Бельгию; в то время как пруссаки, с другой стороны, должны были выступить против Кюстина, дать ему сражение, окружить Майнц и, взяв его, возобновить предыдущее вторжение. Эти две действующие армии удерживались на промежуточном положении значительными силами. Дюмурье, охваченный амбициозными и реакционными планами, в тот момент, когда ему следовало думать только об опасностях, грозящих Франции, предложил себе восстановить монархию 1791 года, вопреки конвенту и Европе. То, чего Буйе не смог сделать ради абсолюта, а Лафайет - ради конституционного трона, Дюмурье в менее благоприятное время надеялся осуществить в одиночку в интересах разрушенной конституции и беспартийной монархии. Вместо того чтобы сохранять нейтралитет между фракциями, как того требовали обстоятельства для генерала и даже для амбициозного человека, Дюмурье предпочел разрыв, чтобы повлиять на них. Он задумал сформировать

партию из Франции; проникнуть в Голландию с помощью голландских республиканцев, выступавших против штатгальтерства и английского влияния; освободить Бельгию от якобинцев; объединить эти страны в единое независимое государство и обеспечить себе их политический протекторат после того, как приобретет всю славу завоевателя. Чтобы запугать партии, он должен был одержать верх над своими войсками, двинуться маршем на столицу, распустить конвент, подавить народные собрания, восстановить конституцию 1791 года и дать Франции короля.

Этот проект, неосуществимый в условиях сильного потрясения между революцией и Европой, показался пылкому и предприимчивому Дюмуре легким. Вместо того чтобы защищать линию, которой угрожали от Майнца до реки Рер, он бросился на левый фланг боевых действий и вступил в Голландию во главе двадцати тысяч человек. Быстрым маршем он должен был достичь центра Соединенных провинций, атаковать крепости с тыла, и в Нюмегене к нему присоединились двадцать пять тысяч человек под командованием генерала Миранды, который, вероятно, овладел бы Маэстрихтом. Армия в сорок тысяч человек должна была наблюдать за австрийцами и защищать их права.

Дюмуре энергично продолжал свою экспедицию в Голландию; он взял Бреду и Гертруйденберг и приготовился пройти Бисбос и захватить Дордрехт. Но армия правых тем временем испытывала самые тревожные неудачи на Нижнем Маасе. Австрийцы перешли в наступление, форсировали Рер, разбили Мязинского при Экс-ла-Шапель; заставили Миранду снять блокаду Местрихта, который он бесполезно обстреливал; переправились через Маас и под Льежем полностью разгромили нашу армию, отступившую между Тирлемоном и Лувеном. Дюмуре получил от исполнительного совета приказ немедленно покинуть Голландию и принять командование войсками в Бельгии; он был вынужден подчиниться и частично отказаться от своих самых смелых, но самых дорогих надежд.

Якобинцы, узнав об этих неудачах, стали гораздо более несговорчивыми; неспособные представить себе поражение без предательства, особенно после блестящих и неожиданных побед последней кампании, они приписали эти военные неудачи партийным комбинациям. Они осуждали жирондистов, министров и генералов, которые, как они полагали, объединились, чтобы отказаться от республики, и требовали их уничтожения. Соперничество смешивалось с подозрительностью, и они стремились к исключительному господству не меньше, чем к защите территории, которой угрожали; они начали с жирондистов. Поскольку они еще не приучили толпу к мысли о запрете представителей, они сначала прибегли к заговору, чтобы избавиться от них; они решили нанести им удар в конвенте, где они все должны были собраться, и для приведения заговора в исполнение была назначена ночь на 10 марта. Собрание заседало постоянно из-за общественной опасности. Накануне в "Якобинцах и кордельерах" было решено опустить барьеры, ударить в набат и двумя оркестрами выступить маршем к конвенту и министрам. Они начали в назначенный час, но несколько обстоятельств помешали заговорщикам добиться успеха. Жирондисты, извещенные об этом, не явились на вечернее заседание; секции заявили, что выступают против заговора, и Бернонвиль, военный министр, выступил против них во главе батальона брестских федералистов; эти неожиданные препятствия, а также непрекращающийся дождь вынудили заговорщиков разойтись. На следующий день Верньо осудил повстанческий комитет, который спланировал эти убийства, потребовал, чтобы исполнительному совету было поручено провести расследование относительно заговора 10 марта, изучить реестры клубов и арестовать членов повстанческого

комитета. "Мы переходим, - сказал он, - от преступлений к амнистиям, от амнистий к преступлениям. Многие граждане начали путать мятежные выступления с великим восстанием свободы; смотреть на возбуждение грабителей как напорыв энергичных умов, а на сам грабеж как на меру общей безопасности. Мы были свидетелями развития той странной системы свободы, в которой нам говорят: "Вы свободны; но думайте вместе с нами, или мы предадим вас мести народа; вы свободны, но склоните голову перед идолом, которому мы поклоняемся, или мы предадим вас мести народа; вы свободны, но присоединяйтесь к нам в преследовании людей, чьей честности и интеллекта мы опасаемся, или мы предадим вас мести народа". Граждане, у нас есть основания опасаться, что революция, подобно Сатурну, приведет к тому, что вы станете жертвой мести народа. пожирайте последовательно всех своих детей и порождайте только деспотизм и сопутствующие ему бедствия". Эти пророческие слова произвели некоторый эффект на собрание; но меры, предложенные Верньо, ни к чему не привели.

Неудача их первого предприятия против своих противников на мгновение остановила якобинцев; но Вандейское восстание придало им нового мужества. Вандейская война была неизбежным событием революции. Эта страна, ограниченная Луарой и морем, пересеченная немногочисленными дорогами, усеянная деревнями, хуторами и поместьями манориалов, сохранила свое древнее феодальное состояние. В Вандее не было ни цивилизации, ни разума, потому что не было среднего класса; а среднего класса не было потому, что не было городов или их было очень мало. В то время крестьяне не усвоили никаких других идей, кроме тех немногих, которые были сообщены им священниками, и не отделяли своих интересов от интересов дворянства. Эти простые и крепкие люди, преданно привязанные к старому положению вещей, не понимали революции, которая была результатом веры и потребностей, совершенно чуждых их положению. Знать и священники, будучи сильными в этих районах, не эмигрировали; и древний режим действительно существовал там, потому что там были свои доктрины и свое общество. Рано или поздно война между Францией и Вандеей, такими разными странами, у которых не было ничего общего, кроме языка, была неизбежна. Было неизбежно, что два фанатизма монархии и народного суверенитета, духовенства и человеческого разума поднимут свои знамена друг против друга и приведут к триумфу старой или новой цивилизации.

В Вандее несколько раз происходили частичные беспорядки. В 1792 году граф де ла Руари подготовил всеобщее восстание, которое провалилось из-за его ареста; но все еще оставалось готовым к восстанию, когда указ о наборе трехсот тысяч человек был приведен в исполнение. Этот сбор стал сигналом к восстанию. Вандейцы разгромили жандармерию при Сен-Флоране и взяли в качестве лидеров в разных направлениях возчика Кателино, морского офицера Шаретта и егеря Стоффле. При поддержке оружия и денег из Англии восстание вскоре охватило всю страну; девятьсот общин взялись за оружие при звуке набата; а затем благородные вожди Боншан, Лескюр, Ларошжаклен, д'Эльбе и Тальмон присоединились к остальным. Линейные войска и батальоны национальной гвардии, выступившие против повстанцев, потерпели поражение. Генерал Марсе был разбит при Сен-Винсенте Стоффле; генерал Говилье при Бопре - д'Эльбе и Боншаном; генерал Кетино при Обье - Ларошжакленом; и генерал Лигонье при Шоле. Вандейцы, хозяева Шатийона, Брессюира и Вихье, сочли целесообразным составить какой-то план организации, прежде чем продвигать свои преимущества дальше. Они сформировали три корпуса, каждый численностью от десяти до двенадцати тысяч человек, в соответствии с разделением Вандеи, под командованием трех командиров; первый, под командованием Бончана, охранял берега Луары и назывался *Армией Анжу*; второй, размещенный в центре,

сформировал *Великую армию* под командованием д'Эльбе; третий, в Нижней Вандее, назывался *Армией Марэ* под командованием Шаретта. Повстанцы учредили совет для определения своих операций и избрали Кателино генералиссимусом. Эти договоренности при таком разделении страны позволили им завербовать повстанцев и распустить их по своим полям или призвать к оружию.

Известие об этом грозном восстании побудило конвент принять еще более строгие меры против священников и эмигрантов. Он объявил вне закона всех священников и дворян, принимавших участие в любом собрании, и разоружил всех, кто принадлежал к привилегированным классам. Бывшие эмигранты были изгнаны навсегда; они не могли вернуться под страхом смертной казни; их имущество было конфисковано. На дверях каждого дома должны были быть написаны имена всех его обитателей; и революционный трибунал, заседание которого было отложено, приступил к своим ужасным обязанностям.

В то же время одно за другим поступали известия о новых военных катастрофах. Дюмуре, вернувшийся в бельгийскую армию, сосредоточил все свои силы, чтобы оказать сопротивление австрийскому генералу, принцу Кобургскому. Его войска были сильно обескуражены и ни в чем не нуждались; он написал в конвент письмо с угрозами против якобинцев, которые донесли на него. После того, как благодаря некоторым незначительным преимуществам он снова вернул своей армии часть ее былой уверенности, он отважился на генеральное сражение при Неервиндене и проиграл его. Бельгия была эвакуирована, и Дюмуре, оказавшийся между австрийцами и якобинцами, разбитый одними и атакованный другими, прибегнул к преступному проекту дезертирства, чтобы осуществить свои прежние замыслы. Он совещался с полковником Маком и договорился с австрийцами о походе на Париж с целью восстановления монархии, оставив их на границах и предварительно передав им несколько крепостей в качестве гарантии. Вероятно, Дюмуре хотел посадить на конституционный трон молодого герцога Шартрского, который отличился на протяжении всей этой кампании; в то время как принц Кобургский надеялся, что, если контрреволюция достигнет этой точки, она пойдет дальше и восстановит на престоле сына Людовика XVI. и древняя монархия. Контрреволюция остановит не больше, чем революция; начавшись, она должна исчерпать себя. Якобинцы вскоре были проинформированы о планах Дюмуре; он не предпринял особых мер предосторожности, чтобы скрыть их; то ли он хотел испытать свои войска, то ли встревожить своих врагов, то ли просто последовал своему природному легкомыслию. Чтобы быть более уверенным в его замыслах, якобинский клуб направил к нему депутацию, состоящую из трех своих членов - Проли, Перейры и Дюбюиссона. Оказавшись в присутствии Дюмуре, они получили от него больше признаний, чем ожидали: "Конвент, - сказал он, - это собрание семисот тридцати пяти тиранов. Пока у меня есть четыре дюйма железа, я не позволю ей править и проливать кровь с помощью революционного трибунала, который она только что создала; что же касается республики, - добавил он, - то это пустое слово. Я верил в это три дня. После Джемаппеса я сожалею обо всех успехах, которых я добился в столь плохом деле. Есть только один способ спасти страну — восстановить конституцию 1791 года и короля". "Вы только подумайте, генерал!" - сказал Дюбюиссон. "Французы с ужасом относятся к королевской власти — само имя Людовик—" "Что значит, зовут короля Луи, Жаком или Филиппом?" "И каковы ваши средства?" "Моя армия — да, моя армия сделает это, и из моего лагеря или из цитадели какой-нибудь крепости она выразит свое желание иметь короля". - Но ваш проект ставит под угрозу безопасность заключенных в Храме. "Если последний из бурбонов будет убит, даже из Кобленца, у Франции все равно будет король, и если Париж добавит это убийство к тем, которые

уже опозорили его, я немедленно выступлю против него". Таким неосторожным образом раскрыв свои намерения, Дюмуре приступил к осуществлению своего неосуществимого замысла. Он действительно находился в очень трудном положении; солдаты были очень привязаны к нему, но они также были преданы своей стране. Он должен был сдать несколько крепостей, хозяином которых он не был, и предполагалось, что генералы, подчинявшиеся его приказам, либо из преданности республике, либо из честолюбия, поступят с ним так же, как он поступил с Лафайетом. Его первая попытка не была обнадеживающей; обосновавшись в Сент-Аманде, он попытался овладеть Лиллем, Конде и Валансьеном, но потерпел неудачу в этом предприятии. Неудача заставила его заколебаться и помешала перехватить инициативу в атаке.

С конвентом было иначе; он действовал быстро, смело, непоколебимо и, прежде всего, с точностью в достижении своей цели, что делало успех несомненным. Когда мы знаем, чего хотим, и желаем этого сильно и быстро, мы почти всегда достигаем своей цели. Дюмуре не хватало этого качества, и нужда сдерживала его смелость и отпугивала его сторонников. Как только конвент был проинформирован о его проектах, он вызвал его в свою коллегия адвокатов. Он отказался повиноваться, не подняв, однако, немедленно знамя восстания. Конвент немедленно отправил четырех представителей: Камю, Кинета, Ламарка, Банкаля и Бернонвиля, военного министра, чтобы доставить его к нему или арестовать посреди его армии. Дюмуре принял комиссаров во главе своего штаба. Они предъявили ему декрет конвента; он прочитал его и вернул им, сказав, что состояние его армии не позволяет ему покинуть ее. Он предложил уйти в отставку и пообещал в более спокойное время года сам потребовать суда и дать отчет о своих замыслах и поведении. Уполномоченные пытались склонить его к подчинению, приводя в пример древнеримских полководцев. "Мы всегда ошибаемся в наших цитатах, - ответил он, - и мы искажаем римскую историю, используя в качестве оправдания наших преступлений пример их добродетелей. Римляне не убивали Тарквиния; у римлян была хорошо организованная республика и хорошие законы; у них не было ни якобинского клуба, ни революционного трибунала. Мы живем во времена анархии. Тигры желают моей головы; я им ее не отдам". "Гражданин генерал, - сказал тогда Камю, - подчинитесь ли вы постановлению национального конвента и отправитесь в Париж?" "Не сейчас". "Что ж, тогда я объявляю, что отстраняю вас от должности; вы больше не генерал; я приказываю вас арестовать". "Это уже слишком", - сказал Дюмуре; и он приказал немецким гусарам арестовать комиссаров и передать их австрийцам в качестве заложников. После этого акта восстания он больше не мог колебаться. Дюмуре предпринял еще одну попытку напасть на Конде, но она удалась не лучше первой. Он пытался склонить армию присоединиться к нему, но был оставлен ею. Солдаты, вероятно, долгое время предпочитали республику своему генералу; привязанность к революции проявлялась во всем ее пылу, а гражданская власть - во всей ее силе. Объявив себя против конвента, Дюмуре испытал судьбу, которую постигла Лафайета, когда он выступил против законодательного собрания, и Буйе, когда он выступил против учредительного собрания. В тот период генерал, сочетавший твердость Буйе с патриотизмом и популярностью Лафайета, с победами и ресурсами Дюмуре, потерпел бы такую неудачу, как они. Революция с привнесенным в нее движением неизбежно была сильнее партий, генералов и Европы. Дюмуре отправился в австрийский лагерь вместе с герцогом Шартрским, полковником Тувено и двумя эскадронами Берчини. Остальная часть его армии отправилась в лагерь в Фамаре и присоединилась к войскам под командованием Дампьера.

Конвент, узнав об аресте комиссаров, учредил себя как постоянное собрание, объявил Дюмуре предателем своей страны, разрешил любому гражданину напасть на него, назначил

награду за его голову, учредил знаменитый комитет общественного спасения и изгнал герцога Орлеанского и всех бурбонов из республики. Хотя жирондисты нападали на Дюмуре так же горячо, как на Гору, их обвинили в том, что они были его сообщниками, и это стало новым поводом для жалоб, добавленным к остальным. Их враги с каждым днем становились все могущественнее; и именно в моменты общественной опасности они были особенно опасны. До сих пор в борьбе между двумя партиями они одерживали победу по всем пунктам. Они прекратили все расследования сентябрьских погромов; они поддерживали узурпацию коммуны; они добились сначала суда, а затем смерти Людовика XVI; с их помощью февральские грабежи и заговор 10 марта остались безнаказанными; они добились учреждения революционного трибунала вопреки жирондистам; они с отвращением изгнали Ролана из министерства; и они только что разгромили Дюмуре. Теперь оставалось только лишить жирондистов их последнего убежища — ассамблеи; к этому они приступили 10 апреля и завершили 2 июня.

Робеспьер выступал против Бриссо, Гваде, Верньо, Петiona и Генсонне в конвенте; Марат осуждал их в народных обществах. Как президент якобинцев, он написал обращение к департаментам, в котором вызвал шквал петиций и обвинений против предателей и вероломных делегатов, которые пытались спасти тирана путем обращения к общественности или его тюремного заключения. Правые и левые конвента сочли необходимым объединиться. Марат предстал перед революционным трибуналом. Эта новость привела в движение клубы, народ и коммуну. В качестве возмездия мэром Паш от имени тридцати пяти секций и генерального совета выступил с требованием изгнать главных жирондистов. Молодой Бойе Фонфред потребовал включить его в список запрещенных его коллег, и представители Правых и Простых встали, восклицая: "Все! все!" Эта петиция, хотя и была объявлена клеветнической, была первой атакой на конвент извне и подготовила общественное мнение к уничтожению Жиронды.

Обвинение Марата отнюдь не устрасило якобинцев, сопровождавших его в революционный трибунал. Марат был оправдан и с триумфом доставлен в ассамблею. С этого момента подходы к залу были запружены дерзкими санкюлотами, а сторонники якобинцев заполнили галереи конвента. Клабисты и *итрикотезы* Робеспьера (вязальщицы) постоянно прерывали ораторов Правых и мешали дебатам; в то время как снаружи искали любую возможность избавиться от жирондистов. Анрио, комендант секции санкюлотов, настроил против них батальоны, собиравшиеся выступить в Вандею. Затем Годе понял, что пришло время для чего-то большего, чем жалобы и речи; он поднялся на трибуну. "Граждане, - сказал он, - в то время как добродетельные люди довольствуются оплакиванием несчастий страны, заговорщики стремятся к ее разрушению. С Цезарем они говорят: "Пусть они говорят, мы будем действовать". Что ж, тогда действуй и ты. Зло заключается в безнаказанности заговорщиков 10 марта; зло заключается в анархии; зло заключается в существовании властей Парижа - властей, стремящихся одновременно к наживе и господству. Граждане, еще есть время; вы можете спасти республику и свою подорванную славу. Я предлагаю упразднить парижские власти, заменить в течение двадцати четырех часов муниципалитет председателями секций, созвать конвент в Бурже с наименьшей возможной задержкой и разослать этот декрет по департаментам с чрезвычайными курьерами". Гора на мгновение была удивлена движением Гваде. Если бы его меры были приняты немедленно, господству коммуны и планам заговорщиков был бы положен конец; но также вероятно, что агитация партий вызвала бы гражданскую войну, что конвент был бы распущен собранием в Бурже, что весь центр действия был бы уничтожен и что революция не была бы достаточно сильной, чтобы противостоять

внутренней борьбе и нападениям Европы. Это было то, чего опасалась умеренная партия в ассамблее. Опасаясь анархии, если карьера коммуны не будет остановлена, и контрреволюции, если толпа будет слишком подавлена, его целью было поддержание равновесия между двумя крайностями конвента. Эта партия состояла из комитетов общей безопасности и охраны общественного порядка. Им руководил Баррер, который, как и все люди с честными намерениями, но слабохарактерными, выступал за умеренность до тех пор, пока страх не превращал его в орудие жестокости и тирании. Вместо решительных мер Гуаде он предложил назначить чрезвычайную комиссию из двенадцати членов, уполномоченную расследовать действия муниципалитета; разыскать зачинщиков заговоров против народных представителей и обеспечить их безопасность. Был принят этот промежуточный курс, но он оставил коммуну в существовании, и коммуне было суждено восторжествовать над конвентом.

Комиссия Двенадцати повергла членов коммуны в сильную тревогу своими расследованиями. Суд раскрыл новый заговор, который должен был быть приведен в исполнение 22 мая, и арестовал некоторых заговорщиков, и среди прочих Эбера, заместителя регистратора, автора книги "*Отец Дюшен*", который был принят в самое лоно муниципалитета. Коммуна, поначалу ошеломленная, начала принимать меры защиты. С этого момента не заговор, а восстание стало делом дня. Генеральный совет, воодушевленный Горой, окружил себя столичными агитаторами; он распространил сообщение о том, что Двенадцать хотят очистить конвент и заменить контрреволюционный трибунал тем, который оправдал Марата. Якобинцы, кордельеры, секции заседали постоянно. 26 мая волнение стало ощутимым; 27 мая было принято достаточное решение, чтобы побудить коммуну начать атаку. Соответственно, он предстал перед конвентом и потребовал освобождения Эбера и подавления "Двенадцати"; его сопровождали депутаты секций, которые выразили то же желание, и зал был окружен большой толпой. Часть города даже осмелилась потребовать, чтобы Двенадцать человек предстали перед революционным трибуналом. Иснард, президент собрания, ответил торжественным тоном: "Послушайте, что я собираюсь сказать. Если когда-нибудь в результате одного из этих восстаний, которые так часто повторяются с 10 марта и о которых магистраты никогда не уведомляли ассамблею, враждебная рука будет поднята против национальных представителей, я заявляю вам от имени всей Франции, Париж будет разрушен. Да, всеобщая Франция восстанет, чтобы отомстить за такое преступление, и вскоре возникнут сомнения, на каком берегу Сены стоял Париж". Этот ответ стал сигналом к большому смятению. "И я заявляю вам, - воскликнул Дантон, - что такая наглость становится невыносимой; мы будем сопротивляться вам". Затем, повернувшись направо, он добавил: "Никакого перемирия между Горой и трусами, которые хотели спасти тирана".

Теперь в зале царил величайшее замешательство. Галереи незнакомцев выкрикивали обличения Правых; Гора разразилась угрозами; каждую минуту снаружи прибывали депутации, и конвент был окружен огромной толпой. Несколько подразделений Почты и Бют-де-Мулен под командованием Раффе выстроились в проходах и аллеях, чтобы защитить его. Жирондисты сопротивлялись, сколько могли, депутациям и Горе. Находясь под угрозой изнутри, осажденные снаружи, они воспользовались бы этим насилием, чтобы вызвать возмущение собрания. Но министр внутренних дел Гарат лишил их этого ресурса. Призванный дать отчет о состоянии Парижа, он заявил, что конвенту нечего опасаться; а мнение Гарата, которого считали беспристрастным и чей примирительный настрой вовлек его в двусмысленные разбирательства, придало смелости членам Горы. Иснард был вынужден покинуть кресло, которое занял Эро де Сешель, что стало знаком победы the Mountain. Новый президент ответил

петиционерам, которых Иснард до сих пор держал в тени. "Сила разума и сила народа - это одно и то же. Вы требуете от нас магистрата и справедливости. Представители народа предоставят вам и то, и другое". Теперь было уже очень поздно; правые были обескуражены, некоторые из их членов ушли. Просители переместились из коллегии адвокатов на места представителей, и там, смешавшись с Толпой, с возмущением и беспорядком, они все вместе проголосовали за увольнение Двенадцати и освобождение заключенных. Этот указ был принят в половине первого, под аплодисменты галерей и людей на улице.

Возможно, со стороны жирондистов, поскольку они действительно не были самой сильной партией, было бы мудро не возвращаться к этому вопросу. Движение предыдущего дня не имело бы иного результата, кроме подавления Двенадцати, если бы другие причины не продлили его. Но вражда достигла такого накала, что стало необходимо довести ссору до конца; поскольку две стороны терпеть друг друга не могли, единственной альтернативой для них была драка; они должны были идти от победы к поражению и от поражения к победе, с каждым днем возбуждаясь все больше и больше, пока более сильный, наконец, не одержит победу над более слабой стороной. На следующий день Правые восстановили свои позиции в конвенте и объявили декрет предыдущего дня незаконным, принятым в суматохе и под принуждением, и комиссия была восстановлена. "Вы вчера, - сказал Дантон, - совершили великий акт справедливости; но я заявляю вам, что если комиссия сохранит тираническую власть, которой она пользовалась до сих пор; если народные власти не будут восстановлены в своих функциях; если добропорядочные граждане снова будут подвергнуты произвольным арестам; тогда, доказав вам, что мы превосходим наших врагов благоразумием, мудростью, мы превзойдем их смелостью и революционной энергией". Дантон боялся начинать наступление; он боялся триумфа Горы так же сильно, как и триумфа жирондистов; соответственно, он поочередно стремился предвосхитить 31 мая и смягчить его результаты. Но он был вынужден присоединиться к своей собственной партии во время конфликта и хранить молчание после победы.

Волнение, которое было немного ослаблено подавлением деятельности Двенадцати, стало угрожающим при известии об их восстановлении. Скамьи секций и народных обществ оглашались бранью, криками об опасности, призывами к восстанию. Эбер, выйдя из тюрьмы, снова появился в коммуне. На его чело возложили корону, которую он перенес на бюст Брута, а затем бросился к якобинцам, чтобы потребовать мести Двенадцати. Робеспьер, Марат, Дантон, Шометт и Паш объединились для организации нового движения. Восстание было организовано по образцу восстания 10 августа. 29 мая было занято подготовкой общественного сознания. 30-го числа члены коллегии выборщиков, комиссары клубов и депутаты секций собрались на Вече, объявили себя в состоянии восстания, распустили генеральный совет коммуны и немедленно восстановили его, заставив принять новую присягу; Анрио получил звание генерал-коменданта вооруженных сил, а санкюлотам при исполнении служебных обязанностей выдавалось по сорок су в день. После этих приготовлений рано утром 31-го числа прозвенел набат, барабаны призвали к оружию, войска были собраны, и все двинулись к конвенту, который некоторое время назад проводил свои заседания в Тюильри.

Собрание собралось при звуке набата. Министр внутренних дел, руководители департамента и мэр Парижа были вызваны, поочередно, в коллегию адвокатов. Гарат рассказал о взволнованном состоянии Парижа, но, по-видимому, не предвидел никаких опасных последствий. Люилье от имени департамента заявил, что это был всего лишь *моральный* бунт.

Паш, мэ, появился последним и с лицемерным видом сообщил им о действиях повстанцев; он притворился, что использовал все средства для поддержания порядка; заверил их, что охрана конвента удвоена и что он запретил стрелять из пушек по тревоге; однако в тот же момент вдалеке послышался пушечный выстрел. Удивление и возбуждение собравшихся были чрезвычайными. Камбон призвал членов собрания к единству и призвал людей на галерее для незнакомцев к молчанию. "В этих чрезвычайных обстоятельствах, - сказал он, - единственный способ расстроить планы недовольных - добиться уважения к национальному собранию". "Я требую, - заявил Тюрио, - немедленного упразднения Комиссии Двенадцати". - А я, - воскликнул Тальен, - чтобы меч закона поразил заговорщиков, оскверняющих самое лоно конвента. Жирондисты, со своей стороны, потребовали, чтобы дерзкий Анрио был вызван в суд за то, что произвел выстрел из сигнальной пушки без разрешения конвента. "Если начнется борьба, - сказал Верньо, - то, каким бы успехом она ни увенчалась, это приведет к гибели республики. Пусть каждый член парламента поклянется умереть на своем посту". Все собрание встало, приветствуя это предложение. Дантон бросился к трибуне: "Разогнать Комиссию двенадцати! вы слышали гром пушек. Если вы политизированные законодатели, далекие от того, чтобы обвинять Париж в беспорядках, вы обернете это на благо республики, исправив свои собственные ошибки, распустив свою комиссию.— Я обращаюсь к тем, - продолжил он, услышав ропот вокруг себя, - кто обладает некоторым политическим талантом, а не к тупицам, которые могут действовать и говорить только повинаясь своим страстям.— Подумайте о величии вашей цели; она состоит в том, чтобы спасти народ от его врагов, от аристократов, спасти его от их собственной слепой ярости. Если несколько действительно опасных людей, независимо от того, к какой партии они принадлежат, попытаются продлить движение, станут бесполезными из-за вашего акта справедливости, сам Париж отбросит их назад, к их первоначальному ничтожеству. Я спокойно, просто и осознанно требую роспуска комиссии по политическим мотивам". Комиссия подверглась яростным нападкам с одной стороны, слабо защищалась с другой; Баррер и комитет общественного спасения, которые были ее создателями, предложили ее упразднить, чтобы восстановить мир и спасти собрание от того, чтобы оно было оставлено на милость толпы. Умеренная часть Гор уже собиралась пойти на эту уступку, когда прибыли депутации. Члены департамента, муниципалитета и комиссары секций, допущенные в коллегия адвокатов, потребовали не только подавления "Двенадцати", но и наказания умеренных членов и всех главнейших жирондистов.

Тюильри был полностью блокирован повстанцами, и присутствие их комиссаров в конvente придало смелости экстремистам, желавшим уничтожить партию жирондистов. Робеспьер, их лидер и оратор, говорил: "Граждане, давайте не будем терять этот день на напрасные крики и ненужные меры; это, возможно, последний день, когда патриотизм будет бороться с тиранией. Пусть верные представители народа объединятся, чтобы обеспечить свое счастье". Он призвал конвент следовать курсом, указанным петиционерами, а не тем, который предложил комитет общественной безопасности. Он разразился длинной речью против своих противников, когда вмешался Верньо: "Завершите это!" — "Я собираюсь завершить, и против вас! Против вас, кто после революции 10 августа стремился возвести на эшафот тех, кто ее совершил. Против вас, которые никогда не останавливались на пути, приведшем к разрушению Парижа. Против вас, желавшего спасти тирана. Против вас, кто был в заговоре с Дюмурье. Против вас, кто яростно преследовал тех самых патриотов, головы которых требовал Дюмурье. Против вас, чья преступная месть вызвала те крики о мести, которые вы стремитесь превратить в преступление у своих жертв. Я прихожу к следующему выводу— я предлагаю обвинительный указ против всех

сообщников Дюмуре и против тех, на кого указывают заявители". Несмотря на жестокость этой вспышки, партия Робеспьера не одержала победы. Восстание было направлено только против Двенадцати, и комитет общественного спасения, предложивший их подавление, одержал верх над коммуной. Ассамблея приняла декрет Баррера, который распустил Двенадцать, ввел постоянную реквизицию общественных сил и, чтобы удовлетворить петиционеров, поручил комитету общественной безопасности расследовать заговоры, которые они разоблачали. Как только толпа, окружавшая собрание, была проинформирована об этих мерах, она встретила их аплодисментами и разошлась.

Но заговорщики не были расположены довольствоваться этим половинчатым триумфом: 30 мая они продвинулись дальше, чем 29-го, а 2 июня они продвинулись дальше, чем 31 мая. Восстание из морального, как они его называли, стало личным; иными словами, оно было направлено уже не против власти, а против депутатов; оно перешло от Дантона и Горы к Робеспьеру, Марату и коммуне. Вечером 31-го депутат-якобинец сказал: "У нас была еще только половина игры; мы должны завершить ее и не позволить людям остыть". Анрио предложил предоставить вооруженные силы в распоряжение клуба. Повстанческий комитет открыто разместился рядом с конвентом. Все 1 июня было посвящено подготовке большого движения. Коммуна обратилась к секциям с письмом: "Граждане, оставайтесь при оружии: опасность, грозящая стране, делает это высшим законом". Вечером Марат, который был главным виновником событий 2 июня, отправился в ратушу, сам поднялся на башню с часами и позвонил в набат; он призвал членов совета не расходиться, пока они не получат обвинительный декрет против предателей и "государственных деятелей". Несколько депутатов собрались в конвенте, и заговорщики пришли требовать принятия декрета против запрещенных партий; но они были еще недостаточно сильны, чтобы добиться его исполнения в конвенте.

Вся ночь была потрачена на приготовления; звонили в набат, барабаны били к оружию, люди собирались вместе. В воскресенье утром, около восьми часов, Анрио явился в генеральный совет и заявил своим сообщникам от имени восставшего народа, что они не сложат оружия, пока не добьются ареста депутатов-заговорщиков. Затем он встал во главе огромной толпы, собравшейся на площади Отель-де-Виль, обратился к ним с речью и дал сигнал к отъезду. Было почти десять часов, когда повстанцы достигли площади Карусель. Анрио расставил вокруг замка отряды самых преданных людей, и вскоре конвент был окружен восьмьюдесятью тысячами человек, большая часть которых не знала, что от них требуется, и больше была настроена защищать депутацию, чем нападать на нее.

Большинство запрещенных членов не явились на собрание. Несколько человек, мужественных до последнего, пришли, чтобы в последний раз бросить вызов буре. Как только началось заседание, бесстрашный Ланжуине поднялся на трибуну. "Я требую, - сказал он, - высказаться в связи с общим призывом к оружию, раздающимся сейчас по всему Парижу". Его немедленно прервали крики "Долой! долой! Он хочет гражданской войны! Он хочет контрреволюции! Он клеветает на Париж! Он оскорбляет людей". Несмотря на угрозы, оскорбления, шум на Горе и галереях, Ланжуине осудил проекты коммуны и недовольных; его мужество возрастало вместе с опасностью. "Вы обвиняете нас, - сказал он, - в клевете на Париж! Париж чист; Париж добр; Париж угнетен тиранами, которые жаждут крови и господства". Эти слова послужили сигналом к самому сильному смятению; несколько депутатов-горцев бросились к трибуне, чтобы оторвать от нее Ланжуине; но он, крепко держась за нее, воскликнул с самым возвышенным мужеством: "Я требую роспуска всех революционных властей в Париже. Я требую, чтобы все, что они

сделали за последние три дня, было объявлено недействительным. Я требую, чтобы все, кто присвоит себе новую власть, противоречащую закону, были поставлены вне закона, и чтобы каждый гражданин имел право наказать их ". Едва он закончил, как пришли петиционеры-повстанцы с требованием арестовать его и его коллег. "Граждане, - сказали они, - людям надоело видеть, что их счастье все еще откладывается; они снова отдают его в ваши руки; спасите их, или мы заявляем, что они спасут себя сами".

Правые изменили порядок дня по ходатайству повстанцев, и конвент соответственно перешел к предыдущему вопросу. Просители немедленно удалились с угрожающим видом; незнакомцы покинули галереи; раздались призывы к оружию, и снаружи послышался сильный шум: "Спасите людей!" - крикнул кто-то с Горы. "Спасите своих коллег, постановив об их предварительном аресте". "Нет, нет!" - ответили Правые и даже часть левых. "Мы все разделим их судьбу!" - воскликнул Ла Ревельер-Лепо. Комитет общественной безопасности, призванный сделать доклад, испуганный масштабом опасности, 31 мая предложил меру, по-видимому, примирительную, чтобы удовлетворить повстанцев, не принося полностью в жертву запрещенных членов. "Комитет, - сказал Баррер, - апеллирует к великодушию и патриотизму обвиняемых членов. Он требует от них приостановления их власти, показывая им, что только это может положить конец разделению, от которых страдает республика, только это может восстановить в ней мир ". Некоторые из них приняли это предложение. Иснар сразу же подал в отставку; Лантенас, Дюссо и Фоше последовали его примеру; Ланжуине этого не сделал. Он сказал: "Я полагаю, что до сих пор я проявлял некоторое мужество; не ждите от меня ни отстранения от должности, ни отставки. Когда древние, - продолжал он, несмотря на резкую перебивку, - готовили жертвоприношение, они венчали жертву цветами и венками, когда вели ее к алтарю; но они не оскорбляли ее". Барбару был тверд, как Ланжуине. "Я поклялся, - сказал он, - умереть на своем посту; я сдержу свою клятву". Сами заговорщики Горы протестовали против предложения комитета. Марат настаивал на том, что те, кто приносит жертвы, должны быть чисты; а Бийо-Варенн требовал суда над жирондистами, а не их отстранения от должности.

Пока это происходило, Лакруа, депутат от "Горы", ворвался в дом, к трибуне и заявил, что его оскорбили у двери, что ему отказали в выходе и что конвент больше не свободен. Многие горожане выразили свое возмущение Анрио и его войсками. Дантон сказал, что необходимо решительно отомстить за это оскорбление национального величия. Баррер предложил конвенту представиться народу. "Представители, - сказал он, - отстаивайте свою свободу; прервите заседание; прикажите опустить штыки, которые вас окружают". Весь конвент встал и двинулся в путь процессией, предшествуемый своими сержантами и возглавляемый президентом, который был накрыт в знак своего несчастья. Подъехав к двери на площади Карусель, они обнаружили там Анрио верхом на лошади с саблей в руке. "Чего требуют люди?" президент Эро деСешель сказал: "Конвенция полностью направлена на обеспечение их счастья". "Эро, - ответил Анрио, - народ поднялся не для того, чтобы слушать фразы; он требует, чтобы ему выдали двадцать четыре предателя". "Выдайте нас всех!" - кричали те, кто окружал президента. Затем Анрио повернулся к своим людям и воскликнул: "Канониры, к вашим орудиям". Две пьесы были адресованы конвенту, который, удалившись в сады, искал выход в различных точках, но обнаружил, что все выпуски охраняются. Солдаты были повсюду при оружии. Марат бегал по рядам, подбадривая и возбуждая их. "Не проявляйте слабости, - сказал он, - не покидайте своих постов, пока они сами не откажутся от них". Затем конвент вернулся в палату представителей, подавленный сознанием своего бессилия, убежденный в тщетности своих усилий и совершенно подавленный. Аресту запрещенных членов больше не

противодействовали. Марат, истинный диктатор собрания, властно решал судьбу его членов. "Дюссо, - сказал он, - старый болтун, неспособный руководить партией; Латенас - жалкое создание, недостойное мысли; Дюко просто наделен несколькими абсурдными идеями и вовсе не тот человек, который может стать контрреволюционным лидером. Я требую, чтобы они были вычеркнуты из списка, а их имена заменены именами Валазе ". Соответственно, эти имена были вычеркнуты, а Валазе заменен, и список, измененный таким образом, был принят, при этом в голосовании приняла участие едва ли половина собрания.

Вот имена выдающихся людей, объявленных вне закона: жирондисты Жансонне, Гуаде, Бриссо, Горсас, Петион, Верньо, Салль, Барбару, Шамбон, Бюзо, Бирото, Лидон, Рабо, Ласурс, Ланжуине, Гранженев, Легарди, Лесаж, Луве, Валазе, Лебрен, министр иностранных дел, Клавьер, министр налогов; и члены Совета Двенадцати, Кервелеган, Гардьен, Рабо Сент-Этьен, Буало, Бертран, Виже, Моллево, Анри Ла Ривьер, Гомер и Бергоу. Конвенция поместила их под арест в их собственных домах и под защиту народа. Приказ о содержании самого собрания под стражей был немедленно отменен, и толпа разошлась, но с этого момента конвент перестал быть свободным.

Так пала партия Жиронды, партия, прославившаяся великими талантами и великим мужеством, партия, сделавшая честь молодой республике своим ужасом перед кровопролитием, своей ненавистью к преступности и анархии, своей любовью к порядку, справедливости и свободе; партия, несправедливо поставленная между средним классом, с революцией которого она боролась, и толпой, правительство которой она отвергла. Обреченная на бездействие, она могла нанести прославленному неминуемое поражение только мужественной борьбой и славной смертью. В этот период его судьбу можно было легко предвидеть; его гнали от поста к посту; от якобинцев - из-за вторжения в Горы; от коммуны - из-за восстания Петиона; от министерства - из-за отставки Ролана и его коллег; из армии - из-за дезертирства Дюмурье. Ему оставался один конвент, там он укреплял свои укрепления, там он сражался и там пал. Его враги, в свою очередь, использовали против него восстание и заговор. Заговоры привели к созданию Комиссии Двенадцати, которая, казалось, дала кратковременное преимущество Жиронде, но только еще яростнее возбудила против нее ее противников. Они возбудили народ и отняли у жирондистов сначала их авторитет, уничтожив Двенадцать, а затем и их политическое существование, объявив их лидеров вне закона.

Последствия этого катастрофического события не оправдали ничьих ожиданий. Дантонисты думали, что партийным разногласиям пришел конец: разразилась гражданская война. Умеренные члены комитета общественного спасения думали, что конвентвосстановит всю свою власть: он был совершенно подавлен. Коммуна думала, что 31 мая обеспечит ей господство; господство досталось Робеспьеру и нескольким людям, преданным его богатству или принципу крайней демократии. Наконец, к партиям, потерпевшим поражение и с тех пор враждебным, следовало добавить еще одну партию; и так как после 10 августа республика была настроена против конституционалистов, то после 31 мая Режим террора был настроен против умеренной партии республики.

ГЛАВА VIII

Со 2 ИЮНЯ 1793 ГОДА По АПРЕЛЬ 1794 ГОДА

Следовало предположить, что жирондисты не смирятся со своим поражением и что 31 мая послужит сигналом к восстанию департаментов против Горы и парижской коммуны. Это было последнее испытание, которое им оставалось предпринять, и они предприняли его. Но в этой решительной мере проявилось то же самое отсутствие единства, которое привело к их поражению в ассамблее. Сомнительно, восторжествовали бы жирондисты, если бы они были едины, и особенно, спас ли бы их триумф революцию. Как они могли справедливыми законами добиться того, чего Гора добилась насильственными мерами? Как они могли побеждать иностранных врагов без фанатизма, сдерживать партии без помощи террора, кормить толпу без *максимума* и снабжать армии без реквизиций? Если бы 31 мая имело другой результат, то то, что произошло в гораздо более поздний период, вероятно, произошло бы немедленно, а именно: постепенное угасание революционного движения, усиление нападений со стороны Европы, общее возобновление военных действий всеми сторонами, дни Прериала, когда не было сил отогнать толпу; дни Вандемьера, когда не было сил дать отпор роялистам; вторжение союзников и, согласно политике того времени, раздел Франции. Республика не была достаточно могущественна, чтобы отразить столько нападений, сколько это было после реакции Термидора.

Как бы то ни было, жирондисты, которым следовало бы сохранять спокойствие или сражаться всем вместе, не сделали этого, и после 2 июня все умеренные члены партии оставались под арестом; остальные бежали. Верньо, Генсонне, Дюко, Фонфред и др. были среди первых; Петион, Барбару, Гуаде, Луве, Бюзо и Ланжуине были среди последних. Они отправились в Эвре, в департамент л'Эре, где Бюзо имел большое влияние, а оттуда в Кан, в Кальвадос. Это сделало этот город центром восстания. Вскоре к ним присоединилась Бриттани. Повстанцы под названием *ассамблеи департаментов, собравшейся в Кане*, сформировали армию, назначили командующим генерала Вимпфена, арестовали Ромма и Приера де ла Марн, которые были членами Горцев и комиссарами конвента, и приготовились выступить на Париж. Оттуда молодая, красивая и мужественная женщина Шарлотта Корде отправилась наказывать Марата, главного автора событий 31 мая и 2 июня. Она надеялась спасти республику, пожертвовав собой ради ее дела. Но тирания принадлежала не одному человеку; она принадлежала партии и жестокой ситуации в республике. Шарлотта Корде, исполнив свой великодушный, но тщетный замысел, умерла с неизменным спокойствием, скромным мужеством и удовлетворением от того, что все сделала хорошо. [Примечание: Ниже приведены некоторые ответы этой героической девушки перед революционным трибуналом: — "Каковы были ваши намерения при убийстве Марата?" — "Положить конец бедам Франции". — "Давно ли вы задумали этот проект?" — "С тех пор, как 31 мая были объявлены вне закона народные депутаты". — "Тогда вы узнали из газет, что Марат был другом анархии?" — "Да, я знала, что он развращал Францию. Я убила, - добавила она, повысив голос, - человека, чтобы спасти тысячу; злодея, чтобы спасти невинных; дикого зверя, чтобы дать спокойствие моей стране. Я был республиканцем до революции, и я никогда не был лишен энергии".] Но Марат после своего убийства вызвал у людей больший энтузиазм, чем при жизни. Его призывали на всех общественных площадях; его бюст был установлен во всех народных обществах, и конвент был вынужден присвоить ему почести Пантеона.

В то же время восстал Лион, Марсель и Бордо взяли за оружие, и более шестидесяти департаментов присоединились к восстанию. Это наступление вскоре привело к всеобщему восстанию всех партий, и роялисты по большей части воспользовались движением, начатым жирондистами. Они стремились, в частности, направить восстание в Лионе, чтобы сделать его центром движения на юге. Этот город был сильно привязан к древнему порядку вещей. Производство серебра, золота и шелковой вышивки, а также торговля предметами роскоши сделали его зависимым от высших классов. Поэтому в ранний период оно выступило против социальных перемен, которые разрушили его прежние связи и разорили его мануфактуры, уничтожив дворянство и духовенство. Соответственно, в Лионе в 1790 году, еще во время учредительного собрания, когда принцы-эмигранты находились по соседству, при туринском дворе, предпринимались попытки восстания. Эти попытки, руководимые священниками и знатью, были подавлены, но дух остался прежним. Там, как и везде, после 10 августа люди хотели вызвать революцию толпы и установить ее правительство. Шалье, фанатичный подражатель Марата, стоял во главе якобинцев, санкюлотов и муниципалитета Лиона. Его дерзость возросла после массовых убийств сентября и 21 января. Однако между низшим республиканским классом и средним классом роялистов еще ничего не было решено, поскольку у одного было место власти в муниципалитете, а у другого - в секциях. Но к концу мая разногласия усилились; они сражались, и секции выстояли. Муниципалитет был осажден и взят штурмом. Бежавший Шалье был схвачен и казнен. Секции, еще не осмеливаясь сбросить с себя ярмо конвента, пытались оправдать себя необходимостью вооружиться, потому что якобинцы и члены корпорации вынудили их сделать это. Конвент, который мог спасти себя только смелостью, потеряв все, если бы уступил, ничего не стал бы слушать. Тем временем стало известно о восстании в Кальвадосе, и ободренный таким образом народ Лиона больше не боялся поднимать знамя восстания. Они привели свой город в состояние обороны; они возвели укрепления, сформировали двадцатитысячную армию, принимали среди себя эмигрантов, доверили командование своими войсками роялисту Преси и маркизу де Вирье и согласовали свои действия с королем Сардинии.

Лионское восстание вызывало тем больший страх у конвента, что его центральное положение давало ему поддержку юга, который был вооружен, в то время как на западе также поднималось восстание. В Марселе известие о событиях 31 мая взбудоражило сторонников жирондистов; Ребеки поспешно отправился туда. Секции были собраны; члены революционного трибунала объявлены вне закона; два представителя, Бо и Антибуль, были арестованы, и десяти тысячная армия была собрана для наступления на Париж. Эти меры были делом рук роялистов, которые там, как и везде, только ждали возможности возродить свою партию, сначала приняв республиканский облик, но теперь действовали от своего имени. Они заручились поддержкой секций, и движение осуществлялось уже не в пользу жирондистов, а в пользу контрреволюционеров. Оказавшись в состоянии бунта, партия, чьивзгляды наиболее жестоки, а цель наиболее ясна, вытесняет своих союзников. Ребеки, видя новый поворот восстания, в отчаянии бросился в Марсельский порт. Повстанцы двинулись по дороге на Лион; их примеру быстро последовали в Тулоне, Ниме, Монтбане и главных городах юга. В Кальвадосе восстание носило тот же роялистский характер, поскольку маркиз де Пюизе во главе нескольких отрядов вступил в ряды жирондистов. Города Бордо, Нант, Брест и Ориент были благосклонны к лицам, объявленным вне закона 2 июня, и некоторые открыто присоединились к ним; но они не принесли большой пользы, потому что их сдерживала якобинская партия или необходимость борьбы с роялистами запада.

Последние, во время этого почти всеобщего подъема департаментов, продолжали расширять свои предприятия. После своих первых побед вандейцы захватили Брессюир, Аржантон и Туар. Полностью хозяева своей собственной страны, они предлагали овладеть границами и открыть путь в революционную Францию, а также установить связь с Англией. 6 июня вандейская армия, состоявшая из сорока тысяч человек под командованием Кателино, Лескюра, Стоффле и Ларошжаклена, двинулась на Сомюр, который она взяла штурмом. Затем он приготовился атаковать и захватить Нант, закрепить за собой владение своей собственной страной и стать хозяином течения Луары. Кателино во главе вандейских войск оставил гарнизон в Сомюре, взял Анже, переправился через Луару, сделал вид, что наступает на Тур и Ле-Ман, а затем быстро двинулся на Нант, который он атаковал с правого берега, в то время как Шаретт должен был атаковать его с левого.

Казалось, все было объединено для свержения конвента. Его армии были разбиты на севере и на Пиренеях, в то время как ему угрожали жители Лиона в центре, Марселя на юге, жирондисты в одной части запада, вандейцы в другой, и в то время как двадцать тысяч пьемонтцев вторглись во Францию. Военная реакция, которая имела место после блестящих кампаний в Аргонне и Бельгии, главным образом из-за разногласий между Дюмуре и якобинцами, между армией и правительством, проявилась самым катастрофическим образом после ухода главнокомандующего. Больше не было единства действий, энтузиазма в войсках или согласия между конвентом, занятым своими распрями, и обескураженными генералами. Остатки армии Дюмуре собрались в лагере при Фамаре под командованием Дампьера; но после поражения под огнем пушек Бушена они были вынуждены отступить. Дампьер был убит. Границе от Дюнкерка до Живе угрожали превосходящие силы. Кюстин был срочно призван с Мозеля в армию севера, но его присутствие не восстановило дела. Валансьен, ключ к Франции, был взят; Конде постигла та же участь; армия, перебрасываемая с позиции на позицию, отступила за Скарп, к Аррасу, последнему посту между Скарпом и Парижем. Майнц, с другой стороны, сильно стесненный врагом и голодом, отказался от всякой надежды на помощь мозельской армии, доведенный до бездействия, и, отчаявшись продержаться долго, капитулировал. Наконец, английское правительство, видя, что Париж и департаменты были охвачены голодом, после 31 мая и 2 июня объявило, что все порты Франции находятся в состоянии блокады и что все нейтральные суда, пытающиеся доставить запасы провизии, будут конфискованы. Эта мера, новая в анналах истории и обреченная на голодную смерть целого народа, три месяца спустя породила закон *омаксимуме*. Положение республики не могло быть хуже.

Съезд был, так сказать, застигнут врасплох. Он был дезорганизован, потому что вышел из борьбы и потому что у победителей не было времени утвердиться. После 2 июня, еще до того, как опасность стала настолько серьезной как на границах, так и в департаментах, Гора разослала комиссаров во все стороны и немедленно обратила свое внимание на конституцию, которой так долго ждали и на которую она возлагала большие надежды. Жирондисты хотели издать декрет об этом до 21 января, чтобы спасти Людовика XVI, заменив революционное положение вещей законным порядком; они вернулись к этому вопросу до 31 мая, чтобы предотвратить свою собственную гибель. Но Гора дважды отвлекала ассамблею от этого обсуждения двумя государственными переворотами, судом над Людовиком XVI и ликвидацией Жиронды. Хозяева положения, они теперь пытались обезопасить республиканцев, приняв конституцию. Эро де Сешель был законодателем Гор, как Кондорсе был законодателем Жиронды. Через несколько дней эта новая конституция была принята на съезде и представлена на утверждение первичных собраний. Легко представить себе ее природу, учитывая

преобладавшие тогда идеи о демократическом правлении. Учредительное собрание считалось аристократическим: установленный им закон рассматривался как нарушение прав народа, потому что он устанавливал условия для осуществления политических прав; потому что он не признавал абсолютного равенства; потому что у него были депутаты и магистраты, назначаемые выборщиками, а эти выборщики - народом; потому что в некоторых случаях оно ограничивало национальный суверенитет, исключая часть активных граждан из высших государственных функций, а пролетариев - из функций действующих граждан; наконец, потому что вместо того, чтобы ограничивать население как единственное основание политических прав, оно объединяло его, во всех своих операциях с собственностью. Конституционный закон 1793 года установил чистый режим масс: он не только признавал народ источником всей власти, но и делегировал его осуществление народу; неограниченный суверенитет; чрезвычайную мобильность в магистратуре; прямые выборы, на которых каждый мог голосовать; первичные собрания, которые могли собираться без созыва в определенное время для избрания представителей и контроля за их действиями; национальное собрание, которое должно было ежегодно обновляться и которое, собственно говоря, было всего лишь комитетом первичных собраний; такова была эта конституция. Поскольку это заставляло управлять толпу и полностью дезорганизовывало власть, это было невыполнимо во все времена, но особенно в момент всеобщей войны. Гора, вместо крайней демократии, нуждалась в суровой диктатуре. Действие конституции было приостановлено сразу же после принятия, а революционное правительство укрепились и сохранялось до тех пор, пока не был достигнут мир.

Как во время обсуждения конституции, так и во время ее представления первичным собраниям Гора узнала о грозящей им опасности. Эти отважные люди, которым предстояло подавить три или четыре отряда во внутренних районах страны, прекратить несколько видов гражданской войны, исправить бедствия армий и отразить нападение всей Европы, не были встревожены своим положением. Представители сорока четырех тысяч муниципалитетов пришли принять конституцию. Допущенные в коллегия адвокатов собрания, после объявления согласия народа, они потребовали *ареста всех подозреваемых лиц и массового сбора народа*. "Что ж, - воскликнул Дантон, - давайте откликнемся на их пожелания. Депутаты первичных собраний только что проявили инициативу среди нас, чтобы посеять ужас! Я требую, чтобы конвент, который теперь должен проникнуться чувством собственного достоинства, ибо он только что был облечен всей национальной властью, я требую, чтобы он прямо сейчас, декретом, наделил первичные собрания правом снабжать государство оружием, провизией и боеприпасами; обращаться с призывом к народу, возбуждать энергию граждан и собирать четыреста тысяч человек. Именно пушечными ядрами мы должны объявить конституцию нашим врагам! Настало время принести последнюю великую клятву, что мы уничтожим тиранию или погибнем!" Эту присягу немедленно принесли все присутствующие депутаты и граждане. Несколько дней спустя Баррер от имени комитета общественной безопасности, состоявшего из революционеров и ставшего центром действий и руководством собрания, предложил меры еще более общего характера: "Свобода, - сказал он, - стала кредитором каждого гражданина; одни обязаны ей своим трудом; другие - своим состоянием; те - своим советом; те - своим оружием; все обязаны ей своей кровью. Соответственно, все французы любого возраста и любого пола призваны своей страной защищать свободу; все способности, физические или моральные; все средства, политические или коммерческие; весь металл, все стихии являются ее данниками. Пусть каждый сохранит свой пост в готовящемся национальном и военном движении. Молодые люди будут сражаться; женатые мужчины будут ковать оружие, перевозить обоз и артиллерию и

готовить провизию; женщины будут шить палатки и одежду для солдат и проявлять гостеприимство в приютах для раненых; дети будут шить корпию из старого льна; а старики, возобновляя миссию, которую они выполняли среди древних, заставят нести себя в общественные места, где они будут возбуждать мужество молодых воинов и распространять доктрину ненависти к королям и единства республики. Национальные здания должны быть превращены в казармы, общественные площади - в мастерские; земля в подвалах будет служить для приготовления селитры; все верховые лошади должны быть реквизированы для кавалерии; все тягловые лошади - для артиллерии; охотничьи ружья, пистолеты, шпаги и пики, принадлежащие частным лицам, должны быть использованы на службе внутренних дел. Республика - всего лишь большой город, находящийся в состоянии крайней необходимости, и Франция должна быть превращена в огромный лагерь".

Меры, предложенные Баррером, были немедленно приняты. Все французы, от восемнадцати до двадцати пяти лет, взялись за оружие, армии набирались за счет рекрутов и содержались за счет рекрутов провиантом. Очень скоро у республики было четырнадцать армий и тысяча двести тысяч солдат. Франция, хотя и стала лагерем и мастерской республиканцев, в то же время стала тюрьмой для тех, кто не принимал республику. Выступая против явных врагов, считалось необходимым убедиться в наличии тайных врагов, и был принят знаменитый закон "О подозреваемых". Все иностранцы были арестованы на основании их враждебных махинаций, а сторонники конституционной монархии и ограниченной республики были заключены в тюрьму, чтобы их держали поблизости до заключения мира. В то время это была всего лишь разумная мера предосторожности. Буржуазия, торговцы и средние классы поставляли заключенных после 31 мая, как это делали дворянство и духовенство после 10 августа. Для внутренних дел была сформирована революционная армия из шести тысяч солдат и тысячи артиллеристов. Каждому малоимущему гражданину выделялось сорок су в день, чтобы он мог присутствовать на собраниях сепаратистов. Были вручены свидетельства о гражданстве, чтобы удостовериться в мнении всех, кто участвовал в революционном движении. Функционеры были взяты под наблюдение клубов, в каждой секции был сформирован революционный комитет, и таким образом они подготовились к встрече с врагом со всех сторон, как за границей, так и дома.

Повстанцы в Кальвадосе были легко подавлены; при первой же стычке в Верноне повстанческие войска обратились в бегство. Вимпфен тщетно пытался сплотить их. Умеренный класс, те, кто встал на защиту жирондистов, не проявлял особого рвения или активности. Когда конституция была принята другими департаментами, они увидели возможность признать, что совершали ошибку, когда думали, что поднимают оружие против простого фракционного меньшинства. Это опровержение было сделано в Кане, который был штаб-квартирой восстания. Горные комиссары не запятнали эту первую победу казнями. Генерал Карто, с другой стороны, выступил во главе нескольких отрядов против расколовшейся армии юга; он разбил ее силы, преследовал до Марселя, вошел в город вслед за ней, и Прованс был бы покорен, как Кальвадос, если бы роялисты, которые после своего поражения укрылись в Тулоне, не призвали себе на помощь англичан и не вручили им этот ключ от Франции. Адмирал Худ вошел в город от имени Людовика XVII, которого он провозгласил королем, разоружил флот, послал за восемью тысячами испанцев морем, занял окружающие форты и вынудил Карто, наступавшего на Тулон, отступить к Марселю.

Несмотря на это препятствие, конвенционалистам удалось изолировать восстание, и это было важным моментом. Горные комиссары вошли в столицы повстанцев; Робер Линдет - в Кан; Тальен - в Бордо; Баррас и Фрерон - в Марсель. Оставалось взять только два города — Тулон и Лион.

Одновременной атаки с юга, запада и центра больше не ожидалось, и в глубине страны противник перешел только к обороне. Лион был осажден Келлерманом, генералом альпийской армии; три корпуса теснили город со всех сторон. Солдаты-ветераны Альп, революционные батальоны и недавно набранные войска каждый день усиливали осаждающих. Жители Лиона защищались со всем мужеством отчаяния. Сначала они полагались на помощь южных повстанцев; но после того, как они были отброшены Карто, лионцы возложили свою последнюю надежду на пьемонтскую армию, которая попыталась совершить диверсию в их пользу, но была разбита Келлерманом. Оказывая еще более энергичное давление, они увидели, что их первые позиции захвачены. Начали ощущаться признаки голода, и мужество покинуло их. Лидеры роялистов, убежденные в бесполезности дальнейшего сопротивления, покинули город, и республиканская армия вошла в стены, где они ожидали приказов конвента. Через несколько месяцев после этого сам Тулон, защищаемый опытными войсками и грозными укреплениями, перешел во власть республиканцев. Батальоны итальянской армии, усиленные теми, которые после взятия Лиона остались свободными, плотно окружили это место. После неоднократных атак и чудес мастерства и доблести они овладели им, и взятие Тулона завершило то, что было начато захватом Лиона.

Везде конвент одерживал победу. Вандейцы потерпели неудачу в своей попытке захватить Нант, потеряв много людей и своего главнокомандующего Кателино. Это нападение положило конец агрессивному и ранее многообещающему движению вандейского восстания. Роялисты перешли Луару, оставили Сомюр и возобновили свои прежние расквартирования. Однако они все еще были грозны, и республиканцы, преследовавшие их, снова были разбиты в Вандее. Генерал Бирон, сменивший генерала Беррюе, безуспешно продолжал войну небольшими отрядами; из-за его умеренности и несовершенной системы нападения его заменили Канкло и Россиньоль, которым повезло не больше, чем ему. Существовало два лидера, две армии и два операционных центра — один в Нанте, а другой в Сомюре, находившиеся под противоположным влиянием. Генерал Канкло не мог согласиться с генералом Россиньодем, а умеренный горный комиссар Филиппо - с Бурботом, комиссаром комитета общественной безопасности; и эта попытка вторжения провалилась, как и предыдущие попытки, из-за отсутствия согласованности в плане и действиях. Комитет общественной безопасности вскоре исправил это, назначив одного-единственного главнокомандующего, Лешеля, и развязав крупномасштабную войну в Вандее. Этот новый метод, которому способствовал гарнизон Майнца, состоявший из семнадцати тысяч ветеранов, которые, освобожденные от операций против союзных наций после капитуляции, были использованы во внутренних районах страны, полностью изменил облик войны. Роялисты потерпели четыре поражения подряд: два при Шатийоне, два при Шоле. Лескюр, Бончам и д'Эльбе были смертельно ранены, а повстанцы, наголову разбитые в Верхней Вандее и опасавшиеся, что они будут истреблены, если найдут убежище в Нижней Вандее, решили покинуть свою страну численностью в восемьдесят тысяч человек. Эта эмиграция через Бретань, которую они надеялись поднять на восстание, стала для них роковой. Отброшенные под Гранвилем, наголову разбитые при Мане, они были разбиты при Савенэ, и едва ли несколько тысяч человек, остатки этой огромной эмиграции, вернулись в Вандею. Эти непоправимые для дела роялистов бедствия - отнятие острова Нуармутье у

Шаретта, рассеяние войск этого вождя, смерть Ларошжаклена - сделали республиканцев хозяевами страны. Комитет общественного спасения, думая, не без оснований, что его враги были разбиты, но не покорены, принял ужасную систему истребления, чтобы предотвратить их повторное восстание. Генерал Тюрро окружил Вандею шестнадцатью укрепленными лагерями; двенадцать подвижных колонн, называемых *адскими колоннами*, наводнили страну во всех направлениях с мечом и огнем в руках, прочесывали леса, разгоняли собрания и сеяли ужас по всей этой несчастной стране.

Иностранные армии также были отброшены от границ, на которые они вторглись. После взятия Валансьена и Конде, блокады Мобежа и Ле-Кенуа противник под командованием герцога Йоркского двинулся на Кассель, Оншут и Фюрнес. Комитет общественной безопасности, недовольный Кюстином, к которому в дальнейшем относились с подозрением как к жирондисту, заменил его генералом Ушаром. Враг, до сих пор добивавшийся успеха, был разбит при Хондсхуте и вынужден отступить. Военная реакция началась с дерзких мер комитета общественной безопасности. Сам Ушар был уволен. Журден принял командование северной армией, одержал важную победу при Ватиньи над принцем Кобургским, снял осаду Мобежа и возобновил наступление на этой границе. Аналогичные успехи имели место и на всех остальных. Началась бессмертная кампания 1793-1794 годов. То, что Журден сделал с армией севера, Гош и Пишегрю сделали с армией Мозеля, а Келлерман - с армией Альп. Враг был отброшен и сдерживался со всех сторон. Затем, после 31 мая, произошло то, что последовало за 10 августа. Отсутствие союза между генералами и лидерами собрания было устранено; революционное движение, которое ослабело, усилилось, и победы возобновились. Армии переживали свои кризисы, так же как и партии, и эти кризисы приводили к успехам или поражениям, всегда по одному и тому же закону.

В 1792 году, в начале войны, генералы были конституционалистами, а министры - жирондистами. Рошамбо, Лафайет и Люкнер вовсе не были согласны с Дюмуре, Серваном, Клавьером и Роланом. Кроме того, в армии было мало энтузиазма; она была разбита. После 10 августа генералы-жирондисты Дюмуре, Кюстин, Келлерман и Диллон сменили генералов-конституционалистов. Между армией и правительством существовало единство взглядов, доверие и сотрудничество. Катастрофа 10 августа усилила эту энергию, увеличив потребность в победе; и результатами стали план Аргоннской кампании, победы при Вальми и Жемапе и вторжение в Бельгию. Борьба между Горой и Жирондой, между Дюмуре и якобинцами снова внесла разлад между армией и правительством и подорвала доверие войск, которые сразу же потерпели многочисленные неудачи. Это было дезертирство со стороны Дюмуре, как и уход со стороны Лафайета. После 31 мая, свергнувшего партию Жирондистов, после создания комитета общественного спасения, заменившего генералов-жирондистов Дюмуре, Кюстина, Ушара и Диллона генералами-горцами Журданом, Гошем, Пишегрю и Моро; после того, как он восстановил революционное движение смелыми мерами, которые мы описали, Аргоннская и Бельгийская кампании возобновились в 1794 году, и гений Карно сравнялся с гением Дюмуре, если не превзошел его.

Во время этой войны комитет общественной безопасности допустил ужасающее количество казней. Армии ограничиваются резней в бою; это не так с партиями, которые в жестоких обстоятельствах, опасаясь возобновления боя после победы, защищают себя от новых атак неумолимой суровостью. Обычай всех правительств состоит в том, чтобы считать свое собственное сохранение вопросом права, они рассматривают тех, кто нападает на них, как

врагов, пока они сражаются, как заговорщиков, когда они терпят поражение; и таким образом уничтожают их одинаково с помощью войны и закона.

Все эти взгляды одновременно определяли политику комитета общественного спасения, политику мести, террора и самосохранения. Это был принцип, из которого он исходил в отношении восставших городов: "Имя Лион, - сказал Баррер, - больше не должно существовать. Вы назовете его *Виль Аффранчи*, и на руинах этого знаменитого города будет воздвигнут памятник, свидетельствующий о преступлении и наказании врагов свободы. Его история должна быть изложена в этих словах: *"Лион воевал против свободы; Лиона больше не существует"*. Чтобы осознать эту ужасную анафему, комитет направил в этот несчастный город Колло-д'Эрбуа, Фуше и Кутона, которые забивали жителей виноградной дробью и разрушали его здания. Повстанцы Тулона подверглись от рук представителей Барраса и Фрерона почти аналогичной участи. В Кане, Марселе и Бордо казни были менее массовыми и не такими жестокими, потому что они соответствовали серьезности восстания, которое не было предпринято совместно с иностранными врагами.

Во внутренних районах диктаторское правительство нанесло удар по всем партиям, с которыми оно находилось в состоянии войны, в лице их виднейших представителей. Осуждение королевы Марии-Антуанетты было направлено против Европы; осуждение "двадцати двух" - против жирондистов; осуждение мудрого Байи - против старых конституционалистов; наконец, осуждение герцога Орлеанского - против некоторых членов "Горы", которые, как предполагалось, замыслили его возвышение. Несчастливая вдова Людовика XVI. сначала этот кровавый революционный трибунал приговорил ее к смертной казни. Вскоре за ней последовали приговоры от 2 июня. Она погибла 16 октября, а депутаты-жирондисты - 31-го. Их было двадцать один человек: Бриссо, Верньо, Генсонне, Фонфред, Дюко, Валазе, Ласурс, Силлери, Гардьен, Карра, Дюперре, Дюпра, Фоше, Бове, Дюшатель, Манвиль, Лаказ, Буало, Легарди, Антибуль и Виже. Семьдесят три их коллеги, протестовавшие против их ареста, также были заключены в тюрьму, но комитет не рискнул казнить их.

Во время прений эти прославленные заключенные демонстрировали единообразие и безмятежное мужество. Верньо на мгновение повысил свой красноречивый голос, но тщетно. Валазе ударил себя кинжалом, услышав приговор, и Ласурс сказал судьям: "Я умираю в тот момент, когда люди потеряли рассудок; вы умрете, когда они придут в себя". Они шли на казнь, демонстрируя весь стоицизм того времени, распевая *Марсельезу* применяя ее к своему собственному случаю:

"Allons, enfants de la patrie,
Le jour de gloire est arrivé:
Contre nous de la tyrannie
Le couteau sanglant est levé," etc.

Почти всех остальных лидеров этой партии постиг насильственный конец. Саллес, Гваде и Барбару были обнаружены в гротах Сент-Эмильона, недалеко от Бордо, и умерли на эшафоте. Петион и Бузо, побродив некоторое время, покончили с собой; их нашли мертвыми в поле, наполовину съеденными волками. Рабо-Сент-Этьен был предан старым другом; мадам Ролан тоже была приговорена к смерти и проявила мужество римской матроны. Ее муж, услышав о ее смерти, покинул свое убежище и покончил с собой на большой дороге. Кондорсе, объявленный

вне закона вскоре после 2 июня, был схвачен при попытке к бегству и спас себя от ножа палача только благодаря яду. Луве, Кервелеган, Ланжуине, Анри Ла Ривьер, Лесаж, Ла Ревельер-Лепо были единственными ведущими жирондистами, которые в безопасном отступлении ожидали окончания яростной бури.

Было сформировано революционное правительство; оно было провозглашено конвентом 10 октября. До 31 мая власть нигде не была у власти: ни в министерстве, ни в коммуне, ни в конвенте. Было естественно, что власть оказалась сконцентрированной в такой экстремальной ситуации и в тот момент, когда была глубоко ощутима необходимость в единстве и скорости действий. Поскольку ассамблея является самой центральной и обширной властью, диктатура столь же естественно была бы помещена в ее лоно, осуществлялась бы там господствующей фракцией, а в этой фракции - несколькими людьми. Комитет общественной безопасности конвента, созданный 6 апреля для того, чтобы, как следует из названия, обеспечить защиту революции чрезвычайными мерами, сам по себе был полноценной структурой правительства. Образованный во время разделения Горы и Жиронды, он состоял из нейтральных членов конвента до 31 мая, а при первом его обновлении - из членов крайней Горы. Баррер остался в нем; но Робеспьер присоединился, и в нем доминировали Сен-Жюст, Кутон, Колло-д'Эрбуа и Бийо-Варенн. Он отодвинул в сторону некоторых дантонистов, которые все еще оставались в нем, таких как Эро де Сешель и Робер Линдет, одержал верх над Баррером и узурпировал лидерство, взяв на себя руководство общественным сознанием и полицией. Его сотрудники разделили различные отделы между собой. Сен-Жюст взял на себя наблюдение за партиями и разоблачение их; Кутон - за агрессивные предложения, которые требовали смягчения формы; Бийо-Варенн и Колло-д'Эрбуа направляли миссии в департаменты; Карно возглавил военное министерство; Камбон - казначейство; Приер Кот-д'Ор, приер де ла Марн и несколько других - различные ветви внутренней администрации; а Баррер был ежедневным оратором, когда-либо готовившимся панегиристом диктаторского комитета. Ниже них, помогая в деталях революционного управления и проведении второстепенных мер, находился комитет общей безопасности, составленный в том же духе, что и большой комитет, состоящий, как и он, из двенадцати членов, которые переизбирались каждые три месяца и всегда обновлялись в своих должностях.

Вся революционная власть была сосредоточена в руках этих людей. Сен-Жюст, предлагая установить децемвирусную власть до восстановления мира, не скрывал ни мотивов, ни цели этой диктатуры. "Вы больше не должны проявлять снисхождения к врагам нового порядка вещей", - сказал он. "Свобода должна восторжествовать любой ценой. В нынешних условиях республики конституция не может быть установлена; она гарантировала бы безнаказанность посягательствам на нашу свободу, поскольку в ней не было бы насилия, необходимого для их пресечения. Нынешнее правительство недостаточно свободно в своих действиях. Вы недостаточно близко, чтобы наносить удары во всех направлениях по авторам этих нападений; меч закона должен простираться повсюду; ваша рука должна ощущаться повсюду". Так была создана та страшная сила, которая сначала уничтожила врагов Горы, затем саму Гору и Коммуну и, наконец, саму себя. Комитет делал все от имени конвенции, которую он использовал в качестве инструмента. Он назначал и увольнял генералов, министров, представителей, комиссаров, судей и присяжных. Он нападал на фракции; он проявлял инициативу во всех мерах. Через своих комиссаров армии и генералы зависели от него, и он управлял департаментами с суверенной властью. Посредством закона, касающегося подозреваемых лиц, оно распоряжалось свободами людей; посредством революционного трибунала -

человеческими жизнями; посредством поборов и *максимально* большого размера имущества; посредством обвинительных декретов в запуганном конвенте - в отношении своих собственных членов. Наконец, его диктатуру поддерживала толпа, которая дискутировала в клубах, управляла в революционных комитетах: чьи услуги она оплачивала ежедневным жалованьем и кого она кормила *по максимуму*. Толпа придерживалась системы, которая разжигала ее страсти, преувеличивала ее важность, ставила ее на первое место и, казалось, делала для нее все.

Новаторы, отделенные войной и своими законами от всех государств и от всех форм правления, решили расширить это разделение. Путем беспрецедентной революции они установили совершенно новую эру; они изменили деление года, названия месяцев и дней; они заменили христианский календарь республиканским, неделю - десятилетием и установили день отдыха не в субботу, а в десятый день. Новая эра началась 22 сентября 1792 года, с эпохи основания республики. Было двенадцать равных месяцев по тридцать дней, которые начинались 22 сентября в следующем порядке: *Вандемьер, Брюмер, Фример* — осенью; *Нивоза, Плювиоза, Вентоза* - зимой; *Жерминаль, Флореаль, Прериаль* - весной; *Мессидор, Термидор, Фруктидор* - летом. В каждом месяце было три декады, каждая декада состояла из десяти дней, и каждый день был назван в соответствии со своим порядком в декаде: — *Начало, Двенадцатиперстная, Триды, Квартиды, Квинтиды, Секстиды, Септиды, Октиды, Нониды, Декады*. Лишние пять дней были помещены в конце года; они получили название *санкюлотов* и были посвящены: первый - празднику гения; второй - празднику труда; третий - празднику действий; четвертый - празднику наград; пятый - празднику мнений. Конституция 1793 года привела к установлению республиканского календаря, а республиканский календарь - к отмене христианского богослужения. Вскоре мы увидим, что коммуна и комитет общественной безопасности, каждый из которых предлагает свою собственную религию; коммуна - поклонение разуму; комитет общественной безопасности - поклонение Верховному Существо. Но сначала мы должны упомянуть о новой борьбе между самими виновниками катастрофы 31 мая.

Коммуна и Гора совершили эту революцию против Жиронды, и только комитет извлек из нее пользу. В течение пяти месяцев, с июня по ноябрь, комитет, приняв все меры обороны, естественно, стал первой властью в республике. Поскольку фактическая борьба была, так сказать, закончена, коммуна попыталась склонить на свою сторону комитет, а Гору - сбросить свое ярмо. Наиболее интенсивное проявление революции было обнаружено в муниципальной фракции. С целью, противоположной цели комитета общественной безопасности, он желал вместо традиционной диктатуры самой крайней местной демократии, а вместо религии - освящения материализма. Политическая анархия и религиозный атеизм были символами этой партии и средствами, с помощью которых она стремилась установить свое собственное правление. Революция - это результат действия различных систем, которые взбудоражили эпоху, породившую ее. Таким образом, во время продолжающегося кризиса во Франции ультрамонтанистский католицизм был представлен духовенством, не совершавшим правонарушений; янсенизм - духовенством-конституционистом; философский деизм - поклонением Высшему Существо, учрежденным комитетом общественной безопасности; а материализм школы Гольбаха - поклонением Разуму и Природе, предписанным коммуной. То же самое было и с политическими взглядами, от королевской власти *Старого режима* до неограниченной демократии муниципальной фракции. Последний потерял в лице Марата свою главную опору, своего истинного лидера, в то время как комитет общественного спасения все еще сохранял Робеспьера. Во главе его стояли люди, пользовавшиеся большой популярностью у низших классов; Шометт и его заместитель Эбер были его политическими лидерами; Ронсен,

командующий революционной армией, ее генерал; атеист Анахарсис Клуцц, ее апостол. В своих секциях она опиралась на революционные комитеты, в которых было много малоизвестных иностранцев, предположительно, и не без вероятности, являвшихся агентами Англии, посланными уничтожить республику, ввергнув ее в анархию и эксцессы. Клуб кордельеров полностью состоял из его приверженцев. *Старые кордельеры* Дантона, которые внесли такой весомый вклад в празднование 10 августа и которые составляли коммуны того периода, вошли в правительство и конвент, и были заменены в клубе членами, которых они презрительно называли *патриотами тройственного восстания*.

Фракция Эбера, которая в работе под названием "*Отец Дюшен*" популяризировала нецензурную лексику, низкие и жестокие чувства и которая добавила высмеивание жертв к партийным казням, за короткое время достигла ужасающих успехов. Это вынудило епископа Парижа и его викариев отречься от христианства в суде конвента и вынудило конвент постановить, что *католическую религию следует заменить поклонением Разуму*. Церкви были закрыты или превращены в храмы разума, а в каждом городе устраивались праздники, которые становились скандальными сценами атеизма. Комитет общественного спасения был встревожен могуществом этой ультрареволюционной фракции и поспешил остановить и уничтожить ее. Робеспьер вскоре атаковал это в ассамблее (15 марта II года, 5 декабря 1793 г.). "Граждане, представители народа, - сказал он, - короли в союзе с республикой ведут войну против нас с помощью армий и интриг; мы противопоставим их армиям более храбрые; их интригам - бдительность и террор национального правосудия. Всегда стремящиеся возобновить свои тайные заговоры по мере того, как они разрушаются рукой патриотизма, всегда искусные направлять оружие свободы против самой свободы, эмиссары врагов Франции теперь трудятся над тем, чтобы свергнуть республику с помощью республиканизма и разжечь гражданскую войну с помощью философии ". Он причислил ультрареволюционеров коммуны к внешним врагам республики. "Это ваша часть, - сказал он конвенту, - предотвращать безумства и экстравагантности, которые совпадают с проектами иностранного заговора. Я требую, чтобы вы запретили определенным властям (общине) служить нашим врагам необдуманными мерами и чтобы никакой вооруженной силе не было позволено вмешиваться в вопросы религиозных убеждений". И конвент, который приветствовал отречение от престола по требованию коммуны, по предложению Робеспьера постановил, что *всякое насилие и все меры, направленные против свободы религии, запрещены*.

Комитет общественного спасения был слишком силен, чтобы не одержать победу над коммуной; но в то же время ему пришлось противостоять умеренной партии горцев, которая требовала свержения революционного правительства и диктатуры комитетов. Революционное правительство было создано только для сдерживания, диктатура - для победы; и поскольку Дантон и его партия больше не считали необходимым сдерживание и победу, они стремились установить правовой порядок и независимость конвента; они хотели свергнуть фракцию коммуны, прекратить деятельность революционного трибунала, освободить тюрьмы, теперь заполненные подозреваемыми, уменьшить или уничтожить полномочия комитетов. Этот проект в поддержку милосердия, человечности и законного правления был задуман Дантоном, Филиппо, Камилом Демуленом, Фабр-д'Эглантайном, Лакруа, генералом Вестерманом и всеми друзьями Дантона. Прежде всего они хотели, *чтобы республика овладела полем битвы*; но после завоевания они пожелали примирения.

Эта партия, ставшая умеренной, отказалась от власти; она вышла из правительства или позволила исключить себя партии Робеспьера. Более того, начиная с 31 мая, ревностные патриоты считали поведение Дантона двусмысленным. В тот день он действовал мягко и впоследствии не одобрил осуждение "двадцати двух". Они начали упрекать его в беспорядочной жизни, продажных страстях, смене партии и несвоевременной умеренности. Чтобы избежать шторма, он удалился на свою родину, в Арси-сюр-Об, и там, на пенсии, казалось, забыл обо всем. За время его отсутствия фракция Эбера добилась огромного прогресса; и друзья Дантона поспешно призвали его к себе на помощь. Он вернулся в начале декабря. Филиппо немедленно осудил то, как велась вандейская война; генерал Вестерманн, который сильно отличился в этой войне и который только что был уволен комитетом общественной безопасности, поддержал Филиппо, а Камиль Демулен опубликовал первые номера своего *"Старого кордельера"*. Этот блестящий и пылкий молодой человек следил за всеми движениями революции, с 14 июля по 31 мая, одобряя все ее преувеличения и все ее меры. Сердце его, однако, было мягким и растроганным, хотя мнения его были резкими, а юмор часто горьким. Он восхвалял революционный режим, потому что считал его необходимым для установления республики; он участвовал в падении Жиронды, потому что боялся разногласий в республике. Ради республики он пожертвовал даже своими угрызениями совести и желаниями своего сердца, даже справедливостью и человечностью; он отдал все своей партии, думая, что отдает это республике; но теперь он не мог ни восхвалять, ни молчать; свою энергичную деятельность, которую он употреблял на благо республики, он теперь направил против тех, кто разрушал ее кровопролитием. В своем *"Старом Кордельере"* он говорил о свободе с глубиной Макиавелли, а о людях - с остроумием Вольтера. Но вскоре он поднял против себя фанатиков и диктаторов, призвав правительство к чувствам умеренности, сострадания и справедливости.

Он нарисовал поразительную картину нынешней тирании под названием "тирания прошлого". Он выбрал примеры из Тацита. "В тот период, - сказал он, - слова становились государственными преступлениями: требовался всего лишь один шаг, чтобы сделать преступными простые взгляды, печаль, жалость, вздохи — даже само молчание. Вскоре Кремуций Кордус назвал Брута и Кассия последними из римлян государственной изменой или контрреволюционным преступлением; потомок Кассия совершил контрреволюционное преступление, завладев портретом своего предка; Мамерк Скавр совершил контрреволюционное преступление, написав трагедию, в которой были строки, имеющие двойной смысл; Торкватус Силан совершил контрреволюционное преступление, будучи экстравагантным; Помпоний совершил контрреволюционное преступление, потому что друг Сеяна попросил убежища....в одном из своих загородных домов; контрреволюционное преступление - оплакивать несчастья того времени, поскольку это означало обвинение правительства; контрреволюционное преступление со стороны консула Фузиуса Гемина - оплакивать печальную смерть своего сына.

"Если человек хотел сам избежать смерти, ему становилось необходимым радоваться смерти своего друга или родственника. При Нероне многие возвращались, чтобы поблагодарить богов за своих родственников, которых он предал смерти. По крайней мере, был необходим напускной вид довольства; ибо даже страха было достаточно, чтобы признать человека виновным. Все вызывало у тирана раздражение. Если гражданин пользовался популярностью, его считали соперником принца, способным разжечь гражданскую войну, и его подозревали. Может быть, он, напротив, избегал популярности и сидел у своего очага; его уединенный образ жизни привлек внимание, и его заподозрили? Был богатым человеком; боялись, что люди могут

быть развращены его щедростью, и его заподозрили. Был он беден; возникла необходимость внимательно следить за ним, поскольку никто не бывает таким предприимчивым, как те, у кого ничего нет, и его заподозрили. Если его характер оказывался мрачным и меланхоличным, а одежда - запущенной, предполагалось, что его огорчение вызвано состоянием общественных дел, и он попадал под подозрение. Если гражданин позволял себе вести хорошую жизнь в ущерб своему пищеварению, говорили, что он делал это потому, что принц жил плохо, и его подозревали. Если он был добродетелен и суров в своих манерах, считалось, что он осуждает двор, и его заподозрили. Был ли он философом, оратором или поэтом; неприлично иметь большую известность, чем правительство, и его заподозрили. Наконец, если кто-либо и приобрел репутацию на войне, его талант только делал его опасным; становилось необходимым избавиться от генерала или как можно скорее удалить его из армии; он попадал под подозрение.

"Естественная смерть знаменитого человека или даже государственного чиновника была настолько редким явлением, что историки передали ее потомкам как событие, достойное того, чтобы его помнили в отдаленные века. Смерть стольких невинных и достойных граждан казалась меньшим бедствием, чем наглость и позорное богатство их убийц и доносчиков. Каждый день священный и неприкосновенный доносчик триумфально входил во дворец мертвых и получал какое-нибудь богатое наследство. Все эти разоблачители носили знаменитые имена и называли себя Коттой, Сципионом, Регулом, Севием, Севером. Чтобы отличаться блестящим дебютом, маркиз Серен выдвинул обвинение в контрреволюционной деятельности против своего престарелого отца, уже находившегося в изгнании, после чего с гордостью назвал себя Брутом. Таковы были обвинители, таковы судьи; трибуналы, защитники жизни и собственности, превратились в бойни, где воровство и убийство носили названия наказания и конфискации".

Камиль Демулен не ограничивался нападками на революционный и диктаторский режим; он требовал его отмены. Он потребовал создания комитета милосердия как единственного способа положить конец революции и умиротворить партии. Его дневник произвел большое впечатление на общественное мнение; он вселил некоторую надежду и мужество: Вы читали *"Старого Кордельера"*? спрашивали со всех сторон. В то же время Фабр-д'Эглантин, Лакруа и Бурдон де л'Уаз призвали конвент сбросить ярмо комитета; они стремились объединить Горы и Правых, чтобы восстановить свободу и власть собрания. Поскольку комитеты были всемогущи, они пытались разрушить их постепенно, что было лучшим курсом, которому следовало следовать. Важно было изменить общественное мнение и побудить ассамблею поддержать себя моральной силой против революционной силы, властью конвента против власти комитетов. Горские дантониисты пытались отделить Робеспьера от других децемвиров; только Бийо-Варенн, Колло-д'Эрбуа и Сен-Жюст казались им непобедимо приверженными Царству Террора. Баррер придерживался его из-за слабости, Кутон — из-за своей преданности Робеспьеру. Они надеялись склонить последнего на сторону умеренности с помощью его дружбы к Дантону, его представлений о порядке, его суровых привычек, его исповедания общественной добродетели и его гордости. Он защищал семьдесят три заключенных депутата-жирондиста от комитетов и якобинцев; он осмелился напасть на Клуца и Эбера как на ультрареволюционеров; и он побудил конвент провозгласить существование Высшего Существа. Робеспьер был самым широко известным человеком того времени; он был, в какой-то мере, модератором республики и диктатором общественного мнения: заполучив его, они надеялись победить и комитеты, и коммуны, не ставя под угрозу дело революции.

Дантон увидел его, возвращаясь из Арси-сюр-Об, и они, казалось, поняли друг друга; подвергшись нападению якобинцев, он защитил его. Робеспьер сам прочитал и исправил "*Старого Кордельера*" и одобрил его. В то же время он исповедовал некоторые принципы умеренности; но затем все те, кто осуществлял революционное управление или кто считал его необходимым, пришли в возбуждение. Бийо-Варенн и Сен-Жюст открыто поддерживали политику комитетов. Демулен сказал о последнем: "Он настолько уважает себя, что несет свою голову на плечах с таким уважением, как если бы это было святое таинство". "А я, - ответил Сен-Жюст, - заставлю его нести свою, как другого Сен-Дени". Колло-д'Эрбуа, который был на миссии, прибыл, когда дела были в таком состоянии. Он защищал фракцию анархистов, которые на мгновение были запуганы и которые черпали новую дерзость в его присутствии. Якобинцы изгнали Камиля Демулена из своего общества, и Баррер напал на него на съезде от имени правительства. Не пощадили и самого Робеспьера; его обвинили в *умеренности*, и против него начал распространяться ропот.

Однако, поскольку его заслуга была огромна, поскольку они не могли атаковать или победить без него, его искали с обеих сторон. Воспользовавшись своим превосходящим положением, он не принял ни одну из партий и стремился свергнуть лидеров каждой из них одного за другим.

В этих обстоятельствах он хотел пожертвовать коммуной и анархистами; комитеты хотели пожертвовать Горой и Умеренными. Они пришли к соглашению: Робеспьер выдал Дантона, Демулена и их друзей членам комитета; а члены комитета выдали Эбера, Клутца, Шометта, Ронсена и их сообщников. Поначалу отдавая предпочтение умеренным, он подготовил гибель анархистов и достиг двух целей, выгодных для его господства или для его гордости: он сверг грозную фракцию и избавился от революционной репутации, соперничавшей с его собственной.

Мотивы общественной безопасности, надо признать, смешивались с этими партийными комбинациями. В этот период всеобщего неистовства против республики и еще не окончательных побед с ее стороны комитеты не думали, что настал момент для заключения мира с Европой и внутренними разногласиями; и они считали невозможным вести войну без диктатуры. Более того, они считали эбертистов непристойной фракцией, которая развращает народ и служит иностранному врагу анархией; а дантонистов - партией, чья политическая умеренность и личная безнравственность скомпрометировали и обесчестили республику. Соответственно, правительство предложило ассамблее через посредство Баррера продолжить войну с дополнительной активностью в ее проведении; в то время как Робеспьер несколько дней спустя потребовал продолжения работы революционного правительства. В "*Якобинцах*" он уже высказался против *Старого Кордельера*, которого он до сих пор поддерживал. Он отверг законное правительство в следующих выражениях:—

"Снаружи, - сказал он, - все тираны окружают нас; внутри все друзья тирании сговариваются против нас; они будут продолжать сговариваться до тех пор, пока преступление не останется без надежды. Мы должны уничтожить внутренних и внешних врагов республики или погибнуть вместе с ней. Теперь, в такой ситуации, первой максимой вашей политики должно быть руководство народом разумом, а врагами народа - террором. Если во время мира добродетель является главной движущей силой народного правительства, то его главной движущей силой во время революции являются как добродетель, так и террор; добродетель, без которой террор становится фатальным, террор, без которого добродетель бессильна. Итак, усмирите врагов

свободы террором, и, как основатели республики, вы будете действовать правильно. Правительство революции - это деспотизм свободы против тирании".

В этой речи он осудил умеренных и ультрареволюционеров, поскольку оба они желают падения республики. "Они продвигаются, - сказал он, - под разными знаменами и разными дорогами, но они продвигаются к одной и той же цели; эта цель - дезорганизация народного правительства, разгром конвента и торжество тирании. Одна из этих двух фракций доводит нас до слабости, другая до крайностей". Он подготовил общественное мнение к их запрещению; и его речь, принятая без обсуждения, была разослана всем народным обществам, всем властям и всем армиям.

После этого начала военных действий Дантон, который не отказался от своей связи с Робеспьером, попросил о встрече с ним. Это происходило в резиденции самого Робеспьера. Они были холодными и ожесточенными; Дантон бурно жаловался, а Робеспьер был сдержан. "Я знаю, - сказал Дантон, - всю ненависть комитета ко мне, но я ее не боюсь". "Вы ошибаетесь, - ответил Робеспьер. - у него нет дурных намерений против вас; но вам не мешало бы получить объяснение". "Объяснение?" переспросил Дантон, "Объяснение? Это требует добросовестности!" Видя, что Робеспьер помрачнел при этих словах, он добавил: "Без сомнения, необходимо подавить роялистов, но мы должны наносить удары, которые пойдут на пользу республике; мы не должны смешивать невинных с виноватыми". "А кто сказал, - резко воскликнул Робеспьер, - что невинный человек был приговорен к смерти?" Дантон повернулся к одному из своих друзей, сопровождавших его, и сказал с горькой улыбкой: "Что вы на это скажете? Ни один невинный человек не погиб!" Затем они расстались, и всякая дружба между ними прекратилась.

Несколько дней спустя Сен-Жюст взобрался на трибуну и угрожал более открыто, чем это делали до сих пор все инакомыслящие, умеренные или анархисты. "Граждане, - сказал он, - вы желали республики; если вы в то же время не желаете всего, что составляет ее, вы сокрушите народ на ее развалинах. Что составляет республику, так это уничтожение всего, что ей противостоит. Мы виновны перед республикой, потому что нам жаль заключенных; мы виновны перед республикой, потому что мы не желаем добродетели; мы виновны перед республикой, потому что мы не желаем террора. Чего вы хотите, те из вас, кто не желает добродетели, чтобы быть счастливыми? (Анархисты.) Чего вы хотите, те из вас, кто не желает применять террор против нечестивых? (Умеренные.) Чего вы хотите, те из вас, кто посещает общественные места, чтобы вас увидели, и чтобы о вас сказали: "Вы видите такой единственный проход?" (Дантон.) Вы погибнете, те из вас, кто ищет удачи, кто принимает изможденный вид и притворяется патриотом, что иностранец может вас купить или правительство даст вам место; вы из фракции снисходительности, которые стремятся спасти виновных; вы из иностранной фракции, которые направляют суровость против защитников народа. Уже приняты меры по задержанию виновных; они окружены со всех сторон. Давайте возблагодарим гений французского народа за то, что свобода одержала победу над одним из самых опасных нападений, когда-либо замышлявшихся против нее. Развитие этого обширного заговора, паника, которую он вызовет, и меры, которые будут предложены вам, освободят республику и мир от всех заговорщиков".

Сен-Жюст наделил правительство самыми широкими полномочиями против заговорщиков коммуны. Он распорядился, чтобы справедливость и неподкупность были в порядке вещей. Анархисты были не в состоянии принять какие-либо меры защиты; они на мгновение прикрыли

Права Человека в клубе Кордельеров и предприняли попытку восстания, но без силы и сплоченности. Народ не шелохнулся, и комитет приказал своему коменданту Анрио схватить заместителя Эбера, Ронсена, революционного генерала, Анахарсиса Клутца, Монморо, оратора рода человеческого, Винсента и т.д. Они предстали перед революционным трибуналом как *агенты иностранных держав и как участники заговора с целью установления тирана над государством*. Этим тираном должен был быть Паш под титулом *Великого судьи*. Лидеры анархистов утратили свою смелость, как только их арестовали; они защищались и, по большей части, погибли, не проявив никакого мужества. Комитет общественного спасения распустил революционную армию, ослабил власть секционных комитетов и обязал коммуны явиться в суд конвента и поблагодарить за арест и наказание заговорщиков, его сообщников.

Теперь Дантону пришлось защищаться; проскрипция после нападения на коммуны угрожала ему. Ему посоветовали быть настороже и предпринять немедленные шаги; но поскольку он не смог свергнуть диктаторскую власть, возбудив общественное мнение и собрание с помощью публичных журналов и своих друзей с Горы, на какую поддержку он мог рассчитывать? Конвент, действительно, был склонен благосклонно относиться к нему и его делу, но он был полностью подчинен революционной власти комитета. Дантон, вынужденный поддерживать его, ни правительство, ни собрание, ни коммуна, ни клубы не ждали запрета, не предпринимая никаких усилий, чтобы избежать его.

Друзья умоляли его защищаться. "Я бы предпочел, - сказал он, - быть гильотинированным, чем быть гильотинщиком; кроме того, моя жизнь не стоит таких хлопот, и я устал от мира". "Члены комитета желают твоей смерти". "Что ж, - нетерпеливо воскликнул он, - если Бийо, если Робеспьер убьют меня, они будут прокляты как тираны; дом Робеспьера будет стерт с лица земли; его посыплют солью; на нем воздвигнут виселицу, предназначенную для возмездия преступникам! Но мои друзья скажут обо мне, что я был хорошим отцом, хорошим другом, хорошим гражданином; они не забудут меня". "Ты можешь предотвратить..." "Я бы предпочел быть гильотинированным, чем быть гильотинщиком". "Что ж, тогда тебе следует уйти". "Уходите!" - повторил он, презрительно скривив губы. "Уходите! Можем ли мы унести нашу страну на подошве своего ботинка?"

Единственным выходом Дантона теперь было испытать свое столь хорошо известное и мощное красноречие, осудить Робеспьера и комитет и поднять конвент против их тирании. Его горячо умоляли сделать это; но он слишком хорошо знал, как трудносвергнуть установившееся господство, он слишком хорошо знал полное подчинение и ужас собрания, чтобы полагаться на эффективность таких средств. Соответственно, он ждал, думая, что тот, кто так много осмелился, что его враги воздержатся от того, чтобы объявить его вне закона.

10-го числа Жерминаля ему сообщили, что его арест обсуждается в комитете общественной безопасности, и его снова умоляли спастись бегством. После минутного раздумья он воскликнул: "Они не посмеют". Ночью его дом был окружен, и его отвезли в Люксембург вместе с Камиллой Демулен, Филиппо, Лакруа и Вестерманном. По прибытии он сердечно обратился к заключенным, столпившимся вокруг него. "Джентльмены, - сказал он, - я надеялся в скором времени освободить вас, но вот я здесь, чтобы присоединиться к вам, и я не знаю, чем это дело может закончиться". Примерно через час он был помещен в одиночную камеру, в ту самую, в которую был заключен Эбер и которую так скоро должен был занять Робеспьер. Там, предавшись размышлениям и сожалению, он воскликнул: "Именно в это время я учредил

революционный трибунал. Я умоляю Бога и людей простить меня за то, что я так поступил, но я замыслил это не для того, чтобы стать бедствием человечества".

Его арест вызвал всеобщее возбуждение, мрачную тревогу. На следующий день, при открытии заседаний собрания, люди говорили шепотом; они с тревогой спрашивали, что послужило предлогом для этого нового судебного процесса против представителей народа. "Граждане, - наконец воскликнул Лежандр, - этой ночью были арестованы четыре члена этого собрания. Один из них - Дантон, других я не знаю. Граждане, я заявляю, что верю, что Дантон так же чист, как и я, и все же он в темнице. Они, без сомнения, опасались, что его ответы опровергнут выдвинутые против него обвинения.: Поэтому я предлагаю, чтобы прежде чем выслушивать какой-либо отчет, вы послали за заключенными и выслушали их ". Это предложение было одобрительно воспринято и на мгновение придало собранию смелости: несколько членов пожелали, чтобы оно было поставлено на голосование, но такое положение вещей продлилось недолго. Робеспьер взошел на трибуну. "По волнению, подобного которому долгое время не было в этом собрании, - сказал он, - по сенсации, которую произвели слова оратора, которые вы только что услышали, легко понять, что перед нами стоит вопрос, представляющий большой интерес; вопрос о том, следует ли отдать предпочтение двум или трем лицам перед страной. Сегодня мы увидим, сможет ли конвент разнести на атомы ложного идола, давно истлевшего, или же его падение сокрушит и конвент, и французский народ". И нескольких его слов было достаточно, чтобы восстановить тишину и подчинение в собрании, обуздать друзей Дантона и заставить самого Лежандра отступить. Вскоре после этого Сен-Жюст вошел в палату представителей, за ним последовали другие члены комитетов. Он зачитал длинный отчет против арестованных членов организации, в котором ставил под сомнение их мнения, их политическое поведение, их частную жизнь, их проекты; путем невероятных и тонких комбинаций выставляя их сообщниками в каждом заговоре и слугами каждой партии. Собрание, выслушав безропотно, с недоумением одобрило единогласно и даже под аплодисменты решение об импичменте Дантона и его друзей. Каждый стремился выиграть время с тиранией и отдавал чужие головы, чтобы спасти свою собственную.

Обвиняемые предстали перед революционным трибуналом; их поведение было надменным и полным мужества. Они проявили совершенно необычную дерзость речи и презрение к своим судьям: Дантон ответил президенту Дюма, который задал ему обычные вопросы относительно его имени, возраста, места жительства: "Я Дантон, довольно хорошо известный в революции; мне тридцать пять лет. Моя резиденция скоро превратится в ничто. Мое имя будет жить в Пантеоне истории ". Его презрительные или возмущенные ответы, холодные и взвешенные ответы Лакруа, суровое достоинство Филиппо, энергичность Демулена начинали волновать людей. Но обвиняемых заставили замолчать под предлогом того, что они не уважают правосудие, и они были немедленно осуждены без проведения слушания. "Мы принесены в жертву честолюбию горстки жалких разбойников, - воскликнул Дантон, - но они недолго будут наслаждаться плодами своей преступной победы. Я увлекаю Робеспьера за собой — Робеспьер последует за мной". Их отвели в Консьержери, а оттуда на эшафот.

Они шли на смерть с обычным для той эпохи бесстрашием. Там было много вооруженных солдат и многочисленный эскорт. Толпа, обычно громко аплодировавшая, молчала. Камиль Демулен, оказавшись в роковой повозке, все еще был полон изумления по поводу своего осуждения, которого он не мог понять. "Итак, - сказал он, - вот награда, предназначенная первому апостолу свободы". Дантон выпрямился и гордо и спокойно огляделся вокруг. У подножия эшафота он

выдал мимолетное волнение. "О, моя самая любимая, моя жена! - воскликнул он. - Я больше не увижу тебя". Затем, внезапно прервав самого себя: "Не проявляй слабости, Дантон!" Так погибли последние защитники человечности и умеренности; последние, кто стремился содействовать миру между победителями революции и состраданию к побежденным. Долгое время после них никто не поднимал голоса против диктатуры террора, и от одного конца Франции до другого она наносила молчаливые и удвоенные удары. Жирондисты стремились предотвратить это насильственное правление, дантонисты - остановить его; все погибли, и чем больше жертв предстояло нанести завоевателям, тем больше врагов возникало вокруг них. В столь кровавой карьере нет остановки, пока сам тиран не будет убит. Децемвиры после окончательного падения жирондистов сделали *террор* правилом дня; после падения эбертистов - *справедливость* и *честность*, потому что это были *нечистые на руку фракционеры*; после падения дантонистов - *террор* и *все добродетели*, потому что эти дантонисты были, согласно их фразеологии, *индугльгентами и аморальными людьми*.

ГЛАВА IX

ОТ СМЕРТИ ДАНТОНА, апрель 1794 г., До 9 ТЕРМИДОРА (27 ИЮЛЯ 1794 г.)

В течение четырех месяцев, последовавших за падением партии Дантона, комитеты осуществляли свою власть без сопротивления или ограничений. Смерть стала единственным средством управления, и республика была предана ежедневным и систематическим казням. Именно тогда были придуманы предполагаемые заговоры заключенных тюрем, переполненных по закону *подозреваемых* или освобожденных по закону 22-го прериаля, который можно было бы назвать законом *об осуждении*; затем эмиссары комитета общественной безопасности полностью заменили в департаментах Маунтин эмиссаров; и Каррье, протеже Бийо, был замечен на западе; Мегрэ, протеже Кутона, на юге; и Жозеф Лебон, протеже Робеспьера, на юге. север. *Массовое* истребление врагов демократической диктатуры, которое уже было произведено в Лионе и Тулоне картечью, стало еще более ужасным во время нантских нойад и на эшафотах Арраса, Парижа и Оранжа.

Пусть этот пример научит людей истине, которая для их же блага должна быть общеизвестна, что в революции все зависит от первого отказа и первой борьбы. Чтобы осуществить мирное нововведение, его нельзя оспаривать; в противном случае объявляется война и распространяется революция, потому что вся нация поднимается на его защиту. Когда общество таким образом потрясается до основания, торжествуют самые смелые, и вместо мудрых и умеренных реформаторов мы находим только крайних и негибких новаторов. Порожденные соперничеством, они поддерживают себя с его помощью; одной рукой они сражаются, чтобы сохранить свое господство, другой они устанавливают свою систему с целью ее укрепления; они устраивают резню во имя своих доктрин: добродетели, человечности, благополучия людей, всего самого святого на земле, что они используют для санкционирования своих казней и защиты своей диктатуры. Пока они не выдохнутся и не падут, погибнут все без разбора, как враги, так и сторонники реформ. Буря разбивает целую нацию о скалу революции. Поинтересуйтесь, что стало с людьми 1789 года в 1794 году, и вы обнаружите, что все они были одинаково унесены во время этого обширного кораблекрушения. Как только одна партия появлялась на поле битвы, она призывала туда всех остальных, и все подобные ей были по очереди побеждены и истреблены: конституционалисты, жирондисты, Гора и сами децемвиры.

При каждом поражении проливалось все больше крови, а система тирании становилась все более жестокой. Децемвиры были самыми жестокими, потому что они были последними.

Комитет общественного спасения, будучи одновременно объектом нападков со стороны Европы и ненависти стольких побежденных партий, считал, что любое ослабление насилия приведет к его уничтожению; он хотел в то же время подчинить своих врагов и избавиться от них. "Мертвые сами по себе не возвращаются", - сказал Баррер. "Чем больше потеет общественное тело, тем более здоровым оно становится", - добавил Колло-д'Эрбуа. Но децемвиры, не подозревая, что их власть эфемерна, стремились основать демократию и искали в институтах гарантии ее постоянства на то время, когда они перестанут прибегать к казням. Они обладали в высшей степени фанатизмом определенных социальных теорий, подобно тому как милленаристы английской революции, с которыми их можно сравнить, обладали фанатизмом определенных религиозных идей. Одни происходили из народа, в то время как другие обращались к Богу; эти желали самого абсолютного политического равенства, в то время как те стремились к евангельскому равенству; эти стремились к царству добродетели, в то время как те - к царству святых. Человеческая природа во всем впадает в крайности и порождает в религиозную эпоху христиан—демократов, в философскую - политических демократов.

Робеспьер и Сен-Жюст разработали план этой демократии, принципы которой они исповедовали во всех своих речах; они хотели изменить нравы, умонастроения и обычаи Франции и сделать ее республикой по образцу древних; они стремились установить господство народа; иметь должностных лиц, свободных от гордыни; граждан, свободных от порока; братство в общении, простоту нравов, суровость характера и поклонение добродетели. Символические слова секты можно найти в речах всех репортеров комитета, и особенно в речах Робеспьера и Сен-Жюста. *Свобода и равенство* для правительства республики; *неделимость* для его формы; *общественная безопасность* для его защиты и сохранения; *добродетель* для его принципа; *верховное Существо* для его религии; что касается граждан, то *братство* для их повседневного общения; *честность* для их поведения; *здравый смысл* для их умственных качеств; *скромность* для их публичных действий, которые должны были иметь целью благо государства, а не их собственное: таков был символ об этой демократии. Фанатизм не мог пойти дальше. Авторы этой системы не интересовались ее осуществимостью; они считали ее справедливой и естественной; и, имея власть, они пытались установить ее насилием. Ни одно из этих слов не послужило осуждением какой-либо партии или отдельных лиц. На роялистов и аристократов охотились во имя *свободы и равенства*; на жирондистов - во имя *неделимости*; на Филиппо, Камиля Демулена и умеренную партию - во имя *общественной безопасности*; на Шометта, Анахарсиса Клуцца, Гобе, Эбера, всю анархическую и атеистическую партию - во имя *добродетели и Высшего Существа*; на Шабо, Базира, Фабра д'Эглантина - во имя *честности*; Дантон во имя *добродетели и скромности*. В глазах фанатиков эти *моральные преступления* требовали их уничтожения в той же степени, что и заговоры, в которых их обвиняли.

Робеспьер был покровителем этой секты, в комитете которой был более ревностный, бескорыстный и фанатичный сторонник, чем он сам, в лице Сен-Жюста, которого называли Апокалиптиком. Черты его лица были смелыми, но правильными, и отмечены выражением решительным, но меланхоличным. Взгляд у него был пристальный и пронзительный; волосы черные, прямые и длинные. Его манеры были холодными, хотя характер пылким; простой в своих привычках, суровый и назидательный, он без колебаний продвигался к завершению своей

системы. Хотя ему едва исполнилось двадцать пять лет, он был самым смелым из децемвиров, потому что его убеждения были самыми глубокими. Страстно преданный республике, он был неутомим в комитетах, бесстрашен во время своих миссий в армии, где подавал пример мужества, разделяя марши и опасности с солдатами. Его пристрастие к толпе не заставляло его считаться с их склонностями; и он был далек от того, чтобы перенимать их одежду и язык у Эбера, он хотел придать им непринужденность, серьезность и достоинство. Но его политика сделала его более ужасным, чем его народные настроения. В нем было много смелости, хладнокровия, готовности и решительности. Редко поддающийся жалости, он сформулировал свои меры по обеспечению общественной безопасности и немедленно привел их в исполнение. Если он считал необходимыми победу, проскрипцию, диктатуру, он немедленно требовал их. В отличие от Робеспьера, он был человеком действия. Последний, понимая всю возможную пользу от него, рано привлек его на свою сторону в конвенте. Сен-Жюст, со своей стороны, был привлечен к Робеспьеру его репутацией неподкупного, аскетичной жизнью и соответствием их идеям.

Ужасные последствия их общения можно представить, если принять во внимание их популярность, завистливые и тиранические страсти одного и непреклонный характер и систематические взгляды другого. К ним присоединился Кутон; он был лично предан Робеспьеру. Хотя у него был кроткий вид и частично парализованное тело, он был человеком беспощадного фанатизма. В комитете они сформировали триумвират, который вскоре попытался захватить всю власть. Это стремление оттолкнуло других членов комитета и привело к их собственному разрушению. Тем временем триумвират властно управлял съездом и самим комитетом. Когда было необходимо запугать собрание, эту задачу поручали Сен-Жюсту; когда они хотели заставить его врасплох, нанимали Кутона. Если собрание роптало или колебалось, Робеспьер вставал и одним словом восстанавливал тишину и ужас.

В течение первых двух месяцев после падения коммуны и партии Дантона децемвиры, которые еще не были разделены, старались обеспечить свое господство: их уполномоченные сдерживали департаменты, а армии республики одерживали победы на всех границах. Комитет воспользовался этим моментом безопасности и единения, чтобы заложить фундамент новых нравов и новых институтов. Никогда не следует забывать, что в революции людьми движут две тенденции: привязанность к своим идеям и жажда командования. Члены комитета вначале были единодушны в своих демократических настроениях; в конце они боролись за власть.

Бийо-Варенн представил теорию народного правления и средства, позволяющие сделать армию всегда подчиненной нации. Робеспьер произнес речь о моральных чувствах и торжествах, подобающих республике: он посвятил праздники *Высшему Существо, Истине, Справедливости, Скромности, Дружбе, Бережливости, Верности, Бессмертию, Несчастью и т.д.*, одним словом, всем моральным и республиканским добродетелям. Таким образом, он подготовил установление нового культа *Верховного Существа*. Баррер выступил с докладом об искоренении бедности и помощи, которой республика обязана неимущим гражданам. Все эти отчеты были преобразованы в декреты, согласующиеся с пожеланиями демократов. Баррер, чьи обычные речи в конвенте были рассчитаны на то, чтобы скрыть свое рабство от самого себя, был одним из самых гибких инструментов комитета; он принадлежал к режиму террора, а не к жестокости или фанатизму. Его манеры были мягкими, его личная жизнь безупречной, и он обладал большой умеренностью ума. Но он был робок; и после того, как до 10 августа он был конституционным роялистом, а до 31 мая - умеренным республиканцем, он стал панегиристом и

пособником децемвирской тирании. Это показывает, что в условиях революции никто не должен становиться актером, не определившись с характером. Интеллект сам по себе недостаточно негибок; он слишком сговорчив; он находит причины для всего, даже для того, что его пугает и вызывает отвращение; он никогда не знает, когда остановиться, в то время как человек всегда должен быть готов умереть и покончить со своей ролью или со своим мнением.

Робеспьер, которого считали основателем этой моральной демократии, теперь достиг высшей степени возвышения и власти. Он стал объектом всеобщей лести своей партии; он был великим человеком республики. Люди говорили только о его добродетели, его гении и его красноречии. Два обстоятельства способствовали еще большему увеличению его значимости. 3-го Прериала малоизвестный, но бесстрашный человек по имени адмирал был полон решимости избавить Францию от Робеспьера и Колло-д'Эрбуа. Весь день он тщетно ждал Робеспьера, а ночью решил убить Колло. Он дважды выстрелил в него из пистолетов, но промахнулся. На следующий день молодая девушка по имени Сесиль Рено пришла в дом Робеспьера и настойчиво просила разрешения поговорить с ним. Когда его не было, а она все еще настаивала на том, чтобы ее пустили, ее задержали. У нее был небольшой сверток, и при ней были найдены два ножа. "Какой мотив привел вас к Робеспьеру?" - спросили ее экзаменаторы. "Я хотел поговорить с ним". "По какому делу?" "Это зависело от того, как я смогу его найти". "Вы знаете гражданина Робеспьера?" "Нет, я стремился познакомиться с ним; я пошел в его дом, чтобы увидеть, что такое тиран". "Что вы собирались делать с вашими двумя ножами?" "Ничего, у меня не было намерения никого ранить". "А ваш сверток?" "Содержит смену белья для моего использования в том месте, куда меня отправят". "Куда это?" "В тюрьму, а оттуда на гильотину". Несчастную девушку в конце концов доставили туда, и ее семья разделила ее судьбу.

Робеспьер удостоился знаков самого опьяняющего преклонения. При якобинцах и в конвенте его сохранение приписывалось *доброму гению республики и Высшему Существо*, о существовании которого он объявил 18 Флореала. Празднование новой религии было назначено на 20-е прериальное число по всей Франции. 16-го Робеспьер был единогласно назначен президентом конвента, чтобы он мог исполнять обязанности понтифика на фестивале. На этой церемонии он появился во главе собрания, его лицо сияло радостью и уверенностью, что было для него необычным выражением. Он шел один, на пятнадцать футов опережая своих коллег, одетый в великолепное платье, держа в руке цветы и початки кукурузы, став объектом всеобщего внимания. Всеобщее ожидание было вызвано этим событием: враги Робеспьера предчувствовали попытки узурпации власти, преследуемые надеялись на более мягкий режим. Он разочаровал всех. Он обратился к народу с речью в качестве первосвященника и завершил свою речь, в которой все ожидали найти надежду на более счастливые перспективы, такими обескураживающими словами: *"Люди, давайте сегодня отдадимся порывам чистого восторга! Завтра мы возобновим нашу борьбу против пороков и тиранов."*

Через два дня после этого, 22-го прериала, Кутон представил конвенции новый закон. Революционный трибунал покорно поразил всех, на кого ему указали: роялисты, конституционалисты, жирондисты, анархисты и Маунтейн - все были одинаково приговорены к казни. Но это происходило недостаточно быстро, чтобы удовлетворить систематических истребителей, которые хотели быстро и любой ценой избавиться от всех своих заключенных. Некоторые формы все еще наблюдались; они были подавлены. "Всякое опоздание, — сказал Кутон, — является преступлением, всякая снисходительная формальность представляет общественную опасность; в наказании врагов государства не должно быть промедления

дольше, чем достаточно для их признания". До сих пор у заключенных был адвокат; у них его больше не было: *-Закон предоставляет присяжных-патриотов для защиты оклеветанных патриотов; заговорщикам он ничего не предоставляет.* Сначала они пробовали их по отдельности, теперь они пробовали их в массовом порядке. В преступлениях была определенная точность, даже когда они были революционными; теперь *все враги народа* были объявлены виновными, и все были объявлены врагами народа, *которые стремились уничтожить свободу силой или хитростью.* Если раньше присяжные руководствовались законом при вынесении своих решений, то теперь у них была только совесть....Одного трибунала, Фукие-Тенвиля, и нескольких присяжных было недостаточно для увеличения числа жертв, которые новый закон грозил привлечь к его рассмотрению; трибунал был разделен на четыре секции, количество судей и присяжных было увеличено, и в помощь публичному обвинителю были назначены четыре заместителя. Наконец, раньше народные депутаты не могли быть привлечены к суду без постановления конвента; но теперь закон был составлен таким образом, что их можно было судить по распоряжению комитетов. Закон, касающийся подозреваемых лиц, породил закон Прериала.

Как только Кутон сделал свой доклад, по собранию пронесся ропот изумления и тревоги. "Если этот закон примут, - воскликнул Руампс, - все, что нам нужно будет сделать, это вышибить себе мозги. Я требую перерыва". Это предложение было поддержано, но Робеспьер взошел на вершину трибунала. "В течение долгого времени, - сказал он, - национальное собрание привыкло обсуждать и издавать постановления одновременно, потому что оно давно освободилось от рабства фракции. Я предлагаю это без рассмотрения вопроса о перерыве в прениях на съезде, если необходимо, до восьми вечера по предлагаемому закону ". Немедленно началось обсуждение, и через тридцать минут после второго чтения указ был принят. Но на следующий день несколько членов, больше боявшихся закона, чем комитета, вернулись к вчерашним дебатам. Гора, друзья Дантона, опасаясь ради собственного блага новых положений, оставлявших представителей во власти децемвиров, предложили конвенту обеспечить безопасность своих членов. Бурдон де л'Уаз был первым, кто высказался на эту тему; его поддержали. Мерлин, искусно внеся поправку, восстановил старую защиту конвенционалистов, и ассамблея приняла предложенную Мерлином меру. Постепенно против указа были выдвинуты возражения; мужество Горы возросло, и дискуссия стала очень оживленной. Кутон атаковал Гору. "Пусть они знают, - ответил Бурдон де л'Уаз, - пусть члены комитета знают, что если они патриоты, то и мы патриоты". Пусть они знают, что я не стану с горечью отвечать на их упреки. Я уважаю Кутона, я уважаю комитет; но я также уважаю непоколебимую Гору, которая спасла нашу свободу". Робеспьер, удивленный таким неожиданным сопротивлением, поспешил к трибуне. "Конвент, - сказал он, - Гора и комитет - это одно и то же! Каждый представитель народа, который искренне любит свободу, каждый представитель народа, который готов умереть за свою страну, принадлежит Горе! Мы оскорбили бы нашу страну, убили бы людей, если бы позволили нескольким интриганам, более презренным, чем другие, потому что они более лицемерны, оттянуть часть Горы и сделать себя лидерами партии ". "В мои намерения никогда не входило, - сказал Бурдон, - становиться лидером партии". "Было бы верхом позора, - продолжал Робеспьер, - если бы несколько наших коллег, увлеченных клеветой на наши намерения и цель наших трудов..." "Я настаиваю на том, чтобы вы доказали то, что утверждаете", - возразил Бурдон. "Меня совершенно открыто называли негодяем". "Я не называл Бурдона. Горе тому, кто называет себя! Да, Гора чиста, она возвышенна; интриганам не место на Горе!" "Назовите их!" "Я назову их, когда это будет

необходимо". Угрозы и властный тон Робеспьера, поддержка других децемвиров и охватившее всех чувство страха вызвали глубокое молчание. Поправка Мерлина была отменена как оскорбительная для комитета общественной безопасности, и был принят закон в целом. С того времени казни проводились партиями; ежедневно на смерть отправлялось пятьдесят человек. Этот *террор* внутри террора длился около двух месяцев.

Но конец этой системы приближался. Заседания Прайриала были сроком объединения членов комитетов. С тех пор между ними существовали молчаливые разногласия. Они продвигались вместе до тех пор, пока им приходилось бороться вместе; но это перестало иметь место, когда они оказались на арене одни, с привычкой к соперничеству и желанием господствовать. Более того, их мнения уже не полностью совпадали: демократическая партия разделилась после падения старой коммуны; Бийо-Варенн, Колло-д'Эрбуа и главные члены комитета общей безопасности Вадье, Амар, Вуланд примкнули к этой свергнутой фракции и предпочли *поклонение Разуму* поклонению *Верховному Существо*. Они также завидовали славе и беспокоились о власти Робеспьера, который, в свою очередь, был раздражен их тайным неодобрением и препятствиями, которые они противопоставляли его воле. В этот период последний задумал свергнуть наиболее предприимчивых членов "Горы", Тальена, Бурдона, Лежандра, Фрерона, Ровера и др., а также своих соперников из комитета.

В распоряжении Робеспьера была огромная сила, простой народ, считавший революцию зависящей от него, поддерживал его как представителя ее доктрин и интересов; вооруженные силы Парижа под командованием Анрио были в его распоряжении. Он имел полную власть над якобинцами, которых принимал и изгонял по своему усмотрению; все важные посты были заняты его приспешниками; он сам сформировал революционный трибунал и новый комитет, заменив Пайана, национального агента, на Шометта, генерального прокурора; и Флерио вместо Паша на посту мэра. Но каковы были его намерения, когда он предоставил самые влиятельные места новым людям и отделился от комитетов? Стремился ли он к диктатуре? Стремился ли он только установить свою *добродетельную* демократию путем разорения оставшихся *аморальных* членов Горы и *фракционных* членов комитета? Каждая партия потеряла своих лидеров: Жиронда потеряла *двадцать два*; коммуна - Эбера, Шометта и Ронсена; Гора - Дантона, Шабо, Лакруа и Камиля Демулена. Но, таким образом, объявляя лидеров вне закона, Робеспьер тщательно защищал секты. Он защитил *семьдесят три заключенных* от обвинений якобинцев и ненависти комитетов; он поставил себя во главе новой коммуны; у него больше не было причин опасаться противодействия своим проектам, какими бы они ни были, за исключением нескольких горцев и членов традиционного правительства. Именно на это двойное препятствие он направил свои усилия в последние моменты своей карьеры. Вполне вероятно, что он не отделял республику от своего протектората и что он думал установить и то, и другое после свержения других партий.

Комитеты выступали против Робеспьера по-своему. Они тайно стремились добиться его падения, обвиняя его в тирании; они заставили рассматривать установление его религии как предвестие его узурпации; они напомнили о высокомерии, которое он занял на 20-м приаралье, и о дистанции, на которой он держался даже на национальном съезде. Между собой они называли его *Писистратом*, и это имя уже переходило из уст в уста. Обстоятельство, достаточно незначительное в любое другое время, дало им возможность косвенно напасть на него. Пожилая женщина по имени *Катрин Тео* играла пророчицу в малоизвестном жилище, окруженном несколькими сектантами-мистиками: они называли ее *Богоматерью*, и она

возвещала о скором пришествии *Мессии*. Среди ее последователей был старый соратник Робеспьера в учредительном собрании, шартрский дом Герле, у которого было гражданское свидетельство от самого Робеспьера. Когда комитеты обнаружили *тайны Божьей Материи* ее предсказания, они поверили или сделали вид, что поверили, что Робеспьер воспользовался ее помощью, чтобы одержать верх над фанатиками или объявить о своем возвышении. Они изменили ее имя с *Теот* на *Теос*, что означает Бог; и они хитро намекнули, что Робеспьер был Мессией, которого она провозгласила. Престарелый Вадье от имени комитета общей безопасности был уполномочен выдвинуть ходатайство против этой новой секты. Он был тщеславен и изощрен; он осудил тех, кто был посвящен в эти мистерии, превратил богослужение в насмешку, обвинил в этом Робеспьера, не называя его имени, и отправил фанатиков в тюрьму. Робеспьер хотел спасти их. Поведение комитета общей безопасности сильно раздражало его, и в якобинском клубе он отзывался о речи Вадье с презрением и гневом. Он столкнулся с новым противодействием со стороны комитета общественной безопасности, который отказался возбуждать уголовное дело против лиц, на которых он им указал. С этого времени он перестал присоединяться к своим коллегам по правительству и редко присутствовал на заседаниях конвента. Но он регулярно посещал якобинцев и с трибуны этого клуба надеялся свергнуть своих врагов, как делал это до сих пор.

От природы печальный, подозрительный и робкий, он стал еще более меланхоличным и недоверчивым, чем когда-либо. Он никогда не выходил на улицу без сопровождения нескольких вооруженных палками якобинцев, которых называли его телохранителями. Вскоре он начал свои разоблачения в народном собрании. *"Все продажные люди, - сказал он, - должны быть изгнаны из конвента"*. Этим обозначались друзья Дантона. Робеспьер следил за ними с величайшей тревогой. Каждый день шпионы следили за всеми их передвижениями, наблюдая за их действиями, местами обитания и разговорами. Робеспьер не только атаковал дантонистов у якобинцев, он даже восстал против самого комитета, и для этой цели он выбрал день, когда Баррер председательствовал в народном собрании. По окончании заседания последний вернулся домой обескураженный; *"Я испытываю отвращение к мужчинам"*, - сказал он Виллате. *"Какой у него мог быть мотив напасть на вас?"* - спросил другой. *"Робеспьер ненасытен, - возразил Баррер. - Поскольку мы не будем делать все, что он хочет, он должен порвать с нами. Если бы он рассказал нам о Тюрио, Гоффруа, Ровере Лекуантре, Панисе, Камбоне, Монестье и остальных дантонистах, мы могли бы согласиться с ним; пусть он даже потребует Тальена, Бурдона де л'Уаза, Лежандра, Фрерона, ну; но Дюваль, Одуэн, Леонард Бурдон, Вадье, Вуланд — согласиться невозможно"*. Выдать членов комитета общей безопасности означало разоблачить самих себя; соответственно, опасаясь, они твердо ожидали нападения. Робеспьер был очень грозен в отношении своей власти, своей ненависти и своих замыслов; именно он должен был начать битву.

Но как он мог приступить к этому? Впервые он был автором заговора; до сих пор он использовал в своих интересах все народные движения. Дантон, Кордельеры и предместья подняли восстание 10 августа против трона; Марат, Гора и коммуна подняли восстание 31 мая против Жиронды; Бийо, Сен-Жюст и комитеты разорили коммуны и ослабили Гору. Робеспьер остался один. Не имея возможности заручиться помощью правительства, поскольку он выступил против комитетов, он обратился к населению и якобинцам. Главными заговорщиками были Сен-Жюст и Кутон в комитете; Флерио - мэр и Пайан - национальный агент в коммуне; Дюма - президент и Кофинхол вице-президент в революционном трибунале; Анрио, командующий вооруженными силами, и народное общество. 15 мессидора, через три недели после принятия закона

Прериала и за двадцать четыре дня до 9 Термидора, решение было уже принято; в то время и под этой датой Анрио написал мэру: "Вы будете довольны мной, товарищ, и тем, как я буду действовать; поверьте мне, люди, любящие свою страну, легко соглашаются направлять все свои шаги на благо общественных дел. Я бы хотел, и я действительно хочу, чтобы *секрет операции* принадлежал нам двоим; нечестивцы ничего не должны знать об этом. Здоровья и братства".

Сен-Жюст находился с миссией в армии севера; Робеспьер поспешно отозвал его. Ожидая его возвращения, он подготовил общественное мнение к якобинцам. На заседании 3-го термидора он жаловался на поведение комитетов и на *преследование патриотов*, которых он поклялся защищать. "Больше не должно быть следов преступления или группировки, - сказал он, - ни в каком месте. Несколько негодяев позорят конвент, но он не позволит им повлиять на себя". Затем он призвал своих коллег, якобинцев, предотвратить *их размышления* перед национальным собранием. Это была транзакция от 31 мая. 4-го числа он принял депутацию из департамента л'Эн, которая прибыла пожаловаться ему на действия правительства, к которому он вот уже месяц не имел никакого отношения. "Конвент, - сказал Робеспьер в своем ответе депутации, - в том положении, в котором он сейчас находится, пораженный коррупцией и будучи совершенно неспособным восстановиться, не может спасти республику - оба должны погибнуть. Проскрипция патриотов - это порядок дня. Что касается меня, то я одной ногой стою в могиле; через несколько дней за ней последует другая. Остальное в руках Провидения". В то время ему было немного не по себе, и он намеренно преувеличил свое уныние, свои страхи и опасности республики, чтобы воспламенить патриотов и снова связать судьбу революции со своей собственной.

Тем временем. Сен-Жюст прибыл из армии. Он узнал о положении дел у Робеспьера. Он представился комитетам, члены которых принимали его холодно; каждый раз, когда он входил, они переставали совещаться. Сен-Жюст, который по их молчанию, несколькими случайным словам и выражению недоумения или враждебности на их лицах понял, что нельзя терять времени, и подтолкнул Робеспьера к действию. Его Максимой было наносить удары немедленно и решительно. "Дерзайте, - сказал он, - в этом секрет революций". Но он хотел убедить Робеспьера принять меры, которые были невозможны, убедив его нанести удар по своим врагам, не поставив их в известность. Сила, имевшаяся в его распоряжении, была силой революционного мнения, а не организованной силой. Ему было необходимо обратиться за помощью к конвенту или коммуне, к законной власти правительства или к чрезвычайным полномочиям восстания. Таков был обычай, и таковыми должны быть все государственные перевороты. Они даже не могли прибегнуть к восстанию до тех пор, пока не получили отказа собрания, в противном случае не было бы предлога для восстания. Таким образом, Робеспьер был вынужден начать атаку всамом конвенте. Он надеялся добиться от нее всего своим господством, или, если, вопреки своему обычаю, она будет сопротивляться, он рассчитывал на народ, побуждаемый коммуной, восставший 9 Термидора против запрещенных Горы и комитета общественного спасения, как он восстал 31 мая против запрещенных Жиронды и Комиссии двенадцати. Почти всегда человек руководствуется прошлым, регулируя свое поведение и свои надежды.

8 Термидора он рано вошел в конвент. Он поднялся на трибуну и осудил комитет в самой искусной речи. "Я пришел, - сказал он, - чтобы защитить перед вами вашу оскорбленную власть и попорченную свободу. Я тоже буду защищаться; вас это не удивит; вы не похожи на тиранов, с

которыми боретесь. Крики оскорбленной невинности не докучают вашим ушам, и вы знаете, что это дело не чуждо вашим интересам". После этого вступления он пожаловался на тех, кто клеветал на него; он атаковал тех, кто стремился к разрушению республики либо чрезмерно, либо умеренно; тех, кто преследовал мирных граждан, имея в виду комитеты, и тех, кто преследовал истинных патриотов, имея в виду Гору. Он разделял намерения, поведение в прошлом и дух конвента; он добавил, что его враги были его собственными: "Что я сделал, чтобы заслужить преследование, если это не входило в общую систему их заговора против конвента? Разве вы не заметили, что, чтобы изолировать вас от нации, они объявили вас диктаторами, правящими с помощью террора и отвергнутыми молчаливым желанием всех французов? Что касается меня, к какой фракции я принадлежу? К вам самим. Что это за фракция, которая с самого начала революции свергла все фракции и избавилась от признанных предателей. Это вы, это люди, это принципы. Это фракция, которой я предан, и против которой совершаются все преступления. По крайней мере, на шесть недель моя неспособность творить добро и сдерживать зло вынудила меня полностью отказаться от своих функций члена комитета общественного спасения. Был ли патриотизм защищен лучше? Были ли фракции более робкими? Или страна была более счастливой? Во все времена мое влияние ограничивалось защитой интересов моей страны в национальном представительстве и в суде общественного мнения ". После попытки смешать свое дело с делом конвента, он попытался настроить его против комитетов, настаивая на идее их независимости. "Представители народа, - сказал он, - пришло время вернуть себе подобающую вам гордость и возвышенность характера. Вы созданы не для того, чтобы вами управляли, а для того, чтобы управлять хранителями вашего доверия".

Пытаясь таким образом соблазнить ассамблею возвращением ее власти и прекращением рабства, он обратился к умеренной партии, напомнив им, что они в долгу перед ним за жизни Семидесяти трех человек, и выразил надежду на восстановление порядка, справедливости и милосердия. Он говорил об изменении всепожирающей и обманчивой финансовой системы, о смягчении революционного правительства, о регулировании его влияния и наказании его уклончивых агентов. Наконец, он обратился к народу, говорил об их нуждах и об их силе. И когда он напомнил все, что могло повлиять на интересы, надежды или страхи конвента, он добавил: "Итак, мы говорим, что существует заговор против общественной свободы; что он обязан своей силой преступной коалиции, которая интригует в самом сердце конвента; что у этой коалиции есть сообщники в комитете общей безопасности; что враги республики противопоставили этот комитет комитету общественной безопасности и, таким образом, сформировали два правительства; что члены комитета общественной безопасности замешаны в этом заговоре; что сформированная таким образом коалиция стремится к гибели как патриотов, так и страны". Какое средство существует от этого зла? Накажите предателей; составьте заново комитет общей безопасности; очистите этот комитет и сделайте его подчиненным комитету общественной безопасности; очистите сам последний комитет; создайте единство правительства под верховной властью конвента; сокрушите каждую фракцию под тяжестью национальной власти и установите на их развалинах власть справедливости и свободы".

Это объявление войны не было встречено ни ропотом, ни аплодисментами. Молчание, в котором слушали Робеспьера, продолжалось еще долго после того, как он замолчал. Все сомневающиеся члены собрания обменялись встревоженными взглядами. Наконец Лекуантр

из Версаля встал и предложил напечатать речь. Это предложение послужило сигналом к возбуждению, обсуждению и сопротивлению. Бурдон де л'Уаз выступил против предложения напечатать речь как опасную меру. Ему аплодировали. Но Баррер в своей двусмысленной манере настаивал на том, что все речи должны быть опубликованы, а Кутон настаивал на том, чтобы их разослали по всем коммунам республики, конвент, напуганный этим очевидным согласием двух противоположных фракций, постановил как напечатать, так и распространить речь.

Члены двух подвергшихся таким нападкам комитетов, которые до сих пор хранили молчание, видя, что Горе сорвано, а большинство в нерешительности, сочли, что пришло время высказаться. Вадье сначала выступил против речи Робеспьера и самого Робеспьера. Камбон пошел дальше. "Пришло время, - воскликнул он, - сказать всю правду: один человек парализовал решение национального собрания; этот человек - Робеспьер". "Маска должна быть сорвана, - добавил Бийо-Варенн, - какое бы лицо она ни прикрывала; я предпочел бы, чтобы мой труп служил честолюбивому человеку в борьбе за его трон, чем своим молчанием стать соучастником его преступлений". Панис, Бентаболь, Шарлье, Тирион, Амар по очереди нападали на него. Фрерон предложил конвенту сбросить гибельное ярмо комитетов. "Пришло время, - сказал он, - возродить свободу мнений; я предлагаю собранию отменить декрет, дающий комитету право арестовывать представителей народа. Кто может говорить свободно, опасаясь ареста?" Послышались аплодисменты; но момент для полного освобождения конвенции еще не наступил. Необходимо было бороться с Робеспьером из-за спин комитетов, чтобы впоследствии легче было атаковать комитеты. Соответственно, предложение Фрерона было отклонено. "Человек, которому страх мешает высказать свое мнение, - сказал Бийо-Варенн, глядя на него, - недостоин звания представителя народа". Внимание снова было привлечено к Робеспьеру. Указ, предписывающий напечатать его речь, был отозван, и конвент представил речь на рассмотрение комитетов. Робеспьер, который был удивлен таким яростным сопротивлением, затем сказал: "Что? У меня хватило смелости изложить ассамблее истины, которые я считаю необходимыми для безопасности страны, и вы отправляете мою речь на рассмотрение членов ассамблеи, которых я обвиняю". Он удалился, немного обескураженный, но надеясь вернуть собрание к своим взглядам или, скорее, подчинить его с помощью заговорщиков из числа якобинцев и коммуны.

Вечером он отправился в народное общество. Его приняли с энтузиазмом. Он прочел речь, которую только что осудило собрание, и якобинцы осыпали его аплодисментами. Затем он рассказал им о нападениях, которые были направлены против него, и, чтобы усилить их возбуждение, добавил: "Если необходимо, я готов испить чашу Сократа". "Робеспьер, - воскликнул депутат, - я выпью это с вами". "Враги Робеспьера, - кричали многие со всех сторон, - это враги страны; назовите их имена, и они перестанут жить". В течение всей ночи Робеспьер готовил своих партизан к следующему дню. Было решено, что они соберутся в коммуне и у якобинцев, чтобы быть готовыми ко всем событиям, в то время как он в сопровождении своих друзей отправится на собрание.

Комитеты также провели ночь в совещаниях. Среди них появился Сен-Жюст. Его коллеги пытались отделить его от триумvirата; они поручили ему составить отчет о событиях предыдущего дня и представить его им. Но вместо этого он составил обвинительный акт, который не захотел им сообщать, и сказал, удаляясь: "Вы иссушили мое сердце; я собираюсь открыть его конвенту". Комитеты возлагали все свои надежды на мужество ассамблеи и союз

партий. Гора не упустила ничего, что могло бы привести к этому спасительному соглашению. Они обращались к наиболее влиятельным представителям Правых сил и партии Марэ. Они умоляли Буасси д'Англаса и Дюрана де Майана, стоявших во главе их, присоединиться к ним против Робеспьера. Сначала они колебались: они были так встревожены его властью, так полны негодования против Горы, что дважды увольняли дантонистов, не выслушав их. Наконец дантонисты вернулись к нападению в третий раз, и тогда Правые и Простые присоединились к ним, чтобы поддержать их. Таким образом, существовал заговор с обеих сторон. Все партии собрания объединились против Робеспьера, все сообщники триумвиров были готовы выступить против конвента. При таком положении дел началось заседание девятого Термидора.

Члены ассамблеи пришли туда раньше обычного. Около половины двенадцатого они собрались в проходах, подбадривая друг друга. Бурдон де л'Уаз, один из Горцев, подошел к Дюрану де Майяну, умеренному, пожал ему руку и сказал— "Правые - отличные люди". Ровер и Тальен подошли и обменялись своими поздравлениями с поздравлениями Бурдона. В двенадцать часов они увидели из дверей зала, как Сен-Жюст поднимается на трибуну. -*Сейчас самое время*, - сказал Тальен, и они вошли в зал. Робеспьер занял место перед трибуной, несомненно, для того, чтобы устроить своих противников своим внешним видом. Сен-Жюст начал так: "Я не принадлежу, - сказал он, - ни к одной фракции; я выступлю против них всех. Ход событий, возможно, превратил этого трибуна в тарпейскую скалу для того, кто скажет вам, что члены правительства сошли с пути благоразумия". Тогда Тальен перебил Сен-Жюста и яростно воскликнул: "Ни один добропорядочный гражданин не может сдержать слез при виде плачевного состояния общественных дел. Мы не видим ничего, кроме разногласий. Вчера член правительства отделился от него, чтобы обвинить его. Сегодня то же самое делает другой. Люди по-прежнему стремятся нападать друг на друга, усугублять беды страны, низвергать ее в пропасть. Пусть завеса будет полностью разорвана". "Это необходимо! это должно быть!" - раздалось со всех сторон.

Бийо-Варенн заговорил со своего места— "Вчера, - сказал он, - общество якобинцев было заполнено наемниками, потому что ни у кого не было карточки; вчера в этом обществе был разработан план убийства членов национального собрания; вчера я видел людей, произносящих самые жестокие оскорбления в адрес тех, кто никогда не отступал от революции. Я вижу на Горе одного из тех людей, которые угрожали республике; вот он". "Арестуйте его! арестуйте его!" - раздался общий клич. Сержант схватил его и отвел в комитет общей безопасности. "Пришло время говорить правду", - сказал Бийо. "Ассамблея сформировала бы неверное суждение о событиях и о положении, в котором она находится, если бы не скрывала от себя, что находится между двумя массовыми убийствами. Оно погибнет, если будет слабым". "Нет! нет! Оно не погибнет!" - воскликнули все члены, вставая со своих мест. Они поклялись спасти республику. Зрители на галерее зааплодировали и закричали— "Да здравствует обоснование Конвенции!" Пылкий Леба попытался выступить в защиту триумвиров; ему не позволили этого сделать, и Бийо продолжил. Он предупреждал конвент об опасностях, подстерегающих его, нападал на Робеспьера, указывал на его сообщников, осуждал его поведение и планы диктатуры. Все взгляды были устремлены на него. Некоторое время он твердо смотрел на них, но наконец, не в силах сдержаться, бросился к трибуне. Крик "Долой тирана" мгновенно стал всеобщим и заглушил его голос.

- Только что, - сказал Тальен, - я потребовал, чтобы вуаль была разорвана в клочья. Мне доставляет удовольствие видеть, что она полностью разорвана. Заговорщики разоблачены; они

скоро будут уничтожены, и свобода восторжествует. Вчера я присутствовал на заседании якобинцев; я дрожал за свою страну. Я видел, как формируется армия этого нового Кромвеля, и я вооружился кинжалом, чтобы вонзить его в сердце, если национальному собранию понадобится мужество, чтобы объявить его импичмент ". Он вытащил свой кинжал, размахивал им перед возмущенным собранием и первым делом потребовал ареста Анрио, постоянного заседания собрания; и оба предложения были приняты под крики— "Да здравствует республика!" Бийо также добился ареста трех самых дерзких сообщников Робеспьера - Дюма, Буланже и Дюфреза. Баррер приказал передать конвент под охрану вооруженных частей и составил воззвание, обращенное к народу. Каждый предлагал свою меру предосторожности. Вадье на мгновение отвлек собрание от угрожавшей ему опасности, обратившись к делу Катрин Теос. "Давайте не будем отвлекаться от истинного предмета дебатов", - сказал Тальен. "Я возьму на себя обязательство вернуть вас к этому", - сказал Робеспьер. "Давайте обратим наше внимание на тирана", - возразил Тальен, нападая на него более горячо, чем раньше.

Робеспьер, после нескольких попыток заговорить, поднимаясь и спускаясь по ступенькам трибуны, в то время как его голос тонул в криках "Долой тирана!" и в колокольчике, в который продолжал звонить президент Тюрио, теперь предпринял последнюю попытку быть услышанным. "Президент ассасинов, - воскликнул он, - в последний раз, вы позволите мне высказаться?" Но Тюрио продолжал звонить в свой колокольчик. Робеспьер, бросив взгляд на зрителей на общественной галерее, которые оставались неподвижными, повернулся направо. "Чистые и добродетельные люди, - сказал он, - я обращаюсь к вам; выслушайте меня, в чем отказывают эти убийцы". Ответа не последовало; воцарилось глубокое молчание. Затем, совершенно удрученный, он вернулся на свое место и опустил на скамью, измученный усталостью и гневом. У него пошла пена изо рта, и он захлебнулся. "Негодяй!" - сказал кто-то с горы. "Кровь Дантона душит тебя". Его ареста требовали и поддерживали со всех сторон. Молодой Робеспьер встал: "Я так же виновен, как и мой брат", - сказал он. "Я разделяю его добродетели и разделю его судьбу". "Я не буду участвовать в поругании этого указа, - добавил Лебаш. - Я тоже требую своего ареста". Ассамблея единогласно постановила арестовать двух Робеспьеров, Кутона, Леба и Сен-Жюста. Последний, постояв некоторое время у трибуны с неизменным выражением лица, хладнокровно спустился на свое место. Он встретил эту затянувшуюся бурю без малейшего проявления волнения. Триумвиры были доставлены в жандармерию, которая увела их под всеобщие аплодисменты. Выходя, Робеспьер воскликнул— "Республика погибла, разбойники торжествуют". Была уже половина шестого, и заседание было прервано до семи.

Во время этой бурной борьбы сообщники триумвиров собрались в Коммуне и у якобинцев. Мэр Флерио, национальный агент Пайан и комендант Анрио находились в Ратуше с полудня. Они собрали муниципальных чиновников под бой барабана, надеясь, что Робеспьер одержит победу в ассамблее и что они не будут требовать от генерального совета принятия решения о восстании или от секций поддерживать его. Через несколько часов прибыл сержант конвента, чтобы вызвать мэра в коллегия адвокатов собрания для доклада о состоянии Парижа. "Идите и скажите своим негодяям, - сказал Анрио, - что мы обсуждаем, как их очистить. Не забудьте сказать Робеспьеру, чтобы он был тверд и ничего не боялся". Около половины пятого они узнали об аресте триумвиров и указе против их сообщников. Немедленно был протрублен набат, барьеры закрыты, генеральный совет собран, и секционеры созваны вместе. Артиллеристам было приказано принести свои орудия в коммуну, а революционным комитетам принести присягу восстания. Якобинцам, которые заседали постоянно, было отправлено послание.

Муниципальных депутатов встретили с величайшим энтузиазмом. "Общество следит за страной", - сказали им. "Оно поклялось скорее умереть, чем жить в условиях преступности". В то же время они объединились и установили быструю связь между этими двумя центрами восстания. Анрио, со своей стороны, чтобы возбудить народ, бегал по улицам с пистолетом в руке во главе своего штаба, крича "К оружию!" обращаясь с речью к толпе и подстрекая всех, кого он встречал, отправиться в коммуну, чтобы *спасти страну*. Выполняя это поручение, два члена конвента заметили его на улице Сент-Оноре. Именем закона они вызвали нескольких жандармов для исполнения приказа о его аресте; те подчинились, и Анрио был связан и препровожден в комитет общей безопасности.

Однако ни с одной из сторон пока ничего не было решено. Каждая партия использовала свои средства власти; конвент - свои декреты, коммуна - восстание; каждая партия знала, каковы будут последствия поражения, и это делало их обоих такими активными, полными предвидения и решимости. Успех долго был неопределенным. С полудня до пяти конвент одержал верх; это привело к аресту триумвиров, национального агента Пайана и коменданта Анрио. Оно было уже собрано, а коммуна еще не собрала свои силы; но с шести до восьми повстанцы восстановили свои позиции, и дело конвента было почти проиграно. За это время национальные представители разошлись, и коммуна удвоила свои усилия и дерзость.

Робеспьера перевели в Люксембург, его брата - в Сен-Лазар, Сен-Жюста - в Экоссе, Кутона - в Ла Бурб, Леба - в Консьержери. Коммуна, приказав тюремщикам не принимать их, послала муниципальных чиновников с отрядами, чтобы увести их. Робеспьер был освобожден первым и с триумфом доставлен в Ратушу. По прибытии он был встречен с величайшим энтузиазмом; "Да здравствует Робеспьер! Долой предателей!" раздавалось со всех сторон. Незадолго до этого Коффинхол отбыл во главе двухсот канониров, чтобы освободить Анрио, который был задержан в комитете общей безопасности. Было уже семь часов, и конвент возобновил свои заседания. Его охрана, самое большее, состояла из сотни человек. Прибыл Коффинхол, прошел через внешние дворы, вошел в зал заседаний комитета и доставил Анрио. Последний отправился на площадь Карусель, обратился с речью к канонирам и приказал им направить свои орудия на конвент.

Ассамблея как раз тогда обсуждала опасность, которой она подвергалась. Оно только что узнало о тревожном успехе заговорщиков, о мятежных приказах коммуны, о спасении триумвиров, об их присутствии в Ратуше, о ярости якобинцев, о последовательном созыве революционного совета и секций. Оно каждую минуту опасалось насильственного вторжения, когда ворвались перепуганные члены комитетов, спасаясь бегством из Коффинхола. Они узнали, что комитеты окружены, а Анрио освобожден. Эта новость вызвала сильное волнение. В следующий момент поспешно вошел Амар и объявил, что канониры, под руководством Анрио, направили свои орудия против конвента. "Граждане, - сказал президент, надевая шляпу в знак скорби, - пришел час умереть на наших постах!" "Да, да! мы умрем там!" - воскликнули все участники. Люди на галереях выбежали с криками: "К оружию! Отгоним негодяев!" И ассамблея мужественно объявила Анрио вне закона.

К счастью для собрания, Анрио не смог убедить канониров открыть огонь. Его влияние ограничилось тем, что он убедил их сопровождать его, и он направился к Ратуше. Отказ канониров решил судьбу дня. С этого момента дела коммуны, которая была на грани триумфа, пришли в упадок. Потерпев неудачу при внезапном нападении основных сил, восстание

ограничилось медленными мерами; направление атаки было изменено, и вскоре уже не коммуна осаждала Тюильри, а конвент двинулся маршем на Ратушу. Собрание немедленно объявило вне закона депутатов-заговорщиков и мятежную коммуны. Он направил уполномоченных в секции, чтобы заручиться их помощью, назначил представителя Барраса командующим вооруженными силами, объединив с ним Фрерона, Ровера, Бурдона де л'Уаза, Феро, Леонарда Бурдона, Лежандра, всех людей решительных: и сделал комитеты центром деятельности.

Секции, по приглашению коммуны, собрались около девяти часов; большая часть граждан, направлявшихся туда, были встревожены, неуверенны и лишь смутно осведомлены о ссорах между коммуной и конвентом. Эмиссары повстанцев убеждали их присоединиться к ним и направить свои батальоны к Ратуше. Секции ограничились отправкой депутации, но как только среди них появились уполномоченные конвента, которые сообщили им о постановлениях и приглашениях собрания и сообщили им, что есть лидер и объединяющий пункт, они больше не колебались. Их батальоны один за другим представляли перед собранием; они поклялись защищать его и гуськом проходили через зал под крики энтузиазма и искренние аплодисменты. "Минуты драгоценны, - сказал Фрерон. - мы должны действовать; Баррас уехал выполнять приказы комитетов; мы выступим против мятежников; мы призовем их именем конвента выдать предателей, и если они откажутся, мы превратим здание, в котором они находятся, в пепел". "Идите, - сказал президент, - и пусть не наступит день до того, как падут головы заговорщиков". Несколько батальонов и несколько артиллерийских орудий были размещены вокруг собрания, чтобы защитить его от нападения, и затем части двумя колоннами двинулись против коммуны. Была уже почти полночь.

Заговорщики все еще были в сборе. Робеспьер, после того как его встретили криками энтузиазма, обещаниями преданности и победы, был допущен в генеральный совет между Пайаном и Флерио. Гревская площадь была заполнена людьми и сверкала штыками, пиками и пушками. Они только ждали прибытия частей, чтобы приступить к действиям. Присутствие их заместителей и направление муниципальных комиссаров в их среду вселили надежду на их помощь. Анрио отвечал за все. Заговорщики надеялись на верную победу; они назначили исполнительную комиссию, подготовили обращения к армиям и составили различные списки. Однако наступила половина первого ночи, а ни одна секция еще не появилась, приказ еще не был отдан, триумвиры все еще заседали, и толпа на Гревской площади была обескуражена этим опозданием и нерешительностью. Шепотом распространился слух, что секции выступили в поддержку конвента, что коммуна объявлена вне закона и что войска конвента наступают. Пыл вооруженной толпы уже улегся, когда несколько эмиссаров собрания скользнули между ними и подняли крик: "Да здравствует конвент!" Несколько голосов повторили его. Затем они зачитали объявление коммуны вне закона; и, услышав это, вся толпа разошлась. Гревская площадь в одно мгновение опустела. Анрио спустился несколько минут спустя с саблей в руке, чтобы подбодрить их, но никого не нашел. "Что? - воскликнул он. - Неужели это возможно? Эти негодяи канониры, которые пять часов назад спасли мне жизнь, теперь оставляют меня". Он снова поднялся. В этот момент прибыли колонны конвента, окружили Отель де Виль, молча захватили все его торговые точки, а затем прокричали: "Да здравствует национальный конвент!"

Заговорщики, поняв, что они заблудились, попытались спастись от насилия своих врагов. Жандарм по имени Меда, который первым вошел в комнату, где собрались заговорщики, выстрелил из пистолета в Робеспьера и раздробил ему челюсть; Леба смертельно ранил себя;

Робеспьер младший выпрыгнул из окна третьего этажа и выжил при падении; Кутон спрятался под столом; Сен-Жюст ожидал своей участи; Коффинхол, упрекнув Анрио в трусости, выбросил его из окна в канализацию и сбежал. Тем временем конвенционалисты проникли в ратушу, прошли по опустевшим залам, схватили заговорщиков и с триумфом доставили их в ассамблею. Бурдон вошел в зал с криком "Победа! победа! предателей больше нет!" "Несчастный Робеспьер там, - сказал президент. - его везут на носилках. Несомненно, вы не хотели, чтобы его привели сюда". "Нет! нет! - закричали они. - Отнесите его на площадь Революции!" Его на некоторое время поместили в комитет общей безопасности, прежде чем перевели в Консьержери; и здесь, распростертый на столе, с изуродованным и окровавленным лицом, открытый всеобщим взглядам, оскорблениям, проклятиям, он увидел, как различные партии ликуют по поводу его падения и обвиняют его во всех совершенных преступлениях. В свои последние минуты он проявил большую бесчувственность. Он был доставлен в консьержери, а затем предстал перед революционным трибуналом, который, установив личность его и его сообщников, отправил их на эшафот. 10-го термидора, около пяти часов вечера, он вззошел на повозку смерти, поставленную между Анрио и Кутонем, такой же изуродованный, как и он сам. Голова его была обернута полотном, пропитанным кровью; лицо было мертвенно-бледным, глаза почти ничего не видели. Огромная толпа столпилась вокруг повозки, проявляя самую шумную и ликующую радость. Они поздравляли и обнимали друг друга, осыпая его проклятиями, и придвинулись поближе, чтобы рассмотреть его поближе. Жандармы указали на него своими саблями. Что касается его самого, то он, казалось, смотрел на толпу с презрительной жалостью; Сен-Жюст спокойно смотрел на них; остальные, числом двадцать два, были удручены. Робеспьер вззошел на эшафот последним; когда его голова упала, в воздухе раздались аплодисменты, которые продолжались несколько минут.

Вместе с ним закончилось царство террора, хотя он и не был самым ревностным сторонником этой системы в своей партии. Если бы он стремился к верховенству, то, добившись его, он применил бы умеренность; и царство террора, прекратившееся с его падением, прекратилось бы также с его триумфом. Я считаю его гибель неизбежной; у него не было организованной силы; его сторонники, хотя и многочисленные, не были зачислены в армию; его инструментом была сила общественного мнения и террора; соответственно, не будучи в состоянии заставить своих врагов врасплох сильной рукой, по образцу Кромвеля, он стремился запугать их. Террор не увенчался успехом, он попытался поднять восстание. Но поскольку конвент при поддержке комитетов стал мужественным, то и секции, полагаясь на мужество конвента, естественно, выступили бы против повстанцев. Нападая на правительство, он разбудил собрание; разбудив собрание, он разбудил народ, и эта коалиция неизбежно погубила его. Конвент 9 Термидора уже не был, как 31 мая, разделенным, нерешительным, противостоящим сплоченной, многочисленной и смелой фракции. Все партии были объединены поражением, несчастьем и проскрипциями, которые всегда угрожали им, и, естественно, сотрудничали бы в случае борьбы. Следовательно, от самого Робеспьера не зависело избежать поражения, и не в его власти было выйти из комитетов. В том положении, которого он достиг, человек поглощен своими страстями, обманут надеждами и удачей, доселе добрыми; и когда однажды эшафоты воздвигнуты, справедливость и милосердие так же невозможны, как мир, спокойствие и распределение власти при объявлении войны. Тогда человек должен пасть тем же путем, которым он возник; человек фракции должен погибнуть на эшафоте, как победители на войне.

ГЛАВА X

С 9 ТЕРМИДОРА ПО 1 ПРЕРИАЛ, ГОД III. (20 МАЯ 1795 г.). ЭПОХА ВЗЛЕТА И ПАДЕНИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

9-е число Термидора было первым днем революции, когда пали те, кто атаковал. Уже одно это свидетельствовало о том, что восходящее революционное движение достигло своего предела. С этого дня неизбежно началось противоположное движение. Общее восстание всех партий против одного человека было рассчитано на то, чтобы положить конец давлению, в условиях которого они находились. При Робеспьере комитеты подчинили друг друга, и децемвирское правительство утратило престиж террора, который составлял его силу. Комитеты освободили конвент, который постепенно освободил всю республику. И все же они думали, что работали для себя и для продления срока действия революционного правительства, в то время как большая часть тех, кто их поддерживал, имела своей целью свержение диктатуры, независимость собрания и установление правового порядка. Таким образом, со дня после 9 Термидора среди победителей появились две противоположные партии: комитетчики и горцы, получившие название термидорианской партии.

Первая была лишена половины своих сил; помимо потери своего начальника, у нее больше не было коммуны, восставшие члены которой в количестве семидесяти двух были отправлены на эшафот и которая после двойного поражения при Эбере и Робеспьере не была снова реорганизована и оставалась без прямого влияния. Но эта партия сохранила за собой руководство делами через комитеты. Все ее члены были привязаны к революционной системе; некоторые, такие как Бийо-Варенн, Колло-д'Эрбуа, Баррер, Вадье, Амар, видели в этом свою единственную безопасность; другие, такие как Карно, Камбон, два приора, де ла Марн и де ла Кот-д'Ор и др., боялись контрреволюции и наказания своих коллег. В конвенте были учтены все комиссары, до сих пор направлявшиеся с миссиями, несколько горцев, заявивших о себе 9 Термидора, и остатки партии Робеспьера. Снаружи к нему были привязаны якобинцы, и он все еще пользовался поддержкой предместий и низшего класса.

Термидорианская партия состояла из большего числа конвенционалистов. Весь центр собрания и то, что осталось от Правых, присоединилось к Горе, которые отказались от своих прежних преувеличенных взглядов. Коалиция умеренных, Буасси д'Англаса, Сийеса, Камбасереса, Шенье, Тибодо, с дантонистами, Тальеном, Фрероном, Лежандром, Баррасом, Бурдон де л'Уаз, Ровером, Бентаболом, Дюмоном и двумя Мерленами, полностью изменила характер собрания. После 9 Термидора первым шагом этой партии было закрепление своей империи в конвенте. Вскоре она нашла свой путь в правительство и преуспела в исключении предыдущих членов. Поддерживаемый общественным мнением, собранием, комитетами, он открыто продвигался к своей цели; он действовал против главных децемвиров и некоторых из их агентов. Поскольку у них было много сторонников в Париже, они обратились за помощью к молодежи против якобинцев, к секциям против предместий. В то же время, чтобы усилить его, он отозвал в ассамблею всех депутатов, которых комитет общественной безопасности объявил вне закона; сначала семьдесят три человека, протестовавших против 31 мая, а затем и самих выживших жертв того дня. Якобинцы проявили возбуждение: это закрыло их клуб; предместья подняли восстание: это разоружило их. После свержения революционного правительства оно обратило свое внимание на установление другого и на введение в соответствии с конституцией III года реального, либерального, регулярного и стабильного

порядка вещей вместо чрезвычайного и временного состояния, в котором конвент находился с момента своего создания до тех пор. Но все это совершалось постепенно.

Вскоре после их общей победы между двумя партиями начались разногласия. Революционный трибунал был особым объектом всеобщего ужаса. 11 термидора оно было приостановлено; но Бийо-Варенн на том же заседании добился отмены декрета о приостановлении. Он утверждал, что виновны только сообщники Робеспьера, что большинство судей и присяжных, будучи честными людьми, желательно сохранить их на своих должностях. Баррер представил соответствующий декрет: он настаивал на том, что триумвиры ничего не сделали для революционного правительства; что они часто даже выступали против его мер; что их единственной заботой было ввести в него своих приспешников и придать ему направление, благоприятное для их собственных проектов; он настаивал, чтобы укрепить это правительство, на сохранении закона *подозреваемых* и трибунала с его нынешними членами, включая Фукье-Тенвиля. При этом имени в собрании поднялся общий ропот. Фрерон, сделав себя выразителем всеобщего негодования, воскликнул: "Я требую, чтобы, наконец, земля была освобождена от этого чудовища и чтобы Фукье был отправлен в ад, чтобы он барахтался там в пролитой им крови". Его предложение было встречено аплодисментами, и обвинение Фукье было вынесено. Баррер, однако, не считал себя побежденным; он все еще сохранял по отношению к конвенту властный язык, которым с успехом пользовался старый комитет; это было одновременно привычкой и расчетом с его стороны; ибо он хорошо знал, что ничто так легко не продолжается, как то, что увенчалось успехом.

Но политические убеждения Баррера, человека благородного происхождения, который до 10 августа был фельетонистом-роялистом, не способствовали принятию им этого властного и непреклонного тона. "Кто этот председатель Фельян, - спросил Мерлен де Тионвиль, - который предполагает диктовать нам закон?" Зал взорвался аплодисментами. Баррер растерялся, покинул трибун, и эта первая проверка комитетов показала, что они потеряли свое место в конвенте. Революционный трибунал продолжал существовать, но с другими членами и другой организацией. Закон 22-го прериаля был отменен, и теперь в судебных процессах было столько же обдуманности и умеренности, столько же форм защиты, сколько раньше было опрометчивости и бесчеловечности. Этот трибунал больше не применялся против лиц, ранее подозреваемых, которые все еще содержались в тюрьме, хотя и с более мягким обращением, и которые постепенно были восстановлены на свободе по плану, предложенному Камилом Демуленом для его Комитета помилования.

13-го числа Термидора само правительство стало предметом обсуждения. В комитете общественной безопасности не хватало многих членов; Эро де Сешель так и не был заменен; Жан-Бон-Сент-Андре и Приер де ла Марн были на задании; Робеспьер, Кутон и Сен-Жюст погибли на эшафоте. На их места были назначены Тальен, Бреар, Эшассерио, Трейяр, Тюрио и Лалуа, чье вступление еще больше ослабило влияние старых членов. В то же время были реорганизованы оба комитета, с тем чтобы сделать их более зависимыми от ассамблеи и в меньшей степени друг от друга. Комитет общественной безопасности отвечал за военные и дипломатические операции; комитет общей безопасности - за внутреннее управление. Поскольку было желательно, ограничив революционную власть, унять лихорадку, возбуждавшую толпу, и постепенно разогнать ее, ежедневные собрания секций были сокращены до одного раз в десять дней, а жалованье в размере сорока су в день, которое в

последнее время выдавалось каждому неимущему гражданину, посещавшему их, было прекращено.

Эти меры были приведены в действие 11 Фруктидора, через месяц после смерти Робеспьера, Лекуантр из Версаля осудил Бийо, Колло, Баррера из комитета общественной безопасности; и Вадье, Амара и Вуланда из комитета общей безопасности. Накануне вечером Тальен яростно выступал против правления террора, и Лекуантр был им. его атака была воодушевлена сенсацией, которую произвела речь Тальена. Он выдвинул двадцать три обвинения против обвиняемых; он вменял им все проявления жестокости или тирании, которые они применяли к триумвирам, и называл их преемниками Робеспьера. Это обвинение взволновало ассамблею, и особенно тех, кто поддерживал комитеты или желал, чтобы в республике прекратились разногласия. "Если бы преступления, в которых нас обвиняет Лекуантр, были доказаны, - сказал Бийо—Варенн, - если бы они были столь же реальны, сколь абсурдны и химеричны, то, несомненно, ни один из нас не заслуживал бы того, чтобы лишиться головы на эшафоте. Но я бросаю вызов Лекуантру в попытке доказать документами или любыми доказательствами, достойными доверия, какие-либо факты, в которых он нас обвиняет". Он отверг обвинения, выдвинутые против него Лекуантре; он упрекал своих врагов в продажности и интриганстве, которые хотели принести его в жертву памяти Дантона, *одиозного заговорщика, надежды всех отцеубийственных группировок*. "Чего добиваются эти люди, — продолжал он, - чего добиваются эти люди, которые называют нас преемниками Робеспьера? Граждане, знаете ли вы, чего они добиваются? Уничтожить свободу на могиле тирана". Донос Лекуантра был преждевременным; почти весь конвент признал его клеветническим. Обвиняемые и их друзья дали волю вспышкам безудержного и все еще сильного негодования, ибо теперь они впервые подверглись нападению; обвинитель, едва ли поддержанный кем-либо, был вынужден замолчать. Бийо-Варенн и его друзья на тот момент одержали победу.

Через несколько дней наступил срок для обновления трети состава комитета. По жребии были определены следующие члены, отправленные в отставку: Баррер, Карно, Робер Линдет в комитете общественной безопасности; Вадье, Вуланд, Моиз Бейл в комитете общей безопасности. Их сменили термидорианцы, и Колло-д'Эрбуа, так же как и Бийо-Варенн, сочтя себя слишком слабыми, подали в отставку. Другое обстоятельство еще больше способствовало падению их партии, возбуждая общественное мнение против нее; это была огласка преступлений Жозефа Лебона и Карриера, двух проконсулов комитета. Их отправили: одного в Аррас и Камбре, на границу, подвергшуюся вторжению; другого в Нант, на рубеж вандейской войны. Они обозначили свою миссию тем, что, помимо всех прочих, проявили жестокость и склонность к тирании, которые, однако, обычно присущи тем, кто облечен высшей человеческой властью. Лебон, молодой и слабого телосложения, был от природы мягок. Во время первого задания он проявил гуманность; но комитет осудил его за это и отправил в Аррас с приказом проявить себя *несколько более революционно*. Чтобы не отставать от неумолимой политики комитета, он допустил неслыханные эксцессы; он смешивал разврат с истреблением; гильотина всегда была при нем, и он называл ее святой. Он общался с палачом и допускал его к своему столу. Карриер, у которого было больше жертв для нанесения ударов, превзошел даже Лебона; он был желчным, фанатичным и от природы кровожадным. Он только ждал возможности совершить чудовищные поступки, которые даже воображение Марата не осмелилось бы вообразить. Отправленный к границам восставшей страны, он приговорил к смерти все враждебное население — священников, женщин, детей, стариков и девушек. Поскольку эшафота было недостаточно для его жестокости, он заменил революционного

трибуна отрядом убийц, получившим название "рота Марата", а вместо гильотины - лодками с фальшивым дном, с помощью которых он топил свои жертвы в Луаре. Против этих чудовищ были подняты крики о мести и справедливости. После 9 Термидора Лебон подвергся нападению первым, потому что он был агентом Робеспьера. Карриер, который был членом комитета общественной безопасности и поведение которого Робеспьер не одобрял, впоследствии подвергся судебному преследованию.

В парижских тюрьмах находилось девяносто четыре жителя Нанта, искренне преданных революции и мужественно защищавших свой город во время нападения на него вандейцев. Карриер отправил их в Париж как федералистов. Было сочтено небезопасным предавать их революционному трибуналу до девятого числа Термидора; затем они были доставлены туда с целью разоблачения на суде преступлений Карриера. Их судили намеренно с затяжной торжественностью; суд над ними длился почти месяц; общественному мнению было дано время заявить о себе; и после их оправдания революционный комитет Нанта и проконсул Карриер потребовали справедливости. Лежандр возобновил импичмент Лекуантра Бийо, Барреру, Колло и Вадье, которых великодушно защищали Карно, Приер и Камбон, их бывшие коллеги, которые потребовали разделить их судьбу. Ходатайство Лекуантра не имело никакого результата; и в настоящее время они привлекли к суду только членов революционного комитета Нанта; но мы можем наблюдать прогресс термидорианской партии. На этот раз членам комитета пришлось прибегнуть к защите, и конвент просто перешел к порядку дня по вопросу о доносе Лежандра, не признав его клеветническим, как они это сделали с Лекуантре.

Революционные демократы были, однако, все еще очень сильны в Париже: хотя они потеряли коммуну, трибунал, конвент и комитет, они все же сохранили якобинцев и предместья. Именно в этих популярных обществах сосредоточилась их партия, особенно с целью самозащиты. Каррье усердно ухаживал за ними и призывал их на помощь; Бийо-Варенн и Колло-д'Эрбуа также прибегали к ним; но так как им угрожала несколько меньшая опасность, они были осмотрительны. Соответственно, они были подвергнуты порицанию за свое молчание. *"Лев спит, - ответил Бийо-Варенн, -но его пробуждение будет ужасным"*. Этот клуб был ликвидирован после 10 Термидора, и он поздравил конвент от имени возрожденных обществ с падением Робеспьера и тирании. Примерно в это же время, когда против многих ее лидеров были возбуждены уголовные дела, а многие якобинцы были заключены в тюрьму в департаментах, от имени объединенных обществ было объявлено, что *"чтобы выразить крик скорби, который раздавался со всех концов республики, и голос угнетенных патриотов, брошенных в темницы, которые только что покинули аристократы"*.

Конвент, отнюдь не уступая якобинцам, запретил, с целью уничтожения их влияния, все коллективные петиции, отраслевые ассоциации, переписку и т.д. между материнским обществом и его филиалами и, таким образом, дезорганизовал знаменитую конфедерацию клубов. Якобинцы, отвергнутые конвентом, начали агитировать Париж, где они все еще были хозяевами. Затем термидорианцы также начали созывать свой народ, взывая к поддержке секций. В то же время Фрерон в своем журнале *"Оратор народа"* призвал молодых людей к оружию и встал во главе их. Это новое нерегулярное ополчение называло себя *"Молодая жена Фрерона"*. Все, кто его сочинял, принадлежали к богатым и среднему классу; они носили особый костюм, который назывался *Costume à la victime*. Вместо блузы якобинцев они носили квадратные открытые пальто и очень низкие башмаки; волосы, длинные по бокам, были собраны сзади в косы, называемые *каденетами*; они были вооружены короткими палками,

оловянными и по форме напоминающими дубинки. Некоторые из этих молодых людей и некоторые сектанты были роялистами; другие последовали импульсу момента, который был антиреволюционным. Последние действовали без цели или амбиций, выступая в пользу сильнейшей партии, особенно когда триумф этой партии обещал восстановить порядок, недостаток которого ощущался всеми. Другая боролась при термидорианцах против старых комитетов, как термидорианцы боролись при старых комитетах против Робеспьера; она ждала возможности действовать самостоятельно, что и произошло после полного падения революционной партии. В жестокой ситуации между двумя партиями, движимые страхом и негодованием, они безжалостно преследовали друг друга и часто вступали в драки на улицах под крики "Да здравствует Гора!" или "Да здравствует Конвенция!". *Молодые женщины* были сильны в Пале-Рояле, где их поддерживали лавочники; но якобинцы были сильнейшими в саду Тюильри, который находился рядом с их клубом.

Эти распри с каждым днем становились все более ожесточенными, и Париж превратился в поле битвы, где судьба сторон зависела от решения оружия. Этому состоянию войны и беспорядков обязательно пришел бы конец; и поскольку сторонам не хватило мудрости прийти к взаимопониманию, та или иная сторона неизбежно должна была одержать верх. Термидорианцы были растущей партией, и победа, естественно, досталась им. На следующий день после того, как Бийо рассказал *опробуждению льва* в народном обществе, по всему Парижу было большое волнение. Хотели взять якобинский клуб штурмом. Люди кричали на улицах— "Великий якобинский заговор! Объявите якобинцев вне закона!" В этот период судили революционный комитет Нанта. В свою защиту они заявили, что получили от Каррье кровавые приказы, которые они выполнили; что побудило конвент приступить к рассмотрению его поведения. Карриеру разрешили защищаться до того, как против него был принят указ. Он оправдывал свою жестокость жестокостью вандейцев и сводящей с ума яростью гражданской войны. "Когда я выступал, - сказал он, - воздух, казалось, все еще звенел гражданскими песнями двадцати тысяч мучеников, которые кричали "Да здравствует республика!" в разгар пыток. Как мог быть услышан голос человечества, погибшего в этом ужасном кризисе? Что бы сделали на моем месте мои противники? Я спас республику в Нанте; моя жизнь была посвящена моей стране, и я готов умереть за нее". Из пятисот проголосовавших четыреста девяносто восемь были за импичмент; двое других проголосовали за него, но условно.

Якобинцы, обнаружив, что их противники превращаются из подчиненных агентов в самих представителей, считали себя проигравшими. Они пытались поднять толпу не столько для защиты Карриера, сколько для поддержки своей партии, которая находилась под угрозой все больше и больше. Но их держали в узде *jeunesse dorée* и сектанты, которые в конце концов пришли на место своих заседаний, чтобы распустить клуб. Последовал острый конфликт. Осаждающие разбили окна камнями, взломали двери и разогнали якобинцев после некоторого сопротивления с их стороны. Последние пожаловались в конвент на это насилие. Ребелл, уполномоченный выступить с докладом по этому вопросу, был настроен к ним неблагоприятно. "Где была организована тирания?" сказал он. "В якобинском клубе. Где у него была поддержка и сателлиты? В якобинском клубе. Кто погрузил Францию в траур, поверг семьи в отчаяние, наполнил республику бастилиями, сделал республиканский строй настолько одиозным, что закованный в кандалы раб отказался бы жить при нем? Якобинцы. Кто сожалеет об ужасном правлении, при котором мы жили? Якобинцы. Если у вас не хватит мужества принять решение в такой момент, как этот, республике конец, потому что у вас есть якобинцы". Конвенция временно приостановила их действие, чтобы исключить и реорганизовать, не решаясь

уничтожить их сразу. Якобинцы, пренебрегая декретом, собрались с оружием в руках на своем обычном месте собраний; термидорианские войска, которые уже осадили их там, снова пришли, чтобы напасть на них. Они окружили клуб криками "Да здравствует конвент! Долой якобинцев!" Последние приготовились к обороне; они покинули свои места, крича: "Да здравствует республика!" - бросились к дверям и попытались совершить вылазку. Сначала они взяли в плен нескольких человек; но вскоре, уступив численному превосходству, они подчинились и прошли через ряды победителей, которые, обезоружив их, осыпали их шипением, оскорблениями и даже ударами. Эти нелегальные экспедиции сопровождалась всеми эксцессами, присущими партийной борьбе.

На следующий день уполномоченные конвента пришли, чтобы закрыть клуб, и поставили печати на его реестрах и бумагах, и с этого момента общество якобинцев прекратило свое существование. Это народное объединение мощно послужило революции, когда для того, чтобы дать отпор Европе, было необходимо передать власть массам и направить всю энергию республики на защиту; но теперь оно только препятствовало продвижению нового порядка вещей.

Положение дел изменилось; свобода должна была прийти на смену диктатуре теперь, когда спасение революции было осуществлено и что необходимо было вернуться к законному порядку, чтобы сохранить его. Непомерная и экстраординарная власть, подобная конфедерации клубов, неизбежно прекратила бы свое существование с поражением партии, которая ее поддерживала, и сама эта партия прекратила бы существование вместе с обстоятельствами, которые ее породили.

Карриер предстал перед революционным трибуналом, судили его без перерыва и осудили вместе с большинством его сообщников. В ходе судебного разбирательства семьдесят три депутата, чей протест против 31 мая исключил их из собраний, были восстановлены в должности. Мерлен де Дуэ внес предложение об их отзыве от имени комитета общественной безопасности; его предложение было встречено аплодисментами, и семьдесят три депутата вновь заняли свои места в конвенте. Семьдесят три, в свою очередь, попытались добиться возвращения объявленных вне закона депутатов, но они натолкнулись на яростное сопротивление. Термидорианцы и члены новых комитетов опасались, что такая мера поставит под сомнение саму революцию. Они также боялись ввести в конвент новую партию, уже расколотившую, и вспомнить о непримиримых врагах, которые могли вызвать по отношению к себе реакцию, подобную той, которая имела место против старых комитетов. Соответственно, они яростно выступили против этого предложения, и Мерлен де Дуэ зашел так далеко, что сказал: "Вы хотите распахнуть двери Тампля?" Молодой сын Людовика XVI. был заключен туда, и жирондисты из-за результатов 31 мая были смешаны с роялистами; кроме того, 31 мая все еще фигурировало среди революционных дат рядом с 10 августа и 14 июля. Ретроградному движению предстояло еще предпринять некоторые шаги, прежде чем оно достигнет этого периода. Республиканская контрреволюция повернула вспять с 9 термидора 1794 года на 3 октября 1793 года, день, когда были арестованы семьдесят три человека, но не на 2 июня 1793 года, когда были арестованы двадцать два человека. После свержения Робеспьера и комитета ему пришлось атаковать Марата и Гору. В почти геометрической прогрессии народного движения для осуществления этого все еще требовалось несколько месяцев.

Они пошли дальше, отменив децемвирусную систему. Декрет против священников и знати, которые образовали два запрещенных класса во времена террора, был отменен; **максимальный** срок был отменен, чтобы восстановить доверие, положив конец коммерческой тирании; всеобщее и серьезное усилие состояло в том, чтобы заменить деспотическое давление комитета общественного спасения максимально высокой свободой. Этот период также был отмечен независимостью прессы, восстановлением религиозного культа и возвращением имущества, конфискованного у федералистов во время правления комитетов.

Здесь была полная реакция против революционного правительства; вскоре она дошла до Марата и Горы. После 9-го Термидора было сочтено необходимым противопоставить великую революционную репутацию Робеспьеру, и Марат был выбран для этой цели. Ему были присуждены почести Пантеона, которые Робеспьер, находясь у власти, отложил с предоставлением ему. Теперь он, в свою очередь, подвергся нападкам. Его бюст находился в конvente, театрах, на площадях и народных собраниях. *"Молодая женщина"* нарушила это правило в театре Фейдо. Гора подала жалобу, но конвент постановил, что ни один гражданин не может удостоиться почестей Пантеона, а его бюст не может быть установлен в конvente, пока он не умрет десять лет назад. Бюст Марата исчез из зала съезда, и поскольку в предместьях царило очень большое волнение, секции, обычно поддерживавшие ассамблею, дефилировали через него. Напротив дома инвалидов также находился возвышенный холм, *гора*, увенчанный колоссальной группой, изображающей Геркулеса, сокрушающего гидру. Секция Галле-о-Бле потребовала убрать это. Левые части собрания зашумели. "Гигант, - сказал один из депутатов, - это эмблема народа". "Все, что я вижу в нем, - это гору, - ответил другой, - а что такое Гора, как не вечный протест против равенства". Эти слова вызвали бурные аплодисменты, и их оказалось достаточно, чтобы распространить петицию и свергнуть памятник победе и господству партии.

Затем были отозваны запрещенные конвенционалисты; уже некоторое время назад их объявление вне закона было отменено. Иснар и Луве обратились к собранию с письмом о восстановлении в своих правах; они были встречены возражением относительно последствий 31 мая и восстаний в департаментах. "Я не буду, - сказал Шенье, который высказался в их пользу, - я не буду настолько оскорблять национальный конвент, чтобы выставять перед ними призрак федерализма, который был нелепо выдвинут в качестве главного обвинения против ваших коллег. Скажут, что они бежали; они спрятались. Значит, в этом их преступление! если бы это, ради благополучия республики, было преступлением всех! Почему не было достаточно глубоких пещер, чтобы сохранить в стране размышления Кондорсе, красноречие Верньо? Почему какая-нибудь гостеприимная земля 10 Термидора не вернула к жизни эту колонию энергичных патриотов и добродетельных республиканцев? Но эти люди, омраченные несчастьем, опасаются замыслов мести. Обученные в школе страданий, они научились только сокрушаться о человеческих ошибках. Нет, нет, Кондорсе, Рабо-Сент-Этьен, Верньо, Камиль Демулен не ищут кровавых холокостов; их гривы не утолить гекатомбами". Левые выступили против предложения Шенье. "Вы готовы, - воскликнул Бентаболь, - возбудить все страсти; если вы нападете на восстание 31 мая, вы нападете на восемьдесят тысяч человек, участвовавших в нем". "Давайте позаботимся, - ответил Сийес, - не смешивать дело тирании с делом принципов. Когда люди, поддерживаемые подчиненной властью, нашим соперником, преуспели в организации величайшего из преступлений 31 мая и 2 июня, это было делом не патриотизма, а возмутительной тирании; с тех пор вы видели, как конвент подчинялся, большинство было угнетено, меньшинство диктовало законы. Нынешняя сессия разделена на три отдельных периода: до 31 мая имело место притеснение конвента народом; до 9 Термидора - притеснение

народа конвентом, который сам является объектом тирании; и, наконец, с 9 Термидора правосудие в отношении конвента восстановило свои права ". Он потребовал отозвать запрещенных членов в качестве залога единства в ассамблее и безопасности республики. Мерлен де Дуэ немедленно предложил их возвращение от имени комитета общественной безопасности; это было удовлетворено, и после восемнадцатимесячного запрета двадцать два конвенционалиста вернулись на свои места; среди них были Иснар, Луве, Ланжуине, Кервелеган, Анри Ла Ривьер, Ла Ревельер-Лепо и Лесаж - все, что осталось от блестящей, но неудачливой Жиронды. Они присоединились к умеренной партии, которая с каждым днем все больше и больше состояла из остатков различных партий. Ибо старые враги, забыв о своих обидах и соперничестве за господство, потому что теперь у них были одни и те же интересы и одна и та же цель, стали союзниками. Это было началом примирения между теми, кто желал республики против роялистов и реальной конституции в противовес революционерам. В этот период все меры против федералистов были отменены, и жирондисты возглавили республиканскую контрреволюцию.

Однако сторонники реакции завели конвент слишком далеко; в своем желании все исправить и наказать всех он впал в крайности справедливости. После отмены децемвирского режима прошлое должно было быть предано забвению, и революционная пропасть закрылась после того, как в нее были брошены несколько искупительных жертв. Только безопасность приводит к умиротворению; а умиротворение допускает только свободу. Снова вступив на путь, характеризующийся страстью, они лишь перенесли тиранию, насилие и бедствия. До сих пор буржуазия приносилась в жертву массе, теперь же все было как раз наоборот. На смену максимуму пришли биржевые спекуляции, а информаторы среднего класса в целом превзошли популярных информаторов. Против всех, кто принимал участие в диктаторском правлении, были применены самые ярые меры. Секции, оплот среднего класса, требовали разоружения и наказания членов своих революционных комитетов, состоящих из санкюлотов. Поднялся всеобщий шум и клич против *террористов*, число которых с каждым днем увеличивалось. Департаменты осудили всех бывших проконсулов, доведя, таким образом, до отчаяния многочисленную партию, которой на самом деле больше не следовало опасаться, поскольку она потеряла всякую власть, угрожая ей, таким образом, великими и непрекращающимися репрессиями.

Страх перед проскрипциями и несколько других причин подтолкнули их к восстанию. Общая нужда была ужасной. Рабочая сила и ее продукты сокращались с самого революционного периода, в течение которого богатые были заключены в тюрьмы, а бедные управляли страной; подавление *максимума* вызвало жестокий кризис, который торговцы и фермеры обратили в свою пользу, создав катастрофические монополии и рабочие места. Сложность усугублялась тем, что ассигнации дискредитировались, и их стоимость с каждым днем снижалась. Было выпущено их более чем на восемь миллиардов. Ненадежность этих бумажных денег из-за революционных конфискаций, которые обесценили национальную собственность, недостаток уверенности со стороны купцов, мещан и т.д. В стабильности революционного правительства, которое они считали лишь временным, все это в совокупности привело к снижению реальной стоимости ассигнаций до одной пятнадцатой их номинальной стоимости. Их принимали неохотно, а звонкую монету копили с еще большей тщательностью, пропорционально растущему спросу на нее и обесцениванию бумажных денег. Люди, нуждавшиеся в пище и не имевшие средств купить ее, даже когда у них были ассигнации, находились в крайнем бедствии. Они приписывали это купцам, фермерам, землевладельцам и другим собственникам,

правительству и с сожалением указывали на тот факт, что раньше, при комитете общественной безопасности, они пользовались и властью, и пропитанием. Конвент действительно назначил продовольственный комитет для снабжения Парижа провизией, но этот комитет сталкивался с большими трудностями и расходами, изо дня в день добывая полторы тысячи мешков муки, необходимой для пропитания этого огромного города; и люди, которые часами толпились перед булочными в ожидании фунта испорченного хлеба, розданного каждому жителю, громко жаловались и неистово роптали. Они позвонили Буасси д'Англасу, президенту комитета по обеспечению средств к существованию, "*Буасси-Голод*". Таково было состояние фанатичной и разъяренной толпы, когда ее бывшие лидеры предстали перед судом.

12-го числа, вскоре после возвращения оставшихся жирондистов, ассамблея постановила арестовать Бийо-Варенна, Колло-д'Эрбуа, Баррера и Вадье. Суд над ними в конвенте был назначен на 3-е Зародышевое число. 1-го (20 марта 1795 г.), в день Декады и в тот день, когда собрались секции, их сторонники организовали беспорядки, чтобы помешать их привлечению к суду; внешние секции предместий Сент-Антуан и Сен-Марсо были преданы их делу. Из этих кварталов они, наполовину петиционеры, наполовину повстанцы, направились к конвенту, требуя хлеба, конституции 93-го года и освобождения заключенных патриотов. По пути они встретили нескольких молодых людей, которых бросили в тазы Тюильри. Однако вскоре распространилась весть о том, что конвент находится в опасности и что якобинцы вот-вот освободят своих лидеров, *имолодая женщина*, сопровождаемая примерно пятью тысячами жителей внутренних кварталов, пришла, разогнала жителей предместий и выступила в качестве охраны собрания. Последний, предупрежденный этой новой опасностью, по предложению Сийеса восстановил старое военное положение под названием *главной полиции*.

Это восстание в пользу обвиняемых потерпело неудачу, они предстали перед конвентом 3-го Жерминаля. Один Вадье был непреклонен. Их поведение расследовалось с величайшей серьезностью; им было предъявлено обвинение в тиранстве над народом и угнетении конвента. Хотя доказательств, подтверждающих это обвинение, было недостаточно, обвиняемые защищались очень убедительно. Они приписывали Робеспьеру притеснения собрания и самих себя; они пытались смягчить свое собственное поведение, ссылаясь на меры, принятые комитетом и конвентом, подчеркивая волнующий характер периода и необходимость обеспечения обороны и безопасности республики. Их бывшие коллеги выступили свидетелями в их пользу и пожелали выступить с ними заодно. *Кретуа* (так тогда назывался остаток горы) также горячо поддерживали их. Суд над ними длился девять дней, и на каждом заседании присутствовали представители обвинения и защиты. В предместьях царил сильное возбуждение. Толпы, которые собирались каждый день, начиная с 1-го Жерминаля, 12-го числа увеличились вдвое, и произошло новое восстание, чтобы приостановить судебный процесс, который первое восстание не смогло предотвратить. Агитаторы, на этот раз более многочисленные и смелые, пробились сквозь охрану конвента и вошли в зал, написав мелом на своих шляпах слова "Хлеб", "Конституция 93-го", "Свобода патриотам". Многие депутаты *Креата* высказались в их пользу; другие члены, пораженные суматохой и беспорядками, вызванными этим народным нашествием, ожидали прибытия внутренних частей для своего освобождения. Все дебаты были прекращены. Набат, который был снят с коммуны после ее поражения и установлен на крыше Тюильри, где заседал конвент, забил тревогу. Комитет приказал барабанам бить в знак призыва к оружию. Вскоре граждане ближайших районов собрались, прошли маршем с оружием в руках на помощь съезду и спасли его во второй раз. Суд приговорил обвиняемых, дело которых послужило предлогом для этого восстания, к высылке и

постановил арестовать семнадцать членов *Церкви*, которые поддерживали повстанцев и поэтому могли рассматриваться как их сообщники. Среди них были Камбон, Руам, Леонард Бурдон, Тюрио, Шасл, Амар и Лекуантр, которые после отзыва жирондистов вернулись в Горы. На следующий день они и лица, приговоренные к перевозке, были доставлены в замок Хам.

События 12-го числа Жерминаля ничего не решили. Предместья были отброшены, но не завоеваны; и решительное поражение должно отнять у партии как силу, так и уверенность, прежде чем она будет окончательно уничтожена. После стольких вопросов, решенных не в пользу демократов, оставался один из важнейших - конституция. От этого зависело господство масс или буржуазии. Затем сторонники революционного правительства вернулись к демократической конституции 93-го года, которая предоставила им средство восстановления утраченной ими власти. Их противники, с другой стороны, пытались заменить его конституцией, которая обеспечила бы им все преимущества, немного сконцентрировав власть и передав ее среднему классу. В течение месяца обе партии готовились к этому последнему состязанию. Конституция 1793 года, получившая одобрение народа, пользовалась большим авторитетом. Соответственно, на нее нападали с бесконечными предосторожностями. Сначала противники обязались привести его в исполнение без каких-либо ограничений; затем они назначили комиссию из одиннадцати членов для подготовки *организации*, которые должны были сделать его практически осуществимым; мало-помалу они осмелились выдвинуть возражения против него на том основании, что он распределял власть слишком свободно и признавал только одно собрание зависимым от народа, даже в части законодательства. Наконец, депутация сепаратистов зашла так далеко, что назвала конституцию 93-го года децемвирской конституцией, продиктованной террором. Все его сторонники, одновременно возмущенные и преисполненные страхов, организовали восстание, чтобы поддержать его. Это было еще одно 31 мая, такое же ужасное, как и первое, но которое, не имея поддержки всемогущей коммуны, не находясь под руководством главного коменданта, не имея напуганного конвента и покорных секций, с которыми приходилось иметь дело, не привело к такому же результату.

Заговорщики, предупрежденные провалом восстаний 1-го и 12-го Жерминаля, не упустили ничего, что могло бы восполнить отсутствие у них прямой цели и организации. 1-го прериаля (20 мая) от имени народа, восставшего с целью получения хлеба и своих прав, они издали декрет об упразднении революционного правительства, установлении демократической конституции 93-го года, увольнении и аресте членов существующего правительства, освобождении патриотов, созыве первичных собраний 25-го прериаля, созыве законодательного собрания, призванного заменить конвент, 25-го мессидора и приостановлении всякой власти, не исходящей от народа. Они решили образовать новый муниципалитет, который служил бы общим центром; захватить барьеры, телеграф, пушки, набаты, барабаны и не успокоиться, пока не обеспечат покой, счастье, свободу и средства к существованию для всей французской нации. Они пригласили артиллерию, жандармов, конных и пеших солдат встать под знамена народа и двинулись маршем на съезд.

Тем временем последний обдумывал средства предотвращения восстания. Ежедневные собрания, вызванные раздачей хлеба и народным волнением, скрывали от него подготовку к великому восстанию, и оно не предприняло никаких шагов, чтобы предотвратить его. Комитеты поспешили предупредить его об опасности; он немедленно объявил свое заседание постоянным, признал Париж ответственным за безопасность представителей республики, закрыл свои двери, объявил вне закона всех главарей толпы, призвал граждан секций к оружию

и назначил их руководителями восемь комиссаров, среди которых были Лежандр, Анри Ла Ривьер, Кервелеган и др. Едва эти депутаты ушли, как снаружи послышался громкий шум. Взломали наружную дверь, и множество женщин выбежали на галереи, крича: "Хлеба и конституции 93-го года!" Конвент принял их твердо. "Ваши крики, - сказал председатель Вернье, - не изменят нашей позиции; они ни на минуту не ускорят прибытие припасов. Они будут только мешать этому". Страшный шум заглушил голос президента и прервал заседание. Затем галереи были очищены, но повстанцы из предместий вскоре добрались до внутренних дверей и, обнаружив, что они закрыты, взломали их топорами и молотками, а затем ворвались в зал собрания.

Зал превратился в поле битвы. Ветераны и жандармы, которым была доверена охрана собрания, закричали: "К оружию!" Заместитель Авгия с мечом в руке возглавил их и преуспел в отражении нападения и даже взял нескольких из них в плен. Но повстанцы, более многочисленные, вернулись к атаке и снова ворвались в дом. Депутат Феро стремительно вошел, преследуемый повстанцами, которые произвели несколько выстрелов в доме. Они прицелились в Буасси д'Англаса, который занимал президентское кресло вместо Вернье. Феро подбежал к трибуну, чтобы заслонить его своим телом; его били пиками и саблями, и он упал, тяжело раненный.

Повстанцы затащили его в вестибюль и, приняв за Фрерона, отрубили ему голову и насадили на пику.

После этой стычки они стали хозяевами зала. Большинство депутатов обратились в бегство. Остались только члены *Церкви* и Буасси д'Англас, которые спокойно, в шляпе, не обращая внимания на угрозы и оскорбления, протестовали от имени конвента против этого народного насилия. Они протянули ему окровавленную голову Феро; он почтительно склонился перед ней. Они пытались заставить его, приставив пики к его груди, поставить предложения повстанцев на голосование; он упорно и мужественно отказывался. Но *Кретау*, одобрявшие восстание, захватили бюро и трибуну и под аплодисменты толпы провозгласили все статьи, содержащиеся в манифесте восстания. Заместитель Ромме стал их органом. Кроме того, они назначили исполнительную комиссию в составе Бурботта, Дюруа, Дюкенуа, Приера де ла Марн и главнокомандующего вооруженными силами, заместителя Субрани. Таким образом, они подготовились к возвращению своего господства. Они издали декрет об отзыве своих заключенных коллег, увольнении своих врагов, демократической конституции, восстановлении якобинского клуба. Но им было недостаточно на короткое время узурпировать ассамблею; необходимо было завоевать секции, ибо только с ними они могли там по-настоящему бороться.

Уполномоченные, разосланные по секциям, быстро собрали их вместе. Батальоны *Бют-де-Мулен*, *Лепельтье*, *де-Пик*, *де Лафонтен-Гренель*, которые были ближайшими, вскоре заняли Карусель и ее главные улицы. Затем положение дел изменилось; Лежандр, Кервелеган и Оги, в свою очередь, осадили повстанцев во главе сепаратистов. Сначала они столкнулись с некоторым сопротивлением. Но вскоре они с примкнутыми штыками вошли в зал, где заговорщики все еще совещались, и Лежандр выкрикнул: "*Именем закона я приказываю вооруженным гражданам удалиться*". Они на мгновение заколебались, но прибытие батальонов, которые теперь входили во все двери, напугало их, и они поспешили покинуть зал во всем беспорядке бегства. Ассамблея снова собралась в полном составе; секции получили вотум благодарности, и обсуждение было возобновлено. Все меры, принятые за это время, были отменены, и четырнадцать представителей, к которым впоследствии присоединились еще

четырнадцать человек, были арестованы за организацию восстания или одобрение его в своих речах. Была полночь; в пять часов утра пленники были уже в шести лье от Парижа.

Несмотря на это поражение, жители предместья не считали себя побежденными; и на следующий день они *в массовом порядке* двинулись со своими пушками против конвента. Секции, со своей стороны, выступили на его защиту. Обе стороны были готовы вступить в бой; пушки предместья, установленные на площади Карусель, были направлены в сторону замка, когда собрание направило уполномоченных к повстанцам. Начались переговоры. Депутат от предместья, допущенный в конвент, сначала повторил требование, выдвинутое накануне, добавив: "Мы полны решимости скорее умереть на посту, который мы сейчас занимаем, чем отказаться от наших нынешних требований. Я ничего не боюсь! Меня зовут Сен-Леже. *Vive la République! Vive la Convention!* если это связано с принципами, как я полагаю". Депутата приняли благосклонно, и они подружились с предместьями, не предоставив им, однако, ничего положительного. Последние, не имея больше ни генерального совета коммуны, который поддерживал бы их решения, ни командира, подобного Анрио, который держал бы их при оружии до тех пор, пока их предложения не будут утверждены, не пошли дальше. Они ушли в отставку после того, как получили заверения в том, что конвент усердно займется вопросом о положениях и вскоре опубликует органические законы конституции 93-го года. Тот день показал, что огромная физическая сила и решительная цель - не единственные вещи, необходимые для обеспечения успеха; также необходимы лидеры и авторитет для поддержки восстания и руководства им. Конвенция была единственной оставшейся юридической силой: партия, за которую она выступала, одержала победу.

Шесть членов демократической партии от Горы, Гужон, Бурботт, Ромм, Дюруа, Дюкенуа и Субрани, предстали перед военной комиссией. Они вели себя твердо, как люди, фанатично преданные своему делу, и почти все были свободны от излишеств. Прериальное движение было единственным средством против них; но этого было достаточно во времена партийной борьбы, и они были приговорены к смерти. Все они закололи себя одним и тем же ножом, который передавали от одного к другому, восклицая: "*Да здравствует Республика!*" Ромму, Гужону и Дюкенуа посчастливилось смертельно ранить себя; остальных троих повели на эшафот в предсмертном состоянии, но они встретили смерть с безмятежными лицами.

Тем временем предместья, хотя и были отброшены 1-го и отклонены от своей цели 2-го Прериала, все еще имели средства для восстания. Событие гораздо меньшей важности, чем предыдущие беспорядки, привело к их окончательному краху. Убийца Феро был обнаружен, осужден, и 4-го числа, в день его казни, толпе удалось спасти его. Последовал всеобщий протест против этой попытки; и конвент приказал разоружить предместья. Они были окружены всеми внутренними районами. После попытки сопротивления они сдались, бросив некоторых своих лидеров, оружие и артиллерию. Демократическая партия потеряла своих вождей, свои клубы и свои авторитеты; у нее не осталось ничего, кроме вооруженной силы, которая делала ее по-прежнему грозной, и институтов, с помощью которых она еще могла вернуть себе все. После последней проверки низший класс был полностью отстранен от управления государством, революционные комитеты, составлявшие его собрания, были уничтожены; канониры, составлявшие его вооруженные силы, были разоружены; конституция 93-го года, которая была его кодексом, была отменена; и на этом господству толпы пришел конец.

С 9 термидора по 1 Прериал с Горой обращались так же, как со 2 июня по 9 Термидора обращались с жирондистской партией. Семьдесят шесть ее членов были приговорены к смертной казни или аресту. В свою очередь, она претерпела ту судьбу, которую навязала другой; ибо во времена, когда в игру вступают страсти, стороны не знают, как прийти к соглашению, и стремятся только к победе. Подобно жирондистам, они прибегли к восстанию, чтобы вернуть себе утраченную власть; и, подобно им, они пали. Верньо, Бриссо, Гуаде и др. были судимы революционным трибуналом; Бурботт, Дюруа, Субрани, Ромм, Гужон, Дюкенуа - военной комиссией. Все они погибли с одинаковым мужеством, что показывает, что все партии одинаковы и руководствуются одними и теми же принципами или, если вам угодно, одними и теми же потребностями. С этого периода средний класс возобновил внешнее руководство революцией, и ассамблея была так же едина под руководством жирондистов, как это было после 2 июня под Горой.

ГЛАВА XI

С 1-ГО ПРЕИАЛЯ (20 МАЯ 1795 г.) По 4-Е БРЮМЕРА (26 ОКТЯБРЯ) ЧЕТВЕРТОГО ГОДА, ЗАКРЫТИЕ КОНВЕНТА

Внешнее процветание революции в основном способствовало падению диктаторского правительства и якобинской партии. Растущие победы республики, которым они в значительной степени способствовали своими энергичными мерами и своим энтузиазмом, сделали их могущество излишним. Комитет общественной безопасности, сокрушив своей сильной и грозной рукой внутренние районы Франции, накопил ресурсы, организовал армии, нашел генералов и повел их к победам, которые в конечном итоге обеспечили триумф революции перед лицом Европы. Процветающее положение больше не требовало прежних усилий; его миссия была выполнена, специфической задачей такой диктатуры было спасти страну и дело и погибнуть из-за той самой безопасности, которую она обеспечила. Внутренние события помешали нам быстро описать импульс, который комитет общественной безопасности придал армиям после 31 мая, и результаты, которые он получил от этого.

Массовый набор, состоявшийся летом 1793 года, сформировал горные войска. Лидеры этой партии вскоре выбрали из второстепенных чинов генералов, принадлежащих кГоре, чтобы заменить генералов-жирондистов. Этими генералами были Журден, Пишегрю, Гош, Моро, Вестерманн, Дюгомье, Марсо, Жубер, Клебер и др. Карно, вступив в комитет общественной безопасности, стал военным министром и главнокомандующим всеми республиканскими армиями. Вместо разрозненных тел, действующих согласованно в изолированных точках, он действовал сильными массами, сосредоточенными на одном объекте. Он приступил к осуществлению грандиозного плана ведения войны, который он с решительным успехом испытал в Ватиньи в качестве комиссара конвента. Эта важная победа, в которой он лично участвовал, заставила союзных генералов Клерфе и принца Кобургского отступить за Самбр и сняла осаду Мобежа. Зимой 1793 и 1794 годов две армии продолжали находиться друг против друга, ничего не предпринимая.

В начале кампании каждый из них разработал план вторжения. Австрийская армия наступала на города на Сомме, Перонн, Сен-Кантен, Аррас и угрожала Парижу, в то время как французская армия снова планировала завоевание Бельгии. План комитета общественной безопасности был

скомбинирован совсем не так, как расплывчатый замысел коалиции. Пишегрю во главе пятидесятитысячной армии севера вступил во Фландрию, расположенную на берегу моря и Шельды. Справа от него Моро с двадцатью тысячами человек двинулся на Менина и Куртре. Генерал Сухам с тридцатью тысячами человек остался под Лиллем, чтобы поддержать крайний правый фланг вторгшейся армии против австрийцев; в то время как Журдан с мозельской армией направился к Шарлеруа через Арлон и Динан, чтобы присоединиться к армии севера.

Австрийцы, атакованные во Фландрии и которым угрожал неожиданный удар в тыл со стороны Журдана, вскоре оставили свои позиции на Сомме. Клерфе и герцог Йоркский позволили разбить себя при Куртре и Хугледе армии Пишегрю; Кобург при Флерюсе - армии Журдана, который только что взял Шарлеруа. Два генерала-победителя быстро завершили вторжение в Нидерланды. Англо-голландская армия отступила к Антверпену, а оттуда к Бреде и от Бреды к Буа-ле-Дюку, получая постоянные отпоры. Она пересекла Вааль и вернулась в Голландию. Австрийцы с тем же успехом пытались прикрыть Брюссель и Мейстрихт: их преследовала и разбила армия Журдана, которая со времени своего объединения получила название армии *Самбры и Мааса*, и которая не оставила их за Рером, как это сделал Дюмурье, но отбросила их за Рейн. Журдан овладел Кельном и Бонном и сообщался левым флангом с правым флангом мозельской армии, которая продвинулась в страну Люксембург и которая вместе с ним заняла Кобленц. Произошло общее и согласованное движение всех французских армий, все они двинулись к рейнской границе. Во время поражений рубежи Вайсенбурга были форсированы. Комитет общественной безопасности применил к Рейнской армии оперативные меры, характерные для его политики. Комиссары, Сен-Жюст и Леба, передали главное командование Гошу, сделали террор и победу приоритетом дня; а генералы Брауншвейг и Вурмзер были очень скоро отброшены от Хагно на линии Лотера и, не будучи в состоянии даже удержать эту позицию, перешли Рейн у Филиппсбурга. Шпиль и Черви были отбиты. Республиканские войска, повсюду одерживая победы, заняли Бельгию, ту часть Голландии, которая находилась слева от Мааса, и все города на Рейне, за исключением Майнца и Мангейма, которые были плотно окружены.

Альпийская армия не добилась большого прогресса в этой кампании. Она пыталась вторгнуться в Пьемонт, но потерпела неудачу. На границе с Испанией война началась при неблагоприятных обстоятельствах: две армии в восточных и западных Пиренеях, малочисленные и плохо дисциплинированные, постоянно терпели поражения; одна отступила под Перпиньяном, другая - под Байонной. Комитет общественной безопасности с опозданием обратил свое внимание и усилия на этот вопрос, который был для него не самым опасным. Но как только она внедрила свою систему, генералов и организацию в две армии, внешний вид вещей изменился. Дюгомье, после неоднократных успехов, изгнал испанцев с французской территории и вступил на полуостров через Каталонию. Монси также вторгся в нее через долину Бастан, другой приток Пиренеев, и стал хозяином Сан-Себастьяна и Фонтарабии. Коалиция повсюду терпела поражение, и некоторые из конфедеративных держав начали раскаиваться в своем чрезмерно самоуверенном присоединении.

Тем временем известие о перевороте 9 Термидора дошло до армий. Они были стопроцентными республиканцами и опасались, что падение Робеспьера приведет к падению народного правительства; и они, соответственно, восприняли это известие с явным неодобрением; но, поскольку армии были покорны гражданской власти, никто из них не восстал. Восстания в армии происходили только с 14 июля по 31 мая, потому что, будучи убежищем побежденных

партий, их вожди при каждом кризисе пользовались преимуществом политического превосходства и боролись со всем пылом скомпрометированных фракций. Напротив, при комитете общественной безопасности самые известные генералы не имели никакого политического влияния и подчинялись ужасной партийной дисциплине. Время от времени выступая против генералов, конвент без труда удерживал армии в повиновении.

Вскоре после этого нашествие продолжилось в Голландии и на испанском полуострове. В середине зимы Соединенные провинции подверглись нападению Пишегрю, который призвал голландских патриотов к свободе, причем с нескольких сторон. Партия, выступавшая против штатгальдерата, поддержала победоносные усилия французской армии, и революция и завоевание произошли одновременно в Лейдене, Амстердаме, Гааге и Утрехте. Штатгальтер нашел убежище в Англии, его власть была упразднена, и ассамблея генеральных штатов провозгласила суверенитет народа и учредила Голландскую республику, которая заключила тесный союз с Францией, которой она уступила по Парижскому мирному договору от 16 мая 1795 года Голландскую Фландрию, Мейстрихт, Венлу и их зависимости. Судходство по Рейну, Шельде и Маасу было предоставлено обеим нациям. Голландия, благодаря своему богатству, внесла значительный вклад в продолжение войны против коалиции. Это важное завоевание в то же время лишило Англию мощной поддержки и вынудило Пруссию, которой угрожали на Рейне и Голландия, заключить в Базеле с Французской Республикой мир, к которому ее неудачи и дела Польши давно расположили ее. 10 июля в Базеле был также заключен мир с Испанией, встревоженной нашим продвижением по ее территории. Фигьер и крепость Росас были взяты; и Периньон продвигался в Каталонию; в то время как Монси, став хозяином Вилья-Реаля, Бильбао и Виттории, выступил против испанцев, которые отступили к границам Старой Кастилии. Мадридский кабинет потребовал мира. Он признал Французскую Республику, которая восстановила свои завоевания и которая получила взамен часть Сан-Доминго, принадлежавшую Испании. Две дисциплинированные пиренейские армии присоединились к альпийской армии, которая таким образом вскоре захватила Пьемонт и вошла в Италию—Тоскану, только заключив мир с республикой 9 февраля 1795 года.

Эти частичные перемирия и неудачи союзных войск придали другое направление усилиям Англии и эмигрантской партии. Настало время сделать внутренние районы Франции центром контрреволюционного движения. В 1791 году, когда во Франции цариле единодушие, роялисты возлагали все свои надежды на иностранные державы; теперь же разногласия внутри страны и поражение их союзников в Европе не оставили им иного выхода, кроме заговоров. Безуспешные попытки, как мы видели, никогда не повергают побежденные стороны в отчаяние: одна только победа утомляет и обессиливает и рано или поздно восстанавливает власть тех, кто ждет.

События в Прериале и поражение якобинской партии определили ход контрреволюционного движения. В этот период реакция, до сих пор руководимая умеренными республиканцами, стала в целом роялистской. Сторонники монархии были все еще столь же разобщены, как и с момента открытия генеральных штатов до 10 августа. Внутри страны старые конституционалисты, заседавшие в секциях и состоявшие из богатых средних классов, придерживались иных взглядов на монархию, чем абсолютные роялисты. Они все еще ощущали соперничество и противопоставление интересов, естественное для среднего класса по отношению к привилегированным классам. Абсолютные роялисты сами с этим не соглашались; партия, разбитая внутри Страны, не испытывала симпатий к партии, зачисленной

в европейские армии; но помимо разногласий между эмигрантами и вандейцами, разногласия возникли среди эмигрантов со дня их отъезда из Франции. Тем временем все эти роялисты разных взглядов, которым еще не приходилось бороться за награду за победу, пришли к соглашению совместно напасть на конвент. Эмигранты и священники, которые за последние несколько месяцев вернулись в большом количестве, приняли знамя секций, совершенно уверенные, что, если они добьются успеха с помощью среднего класса, установят свое собственное правительство; ибо у них был лидер и определенная цель, которых не было у сектантов.

Эта реакция нового характера некоторое время сдерживалась в Париже, где конвент, сильная и нейтральная держава, желал предотвратить насилие и узурпацию обеих сторон. Свергнув власть якобинцев, она подавила месть роялистов. Тогда большая часть *"Золотой труппы"* отступила от своего дела, лидеры секций подготовили буржуазию к выступлению против собрания и конфедерация журналистов пришла на смену конфедерации якобинцев. Лаарп, Рише-де-Серизи, Понселен, Тронсон-дю-Кудре, Маршена и др. стали выразителями этого нового мнения и были членами литературного клуба. Активные, но нерегулярные войска этой партии собрались в театре Фейдо. итальянский бульвар и Пале-Рояль, и началось *преследование якобинцев* под пение *Народной песни*. Запрещающим словом в то время было "Террорист", в силу чего *честный человек* мог с чистой совестью напасть на революционера. Класс террористов расширился по воле или страстям новых реакционеров, которые носили прически *а—ля victime* и которые, больше не боясь открыто заявлять о своих намерениях, с некоторых пор приняли шуанскую униформу - серое пальто с отложным воротником и зеленым или черным воротником.

Но эта реакция была гораздо более яркой в департаментах, где не было полномочий вмешиваться в предотвращение кровопролития. Здесь были только две партии: та, которая доминировала, и та, которая пострадала под Горой. Промежуточным классом попеременно управляли роялисты и демократы. Последние, предвидя ужасные репрессии, которым они подвергнутся в случае своего поражения, держались так долго, как могли; но их поражение под Парижем привело к их падению в департаментах. Затем были проведены партийные казни, аналогичные казням проконсулов комитета общественной безопасности. Юг был, в особенности, жертвой массовых убийств и актов личной мести. Общества, называемые *Compagnies de Jésus* и *Compagnies du Soleil*, которые были роялистского происхождения, были организованы и осуществляли ужасные репрессии. В Лионе, Эксе, Тарасконе и Марселе они убивали в тюрьмах тех, кто участвовал в предыдущем режиме. Почти на всем юге было 2 сентября. В Лионе, после первых революционных погромов, члены *компаний* выслеживали тех, кто не был схвачен; и когда они встречали одного, то без всякой иной формы, кроме восклицания "Вот Матавон" (данное им имя), они убивали его и бросали в Рону. В Тарасконе они сбросили их с вершины башни на скалу на берегу Роны. Во время этого нового правления террора и общего поражения революционеров Англия и эмигранты предприняли смелое предприятие Киберона.

Вандейцы были измотаны своими неоднократными поражениями, но они не были полностью разбиты. Однако их потери и разногласия между их главными лидерами, Шареттом и Стоффле, оказали им крайне слабую помощь. Шаретт даже согласился на переговоры с республикой, и между ним и конвентом в Жюсне было заключено нечто вроде перемирия. Маркиз де Пюизе, человек предприимчивый, но непостоянный и более способный к интригам, чем к энергичным

партийным концепциям, намеревался заменить почти угасающее восстание в Вандее восстанием в Бретани. Со времени предприятия при Вимпфене, в котором командовал Пюизе, в Кальвадосе и Морбиане уже существовали шайки шуанов, состоявшие из остатков партий, авантюристов, безработных и дерзких контрабандистов, которые совершали экспедиции, но не могли удержаться на поле боя, как вандейцы. Пюизе обратился к Англии с просьбой расширить *Шуанери*, вселив в нее надежду на всеобщее восстание в Бретани, а оттуда и в остальной Франции, если оно высадит ядро армии с боеприпасами и пушками.

Министерство Великобритании, обманутое в отношении коалиции, не желало ничего лучшего, как подвергнуть республику новым опасностям, в то время как оно стремилось возродить мужество Европы. Оно доверилось Пюизе и весной 1795 года подготовило экспедицию, в которой приняли участие самые энергичные эмигранты, почти все офицеры бывшего военно-морского флота и все, кто, устав от роли изгнанников и тягот скитальческой жизни, пожелал в последний раз попытать счастья.

Английский флот высадил на полуострове Киберон полторы тысячи эмигрантов, шесть тысяч пленных республиканцев, которые присоединились к делу возвращения эмигрантов во Францию, шестьдесят тысяч мушкетов и все снаряжение для сорокатысячной армии. Полторы тысячи шуанов присоединились к армии при ее высадке, но вскоре она была атакована генералом Гошем. Его атака оказалась успешной; пленные республиканцы, находившиеся в рядах, дезертировали, и она была разбита после самого энергичного сопротивления. В смертельной войне между эмигрантами и республикой побежденные, считавшиеся *вне закона*, были безжалостно убиты. Их потеря нанесла глубокую и неизлечимую рану эмигрантской партии.

Надежды, основанные на победах Европы, на развитии восстания и на попытках эмигрантов, были, таким образом, свергнуты, и пришлось прибегнуть к помощи недовольных слоев. Предполагалось совершить контрреволюцию с помощью новой конституции, принятой конвентом 22 августа 1795 года. Эта конституция действительно была работой умеренной республиканской партии; но поскольку она восстановила господство среднего класса, лидеры роялистов думали, что с ее помощью они смогут легко войти в законодательный орган и правительство.

Эта конституция была лучшей, мудрейшей, либеральной и наиболее предусмотрительной из всех, которые когда-либо были созданы или проектировались; она содержала результат шестилетнего революционного и законодательного опыта. В этот период конвент ощущал необходимость организации власти и обустройства народа, в то время как первое собрание, исходя из своей позиции, ощущало только необходимость ослабления королевской власти и возбуждения нации. Все были истощены, от трона до народа; существование теперь зависело от реконструкции и наведения порядка, в то же время поддерживая большую активность нации. Новая конституция достигла этого. Она лишь немногим отличалась от конституции 1791 года в том, что касалось осуществления суверенитета, но значительно во всем, что касалось правительства. Он передал законодательную власть двум советам; совету *синкцентов* и совету *древних*; а исполнительную власть - директории из пяти членов. Он восстановил две степени выборов, призванных затормозить народное движение и привести к более осознанному выбору, чем немедленные выборы. Мудрые, но умеренные требования в отношении собственности, предъявляемые к членам первичных собраний и избирательных комиссий,

вновь придали политическое значение среднему классу, к которому стало действительно необходимо вернуться после увольнения массы и отмены конституции 93-го года.

Чтобы предотвратить деспотизм или подбострастие отдельного собрания, необходимо было где-то разместить силу для его сдерживания или защиты. Разделение законодательного органа на два совета, имевших одинаковое происхождение, одинаковый срок действия и различавшихся только функциями, преследовало двоякую цель: не пугать народ аристократическим учреждением и способствовать формированию хорошего правительства. Совету пятисот, членам которого должно было быть тридцать лет, было единолично поручено проявлять инициативу и обсуждать законы. Совету Древних, состоящему из двухсот пятидесяти членов, которым исполнилось сорок лет, было поручено принять или отклонить их.

Чтобы избежать поспешности в законодательных мерах и предотвратить принудительную санкцию Совета Древних в момент народного волнения, они не могли прийти к решению до трех чтений, с интервалом по крайней мере в пять дней друг от друга. *Внеотложных случаях* от этой формальности можно было отказаться; и совет имел право определять такую срочность. Этот совет действовал иногда как законодательная власть, когда он не полностью одобрял ту или иную меру, и использовал форму "*Совет древних, не принимающий людей*", а иногда как консервативная власть, когда он рассматривал меру только с точки зрения ее юридической значимости и говорил "*Аннулирование Конституции*". Впервые были приняты частичные перевыборы и установлено обновление половины состава совета каждые два года, чтобы избежать наплыва законодателей, которые приходили с неумеренным стремлением к инновациям и внезапно меняли дух собрания.

Исполнительная власть отличалась от советов и больше не существовала в комитетах. Монархию все еще слишком боялись, чтобы допустить назначение президента республики. Поэтому они ограничились созданием директории из пяти членов, назначенных советом древних по рекомендации совета Пятисот. Директора могли быть привлечены советами к судебной ответственности, но не могли быть ими уволены. Им была доверена общая и независимая исполнительная власть, но также желалось предотвратить злоупотребление ею, и особенно оградить от опасности долгой привычки к власти, ведущей к узурпации. У них было управление вооруженными силами и финансами; назначение должностных лиц, ведение переговоров, но они ничего не могли сделать сами; у них были министры и генералы, за поведение которых они несли ответственность. Каждый член был президентом в течение трех месяцев, держа в руках печати и ставя свою подпись. Каждый год один из членов должен был уходить. Из этого отчета будет видно, что функции королевской власти в том виде, в каком они были в 1791 году, разделялись советом древних, который обладал *правом вето*, и директорией, которая обладала исполнительной властью. У директории была гвардия, национальный дворец Люксембург в качестве резиденции и что-то вроде гражданского списка. Совет древних, призванный сдерживать посягательства законодательной власти, был наделен средствами сдерживания узурпации директории; он мог менять резиденцию советов и правительства.

Дальновидность этой конституции была безгранична: она предотвратила народное насилие, посягательства на власть и предусмотрела все опасности, которые проявили различные кризисы революции. Если какая-либо конституция и могла прочно утвердиться в тот период, то это была директорская конституция. Он восстановил власть, даровал свободу и предложил различным партиям возможность мира, если бы каждая из них, искренне отказавшись от

исключительного господства и удовлетворившись общим правом, заняла подобающее ей место в государстве. Но она просуществовала не дольше других, потому что не смогла установить законный порядок вопреки партиям. Каждый из них стремился к правительству, чтобы восторжествовали его система и его интересы, и вместо господства закона все еще было необходимо вернуться к власти силы и государственным переворотам. Когда партии не желают прекращать революцию — а те, кто не доминирует, никогда не желают прекращать ее, — конституция, какой бы превосходной она ни была, не может этого сделать.

Члены Комиссии одиннадцати, у которых до событий в Прериале не было другой миссии, кроме подготовки основных законов конституции 93-го года, и которые после этих событий приняли конституцию ТРЕТЬЕГО года, стояли во главе традиционной партии. Эта партия не принадлежала ни к старой Жиронде, ни к старой Горе. Нейтральный до 31 мая, подчиненный до 9 Термидора, он с тех пор находился у власти, потому что двойное поражение жирондистов и Горы сделало его самым сильным. К нему присоединились люди из крайних партий, которые начали объединение партий. Мерлен де Дуэ представлял партию той массы, которая уступила обстоятельствам, Тибодо - партию, которая продолжала бездействовать, и Дауну - мужественную партию. Последний заявил, что выступает против всех государственных переворотов, начиная с открытия ассамблеи, как 21 января, так и до 31 мая, потому что он выступает за режим конвента, без партийного насилия и мер. После 9 Термидора он винил во всем ярость, проявленную по отношению к главам революционного правительства, жертвой которого он стал, как один из *семидесяти трех*. Он приобрел большое влияние по мере того, как люди постепенно приближались к правовой системе. Его просвещенная приверженность революции, его благородная независимость, основательность и размах его идей, а также его невозмутимая сила духа сделали его одним из самых влиятельных действующих лиц того периода. Он был главным автором конституции III года, и конвент поручил ему вместе с некоторыми другими своими членами взять на себя защиту республики во время Вандемского кризиса.

Реакция постепенно усиливалась; ей косвенно способствовали правые, которые с момента открытия этого собрания лишь случайно были республиканцами. Они не были готовы отражать атаки роялистов с той же энергией, что и революционеры. Среди них были Буасси д'Англас, Ланжуине, Анри Ла Ривьер, Саладин, Обри и др.; они составили в ассамблее ядро сепаратистской партии. Старые и ярые члены Горцев, такие как Ровер, Бурдон де л'Уаз и др., увлеченные контрреволюционным движением, терпели затяжную реакцию, несомненно, для того, чтобы помириться с теми, с кем они так яростно боролись.

Но консервативная партия, успокоенная по отношению к демократам, поставила перед собой задачу предотвратить триумф роялистов. Оно считало, что безопасность республики зависит от формирования советов и что советы, избираемые средним классом, которым руководят роялисты, будут составлены на контрреволюционных принципах. Было важно доверить опеку над режимом, который они собирались установить, тем, кто был заинтересован в его защите. Чтобы избежать ошибки учредительного собрания, которое исключило себя из состава сменившего его законодательного органа, конвент своим декретом постановил, что две трети его членов должны быть переизбраны. Таким образом, она обеспечила себе большинство советов и назначение директории; она могла внести свою конституцию в состав государства и консолидировать его без насилия. Это переизбрание двух третей голосов было не совсем законным, но оно было политическим и единственным средством спасения Франции от

правления демократов или контрреволюционеров. Конвент установил себе умеренную диктатуру декретами 5-го и 13-го Фруктидора (22 и 30 августа 1795 г.), один из которых устанавливал переизбрание, а другой устанавливал порядок его проведения. Но эти два исключительных указа были представлены на ратификацию первичными ассамблеями одновременно с конституционным актом.

Указы Фруктидора застали роялистскую партию врасплох. Он надеялся сформировать часть правительства через советы, из советов - путем выборов и осуществить смену системы, когда придет к власти. Он выступал против конвенции. Парижский роялистский комитет, агентом которого был малоизвестный человек по имени Леметр, журналисты и лидеры секций объединились. Им не составило труда заручиться поддержкой общественного мнения, единственным органом которого они были; они обвинили конвент в увековечении своей власти и посягательстве на суверенитет народа. Главные защитники двух третей, Луве, Дону и Шенье, не были пощажены, и были сделаны все приготовления к грандиозному выступлению. Сен-Жерменское предместье, недавно почти опустевшее, постепенно заполнялось; туда стекались эмигранты, и заговорщики, едва скрывая свои планы, переоделись в шуанскую форму.

Конвент, чувствуя нарастание бури, обратился за поддержкой к армии, которая в то время была республиканским классом, и в Париже был разбит лагерь. Народ был распущен, и роялисты захватили власть над буржуазией. Тем временем первичные собрания собрались 20-го Фруктидора, чтобы обсудить конституционный акт и декреты двух третей, которые должны были быть приняты или отклонены вместе. Район Лепельтье (ранее Filles Saint Thomas) был центром всех остальных. По предложению этой секции было решено, что действие всех учредительных органов прекращается в присутствии собравшегося народа. Секция Лепельтье, руководимая Рише-Серизи, Ла Гарпом, Лакретелем-младшим, Вобланом и др., обратила свое внимание на организацию повстанческого правительства под названием центрального комитета. Этот комитет должен был заменить в Вандеме комитет против конвента, созданный 10 августа против трона и 31 мая против жирондистов. Большинство секций приняло эту меру, которая была аннулирована конвенцией, постановление которой, в свою очередь, было отклонено большинством секций. Борьба теперь стала открытой; и в Париже они отделили конституционный акт, который был принят, от декретов о переизбрании, которые были отклонены.

1-го Вандемьера конвент провозгласил принятие декретов большинством первичных собраний Франции. Секции снова собрались, чтобы выдвинуть кандидатуры выборщиков, которые должны были избрать членов законодательного органа. 10-го числа они постановили, что избиратели должны собраться во Французском театре (он находился тогда по другую сторону мостов); что их должны сопровождать вооруженные силы секций после того, как они поклянутся защищать их до самой смерти. Соответственно, 11-го числа избиратели собрались под председательством герцога де Нивернуа и гвардии из нескольких егерских и гренадерских отрядов.

Конвент, предупрежденный об опасности, заседал постоянно, разместив вокруг места своего пребывания войска Саблонского лагеря и сосредоточив свои полномочия в комитете из пяти членов, на которых были возложены все меры общественной безопасности. Этими участниками были Коломбель, Баррас, Дауну, Летурнер и Мерлен де Дуэ. На некоторое время революционеров перестали бояться, и были освобождены все, кто сидел в тюрьме за события в

Преиале. В них числилось, под названием *Батальона патриотов 89-го года*, около полутора тысяч или полутора тысяч человек, против которых в департаментах или в Париже были возбуждены дела друзьями реакции. Вечером 11-го конвент распорядился распустить собрание выборщиков силой, но оно уже перенесло заседание на следующий день.

Ночью 11-го декрет, распустивший коллегию выборщиков и вооруживший батальон патриотов 89-го года, вызвал величайшее волнение. Барабаны били к оружию; секция Лепелетье выступала с речью против деспотизма конвента, против возвращения *царства террора*, и в течение всего 12-го готовила другие секции к состязанию. Вечером конвент, едва ли менее взволнованный, решил взять инициативу в свои руки, окружив секцию заговорщиков и положив конец кризису, разоружив ее. Эта миссия была возложена на Мену, генерала внутренних дел, и представителя Лапорта. Женский монастырь Святого Фомы был штаб-квартирой сектантов, перед которой они располагали семьями или восемью сотнями человек в боевом порядке. Они были окружены превосходящими силами со стороны бульваров с каждой стороны и улицы Вивьен напротив. Вместо того, чтобы разоружить их, руководители экспедиции начали переговоры. Обе стороны согласились вывести войска; но не успели обычные войска отойти, как сепаратисты вернулись с подкреплением. Это была их полная победа, которая, будучи преувеличенной в Париже, как это всегда бывает, увеличила их число и придала им смелости атаковать конвент на следующий день.

Около одиннадцати часов вечера конвент узнал о результатах экспедиции и об опасных последствиях, которые она произвела; он немедленно отправил Мену в отставку и передал командование вооруженными силами Баррасу, генералу, командовавшему войсками 9 термидора. Баррас попросил комитет пяти назначить его заместителем молодого офицера, отличившегося при осаде Тулона, но уволенного Обри из партии реакции; молодого человека талантливого и решительного, способного сослужить хорошую службу республике в минуту опасности. Этим молодым офицером был Бонапарт. Он предстал перед комитетом, но в его внешности не было ничего, что говорило бы о его удивительной судьбе. Непартийный человек, впервые вызванный на эту грандиозную арену боевых действий, в его поведении чувствовались робость и неуверенность, которые полностью исчезли при подготовке к битве, и в пылу сражения. Он немедленно послал за артиллерией из лагеря Саблон и расположил ее вместе с пятью тысячами человек обычной армии на всех пунктах, с которых можно было атаковать конвент. В полдень 13-го вандемьера ограда конвента имела вид укрепленного места, которое можно было взять только штурмом. Линия обороны простиралась по левую сторону Тюильри вдоль реки от Нового моста до моста Людовика XV; справа - по всем маленьким улочкам, выходящим на улицу Сент-Оноре, от улиц Роган, Эшель и тупика Дофин до площади Революции. Перед Лувром, Инфантским садом и Каруселью были установлены пушки, а позади Пон-Турнан и площадь Революции образовали заповедный парк. В таком положении конвент ожидал повстанцев.

Последние вскоре окружили его в нескольких пунктах. У них было около сорока тысяч человек под командованием генералов Даникана, Дюху и бывшего гвардейского корпуса Лафона. Тридцать две секции, составлявшие большинство, предоставили свой военный контингент. Из остальных шестнадцати несколько секций предместий имели свои войска в составе батальона 89-го года. Некоторые, из Квинзевинов и Монтрейля, прислали помощь во время акции; другие, хотя и были настроены благосклонно, как Попинкур, не смогли этого сделать; и, наконец, другие оставались нейтральными, как, например, L'Indivisibilité. С двух до трех часов дня генерал Карто,

занявший Новый мост с четырьмя сотнями человек и двумя четырехфунтовыми пушками, был окружен несколькими колоннами сепаратистов, которые вынудили его отступить к Лувру. Это преимущество придало смелости повстанцам, которые были сильны по всем пунктам. Генерал Даникан призвал конвент вывести свои войска и разоружить террористов. Офицера, которому было поручено вручить повестку, привели в собрание с завязанными глазами, и его сообщение вызвало некоторое волнение, несколько членов высказались за примирительные меры. Буасси д'Англас посоветовал провести конференцию с Даниканом; Гамон предложил прокламацию, в которой они должны призвать граждан уйти в отставку, пообещав затем разоружить батальон 89-го года. Это обращение вызвало бурный ропот. Шенье бросился к трибуне. "Я удивлен, - сказал он, - что требования секций, находящихся в состоянии восстания, обсуждаются здесь. О переговорах не должно быть слышно; для национального собрания есть только победа или смерть". Ланжуине хотел поддержать это обращение, остановившись на опасности и страданиях гражданской войны; но конвент не захотел его выслушать и по предложению Фермона перешел к порядку дня. Дебаты между секциями о мерах мирного или военного характера продолжались еще некоторое время, когда около половины пятого раздалось несколько ружейных выстрелов, положивших конец всем дискуссиям. Было доставлено семьсот ружей, и конвент взял оружие в качестве резерва.

Теперь конфликт начался на улице Сент-Оноре, хозяевами которой были повстанцы. Первые выстрелы прозвучали из отеля "Ноайль", и убийственный огонь распространился по всей длине этой линии. Несколько мгновений спустя с другой стороны две колонны сепаратистов численностью около четырех тысяч человек под командованием графа де Молеврье двинулись по набережным и атаковали Королевский мост. Затем акция приобрела всеобщий характер, но она не могла длиться долго; место было слишком хорошо защищено, чтобы его можно было взять штурмом. После часового боя сепаратисты были изгнаны с Сен-Рош и улицы Сент-Оноре пушками конвента и батальоном патриотов. Колонна Пон-Руаяля получила три артиллерийских залпа спереди и сбоку, с моста и набережных, которые обратили ее в бегство. В семь часов обычные войска, одержавшие победу со всех сторон, перешли в наступление; к девяти часам они выбили сепаратистов из Театра Республики и постов, которые они все еще занимали в окрестностях Пале-Рояля. Они готовились возводить баррикады ночью, и на улице де ла Луа (Ришелье) было произведено несколько залпов, чтобы помешать работам. На следующий день, 14-го, войска конвента разоружили секцию Лепельтье и вынудили остальных вернуться к порядку.

Ассамблея, которая боролась только в свою защиту, проявила большую умеренность. 13-я Вандемская была 10 августа выступлением роялистов против республики, за исключением того, что конвент сопротивлялся буржуазии гораздо лучше, чем трон сопротивлялся предместьям. Позиция Франции во многом способствовала этой победе. Теперь люди желали республики без революционного правительства, умеренного режима без контрреволюции. Конвент, который был посреднической силой, одинаково выступавшей против исключительного господства низшего класса, которое он отбросил в Прериале, и реакционного господства буржуазии, которому он дал отпор в Вандемьере, казался единственным способным удовлетворить эту двойную потребность и положить конец состоянию войны между двумя партиями, которое затягивалось из-за их поочередного прихода к власти. Эта ситуация, а также ее собственные опасности придали ей мужества сопротивляться и обеспечили ее триумф. Части не могли заставить ее врасплох, а тем более атаковать.

После Вандемских событий конвент занялся формированием советов и директории. Третья часть, избранная свободно, была благосклонна к реакции. Несколько конвенционалистов во главе с Тальеном предложили отменить выборы этого *третьего* созыва и хотели приостановить на более длительный срок деятельность конвенционального правительства. Тибодо разоблачил их замысел с большой смелостью и красноречием. Вся консервативная партия поддержала его мнение. Она отвергла все излишние произвольные полномочия и проявила нетерпение покинуть временное состояние, в котором находилась последние три года. Конвент учредил себя как *национальное избирательное собрание*, чтобы укомплектовать его *двумя третями* от числа своих членов. Затем он сформировал советы: совет *Древних* из двухсот пятидесяти членов, которые, согласно новому закону, отработали сорок лет; совет из *Пятисот* человек из числа остальных. Советы собрались в Тюильри. Затем они приступили к формированию правительства.

Вандемское наступление произошло совсем недавно; и республиканская партия, особенно опасавшаяся контрреволюции, согласилась выбирать директоров только из числа сторонников конвенционализма и, кроме того, из числа тех из них, кто голосовал за смерть короля. Некоторые из наиболее влиятельных членов, среди которых был Дауну, выступали против этой точки зрения, которая ограничивала выбор и продолжала придавать правительству диктаторский и революционный характер; но она возобладала. Избранными таким образом конвенционалистами были Ла Ревельер-Лепо, облеченный всеобщим доверием из-за его мужественного поведения 31 мая, за его честность и умеренность; Сийес, человек, который из всех остальных пользовался наибольшей известностью того времени; Ребелл, обладавший большой административной активностью; Летурнер, один из членов комиссии пяти во время последнего кризиса; и Баррас, избранный за свои два удачных события Термидора и Вандемьера. Сийес, который отказался принимать участие в законодательной комиссии из *одиннадцати*, также отказался войти в состав директории. Трудно сказать, было ли это нежелание продиктовано расчетом или непреодолимой антипатией к Ребеллу. Его заменил Карно, единственный член прежнего комитета, к которому они были расположены благосклонно из-за его политической чистоты и его большого вклада в победы республики. Таков был первый состав директории. 4 Брюмера конвент принял закон об амнистии, чтобы установить законное правительство; изменил название площади Революции на площадь Согласия и объявил свою сессию закрытой.

Съезд длился три года, с 21 сентября 1792 года по 26 октября 1795 года (4 Брюмера IV года). Он проходил в нескольких направлениях. В течение первых шести месяцев своего существования она была втянута в борьбу, возникшую между легальной партией Жиронды и революционной партией Гор. Последний лидировал с 31 мая 1793 года по 9 Термидора II года (26 июля 1794 года). Затем конвент подчинился комитету общественной безопасности, который сначала уничтожил своих старых союзников в коммуне и на Горе, а затем погиб из-за собственных разногласий. С 9 Термидора по месяц Брюмер IV года конвент победил революционную и роялистскую партии и стремился установить умеренную республику в противовес обеим.

В течение этого долгого и ужасного периода жестокость ситуации превратила революцию в войну, а ассамблею - в поле битвы. Каждая партия хотела установить свое влияние победой и закрепить его, основав свою систему. Партия жирондистов предприняла попытку и погибла; гора предприняла попытку и погибла; партия коммуны предприняла попытку и погибла; партия Робеспьера предприняла попытку и погибла. Они могли только побеждать, они были

неспособны основать систему. Свойство такой бури заключалось в том, что она опрокидывала все, что пыталось устояться. Все было временным: власть, люди, партии и системы, потому что единственной вещью реальной и возможной была война. Год был необходим для того, чтобы традиционная партия, вернувшись к власти, вернула революции законное положение; и она могла добиться этого только двумя победами — при Прериале и Вандемье. Но конвент, вернувшись затем к тому, с чего он начал, и выполнив свою истинную миссию, которая заключалась в установлении республики после ее защиты, исчез с мировой сцены, которую он наполнил удивлением. Революционная власть прекратила свое существование, как только восстановился правовой порядок. Три года диктатуры были потеряны для свободы, но не для революции.

ИСПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДИРЕКТОРИЯ

ГЛАВА XII

ОТ УСТАНОВЛЕНИЯ ДИРЕКТОРИИ 27 ОКТЯБРЯ 1795 ГОДА До ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 18 ФРУКТИДОРА V ГОДА (3 АВГУСТА 1797 г.)

Французская революция, уничтожившая старое правительство и полностью перевернув старое общество, преследовала две совершенно разные цели: свободную конституцию и более совершенное состояние цивилизации. Шесть лет, о которых мы только что рассказали, были поисками правительства каждым из классов, составлявших французскую нацию.

Привилегированные классы хотели установить свой режим против двора и буржуазии путем сохранения социальных порядков и генеральных штатов; буржуазия стремилась установить свой режим против привилегированных классов и масс посредством конституции 1791 года; а масса хотела установить свой режим против всех остальных посредством конституции 1793 года. Ни одно из этих правительств не могло консолидироваться, потому что все они были исключительными. Но в ходе своих попыток каждый класс, находившийся какое-то время у власти, уничтожал в высших классах все, что было нетерпимо или рассчитано на противодействие прогрессу новой цивилизации.

Когда директория пришла на смену конвенту, борьба между классами значительно ослабла. Высшие чины каждого из них образовали партию, которая все еще боролась за обладание и за форму правления; но масса нации, которая была так глубоко взволнована с 1789 по 1795 год, жаждала снова стать оседлой и устроиться в соответствии с новым порядком вещей. Этот период стал свидетелем окончания движения за свободу и начала движения к цивилизации. Революция теперь приобрела свой второй характер, характер порядка, основы, покоя, после волнений, огромного труда и полного разрушения системы ее первых лет.

Этот второй период был примечателен тем, что казался своего рода отказом от свободы. Различные стороны, будучи больше не в состоянии владеть им эксклюзивным и прочным образом, впали в уныние и вернулись из общественной жизни в частную. Этот второй период разделился на две эпохи: он был либеральным при директории и в начале консульства и военным при закрытии Консульства и при империи. Революция с каждым днем становилась все более материализованной; создав нацию сектантов, она создала нацию рабочих, а затем нацию солдат.

Многие иллюзии были уже разрушены; люди прошли через столько различных состояний, прожили так много за столь короткое время, что все идеи смешались, а все верования пошатнулись. Правление среднего класса и масс миновало, как стремительная фантасмагория. Они были далеки от той Франции 14 июля с ее глубокими убеждениями, ее высокой моралью, ее собранием, осуществляющим всемогущую власть свободы и разума, ее народными властями, ее гражданской гвардией, ее блестящей, миролюбивой и одушевленной внешностью, носящей отпечаток порядка и независимости. Они были далеки от более мрачной и буйной Франции 10 августа, когда один класс управлял правительством и обществом и привнес в них свой язык, манеры и одежду, возбуждение своих страхов, фанатизм своих идей, недоверие к своему положению. Затем частная жизнь полностью уступила место общественной; республика, в свою очередь, представляла собой нечто вроде собрания и лагеря; богатые подчинялись бедным; кредо демократии сочеталось с мрачным и неряшливым управлением народа. В каждый из этих периодов люди были сильно привязаны к какой-либо идее: сначала к свободе и конституционной монархии; затем к равенству, братству и республике. Но в начале правления директории не было веры ни во что; в результате великого кораблекрушения партий было потеряно все: и добродетель буржуазии, и добродетель народа.

Люди вышли из этой яростной суматохи ослабленными и ранеными, и каждый, с ужасом вспоминая о своем политическом существовании, с головой окунулся в удовольствия и отношения частной жизни, которые так долго были приостановлены. Балы, банкеты, разврат, великолепные экипажи стали более модными, чем когда-либо; такова была реакция старого режима. Правление санкюлотов вернуло господство богатых; клубы - возвращение салонов. В остальном едва ли было возможно, чтобы первый симптом возобновления современной цивилизации не был таким уж нерегулярным. Директорские манеры были продуктом другого общества, которое должно было появиться снова, прежде чем новое состояние общества сможет регулировать свои отношения и формировать свои собственные манеры. В этот переходный период роскошь породила бы труд, биржевая торговля - коммерцию; салоны объединяли бы партии, которые не могли бы сблизиться иначе, как в частной жизни; одним словом, цивилизация снова возвестила бы о свободе.

Положение республики на момент установки каталога было удручающим. В нем не существовало элемента порядка или администрирования. В государственной казне не было денег; курьеры часто задерживались из-за отсутствия небольшой суммы, необходимой для того, чтобы они могли отправиться в путь. Во внутренних районах страны царили всеобщая анархия и беспокойство; бумажные деньги на последней стадии дискредитации подорвали доверие и торговлю; нехватка стала затяжной, каждый отказывался расставаться со своими товарами, поскольку это было равносильно их раздаче; арсеналы были истощены или почти пусты. Снаружи армии были лишены обозов, лошадей и припасов; солдаты нуждались в одежде, а генералы часто не могли погасить свое жалованье в восемь франков в месяц звонкой монетой, что было незаменимым дополнением, каким бы незначительным оно ни было, к их жалованью в ассигнациях; и, наконец, войска, недовольные и недисциплинированные из-за своей нужды, снова были разбиты и перешли к обороне.

Ситуация находилась в таком кризисном состоянии после падения комитета общественной безопасности. Этот комитет предвидел нехватку войск и подготовился к ней как в армии, так и во внутренних районах путем реквизиций *имаксимального* уровня. Никто не осмеливался освободиться от этой финансовой системы, которая делала богатых и коммерческие классы

данниками солдат и толпы, и в то время провизия не перепродавалась на рынке. Но с тех пор, как прекратились насилие и конфискации, народ, конвент и армии оказались во власти землевладельцев и спекулянтов, и возник ужасающий дефицит, реакция против *максимума*. Система конвента заключалась в политической экономии в потреблении огромного капитала, представленного ассигнациями. Это собрание было богатым правительством, которое разорилось, защищая революцию. Почти половина французской территории, состоящей из королевских владений, церковной собственности или поместий эмигрировавшей знати, была продана, а произведенные продукты пошли на содержание народа, который мало трудился, и на внешнюю оборону республики армиями. До 9 термидора было выпущено более восьми миллиардов ассигнаций, и с тех пор к этой сумме, и без того огромной, добавилось тридцать тысяч миллионов. Такая система не могла продолжаться; необходимо было начинать работу заново и возвращаться к реальным деньгам.

Люди, которым было поручено устранить эту огромную дезорганизацию, были по большей части людьми обычного таланта; но они взялись за работу с усердием, мужеством и здравым смыслом. "Когда директора, - сказал г-н Байоль, [Примечание: *Критический анализ мнений мадам де Сталь, "Французская революция"*, М. Ж. Ш. Байоль, том ii., стр. 275, 281.]" вошли в Люксембург, там не было ни одного предмета мебели. В маленькой комнате, за маленьким сломанным столиком, одна ножка которого была наполовину изъедена временем, на который они положили немного почтовой бумаги и "калумет стэндиш", которые, к счастью, прихватили из комитета общественного спасения, сидели на четырех соломенных стульях напротив нескольких поленьев тускло тлеющего дерева, все это позаимствовано у Дюпона, привратника; кто поверит, что именно в таком состоянии члены нового правительства, исследовав все трудности, более того, весь ужас своего положения, решили, что они преодолению все препятствия и что они будут бороться с ними. либо погибнуть, либо спасти Францию из пропасти, в которую она упала? На листе писчей бумаги они составили акт, которым они осмелились объявить себя конституционными; акт, который они немедленно разослали в законодательные палаты".

Затем директора приступили к разделению своих обязанностей, руководствуясь основаниями, побудившими конституционную партию избрать их. Ребелл, обладавший огромной энергией юрист, разбиравшийся в управлении государством и дипломатии, поручил ему отделы права, финансов и иностранных дел. Его мастерство и командирский характер вскоре сделали его движущей силой директории во всех гражданских вопросах. Баррас не обладал специальными знаниями; его ум был посредственным, ресурсы скудными, привычки вялыми. В час опасности его решимость позволяла ему принимать внезапные меры, подобные мерам Термидора или Вандемьера. Но поскольку вобычных случаях полицейское управление было приспособлено только для наблюдения за партиями, с интригами которых он был знаком лучше, чем кто-либо другой, ему было поручено. Он хорошо подходил для этой задачи, будучи гибким и вкрадчивым, без пристрастия к какой-либо политической секте и имея революционные связи в своей прошлой жизни, в то время как его рождение давало ему доступ к аристократии. Баррас взял на себя представительство директории и учредил своего рода республиканское регентство в Люксембурге. Чистый и умеренный Ла Ревельер, чья мягкость сочеталась с мужеством, чья искренняя привязанность к республике и правовым мерам обеспечила ему пост в директории с общего согласия собрания и общественного мнения, возложив на него моральный отдел, охватывающий образование, искусства, науки, мануфактуры и т.д. Летурнер, бывший артиллерийский офицер, член комитета общественной безопасности в последний период

существования конвента, был назначен в военное министерство. Но когда был выбран Карно, после отказа Сийеса он взял на себя руководство военными операциями и оставил своему коллеге Летурнеру военно-морской флот и колонии. Его высокие таланты и решительный характер дали ему преимущество в режиссуре. Летурнер привязался к нему, как Ла Ревельер к Ребеллу, а Баррас оказался между ними. В этот период директора с величайшим согласием обратили свое внимание на улучшение положения и благосостояние государства.

Директора откровенно следовали по пути, проложенному для них конституцией. Установив власть в центре республики, они распределили ее по департаментам и, насколько могли, установили соответствие между местными администрациями и своей собственной. Оказавшись между двумя исключительными и недовольными партиями Прериала и Вандемьера, они стремились решительной линией поведения подчинить их порядку вещей, занимая место посередине между их крайними притязаниями. Они стремились возродить энтузиазм и порядок первых лет революции. "Вас, кого мы призываем разделить наши труды, - писали они своим агентам, - вас, кто вместе с нами должен способствовать прогрессу республиканской конституции, вашей первой добродетелью, вашим первым чувством должна быть та непоколебимая решимость, та патриотическая вера, которая также породила своих энтузиастов и свои чудеса. Все будет достигнуто, когда благодаря вашей заботе та искренняя любовь к свободе, которая освятила зарю революции, снова оживит сердце каждого француза. Знамена свободы, развевающиеся на каждом доме, и республиканский герб, написанный на каждой двери, несомненно, представляют собой интересное зрелище. Добивайтесь большего; приблизьте день, когда священное имя республики будет добровольно начертано в каждом сердце".

За короткое время мудрые и твердые действия нового правительства восстановили доверие, рабочую силу и изобилие. Циркуляция провизии была обеспечена, и в конце месяца директория была освобождена от обязанности снабжать Париж припасами, которую она взяла на себя сама. Огромная активность, вызванная революцией, начала направляться в промышленность и сельское хозяйство. Часть населения покинула клубы и общественные места ради мастерских и полей; и тогда начали ощущаться преимущества революции, которая уничтожила корпорации, разделила собственность, отменила привилегии, увеличила в четыре раза средства цивилизации и должна была принести Франции огромное благо. Директория поощряла это движение в сторону труда с помощью благотворительных учреждений. Она восстановила публичные выставки продукции промышленности и улучшила систему образования, установленную конвенцией. Национальный институт, начальные, центральные и обычные школы, сформировали целостную систему республиканских учреждений. Ла Ревельер, директор департамента нравственности правительства, затем попытался установить под названием *Теофилантропия* деистическую религию, которую комитет общественного спасения тщетно пытался установить с помощью *Праздника на Высшем уровне*. Он создал храмы, гимны, формы и своего рода литургию для новой религии; но такая вера могла быть только индивидуальной и не могла долго оставаться общественной. *Теофилантропы*, чья религия была противоположна политическим взглядам и неверию революционеров, подвергались многочисленным насмешкам. Таким образом, при переходе от общественных институтов к индивидуальной вере все, что было свободой, стало цивилизацией, а то, что было религией, стало мнением. Деисты остались, но *теофилантропов* больше не встречалось.

Директория, испытывавшая острую нехватку денег и скованная катастрофическим состоянием финансов, прибегла к мерам несколько экстраординарного характера. Он продал или заложил самые ценные предметы Гардероба, чтобы удовлетворить самые неотложные потребности. Национальная собственность все еще оставалась; но она продавалась плохо и за ассигнации. Директория предложила принудительный заем, который был утвержден советами. Это был пережиток революционных мер по отношению к богатым; но, будучи нерешительно принятыми и приведенными в исполнение без должных полномочий, они не увенчались успехом. Затем директория попыталась возродить бумажные деньги; она предложила выпустить *территориальные мандаты*, которые должны были заменить имевшиеся в то время в обращении ассигнации по курсу тридцать за один и заменить деньги. Советы постановили выдать *территориальные мандаты* на сумму в две тысячи четыреста миллионов. Их преимущество заключалось в том, что их можно было обменять сразу же после предъявления на национальные домены, которые их представляли. Их продажа была очень обширной, и таким образом была завершена революционная миссия ассигнатов, вторым периодом которой они были. Они обеспечили справочнику сиюминутный ресурс; но они также потеряли свой кредит и незаметно привели к банкротству, которым стал переход от бумажных денег к звонким.

Военное положение республики не было блестящим; к концу съезда количество побед уменьшилось. Двусмысленное положение и слабость центральной власти, а также ее дефицит ослабили дисциплину в войсках. Генералы тоже, разочарованные тем, что их командование отличилось столь малым количеством побед и их не подстегнуло энергичное правительство, стали склонны к неповиновению. Конвент поручил Пишегрю и Журдану, одному во главе рейнской армии, другому - Самбре-и-Маасской, окружить и захватить Майнц, с тем чтобы они могли занять всю линию Рейна. Пишегрю полностью провалил этот проект; хотя он пользовался полным доверием республики и пользовался величайшей военной славой того времени, он строил контрреволюционные планы с принцем Конде; но они не смогли договориться. Пишегрю убеждал принца-эмигранта войти во Францию со своими войсками через Швейцарию или Рейн, обещая бездействовать - единственное, что в его силах было сделать в пользу такой попытки. Принц потребовал в качестве предварительного условия, чтобы Пишегрю поднял белый флаг в своей армии, которая, по сути, была республиканской. Это колебание, без сомнения, нанесло ущерб планам реакционеров, готовивших Вандемский заговор. Но Пишегрю, желая так или иначе услужить своим новым союзникам и предать свою страну, допустил поражение при Гейдельберге, скомпрометировал армию Журдана, эвакуировал Мангейм, снял осаду Майнца со значительными потерями и открыл эту границу для врага.

Директория обнаружила, что Рейн открыт в направлении Майнца, Вандейская война разгорелась с новой силой; побережьям Франции и Голландии угрожало вторжение Англии; наконец, итальянская армия была лишена всего и просто поддерживала оборону под командованием Шерера и Келлермана. Карно подготовил новый план кампании, который должен был привести армии республики в самое сердце враждебных государств. Бонапарт, назначенный генералом внутренних дел после Вандемских событий, был поставлен во главе итальянской армии; Журден сохранил за собой командование армией Самбре-и-Мез, а Моро получил командование рейнской армией вместо Пишегрю. Последнему, чья измена была заподозрена директорией, хотя и не доказана, было предложено посольство в Швеции, от которого он отказался и удалился в Арбуа, на свою родину. Три великие армии, находившиеся под командованием Бонапарта, Журдана и Моро, должны были атаковать австрийскую монархию со стороны Италии и Германии, соединиться у входа в Тироль и эшелонированным

маршем двинуться на Вену. Генералы готовились осуществить это масштабное движение, успех которого сделал бы республику хозяйкой штаб-квартиры коалиции на континенте.

Директория передала генералу Гошу командование побережьем и поручила ему завершить вандейскую войну. Гош изменил систему ведения войны, принятую его предшественниками. Вандея была склонна подчиниться. Ее предыдущие победы не привели к успеху ее дела; поражение и невезение подвергли ее разграблению и пожарам. Повстанцы, непоправимо пострадавшие от катастрофы при Савенее, от потери своего главного лидера и своих лучших солдат, от разрушительной системы адских колонн, теперь ничего так не желали, как жить в хороших отношениях с республикой. Война теперь зависела только от нескольких вождей, от Шаретта, Стоффле и т.д. Гош видел, что необходимо отучить массы от этих людей путем уступок, а затем раздавить их. Он умело отделил дело роялистов от дела религии и использовал священников против генералов, проявляя большую снисходительность к католической религии. Он приказал прочесать страну четырьмя мощными колоннами, отобрал у жителей их скот и вернул им его только в обмен на оружие. Он не давал покоя вооруженному отряду, разгромил Шаретта в нескольких стычках, преследовал его от одного отступления к другому и, наконец, взял в плен. Стоффле хотел снова поднять знамя Вандеи на своей территории; но оно было передано республиканцам. Эти два вождя, которые были свидетелями начала восстания, присутствовали при его завершении. Они погибли мужественно; Стоффле в Анже, Шаретт в Нанте, проявив характер и таланты, достойные большого театра. Гош также успокоил Бретань. Морбиан был оккупирован многочисленными бандами шуанов, которые образовали грозное объединение, главным лидером которого был Жорж Кадудаль. Не вступая в кампанию, они овладевали страной. Гош направил против них все свои силы и активность и вскоре уничтожил или истощил их. Большинство их лидеров сложили оружие и укрылись в Англии. Директория, узнав об этих удачных результатах умиротворения, 28 мессидора (июня 1796 г.) официально объявила обоим советам, что гражданская война окончательно прекращена.

Таким образом, миновала зима ЧЕТВЕРТОГО года. Но директория вряд ли могла не подвергнуться нападкам со стороны двух партий, чьему влиянию препятствовало ее существование, - демократов и роялистов. Первые представляли собой негибкую и предприимчивую секту. Для них 9-й Термидор был эпохой боли и угнетения: они желали установить абсолютное равенство, несмотря на состояние общества, и демократическую свободу, несмотря на цивилизацию. Эта секта была разгромлена настолько, что фактически предотвратила ее возвращение к власти. 9-го термидора она была изгнана из правительства; 2-го прериала - из общества; и она потеряла и власть, и восстания. Но, несмотря на дезорганизованность и запрет, она далеко не исчезла. После неудачной попытки роялистов в Вандемире это произошло из-за их унижения.

Демократы восстановили свой клуб в Пантеоне, который директория некоторое время терпела. Их вождем был "Гракх" Бабеф, который называл себя "Народным трибуном". Он был смелым человеком, с развитым воображением, необычайным фанатизмом демократии и обладал большим влиянием на свою партию. В своем дневнике он готовил царствование всеобщего счастья. Общество в Пантеоне с каждым днем становилось все более многочисленным и вызывало все большую тревогу у директории, которая поначалу пыталась его обуздать. Но заседания вскоре затянулись до позднего часа ночи; демократы отправились туда с оружием в руках и предложили выступить маршем против директории и советов. Директория решила

выступить против них открыто. 8-го Вентоса, год IV. (Февраль 1796 г.), оно закрыло общество Пантеона, а 9-го числа сообщило законодательному органу, что оно это сделало.

Демократы, лишённые места проведения собрания, прибегли к другому плану. Они соблазнили полицию, которая состояла в основном из свергнутых революционеров; и в сговоре с ней они должны были уничтожить конституцию ТРЕТЬЕГО года. Директория, проинформированная об этом новом маневре, распустила полицию, в результате чего ее разоружили другие войска, на которые она могла положиться. Заговорщики, застигнутые врасплох во второй раз, решились на план нападения и восстания: они образовали повстанческий комитет общественной безопасности, который через второстепенных агентов связался с низшими слоями населения двенадцати парижских коммун. Членами этого главного комитета были Бабеф, глава заговора, бывшие конвенционалисты, такие как Вадье, Амар, Шудье, Рикорд, представитель Друэ, бывшие генералы децемвирского комитета, Россиньоль, Паррейн, Фьон, Лами. Многие уволенные офицеры, патриоты департаментов и старые якобинцы составляли армию этой фракции. Вожди часто собирались в месте, которое они называли Храмом Разума; здесь они пели плач по поводу смерти Робеспьера и оплакивали рабство народа. Они начали переговоры с войсками Гренельского лагеря, допустили к себе капитана этого лагеря по имени Гризель, которого они считали своим, и согласовали все меры для нападения.

Их план состоял в том, чтобы установить всеобщее счастье; и с этой целью произвести распределение собственности и добиться того, чтобы правительство истинных, чистых и абсолютных демократов восторжествовало; создать конвент, состоящий из шестидесяти восьми депутатов Горы, остатка числа, запрещенного со времен реакции Термидора, и присоединиться к ним по демократу от каждого департамента; наконец, начать с разных кварталов, в которых они распределились, и одновременно выступить против директории и против советов. В ночь восстания они должны были установить два плаката; один из них содержал слова: "Конституция 1793 года! свобода! равенство! всеобщее счастье!" другой, содержащий следующее заявление: "Те, кто узурпирует суверенитет, должны быть преданы смерти свободными людьми". Все было готово; прокламации напечатаны, назначен день, когда Гризель предаст их, как это обычно бывает в заговорах.

21-го Флореаля (мая), накануне дня, назначенного для нападения, заговорщики были схвачены на их обычном месте встреч. В доме Бабефа были найдены план участка и все документы, связанные с ним. Директория уведомила об этом советы посланием и объявила об этом народу прокламацией. Эта странная попытка, так сильно отдающая фанатизмом и которая могла быть только повторением восстания в Прериале, без средств и надежд на успех, возбудила величайший ужас. Общественное сознание все еще было в ужасе от недавнего господства якобинцев.

Бабеф, как отважный заговорщик, несмотря на то, что он был пленником, предложил директории условия мира:

"Считаете ли вы ниже своего достоинства, граждане директора, - писал он им, - обращаться со мной, как власть с властью? Вы видели, какое огромное доверие вызывает у меня; вы видели, что моя партия вполне может уравновесить вашу собственную; вы видели ее огромные последствия. Я убежден, что вы содрогнулись при виде этого ". В заключение он сказал: "Я вижу только один мудрый способ действовать; заявить, что серьезного заговора не было. Пять человек, показав себя великими и великодушными, могут сейчас спасти страну. Я отвечаю за это,

что патриоты будут защищать вас ценой своей жизни; патриоты не ненавидят вас; они только возненавидели ваши непопулярные меры. Со своей стороны, я дам вам гарантию, столь же обширную, как и моя бессрочная франшиза ". Директора, вместо этого примирения, опубликовали письмо Бабефа и отправили заговорщиков в верховный суд Вандома.

Их партизаны предприняли еще одну попытку. 13-го Фруктидора (августа), около одиннадцати часов вечера, они в количестве шестисот или семисот человек, вооруженные саблями и пистолетами, выступили маршем против директории, которую, как они обнаружили, защищала ее гвардия. Затем они отправились в лагерь Гренель, который они надеялись завоевать посредством налаженной с ним переписки. Войска удалились на отдых, когда прибыли заговорщики. На крик часового "*Живи?*" они ответили: "*Да здравствует республика! Vive la constitution de '93!*" Часовые подняли тревогу по всему лагерю. Заговорщики, полагаясь на помощь батальона из Гарда, который был расформирован, двинулись к палатке Мало, главнокомандующего, который отдал приказ поднять оружие и приказал своим полуодетым драгунам садиться на коней. Заговорщики, удивленные таким приемом, слабо защищались: они были изрублены драгунами или обращены в бегство, оставив на поле боя много убитых и пленных. Эта злополучная экспедиция была почти последней для партии: с каждым поражением она теряла свою силу, своих вождей и приобретала тайное убеждение, что ее правлению пришел конец. Гренельское предприятие оказалось для него самым роковым; помимо большого числа убитых в бою, многие были приговорены к смертной казни военными комиссиями, которые были для него тем же, чем революционные трибуналы были для его врагов. Комиссия лагеря Гренель на пяти заседаниях приговорила тридцать одного заговорщика к смертной казни, тридцать - к ссылке и двадцать пять - к тюремному заключению.

Вскоре после этого высокий суд Вандомы судил Бабефа и его сообщников, среди которых были Амар, Вадье и Дарте, бывший секретарь Жозефа Лебона. Никто из них не опровергал себя; они говорили как люди, которые не боялись ни признаться в своих намерениях, ни умереть за свое дело. В начале и в конце каждого сеанса они пели *Марсельезу*. Эта старая победная песня и их твердое поведение повергли общественность в изумление и, казалось, сделали их еще более грозными. Их жены сопровождали их на суде, Бабеф в конце своей защиты повернулся к ним и сказал: "*они должны сопровождать их даже на Голгофу, потому что причина их наказания не опозорит их*". Высокий суд приговорил Бабефа и Дарте к смертной казни: услышав свой приговор, они оба нанесли себе удары кинжалом. Бабеф был последним лидером старой коммуны икомитета общественного спасения, которые разделились до Термидора, а затем снова объединились. Эта партия уменьшалась с каждым днем. Его распространение и изоляция в особенности относятся к этому периоду. При реакции он все еще представлял собой компактную массу; при Бабефе он сохранял положение грозного объединения. С тех пор демократы существовали, но партия была распущена.

В промежутке между предприятием Гренель и осуждением Бабефа роялисты также организовали свой заговор. Проекты демократов вызвали движение мнений, противоположное тому, которое проявилось после Вандемьера, и контрреволюционеры, в свою очередь, осмелели. Тайные вожди этой партии надеялись найти поддержку в войсках Гренельского лагеря, которые дали отпор группировке Бабефа. Эта партия, нетерпеливая и неумелая, неспособная привлечь на свою сторону всех сектантов, как в Вандемире, или массу советов, как 18 Фруктидора, использовала трех человек без имени и влияния: аббата Бразье, бывшего советника парламента Лавильернуа и своего рода авантюриста по имени Дюнан. Они сразу же,

со всей простотой, обратились в Мало за лагерем Гренель, чтобы с его помощью восстановить старый режим. Мало передал их директории, которая передала их гражданским трибуналам, не имея возможности, как он хотел, передать их на рассмотрение военных комиссаров. Судьи их партии, избранные под влиянием вандемцев, отнеслись к ним с большим вниманием, и вынесенный им приговор был всего лишь кратковременным тюремным заключением. В этот период возникла борьба между всеми властями, назначенными секциями, и директорией, поддерживаемой армией; каждая проявляла свою силу и судила везде, где преобладала ее партия; результатом было то, что выборная власть отдала себя в распоряжение контрреволюции, директория была вынуждена ввести армию в государство; что впоследствии вызвало серьезные неудобства.

Директория, одержавшая победу над двумя несогласными партиями, одержала победу и над Европой. Новая кампания началась при самых благоприятных условиях. Бонапарт, прибыв в Ниццу, обозначил свое командование одним из самых дерзких вторжений. До сих пор его армия празднично болталась по склону Альп; она была лишена всего и едва насчитывала тридцать тысяч человек; но она была хорошо обеспечена мужеством и патриотизмом; и с их помощью Бонапарт тогда начал удивлять мир, которым он руководил в течение двадцати лет. Он свернул военные городки и вошел в долину Савоны, чтобы двинуться маршем в Италию между Альпами и Апеннинскими горами. Перед ним было девяностотысячное войско коалиции, которым в центре командовал Аржанто, слева - Колле, а справа - Болье. Эта огромная армия была рассеяна за несколько дней благодаря чудесам гения и мужества. Бонапарт разгромил центр в Монтенотте и вступил в Пьемонт; при Миллезимо он полностью отделил сардинскую армию от австрийской. Они поспешили защитить Турин и Милан, столицы своего господства. Прежде чем преследовать австрийцев, республиканский генерал бросился влево, чтобы отрезать сардинскую армию. Судьба Пьемонта решалась в Мондови, и перепуганный туринский двор поспешил подчиниться. В Чераско было заключено перемирие, за которым вскоре последовал мирный договор, подписанный в Париже 18 мая 1796 года между республикой и королем Сардинии, который уступил Савойю и графства Ницца и Тенда. Оккупация Алессандрии, открывшая путь в страну Ломбардов; разрушение крепостей Сузы и Брунета на границах Франции; оставление территории Ниццы и Савойи предоставлением в распоряжение другой альпийской армии под командованием Келлермана были наградой за двухнедельную кампанию и шесть побед.

Закончив войну с Пьемонтом, Бонапарт выступил против австрийской армии, которой не давал покоя. Он перешел реку По у Пьяченцы и Адду у Лоди. Последняя победа открыла ворота Милана и обеспечила ему владение Ломбардией. Республиканская армия, окружившая Мантую, оттеснила генерала Болье в ущелья Тироля и появилась в горах империи. Генерал Вурмсер пришел на смену Болье, и новая армия была отправлена на соединение с остатками побежденной. Вурмсер двинулся вперед, чтобы освободить Мантую и еще раз превратить Италию в поле битвы; но он был побежден, как и его предшественник, Бонапартом, который, сняв блокаду Мантуи, чтобы противостоять этому новому врагу, возобновил ее с еще большей энергией и возобновил свои позиции в Тироле. План вторжения был выполнен с большим единством и успехом. В то время как итальянская армия угрожала Австрии со стороны Тироля, две армии на Маасе и Рейне вошли в Германию; Моро, поддерживаемый слева от себя Журданом, был готов присоединиться к Бонапарту справа от него. Обе армии перешли Рейн у Нойвида и Страсбурга и продвинулись вперед эшелонами на расстояние шестидесяти миль, оттесняя противника, который, отступая перед ними, стремился затруднить их продвижение и

прорвать их линию. Они почти достигли цели своего предприятия; Моро вошел в Ульм и Аугсбург, переправился через Лук, и его передовой отряд был на краю тирольских ущелий, когда Журдан по недоразумению перешел линию фронта, был атакован эрцгерцогом Карлом и полностью разбит. Моро, незащищенный на своем левом фланге, был вынужден вернуться по своим следам, и тогда он предпринял свое памятное отступление. Вина Журдана была серьезной: он помешал успеху этого обширного плана кампании и дал передышку австрийскому правительству.

Венский кабинет министров, потерявший Бельгию в этой войне и чувствовавший важность сохранения Италии, защищал ее с величайшим упорством. Вурмзер после нового поражения был вынужден броситься в Мантую с остатками своей армии. Генерал Алвинци во главе пятидесяти тысяч венгров теперь явился попытать счастья, но добился не большего успеха, чем Боле или Вурмзер. Новые победы были добавлены к чудесам, уже достигнутым итальянской армией, и обеспечили завоевание этой страны. Мантуя капитулировала; республиканские войска, хозяева Италии, двинулись через горы на Вену. Перед Бонапартом был принц Карл, последняя надежда Австрии. Вскоре он миновал ущелья Тироля и вступил на равнины Германии. Тем временем рейнская армия под командованием Моро и армия на Маасе под командованием Гоша успешно возобновили выполнение плана предыдущей кампании, а венский кабинет министров, охваченный тревогой, заключил Леобенское перемирие. Она истощила все свои силы и испытала всех своих генералов, в то время как французская республика была в полном разгаре завоеваний.

Армия Италии завершила в Европе дело Французской революции. Эта замечательная кампания была проведена благодаря союзу гениального генерала и разумной армии. Бонапарт имел в качестве лейтенантов генералов, способных командовать собой, знающих, как взять на себя ответственность за ход сражения, и армию граждан, обладающих развитым умом, глубокими чувствами, сильным соперничеством всему великому; страстно преданных революции, которая возвысила их страну, сохранила их независимость при дисциплине и которая предоставила возможность каждому солдату стать генералом. Нет ничего такого, чего гениальный лидер не мог бы достичь с такими людьми. Должно быть, при воспоминании о своих прежних годах он сожалел о том, что когда-либо сосредоточивал в себе всю свободу и разум, что когда-либо создавал механические армии и генералов, годных только на повиновение. Бонапарт начал третью эпоху войны. Кампания 1792 года проводилась по старой системе, с рассредоточенными корпусами, действовавшими отдельно, не покидая своей постоянной линии. Комитет общественной безопасности сосредоточил войска, заставил их действовать уже не только исходя из того, что было перед ними, но и на расстоянии; это ускорило их движение и направило их к общей цели. Бонапарт делал для каждого сражения то, что комитет делал для каждой кампании. Он привел все эти корпуса в определенный пункт и быстротой своих мер уничтожил несколько армий одной армией. Он распоряжался целыми массами войск по своему усмотрению, перемещал их туда или сюда, выдвигал вперед или держал вне поля зрения, имел их полностью в своем распоряжении, когда, где и как ему заблагорассудится, будь то занять позицию или выиграть сражение. Его дипломатия была столь же виртуозна, как и военное дело.

Все итальянские правительства, кроме Венеции и Генуи, присоединились к коалиции, но народ был за французскую республику. Бонапарт полагался на последнюю. Он упразднил Пьемонт,

который не смог завоевать; превратил Милан, до сих пор зависевший от Австрии, в *Цизальпинскую республику*; он ослабил Тоскану и мелких князьков Пармы и Модены контрибуциями, не лишая их собственности; папа, подписавший перемирие после первого успеха Бонапарта против Болье и не колеблясь нарушивший его после прибытия Вюрмзера, купил мир, уступив Романью, Болонью и Феррару, которые были присоединены к Цизальпинской республике; наконец, аристократия Венеции и Генуи, получившая право на участие в войне с Францией. они поддержали коалицию и подняли восстание в тылу армии, их правительство было сменено, и Бонапарт сделал его демократическим, чтобы противопоставить власть народа власти дворянства. Таким образом, революция проникла в Италию.

Австрия, согласно предварительным условиям Леобена, уступила Бельгию Франции и признала Ломбардскую республику. Все союзные державы сложили оружие, и даже Англия попросила об угощении. Франция, мирная и свободная у себя дома, достигла на своих границах своих естественных пределов и была окружена растущими республиками, такими как Голландия, Ломбардия и Лигурия, которые защищали ее по бокам и распространяли ее власть в Европе. Коалиция была мало расположена к новому нападению на революцию, все правительства которой одержали победу; революцию анархии после 10 августа, диктатуры после 31 мая и законной власти при директории; революцию, которая при каждом новом столкновении продвигалась на шаг дальше по европейской территории. В 1792 году она распространилась только на Бельгию; в 1794 году она достигла Голландии и Рейна; в 1796 году достигла Италии и вошла в Германию. Если она продолжит свое продвижение, у коалиции будут основания опасаться, что она продвинет свои завоевания дальше. Казалось, все готово для всеобщего мира.

Но положение директории существенно изменилось в результате выборов Пятого года (май 1797 г.). Эти выборы, легально представив роялистскую партию в законодательный орган и правительство, вновь поставили под сомнение то, что было решено вандемским конфликтом. До этого периода между директорией и советами существовало хорошее взаимопонимание. Состоявшие из конвенционалистов, объединенные общими интересами и необходимостью установления республики, после того как их обдували ветры всех партий, они проявили много доброй воли в своих отношениях и много единства в своих мерах. Советы уступили различным требованиям директории; и, за исключением нескольких незначительных изменений, они одобрили ее проекты, касающиеся финансов и администрации, ее поведения в отношении заговоров, армий и Европы. Антиконвенциональное меньшинство сформировало оппозицию в советах; но эта оппозиция, ожидая усиления новой трети, лишь осторожно выступала против политики директории. Во главе его стояли Барбе-Марбуа, Пасторе, Вобланк, Дюма, Порталис, Симеон, Тронсон-Дюкудре, Дюпон де Немур, большинство из которых были членами правых в законодательном собрании, а некоторые - откровенными роялистами. Вскоре их позиция стала менее двусмысленной и более агрессивной, благодаря добавлению тех членов, которые были избраны в году V.

Роялисты сформировали грозную и активную конфедерацию, имевшую своих лидеров, агентов, бюджеты и журналы. Они исключили республиканцев из выборов, оказали влияние на массы, которые всегда следуют за самой энергичной партией и чье знамя они на мгновение принимают. Они даже не допускали патриотов первой эпохи, а избирали только убежденных контрреволюционеров или двусмысленных конституционалистов. Затем республиканская

партия получила место в правительстве и армии; роялистская партия - в избирательных собраниях и советах.

1-го прериаля V года (20 мая) оба совета открыли свои заседания. С самого начала они проявляли дух, который ими руководил. Пишегрю, которого роялисты перевели на новое поле битвы контрреволюции, был с энтузиазмом избран президентом *детского* совета. Барбе-Марбуа с таким же рвением назначил его председателем совета старейшин. Законодательный орган приступил к назначению директора вместо Летурнера, который 30-го Флореаля был избран путем голосования выбывающим членом. Их выбор пал на Бартелеми, посла в Швейцарии, чьи умеренные взгляды и приверженность миру устраивали советы и Европу, но который едва ли был приспособлен к управлению республикой из-за своего отсутствия во Франции в течение всей революции.

За этими первыми враждебными действиями против директории и конвенциональной партии последовали более реальные атаки. Теперь ее администрация и политика подвергались нападкам без зазрения совести. Директория сделала все, что было в силах сделать законное правительство в ситуации, все еще революционной. Ее обвиняли в продолжении войны и в беспорядке в финансовом департаменте. Законодательное большинство умело обратило свое внимание на общественные нужды; оно поддерживало полную свободу прессы, которая позволяла журналистам нападать на директорию и готовить почву для другой системы; оно поддерживало мир, потому что это привело бы к разоружению республики, и, наконец, оно поддерживало экономику.

Эти требования были в каком-то смысле полезными и общегосударственными. Франция устала и чувствовала необходимость во всем этом для завершения своего социального восстановления; соответственно, нация наполовину приняла взгляды роялистов, но из совершенно иных побуждений. Оно с гораздо большей тревогой наблюдало за мерами, принятыми советами по отношению к священникам и эмигрантам. Желалось умиротворения; но нация не желала, чтобы побежденные враги революции вернулись с триумфом. Советы приняли законы в отношении них с большой поспешностью. Они справедливо отменили наказание в виде ссылки или тюремного заключения в отношении священников за религиозные или нецивилизованные действия; но они хотели восстановить древние prerogatives своей формы богослужения; сделать католицизм, уже восстановленный, внешне проявляющимся в использовании колоколов, и освободить священников от присяги государственных служащих. Камилла Джордан, молодой депутат от Лиона, полная красноречия и мужества, но придерживающаяся необоснованных мнений, была главным панегиристом духовенства в совете молодежи. Речь, которую он произнес по этому поводу, вызвала большое удивление и яростное противодействие. Тот небольшой энтузиазм, который еще оставался, был всецело патриотическим, и все были поражены, став свидетелями возрождения другого энтузиазма, религиозного: прошедшее столетие и революция сделали людей совершенно непривычными к нему и помешали им понять его. Это был момент, когда старая партия возродила свое кредо, ввела свой язык и смешала их с кредо и языком партии реформ, которая до сих пор преобладала в одиночку. Результатом стало, как обычно бывает со всем неожиданным, неблагоприятное и смешное впечатление о Камилле Джордан, получившей прозвище *Джордан-Карильон, Джордан-ле-Клош*. Попытка защитников духовенства, однако, не увенчалась успехом, и совет пятисот до сих пор не решился издать указ об использовании колоколов или сделать священников независимыми. После некоторых колебаний умеренная партия

присоединилась к директорской партии и поддержала гражданскую присягу криками "Да здравствует Республика!"

Тем временем продолжались враждебные действия против директории, особенно в совете пятисот, который был более ревностным и нетерпеливым, чем совет древних. Все это значительно ободрило фракцию роялистов во внутренних районах страны.

Контрреволюционные репрессии против *патриотов* тех, кто приобрел национальную собственность, были возобновлены. Эмигрантские и раскольничьи священники возвращались толпами и, будучи не в силах вынести ничего, что напоминало бы о революции, не скрывали своих планов ее свержения. Директорская власть, которой угрожали в центре и от которой отказывались в департаментах, стала полностью бессильной.

Но необходимость обороны, тревога всех людей, которые были преданы директории, и особенно революции, придали мужества и поддержки правительству. Агрессивный прогресс советов вызвал подозрение в их привязанности к республике, и массы, которые поначалу поддерживали их, теперь отказались от них. Конституционалисты 1791 года и директорская партия заключили союз. Клуб *Сальма*, созданный под эгидой этого альянса, выступал против клуба *Клиши*, который долгое время был местом встреч наиболее влиятельных членов советов. Директория, хотя и прибегала к общественному мнению, не пренебрегала своей главной силой — поддержкой войск. Он привел под Париж несколько полков армии Самбр-и-Мез под командованием Гоша. Конституционный радиус в шесть мириаметров (двенадцать лье), который войска не могли пройти по закону, был нарушен: и советы донесли об этом нарушении директории, которая притворилась невежественной, полностью не поверила и привела очень слабые оправдания.

Обе стороны наблюдали друг за другом. Один имел свои посты в директории, в клубе *Сальма* и в армии, другой - в советах, в *Клиши* и в *салонах* роялистов. Толпа была зрителями. Каждая из двух партий была настроена действовать революционным образом по отношению к другой. Промежуточная конституционная и примиренческая партия пыталась предотвратить борьбу и добиться объединения, что было совершенно невозможно. Карно был его главой: несколько членов младшего совета под руководством Тибодо и довольно большое количество Старейшин поддерживали его умеренные проекты. Карно, который в тот период был ответственным за конституцию, вместе с Бартеlemi, который был руководителем законодательного органа, составляли меньшинство в правительстве. Карно, очень строгий в своем поведении и очень упрямый в своих взглядах, не мог согласиться ни с Баррасом, ни с властным Ребеллом. К этой противоположности характеров затем добавилась разница в системе. Баррас и Ребелл, поддерживаемые Ла Ревельером, были вовсе не против государственного переворота против советов, в то время как Карно хотел строго следовать закону. Этот великий гражданин в каждую эпоху революции прекрасно видел тот способ правления, который ему подходил, и его мнение сразу же стало навязчивой идеей. При комитете общественного спасения диктатура была его неизменной системой, а при директории - законным правительством. Не понимая разницы в ситуации, он оказался в двусмысленном положении; он желал мира в момент войны и закона в момент государственного переворота.

Советы, несколько встревоженные приготовлениями директории, по-видимому, посчитали увольнение нескольких министров, которым они не доверяли, ценой примирения. Это были Мерлен де Дуэ, министр юстиции; Делакура, министр иностранных дел; и Рамель, министр

финансов. С другой стороны, они хотели сохранить Петье на посту военного министра, Бенеша на посту министра внутренних дел и Кошона де Лаппарента на посту министра полиции. Законодательный орган, не имея директивных полномочий, хотел позаботиться о министерстве. Далекие от того, чтобы согласиться с этим желанием, которое привело бы к появлению врага в правительстве, Ребелл, Ла Ревельер и Баррас уволили министров, находившихся под защитой советов, и сохранили остальных. Бенеш был заменен Франсуа де Нефшато, Петье - Гошем, а вскоре после этого - Шерером; Кошона де Лаппарента заменил Ленуар-Ларош; а Ленуар-Лароша, у которого было слишком мало решительности, заменил Сотен. Талейран также был частью этого министерства. Он был вычеркнут из списка эмигрантов после закрытия конвенционной сессии как революционер 1791 года; и его великая проницательность, которая всегда ставила его в ряд с партией, имеющей наибольшие надежды на победу, сделала его в этот период республиканцем-директориалом. У него было портфолио Делакруа, и он внес большой вклад своими советами и смелостью в события Fructidor.

Война теперь казалась все более и более неизбежной. Директория не желала примирения, которое в лучшем случае лишь отсрочило бы ее падение и падение республики до выборов VI года. Это вызвало рассылку армиями угрожающих обращений против советов. Бонапарт с тревогой наблюдал за событиями, которые готовились в Париже. Хотя он был близок с Карно и переписывался непосредственно с ним, он послал Лавалетта, своего помощника, сообщить ему о разногласиях в правительстве, об интригах и заговорах, которыми оно было охвачено. Бонапарт пообещал директории поддержку своей армии в случае реальной опасности. Он отправил Ожеро в Париж с обращениями от своих войск. "Трепещите, роялисты!" - говорили солдаты. "От Адидже до Сены всего один шаг. Трепещите! ваши беззакония сочтены, и возмездие за них - на кончиках наших штыков". — "Мы с негодованием наблюдали, - сказал штаб, - за интригами королевской семьи, угрожающими свободе. Гривами героев, погибших за нашу страну, мы поклялись в непримиримой войне против королевской власти и роялистов. Таковы наши чувства; они принадлежат вам и всем патриотам. Дайте роялистам проявить себя, и их дни сочтены". Советы протестовали, но тщетно, против этих обсуждений в армии. Генерал Ришпанс, командовавший войсками, прибывшими из армии Самбр-и-Мез, разместил их в Версале, Медоне и Венсенне.

Советы были противниками в Прериале, но поскольку успех их дела мог быть отложен до VI года, когда это могло произойти без риска и сражений, они продолжали обороняться после Термидора (июль 1797 г.). Однако затем они сделали все возможное для подготовки к соревнованию: они отдали приказ о закрытии конституционных кругов, чтобы избавиться от клуба *Сальма*; они также расширили полномочия комиссии инспекторов зала, которая стала правительством законодательного органа и в которую входили два заговорщика-роялиста, Вилло и Пишегрю. Охрана советов, находившаяся под контролем директории, была передана в непосредственное подчинение инспекторам зала. Наконец, 17 фруктидора законодательный корпус подумал о том, чтобы заручиться поддержкой вандемского ополчения, и по предложению Пишегрю постановил сформировать национальную гвардию. На следующий день, 18-го, эта мера должна была быть приведена в исполнение, и советы своим указом приказали войскам отойти на некоторое расстояние. Они достигли точки, когда потребовалась новая победа, чтобы решить великую борьбу революции и древней системы. Пылкий генерал Вилло хотел, чтобы они проявили инициативу, объявили импичмент трем директорам, Баррасу, Ребеллю и Ла Ревельеру; чтобы двое других присоединились к законодательному корпусу; чтобы, если правительство откажется повиноваться, ударили в набат и выступили вместе со

старыми сектантами против директории; чтобы поставить Пишегрю во главе этого *законного восстания* осуществить все эти меры быстро, смело и в полдень. Пишегрю, как говорят, колебался; и мнение нерешительных возоблаго, был принят запоздалый курс юридических приготовлений.

Однако с каталогом все было по-другому. Баррас, Ребелл и Ла Ревельер немедленно решили атаковать Карно, Бартелеми и законодательное большинство. Утро 18-го было назначено для совершения этого государственного переворота. Ночью войска, стоявшие лагерем в окрестностях Парижа, вошли в город под командованием Ожеро. Замысел директорского триумvirата состоял в том, чтобы занять Тюильри войсками до созыва законодательного корпуса, чтобы избежать насильственного изгнания; созвать советы по соседству с Люксембургом после ареста их главных лидеров и законодательными мерами осуществить государственный переворот, начатый силой. Это было согласовано с меньшинством советов и опиралось на одобрение масс. Войска достигли Ратуши в час ночи, рассредоточились по набережным, мостам и Елисейским полям, и вскоре двенадцать тысяч человек и сорок орудий окружили Тюильри. В четыре часа прозвучал сигнал тревоги, и Ожеро появился у ворот Пон-Турнана.

Охрана законодательного органа была при оружии. Инспекторы мэрии, предупрежденные накануне вечером о готовящемся движении, отправились в национальный дворец (Тюильри), чтобы защитить вход. Рамель, командующий законодательной гвардией, был предан советам, и он разместил свои восемьсот гренадеров в разных аллеях сада, запертых воротами. Но Пишегрю, Вилло и Рамель не смогли противостоять директории с такими маленькими и ненадежными силами. Ожеро не было необходимости даже форсировать переход Пон-Турнан: как только он предстал перед гренадерами, он закричал: "Вы республиканцы?" Последние опустили руки и ответили: "Да здравствует Ожеро! Да здравствует директория!" - и присоединились к нему. Ожеро пересек сад, вошел в зал советов, арестовал Пишегрю, Вилло, Рамеля и всех инспекторов зала и приказал доставить их в Темпл. Члены советов, спешно созванные инспекторами, толпами направлялись к месту своего заседания; но вооруженные силы арестовывали их или отказывали во входе. Ожеро объявил им, что директория, побуждаемая необходимостью защиты республики от заговорщиков среди них, назначила Одеон и Медицинскую школу местом своих заседаний. Большая часть присутствующих депутатов протестовала против военного насилия и узурпации диктатуры, но они были вынуждены уступить.

В шесть утра эта экспедиция была прекращена. Жители Парижа, проснувшись, обнаружили, что войска все еще при оружии, а стены увешаны прокламациями, извещающими о раскрытии грандиозного заговора. Людей призвали соблюдать порядок и уверенность. Директория опубликовала письмо генерала Моро, в котором он подробно сообщал о заговорах своего предшественника Пишегрю с эмигрантами, и другое письмо принца де Конде Имберту Коломесу, члену "Древних". Все население сохраняло спокойствие; они были простыми зрителями события, произошедшего без вмешательства сторон и с помощью только армии. Они не выказывали ни одобрения, ни сожаления.

Директория чувствовала необходимость узаконить и, в особенности, прекратить действие этого экстраординарного акта. Как только члены пятисот и древних собрались в Одеоне и Медицинской школе в достаточном количестве, чтобы провести дебаты, они решили заседать

постоянно. В послании директории говорилось о мотивах, побудивших ее принять все меры. "Граждане, законодатели, - гласило послание, - если бы директория отложила еще один день, республика была бы сдана своим врагам. Само место ваших заседаний было местом встречи заговорщиков: оттуда они вчера распространяли свои планы и приказы о доставке оружия; оттуда они переписывались прошлой ночью со своими сообщниками; наконец, оттуда или по соседству они снова пытались организовать подпольные и мятежные собрания, разгонять которые в настоящее время занимается полиция. Мы поставили бы под угрозу общественное благосостояние и благосостояние его верных представителей, если бы позволили им оставаться смешанными с врагами страны в логове заговора".

Младший совет назначил комиссию в составе Сийеса, Пулен-Гранпре, Виллера, Шазалья и Буле де ла Мерта, которым было поручено представить закон об *общественной безопасности*. Закон был мерой остракизма; только транспортировка заменяла эшафот в этот второй революционный и диктаторский период.

Членами пятисот человек, приговоренных к ссылке, были: Обри, Ж. Ж. Эме, Байяр, Блэн, Буасси д'Англас, Борн, Бурдон де л'Уаз, Кадруа, Кушри, Делахэ, Деларю, Думере, Дюмолар, Дюплантье, Гибер Десмольер, Анри Ла Ривьер, Имбер-Коломес, Камиль Жордан, Журдан (де Буш-дю-Рон) Галль, Ла Карьер, Лемаршан-Гомикур, Лемерер, Мерсан, Мадье, Майяр, Ноай, Андре, Мак-Картен, Пави, Пасторе, Пишегрю, Полиссар, Прер-Монто, Катремер-Куинси, Саладин, Симеон, Вовилье, Вьено-Воблан, Вилларе-Жуазе, Вилло. В совете древних: Барбе-Марбуа, Дюма, Ферро-Вайан, Лафон-Ладеба, Ломон, Мурар, Мурина, Паради, Порталис, Ровер, Тронсон-Дюкудре. В справочнике: Карно и Бартелеми. Они также осудили аббата Броттье, Лавилле Эрнуа, Дюнана, бывшего министра полиции Кошона, бывшего агента полиции Доссонвиля, генералов Миранду и Моргана; журналиста Сюара; бывшего сторонника традиций Майе; и коменданта Рамеля. Нескольким из объявленных вне закона удалось избежать указа о ссылке; Карно был в их числе. Большинство из них были перевезены в Кайенну, но очень многие не покинули остров Ре.

Справочник значительно расширил этот акт остракизма. Авторы тридцати пяти журналов были включены в приговор о высылке. Оно хотело нанести удар сразу по всем направлениям республики: в советах, в прессе, в избирательных собраниях, в департаментах, одним словом, везде, где они представились. Выборы в сорока восьми департаментах были отменены, законы в пользу священников и эмигрантов были отменены, и вскоре после этого исчезновение всех, кто имел влияние в департаментах со времен 9 Термидора, подняло дух поверженной республиканской партии. Государственный переворот Фруктидора не был чисто центральным, как победа при Вандеме; он разрушил партию роялистов, которая была только отброшена предыдущим поражением. Но, снова заменив законное правительство диктатурой, это сделало необходимой еще одну революцию, о которой будет рассказано позже.

Мы можем сказать, что 18-го фруктидора года V. было необходимо, чтобы директория восторжествовала над контрреволюцией, уничтожив советы; или чтобы советы восторжествовали над республикой, свергнув директорию. В связи с таким образом поставленным вопросом остается, во-первых, выяснить, могла ли директория победить каким-либо иным способом, кроме государственного переворота; во-вторых, злоупотребила ли она своей победой?

Правительство не имело права распускать советы. По окончании революции, целью которой было установление крайне правых, они не смогли наделить второстепенную власть контролем

над суверенитетом народа, а в некоторых случаях и подчинить законодательную власть директории. Эта уступка экспериментальной политике, которой не существовало, какие средства оставались директории для изгнания врага из сердца государства? Не имея больше возможности защищать революцию в силу закона, оно не имело другого ресурса, кроме диктатуры; но, прибегнув к ней, оно нарушило условия своего существования; и, спасая революцию, оно вскоре пало само.

Что же касается его победы, то он запятнал ее насилием, попытавшись сделать ее слишком полной. Приговор к ссылке был распространен на слишком многих жертв; мелкие страсти людей смешивались с защитой дела, и директория не проявляла того нежелания прибегать к произвольным мерам, которое является единственным оправданием государственных переворотов. Чтобы достичь своей цели, ей следовало изгнать только ведущих заговорщиков; но редко случается, чтобы партия не злоупотребляла диктатурой и чтобы, обладая властью, она не верила в опасность потворства своим желаниям. Поражение 18-го Фруктидора было четвертым для партии роялистов; два имели место для того, чтобы лишить ее власти, 14 июля и 10 августа; два, чтобы предотвратить ее возобновление; 13-я Вандемская и 18-я Фруктидора. Это повторение бессильных попыток и затяжных поражений немало способствовало подчинению этой партии консульству и империи.

ГЛАВА XIII

С 18-ГО ФРУКТИДОРА В V ГОДУ (4 СЕНТЯБРЯ 1797 г.) По 18-Е БРЮМЕРА В VIII ГОДУ. (9 НОЯБРЯ 1799 г.)

Главным результатом 18-го Фруктидора было возвращение, с небольшими смягчениями, к революционному правительству. Два древних привилегированных класса снова были исключены из общества; несогласные священники снова были изгнаны. Шуаны и бывшие беглецы, занявшие поле битвы в департаментах, уступили его старым республиканцам: те, кто входил в состав военного ведомства Бурбонов, высшие офицеры короны, члены парламентов, командоры орденов Святого Духа и Людовика Святого, мальтийские рыцари, все те, кто протестовал против отмены дворянства и сохранил его титулы, должны были покинуть территорию республики. Бывшие дворяне или те, кто был облагорожен, могли пользоваться правами граждан только по истечении семилетнего срока и после прохождения своего рода ученичества у французов. Эта партия, стремясь к власти, восстановила диктатуру.

В этот период директория достигла максимума своего могущества; некоторое время у нее не было вооруженных врагов. Избавленная от всякой внутренней оппозиции, она навязала континентальный мир Австрии Кампо-Формийским мирным договором, а империи - Раштадтским конгрессом. Кампо-Формийский мирный договор был более выгоден венскому кабинету министров, чем предварительные условия Леобена. Его бельгийские и ломбардские государства оплачивались частью венецианских государств. Эта старая республика была разделена; Франция сохранила Ионические острова и передала Австрии город Венецию и провинции Истрия и Далмация. В этом директория совершила большую ошибку и была виновна в покушении на свободу. В фанатизме системы мы можем желать освободить страну, но мы никогда не должны отдавать ее. Произвольно распределив территорию небольшого государства, директория с тех пор подала плохой пример такого оборота в других странах, но слишком многие последовали ему. Кроме того, австрийское владычество рано или поздно распространилось бы на Италию из-за этой опрометчивой уступки Венеции.

Коалиция 1792 и 1793 годов была распущена; Англия была единственной оставшейся воюющей державой. Лондонский кабинет вовсе не был расположен уступить Франции, на которую он напал в надежде ослабить ее, Бельгию, Люксембург, левый берег Рейна, Порентрю, Ниццу, Савойю, протекторат Генуи, Милана и Голландии. Но, сочтя необходимым умиротворить английскую оппозицию и реорганизовать свои средства нападения, оно выдвинуло предложения о мире; оно направило лорда Малмсбери в качестве полномочного представителя сначала в Париж, затем в Лилль. Но предложения Питта не были искренними, и директория не позволила обмануть себя его дипломатическими уловками. Переговоры дважды прерывались, и война между двумя державами продолжалась. Пока Англия вела переговоры в Лилле, она готовила в Санкт-Петербурге тройственный союз, или вторую коалицию.

Директория, со своей стороны, без финансов, без какой-либо партии внутри страны, не имея никакой поддержки, кроме армии, и никакого возвышения, кроме того, которое было вызвано продолжением ее побед, была не в состоянии согласиться на всеобщий мир. Это усилило общественное недовольство из-за установления определенных налогов и сокращения долга до консолидированной трети, подлежащей уплате только в денежной форме, что разорило держателей средств. Возникла необходимость поддерживать себя с помощью войны. Огромное количество солдат нельзя было расформировать без опасности. Кроме того, будучи лишенной своей власти и отданной на милость Европы, директория предприняла попытку, которая никогда не обходилась без потрясения, за исключением случаев великого спокойствия, большой непринужденности, изобилия и занятости. Директория из-за своей позиции была вынуждена вторгнуться в Швейцарию и предпринять экспедицию в Египет.

Затем Бонапарт вернулся в Париж. Завоеватель Италии и умиротворитель континента был встречен с энтузиазмом, сдержанным со стороны директории, но глубоко прочувствованным народом. Ему были оказаны почести, которых еще не удостоивался ни один генерал республики. В Люксембурге был сооружен патриотический алтарь, и он прошел под аркой из штандартов, завоеванных в Италии, по пути на триумфальную церемонию в его честь. С речью к нему обратился президент директории Баррас, который, поздравив его с победами, пригласил "увенчать столь благородную жизнь завоеванием, которым великая страна обязана своему оскорбленному достоинству". Это было завоевание Англии. Казалось, что все готовится к спуску, в то время как на самом деле намечалось вторжение в Египет.

Такая экспедиция устраивала и Бонапарта, и директорию. Независимое поведение этого генерала в Италии, его честолюбие, которое время от времени прорывалось сквозь его напускную простоту, делали его присутствие опасным. Он, со своей стороны, боялся своим бездействием скомпрометировать и без того высокое мнение, сложившееся о его талантах, ибо люди всегда требуют от тех, кого они делают великими, больше, чем они в состоянии выполнить. Таким образом, в то время как директория видела в экспедиции в Египет средство держать грозного генерала на расстоянии и перспективу нападения на англичан со стороны Индии, Бонапарт видел в этом гигантскую концепцию, занятие, соответствующее его вкусу, и новое средство удивления человечества. Он отплыл из Тулона 30 Флореаля VI года (19 мая 1798 г.) с флотом из четырехсот человек и частью итальянской армии; он направился на Мальту, хозяином которой он стал, а оттуда в Египет.

Директория, нарушившая нейтралитет Османской Порты, чтобы напасть на англичан, уже нарушила нейтралитет Швейцарии, чтобы изгнать эмигрантов со своей территории.

Французские мнения уже проникли в Женеву и Пай-де-Во, но политика Швейцарской конфедерации была контрреволюционной из-за влияния бернской аристократии. Они изгнали из кантонов всех швейцарцев, которые проявили себя сторонниками французской республики. Берн был штаб-квартирой эмигрантов, и именно там формировались все заговоры против революции. Директория подала жалобу, но не получила удовлетворения. Водуа, поставленные старыми договорами под защиту Франции, обратились к ней за помощью против тирании Берна. Этот призыв Водуа, его собственные жалобы, его желание распространить директорскую республиканскую систему на Швейцарию, гораздо больше, чем искушение завладеть небольшим количеством сокровищ в Берне, упрек, выдвинутый против него некоторыми, определили директорию. Состоялось несколько совещаний, которые ни к чему не привели, и началась война. Швейцарцы защищались с большим мужеством и упрямством и надеялись возродить времена своих предков, но они потерпели поражение. Женева была присоединена к Франции, и Швейцария сменила свою древнюю конституцию на конституцию III года. С этого времени в конфедерации существовали две партии, одна из которых была за Францию и революцию, другая - за контрреволюцию и Австрию. Швейцария перестала быть обычным барьером и превратилась в главную дорогу Европы.

За этой революцией последовала революция в Риме. Генерал Дюфо был убит в Риме во время беспорядков; и в наказание за это убийство, в которое папское правительство не вмешалось, чтобы предотвратить, Рим был преобразован в республику. Все это в совокупности завершило систему директории и сделало ее доминирующей в Европе; теперь она стояла во главе гельветской, Батавской, Лигурийской, Цизальпинской и Римской республик, построенных по одной и той же модели. Но в то время как директория распространяла свое влияние за границу, ей снова угрожали внутренние партии.

Выборы во Флореале в VI году. (Май 1798 г.) ни в коем случае не были благоприятными для директории; результаты сильно отличались от результатов года V. Начиная с 18 Фруктидора, уход контрреволюционеров восстановил все влияние исключительной республиканской партии, которая восстановила клубы под названием *Конституционных кругов*. Эта партия доминировала в избирательных собраниях, которым, что было самым необычным, пришлось выдвинуть сорок тридцать семь депутатов: двести девяносто восемь для совета пятисот; сто тридцать девять для совета древних. Когда приблизились выборы, директория громко выступила против *анархистов*. Но поскольку его прокламации не смогли предотвратить возвращение демократии, он решил аннулировать их в силу закона, по которому советы после 18-го Фруктидора предоставили ему *право судить* о деятельности избирательных собраний. В послании он предложил законодательному органу назначить для этой цели комиссию из пяти членов. 22 Флореаля выборы по большей части были аннулированы. В этот период директорская партия нанесла удар по крайним республиканцам, как за девять месяцев до этого она нанесла удар по роялистам.

Директория желала сохранить политическое равновесие, которое было характерно для первых двух лет ее правления; но ее позиция сильно изменилась. После своего последнего государственного переворота оно больше не могло быть беспристрастным правительством, потому что оно больше не было конституционным правительством. Эти претензии на изоляцию вызывали недовольство у всех. И все же она просуществовала таким образом до выборов VII года. Она проявляла большую активность, но активность узкого и случайного характера. Мерлен де Дуэ и Трейяр, сменившие Карно и Бартелеми, были двумя политическими юристами. Ребелл

обладал в высшей степени мужеством, не обладая широкими взглядами государственного деятеля. Ларевильер был слишком занят сектой теофилантропов для государственного лидера. Что касается Барраса, то он продолжал вести разгульную жизнь и руководить страной; его дворец был местом встреч игроков, галантных женщин и биржевых маклеров всех мастей. Администрация директоров предала их характер, но в особенности их положение, к затруднениям которого добавилась война со всей Европой.

В то время как республиканские уполномоченные все еще вели переговоры о мире с империей в Раштадте, вторая коалиция начала кампанию. Кампо-Формийский мирный договор был для Австрии всего лишь приостановкой вооружений. Англии не составило труда привлечь ее к новой коалиции; за исключением Испании и Пруссии, большинство европейских держав вошли в ее состав. Субсидии британского кабинета и привлечение Запада определили судьбу России; Порта и Берберийские государства присоединились к ней из-за вторжения в Египет; империя, чтобы вернуть себе левый берег Рейна, и мелкие князьки Италии, чтобы они могли уничтожить новые республики. В Раштадте они обсуждали мирный договор, касающийся империи, уступку левого берега Рейна, судоходство по этой реке и снос некоторых крепостей на правом берегу, когда русские вошли в Германию, и австрийская армия начала движение. Французские полномочные представители, застигнутые врасплох, получили приказ выехать через двадцать четыре часа; они немедленно подчинились и отправились в путь, предварительно заручившись охранной грамотой от генералов противника. Недалеко от Раштадта они были остановлены несколькими австрийскими гусарами, которые, удовлетворившись их именами и титулами, убили их: Бонье и Робержо были убиты, Жан де Брай был оставлен умирать. Это неслыханное нарушение права наций, это преднамеренное убийство трех человек, наделенных священным характером, вызвало всеобщий ужас. Законодательный корпус объявил войну, и объявил ее с негодованием против правительств, на которых пала вина за это чудовищное преступление.

Военные действия уже начались в Италии и на Рейне. Директория, осведомленная о продвижении русских войск и подозревавшая намерения Австрии, заставила советы принять закон о рекрутском наборе. Военный призыв предоставил в распоряжение республики двести тысяч молодых людей. Этот закон, повлекший за собой неисчислимые последствия, был результатом более регулярного порядка вещей. Массовые сборы были революционной службой страны; воинская повинность стала юридической службой.

Самые нетерпеливые из держав, составлявшие авангард коалиции, уже начали наступление. Король Неаполя двинулся на Рим, а король Сардинии собрал войска и угрожал Лигурийской республике. Поскольку у них не было достаточной мощи, чтобы выдержать удар французских армий, они были легко покорены и лишены собственности. Генерал Шампионне вступил в Неаполь после кровавой победы. Лазарони защищали внутреннюю часть города в течение трех дней; но они сдались, и была провозглашена Партенопийская республика. Генерал Жубер занял Турин, и вся Италия была в руках французов, когда началась новая кампания.

Коалиция превосходила республику в действительной силе и в подготовке. Она атаковала ее с трех крупных позиций - из Италии, Швейцарии и Голландии. Сильная австрийская армия дебютировала в герцогстве Мантуанском; она дважды нанесла поражение Шереру при Адидже, и вскоре к ней присоединился капризный и до сих пор одерживавший победы Суворов. Моро сменил Шерера и, как и он, потерпел поражение; он отступил к Генуе, чтобы удерживать барьер

Апеннин и присоединиться к неаполитанской армии под командованием Макдональда, которая была разбита при Требии. Затем австро-русские направили свои главные силы на Швейцарию. Несколько русских корпусов присоединились к эрцгерцогу Карлу, который разбил Журдана на Верхнем Рейне и готовился перейти гельветийский барьер. В то же время герцог Йоркский высадился в Голландии с сорока тысячами англо-русских. Маленькие республики, защищавшие Францию, подверглись вторжению, и еще несколько побед позволили бы конфедератам проникнуть даже на арену революции.

В разгар этих военных катастроф и недовольства партий состоялись выборы во Флореале в VII году. состоялись (май 1799 г.); они были республиканскими, как и в предыдущем году. Директория была уже недостаточно сильна, чтобы бороться с общественными невзгодами и враждой партий. Уход в отставку Ребелла, которого сменил Сийес, привел к потере единственного человека, способного противостоять буре, и привел в свои ряды самого отъявленного антагониста этого скомпрометированного и измотанного правительства. Умеренная партия и крайние республиканцы объединились, потребовав от директории отчета о внутреннем и внешнем положении республики. Советы заседали постоянно. Баррас бросил своих коллег. Ярость советов была направлена исключительно против Трейяра, Мерлена и Ла Ревейера, последних опор старой директории. Они сместили Трейяра, потому что между его законодательными и директорскими функциями не прошел годичный промежуток, как того требовала конституция. На его место был немедленно выбран бывший министр юстиции Гойер.

Ораторы советов тогда горячо атаковали Мерлена и Ла Ревейера, которых они не могли исключить из директории. Директора, которым угрожали, направили оправдывающее послание советам и предложили мир. 30-го прериала республиканец Бертран (дю Кальвадос) поднялся на трибуну и, изучив предложения директоров, воскликнул: "Вы предложили объединение; и я предлагаю вам подумать, можете ли вы сами по-прежнему сохранять свои функции. Если вы любите республику, вы без колебаний примете решение. Вы неспособны творить добро; у вас никогда не будет доверия ваших коллег, народа или представителей, без которого вы не сможете добиться исполнения законов. Я знаю, что благодаря конституции в директории уже существует большинство, пользующееся доверием народа и национального представительства. Почему вы не решаетесь ввести единодушие желаний и принципов между двумя первыми властями республики? У вас нет доверия даже у тех гнусных льстецов, которые вырыли вам политическую могилу. Завершите свою карьеру актом преданности, который смогут оценить добрые сердца республиканцев".

Мерлен и Ла Ревельер, лишенные поддержки правительства из-за отставки Ребелла, увольнения Трейяра и дезертирства Барраса, побуждаемые советами и патриотическими мотивами, уступили обстоятельствам и сложили с себя директорские полномочия. Эта победа, одержанная республиканской и умеренной партиями вместе взятыми, обернулась выгодой для обеих. Первая ввела в директорию генерала Мулена, а вторая - Роже Дюко. 30-й Прериал (18 июня), который стал свидетелем распада старого правительства III года, был актом возмездия со стороны советов против директории 18-го Фруктидора и 22-го Флореала. В этот период две великие державы государства, каждая в свою очередь, нарушили конституцию: директория, уничтожив законодательный орган; законодательный орган, изгнав директорию. Эта форма правления, на которую жаловались все партии, не могла долго существовать.

Сийес после успеха 30-го Прериала приложил все усилия, чтобы уничтожить то, что еще оставалось от правительства III года, чтобы установить правовую систему по другому плану. Он был капризен и систематичен; но у него была способность уверенно оценивать ситуации. Он вновь вышел на сцену революции особой эпохи с намерением укрепить ее окончательной конституцией. После того, как он участвовал в основных изменениях 1789 года своим предложением от 17 июня, преобразовавшим генеральные штаты в национальное собрание, и своим планом внутренней организации, заменившим департаменты провинциями, он оставался пассивным и молчаливым в течение последующего периода. Он ждал, пока период общественной обороны снова уступит место институтам. Назначенный при директории в посольство в Берлине, нейтралитет Пруссии приписывался его усилиям. По возвращении он принял должность директора, от которой до сих пор отказывался, потому что Ребелл покидал правительство, и он считал, что партии достаточно устали, чтобы предпринять окончательное умиротворение и установление свободы. С этой целью он полагался на Роже Дюко в директории, на совет старейшин в законодательном органе и за его пределами, на массу умеренных людей и средний класс, которые, после того как желали законов просто как новшества, теперь желали покоя как новшества. Эта партия стремилась к сильному и надежному правительству, у которого не должно было быть прошлого, никакой вражды и которое отныне могло бы удовлетворять все мнения и интересы. Поскольку все, что было определено народом в период с 14 июля по 9 Термидора в связи с частью правительства, с 13 Вандемьера было сделано солдатами, Сийесу не хватало генерала. Он обратил свой взор на Жубера, которого поставили во главе итальянской армии, чтобы он мог своими победами и освобождением Италии приобрести большое политическое значение.

Конституция III года. был, однако, по-прежнему поддержан двумя директорами, Гойе и Муленом, советом пятисот и вне его, партией *Манежа*. Решительные республиканцы сформировали клуб, который проводил свои заседания в том зале, где проходила первая из наших ассамблей. Новый клуб, сформированный из остатков клуба Сальма перед 18-м Фруктидором; клуба Пантеона в начале директории; и старого общества якобинцев, с энтузиазмом исповедовал республиканские принципы, но не демократические взгляды низшего класса. Каждая из этих партий также имела долю в министерстве, которая была обновлена одновременно с директорией. Камбасерес возглавлял министерство юстиции; Кинетт - министерство внутренних дел; Рейнхард, временно занявший этот пост во время министерского междуцарствия Талейрана, был министром иностранных дел; Робер Линдет был министром финансов, Бурдон (из Ватри) - военно-морским флотом, Бернадотт - военным, Бургиньон, которого вскоре сменил Фуше (из Нанта) - министром полиции.

На этот раз Баррас сохранял нейтралитет между двумя ветвями законодательной власти - директорией и министерством. Видя, что ситуация приближается к более значительным переменам, чем в 30-м Прериале, он, бывший дворянин, подумал, что упадок республики приведет к реставрации Бурбонов, и договорился с самозванцем Людовиком XVIII. Похоже, что, ведя переговоры о восстановлении монархии со своим агентом Дэвидом Монье, он не забывал о себе. Баррас ничего не отстаивал по убеждениям и всегда вставал на сторону партии, имевшей наибольшие шансы на победу. Член демократической партии "Гора" 31 мая; реакционный член "Горы" 9-го термидора; революционный руководитель против роялистов 18-го Фруктидора; крайне республиканский руководитель против своих старых коллег 30-го Прериала; теперь он стал директором-роялистом против правительства III года.

Фракция, сбита с толку 18-м Фруктидором и миром на Континенте, также набралась смелости. Военные успехи новой коалиции, закон о принудительных займах и закон о заложниках, которые вынудили каждую семью эмигрантов дать гарантии правительству, заставили роялистов юга и запада снова взяться за оружие. Они вновь появлялись группами, которые с каждым днем становились все более грозными, и возобновили мелкую, но губительную войну шуанов. Они ждали прибытия русских и с нетерпением ожидали скорейшего восстановления монархии. Это был момент нового соперничества между каждой партией. Каждый стремился к наследованию умирающей конституции, как они это сделали при закрытии съезда. Во Франции некий политический запах предупреждает людей о том, что правительство умирает, и все партии спешат присутствовать при его смерти.

К счастью для республики, война изменила свой характер на двух основных границах Верхнего и Нижнего Рейна. Союзники, овладев Италией, хотели войти во Францию через Швейцарию и Голландию; но генералы Массена и Брюн остановили их победоносное продвижение. Массена выступил против Корсакова и Суворова. В течение двенадцати дней великих комбинаций и последовательных побед, поочередно спеша из Констанца в Цюрих, он отражал усилия русских, вынудил их отступить и дезорганизовал коалицию. Брюн также нанес поражение герцогу Йоркскому в Голландии, вынудил его вернуться на корабль и отказаться от попытки вторжения. Одной только итальянской армии повезло меньше. Она потеряла своего генерала Жубера, убитого в битве при Нови, когда он возглавлял наступление на австро-русских. Но этот рубеж, находившийся на некотором расстоянии от центра боевых действий, несмотря на поражение при Нови, не был перейден, и Шампионне умело защищал его. Вскоре он был возвращен республиканским войскам, которые после каждого возобновления боевых действий, потерпев на мгновение поражение, вскоре восстанавливали свое превосходство и возобновляли свои победы. Европа, усиливая военную мощь своими повторяющимися атаками, с каждым разом делала ее все более победоносной.

Но дома ничего не изменилось. Разногласия, недовольство и тревога были такими же, как и раньше. Борьба между умеренными республиканцами и крайними республиканцами стала более решительной. Сийес преследовал свои планы против последних. 10 августа на Марсовом поле он напал на якобинцев. Люсьен Бонапарт, имевший большое влияние в совете пятисот благодаря своему характеру, своим талантам и военному значению завоевателя Италии и Египта, нарисовал на этом собрании ужасающую картину царства террора и сказал, что Франции угрожает его возвращение. Примерно в то же время Сийес уволил Бернадотта, и Фуше по согласованию с ним закрыл заседания Манежа. Толпа, которой достаточно представить призрак прошлого, чтобы внушить ему страх, встала на сторону умеренной партии, опасаясь возвращения царства террора; и крайним республиканцам не удалось провозгласить *патриотизм в опасности*, как они это сделали при закрытии законодательного собрания. Но Сийес, потеряв Жубера, искал генерала, который мог бы участвовать в его планах и который защищал бы республику, не становясь ее угнетателем. Гош был мертв больше года. Моро вызвал подозрения своим двусмысленным поведением перед директорией перед 18 Фруктидором и внезапным доносом своего старого друга Пишегрю, измену которого он держал в секрете целый год; Массена не был политическим генералом; Бернадотт и Журден были преданы партии Манежей; Сийес был вынужден отложить свой план из-за отсутствия подходящего агента.

Бонапарт узнал на востоке от своего брата Люсьена и нескольких других друзей о положении дел во Франции и упадке директорского правительства. Его экспедиция была блестящей, но безрезультатной. После победы над мамлюками и разрушения их власти в Верхнем и Нижнем Египте он продвинулся в Сирию; но неудача при осаде Акко вынудила его вернуться к своему первому завоеванию. Там, после разгрома османской армии на побережье Абукира, столь фатального для французского флота в предыдущем году, он решил покинуть эту страну изгнания и славы, чтобы обратить новый кризис во Франции к своему собственному возвышению. Он оставил генерала Клебера командовать восточной армией и пересек Средиземное море, затем прикрываемое английскими кораблями, на фрегате. Он высадился во Фрежусе 7-й Вандемии VIII года. (9 октября 1799 г.), через девятнадцать дней после битвы при Бергене, одержанной Брюном над англо-русскими под командованием герцога Йоркского, и через четырнадцать дней после битвы при Цюрихе, одержанной Массеной над австро-русскими под командованием Корсакова и Суворова. Он с триумфом пересек Францию от побережья Средиземного моря до Парижа. Его экспедиция, почти сказочная, поразила общественное мнение и еще больше увеличила великую славу, которую он приобрел завоеванием Италии. Эти два предприятия возвысили его над всеми другими генералами республики. Удаленность театра военных действий, на котором он сражался, позволила ему начать свою карьеру независимого и авторитетного человека. Победоносный генерал, признанный участник переговоров, которому повиновались, создатель республик, он умело относился ко всем интересам, ко всем верованиям - умеренно. Готовясь издали к своему честолюбивому предназначению, он не ставил себя в зависимость от какой-либо системы и управлял всеми партиями таким образом, чтобы добиться своего возвышения с их согласия. Он вынашивал эту идею узурпации власти со времен своих побед в Италии. 18 Фруктидора, если бы директория была побеждена советами, он намеревался выступить против последней со своей армией и захватить протекторат республики. После 18-го Фруктидора, сочтя директорию слишком могущественной, а бездействие континента слишком опасным для себя, он согласился на экспедицию в Египет, чтобы не пасть и не быть забытым. При известии о дезорганизации директории 30-го прериаля он поспешил на место событий.

Его прибытие вызвало энтузиазм умеренных народных масс. Он получил всеобщие поздравления, и каждая партия боролась за его благосклонность. Генералы, директора, депутаты и даже республиканцы из Манежа прислуживали ему и пытались подбодрить. В его честь устраивались праздники и банкеты. Его манеры были серьезными, простыми, холодными и наблюдательными; в его тоне уже чувствовалась снисходительная фамильярность и произвольная привычка командовать. Несмотря на недостаток серьезности и открытости, в нем чувствовалось самообладание, и в нем легко было прочесть запоздалую мысль о заговоре. Не высказывая своего замысла, он позволил угадать его, потому что чего-то всегда нужно ожидать, чтобы оно было выполнено. Он не мог искать сторонников среди республиканцев Манежа, поскольку они не желали ни государственного переворота, ни диктатора; и Сийес опасался, что он был слишком амбициозен, чтобы придерживаться своих конституционных взглядов. Поэтому Сийес не решался открыться Бонапарту, но, по настоянию их общих друзей, они в конце концов встретились и договорились вместе. 15 Брюмера, когда они определились со своим планом нападения на конституцию III года, Сийес взялся подготовить советы с помощью инспекционных комиссий, которые оказали ему неограниченное доверие. Бонапарту предстояло завоевать генералов и различные части войск, дислоцированные в Париже, которые проявляли к нему большой энтузиазм и большую привязанность к его персоне. Они

согласились созвать чрезвычайное собрание умеренных членов советов, чтобы описать общественную опасность для Древних и, настаивая на господстве якобинства, потребовать перевода законодательного органа в Сен-Клу и назначения генерала Бонапарта командующим вооруженными силами как единственного человека, способного спасти страну; а затем, с помощью новой военной силы, добиться отставки директории и временного роспуска законодательного органа. "Энтерпрайз" был назначен на утро 18 Брюмера (9 ноября).

В течение этих трех дней тайна тщательно хранилась, Баррас, Мулен и Гойе, составлявшие большинство в директории, президентом которой в то время был Гойе, могли сорвать государственный переворот заговорщиков, предотвратив его, как это было 18 Фруктидора. Но они отдавали им должное только за надежды, а не за какие-либо решенные проекты. Утром 18-го инспекторы необычным образом созвали членов "древних"; они отправились в Тюильри, и дебаты начались около семи утра под председательством Лемерсье. Корнюде, Лебрен и Фарж, три самых влиятельных заговорщика в совете, нарисовали самую тревожную картину состояния общественных дел, заявив, что якобинцы толпами стекаются в Париж из всех департаментов; что они хотят восстановить революционное правительство и что царство террора снова опустошит республику, если у совета не хватит мужества и мудрости предотвратить его возвращение. Другой заговорщик, Ренье де ла Мерт, потребовал от уже переселенных древних, чтобы в силу права, предоставленного им конституцией, они перевели законодательный орган в Сен-Клу и поручили Бонапарту, назначенному ими командующим 17-й военной дивизией, руководить смещением. Были ли все члены совета соучастниками этого маневра, или они были напуганы столь поспешным созывом и столь тревожными речами, но они немедленно выполнили то, что требовали заговорщики.

Бонапарт с нетерпением ожидал результатов этого обсуждения в своем доме на улице Шантерен; его окружали генералы, Лефевр, командующий гвардией директории, и три кавалерийских полка, которым он собирался произвести смотр. Постановление совета древних было принято около восьми и доставлено ему в половине девятого государственным посыльным. Он принимал поздравления от всех окружающих; офицеры обнажили шпаги в знак верности. Он встал во главе их, и они двинулись к Тюильри; он появился в коллегии адвокатов древних, принес присягу на верность и назначил своим лейтенантом Лефевра, начальника директорской охраны.

Однако это было только началом успеха. Бонапарт стоял во главе вооруженных сил, но исполнительная власть директории и законодательная власть советов все еще существовали. В борьбе, которая неизбежно последует, не было уверенности, что великая и до сих пор победоносная сила революции не восторжествует. Сийес и Роже Дюко перешли из Люксембурга в законодательный и военный лагерь Тюильри и подали в отставку. Баррас, Мулен и Гойе, узнав со своей стороны, но слишком поздно, о том, что происходит, пожелали использовать свою власть и убедиться в своей бдительности; но последний, получив от Бонапарта известие об указе древних, отказался им повиноваться. Обескураженный Баррас подал в отставку и отбыл в свое поместье Гро-Буа. Директория была фактически распущена, и в борьбе стало одним противником меньше. Пятьсот человек и только Бонапарт остались противниками.

Декрет совета старейшин и прокламации Бонапарта были расклеены на стенах Парижа. Волнение, сопровождающее чрезвычайные события, царило в этом огромном городе.

Республиканцы, и не без оснований, испытывали серьезную тревогу за судьбу свободы. Но когда они проявляли тревогу относительно намерений Бонапарта, в котором видели Цезаря или Кромвеля, им отвечали словами самого генерала: *"Плохие стороны, изношенные части, недостойные здравомыслящего человека, даже если они не были таковыми у хорошего человека. Было бы святотатством нападать на представительное правительство в наш век разума и свободы. Он был бы всего лишь глупцом, который с легким сердцем пожелал бы лишит республику власти над королевской семьей после того, как поддержал их некоторой славой и опасностями. И все же значение, которое он придавал себе в своих прокламациях, было зловещим. Он самым необычным образом упрекал директорию в положении Франции. "Что вы сделали, - сказал он, - с той Францией, которую я оставил такой цветущей в ваших руках? Я оставил вам мир, я нахожу вас на войне; Я оставил вам победы, я не нахожу ничего, кроме поражений; я оставил вам миллионы жителей Италии, я не нахожу ничего, кроме грабительских законов и нищеты. Что вы сделали со ста тысячами французов, которых я знал, моих товарищей по славе? Они мертвы! Такое положение вещей не может продолжаться долго; менее чем через три года оно приведет нас к деспотизму". Это был первый раз за десять лет, когда человек осмелился отнести все к себе и потребовать отчета о республике, как о своей собственной собственности. Неприятно удивляться, когда новичок революции вступает таким образом в наследство, с таким трудом приобретенное целым народом.*

19 Брюмера члены советов отправились в Сен-Клу; Сийес и Роже Дюко сопровождали Бонапарта на это новое поле битвы; они отправились туда с намерением поддержать замыслы заговорщиков; Сийес, разбиравшийся в тактике революции, хотел подстраховаться, предварительно арестовав лидеров и допустив в советы только умеренную партию; но Бонапарт отказался согласиться на это. Он не был человеком партии; до сих пор действуя и побеждая только с помощью полков, он думал, что может руководить законодательными советами, как армией, словом команды. Марсова галерея была приготовлена для древних, Оранжерей - для пятисот. Значительные вооруженные силы окружили резиденцию законодательного собрания, подобно тому как толпа 2 июня окружила конвент. Республиканцы, собравшись группами на территории, ждали открытия заседаний; они были взволнованы великодушным негодованием против военного зверства, которое угрожало им, и делились друг с другом своими проектами сопротивления. Молодой генерал, сопровождаемый несколькими гренадерами, прошел по дворам и квартирам и, преждевременно уступив своему характеру, сказал, подобно двадцатому королю династии: *"У меня больше не будет фракций: этому должен быть положен конец; я этого больше ни в коем случае не потерплю"*. Около двух часов дня члены советов собрались в своих залах под звуки инструментов, исполнявших *Марсельезу*.

Как только началось заседание, Эмиль Годен, один из заговорщиков, взошел на трибуну пятисот. Он предложил выразить благодарность совету древних за принятые им меры и попросить его разъяснить способы спасения республики. Это предложение послужило сигналом к сильному волнению; со всех концов зала раздались крики против Годена. Депутаты-республиканцы окружили трибуну и президиум, в котором председательствовал Люсьен Бонапарт. Заговорщики Кабанис, Буле (де ла Мерт), Шазаль, Годен и др. побледили на своих местах. После долгой сцены волнения, во время которой никто не мог добиться заслушивания, на несколько мгновений восстановилось спокойствие, и Дельбред предложил возобновить присягу, данную конституции III года. . Поскольку никто не возражал против этого предложения, которое на таком этапе имело жизненно важное значение, присяга была принесена с энтузиазмом и единодушием, которые были опасны для заговора.

Бонапарт, узнав о том, что произошло в течение пятисот лет, и подвергаясь величайшей опасности дезертирства и поражения, явился на совет старейшин. Все было бы потеряно для него, если бы последний, выступавший за заговор, увлекся энтузиазмом младшего совета. "Представители народа, - сказал он, - вы находитесь в необычной ситуации; вы стоите на вулкане. Вчера, когда вы вызвали меня, чтобы сообщить о постановлении о вашем смещении и поручили мне его исполнение, я был спокоен. Я немедленно собрал своих товарищей; мы бросились к вам на помощь! Что ж, теперь я переполнен клеветой! Они говорят о Цезаре, Кромвеле и военном правительстве! Если бы я хотел ущемить свободу моей страны, я не стал бы выполнять приказы, которые вы мне отдавали; у меня не было бы никакой возможности получить эту власть из ваших рук. Представители народа! Я клянусь вам, что у страны нет более ревностного защитника, чем я; но ее безопасность зависит только от вас! Правительства больше нет; четверо директоров подали в отставку; пятый (Мулен) был взят под наблюдение в целях его собственной безопасности; совет пятисот разделен; не осталось ничего, кроме совета древних. Пусть оно примет меры; пусть оно только скажет; я готов казнить. Давайте сохраним свободу! давайте сохраним равенство!" Затем Линглет, республиканец, встал и сказал: "Генерал, мы приветствуем то, что вы говорите: поклянитесь вместе с нами соблюдать конституцию ТРЕТЬЕГО года, которая единственная может сохранить республику". Для него все было бы потеряно, если бы это предложение встретило такой же прием, какой оно встретило в совете пятисот. Это удивило совет, и на мгновение Бонапарт был сбит с толку. Но вскоре он продолжил: "Конституция ТРЕТЬЕГО года. прекратил свое существование; вы нарушили его 18-го Фруктидора; вы нарушили его 22-го Флореаля; вы нарушили его 30-го Прериала. На конституцию ссылаются все фракции и все ее нарушают; она не может быть средством безопасности для нас, потому что она больше ни от кого не пользуется уважением; поскольку конституция нарушена, у нас должен быть другой договор, новые гарантии ". Совет приветствовал эти упреки Бонапарта и встал в знак одобрения.

Бонапарт, обманутый своим легким успехом у древних, вообразил, что одного его присутствия будет достаточно, чтобы успокоить бушующий совет пятисот. Он поспешил туда во главе нескольких гренадеров, которых оставил у дверей, но в холле, а сам двинулся вперед один, с шляпой в руке. При виде штыков собрание резко встало. Законодатели, восприняв его появление как сигнал к военному насилию, разом выкрикнули: "Объявите его вне закона! Долой диктатора!" Несколько депутатов бросились ему навстречу, а республиканец Бигоне, схватив его за руку, воскликнул: "Опрометчивый человек! что ты делаешь? Уходите; вы нарушаете святилище законов". Бонапарт, бледный и взволнованный, отступил и был унесен сопровождавшими его гренадерами.

Его исчезновение не положило конец волнениям в совете. Все члены высказались одновременно, все предложили меры общественной безопасности и обороны. Люсьен Бонапарт был объектом всеобщего порицания; он пытался оправдать своего брата, но с робостью. После долгой борьбы ему удалось стать трибуном, и он призвал собрание судить его брата менее сурово. Он заявил, что не имел умысла посягать на их свободу, и отозвал свои услуги. Но сразу несколько голосов воскликнули: "Он потерял все свои заслуги; долой диктатора! долой тиранов!" Смятение стало теперь более яростным, чем когда-либо, и все требовали объявить генерала Бонапарта вне закона. "Что, - спросил Люсьен, - вы хотите, чтобы я объявил моего брата вне закона?" "Да! да! вне закона! это награда тиранам!" В разгар неразберихи было внесено и поставлено на голосование предложение о том, чтобы совет заседал постоянно; чтобы он немедленно отправился в свой дворец в Париже; чтобы войска,

собранные в Сен-Клу, составили часть гвардии законодательного органа; чтобы командование ими было передано генералу Бернадоту. Люсьен, пораженный этими предложениями и объявлением вне закона, которое, по его мнению, было принято вместе со всеми остальными, покинул председательское кресло и, взойдя на трибуну, сказал в сильнейшем волнении: "Поскольку я не могу быть услышан в этом собрании, я снимаю символы народной власти с глубокого чувства оскорбленного достоинства". И он снял свою шапочку, халат и шарф.

Тем временем Бонапарт, покидая совет пятисот, с трудом восстановил самообладание. Непривычный к народным волнениям, он был сильно взволнован. Его окружили офицеры, и Сийес, имевший большой революционный опыт, умолял его не терять времени и применить силу. Генерал Лефевр немедленно отдал приказ увести Люсьена из совета. Отряд вошел в зал, подошел к креслу, которое теперь снова занимал Люсьен, поставил его в свои ряды и вернулся с ним к войскам. Как только Люсьен вышел, он вскочил на лошадь рядом со своим братом и, хотя был лишен своего юридического статуса, обратился к войскам с речью в качестве президента. В согласии с Бонапартом он выдумал историю, столь часто повторяемую с тех пор, о том, что пуаньяр был направлен против генерала в совете пятисот и воскликнул: "Граждане солдаты, председатель совета пятисот заявляет вам, что подавляющее большинство этого совета в данный момент держится в страхе из-за кинжалов нескольких депутатов, которые окружают трибуну, угрожают своим коллегам смертью и устраивают самые ужасные дебаты. Генерал, и вы, солдаты и граждане, вы признаете законодателями Франции только тех, кто следует за мной. Что касается тех, кто остается в Оранжеере, пусть их изгонят силой. Эти разбойники больше не представители народа, а представители пуаньяра". После этого яростного воззвания, обращенного к войскам президентом-заговорщиком, который, как обычно, клеветал на тех, кого хотел предать суду, Бонапарт заговорил: "Солдаты, - сказал он, - я привел вас к победе; могу ли я положиться на вас?" — "Да! да! Да здравствует генерал!" — "Солдаты, были основания ожидать, что совет пятисот спасет страну; напротив, он предан внутренним распрям; агитаторы стремятся настроить его против меня. Солдаты, могу я на вас положиться? "Да! да! Да здравствует Бонапарт". "Что ж, тогда я приведу их в чувство!" И он немедленно отдал приказ окружавшим его офицерам очистить зал от пятисот человек.

Совет после ухода Люсьена был охвачен большим беспокойством и нерешительностью. Несколько членов церкви предложили всем вместе покинуть это место и отправиться в Париж, чтобы искать защиты среди народа. Другие пожелали национальным представителям не покидать свой пост, а смело противостоять насилию. Тем временем в зал постепенно вошел отряд гренадеров, и командующий офицер сообщил совету, что им следует разойтись. Депутат Прюдон напомнил офицеру и его солдатам об уважении, подобающем представителям народа; генерал Журден также объяснил им грандиозность такой меры. На мгновение войска заколебались; но теперь плотной колонной прибыло подкрепление. Генерал Леклерк воскликнул: "Именем генерала Бонапарта законодательный орган распущен; пусть все добропорядочные граждане удаляются. Гренадеры, вперед!" Крики негодования раздались со всех сторон, но их заглушил бой барабанов. Гренадеры медленно продвигались по всей ширине Оранжереи, обнажив штыки. Таким образом, они гнали перед собой законодателей, которые, покидая здание, продолжали кричать: "Да здравствует республика!" В половине шестого 19 брюмера VIII года. (10 ноября 1799 г.) представления больше не было.

Таким образом, это нарушение закона, этот государственный переворот против свободы был совершен. Сила начала преобладать. 18 Брюмера было 31 мая выступлением армии против

представительства, за исключением того, что оно было направлено не против партии, а против народной власти. Но это просто для того, чтобы отличить 18 Брюмера от его последствий. Тогда можно было бы предположить, что армия была всего лишь вспомогательным средством революции, как это было 13-й Вандемской и 18-го Фруктидора, и что эта необходимая перемена не пойдет на пользу человеку — одиночке, который вскоре превратит Францию в полк и не вызовет ничего, о чем можно было бы услышать в мире, до сих пор сотрясаемом столь сильным моральным потрясением, кроме поступи его армии и голоса его воли.

КОНСУЛЬСТВО

ГЛАВА XIV

С 18 БРЮМЕРА (9 НОЯБРЯ 1799 г.) По 2 декабря 1804 г.

18 Брюмера пользовалось огромной популярностью. Люди не увидели в этом событии возвышения одного человека над советами нации; они не увидели в этом конца великого движения 14 июля, с которого началось национальное существование.

18 Брюмера приобрело вид надежды и восстановления. Хотя нация была сильно истощена и мало способна поддерживать тягостный для нее суверенитет, который даже стал объектом ее насмешек, поскольку им пользовался низший класс, все же она считала деспотизм настолько невероятным, что никто, по ее мнению, не был в состоянии низвести ее до состояния подчинения. Все чувствовали потребность в восстановлении умелой рукой, и Бонапарт, как великий человек и победоносный генерал, казался подходящим для этой задачи.

По этому поводу почти все, за исключением республиканцев-руководителей, высказались в пользу событий того дня. Нарушения законов и государственные перевороты происходили так часто во время революции, что люди привыкли судить о них уже не по их законности, а по их последствиям. От партии Сийеса до роялистов 1788 года каждый поздравлял себя с 18 Брюмера и приписывал себе будущие политические преимущества этой перемены. Умеренные конституционалисты верили, что будет установлена окончательная свобода; роялисты тешили себя надеждой, неуместно сравнивая эту эпоху нашей революции с эпохой английской революции 1660 года, надеясь, что Бонапарт берет на себя роль Монка и что он скоро восстановит монархию бурбонов; масса, малоинтеллектуальная и желающая покоя, рассчитывала на восстановление порядка под могущественным покровительством; запрещенные классы и честолубцы ожидали от него своей амнистии или возвышения. В течение трех месяцев, последовавших за 18 Брюмера, одобрение и ожидания были общими. Было назначено временное правительство в составе трех консулов - Бонапарта, Сийеса и Роже Дюко - и двух уполномоченных по законодательным вопросам, которым было поручено подготовить конституцию и установить окончательный порядок вещей.

Консулы и два комиссара были назначены 21 Брюмера. Это временное правительство отменило закон о заложниках и принудительных займах; оно разрешило возвращение священников, запрещенных с 18 Фруктидора; оно освободило из тюрем и выслало из республики эмигрантов, потерпевших кораблекрушение у берегов Кале и в течение четырех лет находившихся в плену во Франции и подвергавшихся суровому наказанию эмигрантской армии. Все эти меры были

приняты очень благосклонно. Но общественное мнение возмутилось введением в действие запрета против крайних республиканцев. Тридцать шесть из них были приговорены к высылке в Гвиану, а двадцать один был помещен под надзор в департамент Шарант-Инферьер всего лишь по указу консулов на основании доклада министра полиции Фуше. Общественность негативно относилась ко всем, кто нападал на правительство, но в то же время она протестовала против столь произвольного и несправедливого акта. Консулы, соответственно, содрогнулись перед своим собственным поступком; сначала они заменили транспортировку наблюдением, а вскоре и само наблюдение сняли.

Незадолго до этого между авторами "18 Брюмера" произошел разрыв. Во время их временного правления это не вызвало большого шума, потому что происходило в законодательных комиссиях. Причиной этого стала новая конституция. Сийес и Бонапарт не могли прийти к согласию по этому вопросу: первый хотел создать Францию, второй управлять ею как хозяин.

Конституция Сийеса, которая была искажена консульской конституцией VIII года, заслуживает того, чтобы о ней узнали, хотя бы в свете законодательного курьеза. Сийес разделил Францию на три политических подразделения: коммуну, провинцию или департамент и государство. Каждый из них обладал своими собственными административными и судебными полномочиями, расположенными в иерархическом порядке: первый - муниципалитеты *итрибуны мира и высшей инстанции*; второй - народные префектуры и апелляционные суды; третий - центральное правительство и кассационный суд. Для выполнения функций коммуны, департамента и государства существовало три бюджета *известности*, членами которых были только кандидаты, выдвинутые народом.

Исполнительная власть была возложена на *генерального прокурора*, высшего должностного лица, бессрочного, безответственного, уполномоченного представлять нацию снаружи и формировать правительство в составе совещательного государственного совета и ответственного министерства. *Высший прокламатор*, выбранный из списков кандидатов, судьи - от мировых трибуналов до кассационного суда; администраторы - от мэров до министров. Но он был неспособен управлять сам; власть направлялась государственным советом, осуществлялась министерством.

Законодательный орган отошел от прежней формы; он перестал быть совещательным собранием и превратился в судебный орган. Перед этим государственный совет от имени правительства *итрибуна* от имени народа представили свои соответствующие проекты. Его приговор был законом. Казалось бы, целью Сийеса было положить конец насильственной узурпации власти партиями и, передавая суверенитет народу, ограничить его самого по себе: этот замысел вытекает из сложной работы его политической машины. Первичные собрания, состоящие из десятой части населения в целом, выдвинули местный *список кандидатов от общин*; коллегии выборщиков, также выдвинутые ими, выбрали из *списка общин* высший список провинциальных кандидатов и из *списка провинций* список национальных кандидатов. Во всем, что касалось правительства, существовал взаимный контроль. Высший прокламатор выбирал своих функционеров из числа кандидатов, выдвинутых народом; и народ мог увольнять функционеров, не внося их в списки кандидатов, которые обновлялись: первый - каждые два года, второй - каждые пять лет, третий - каждые десять лет. Но высший прокламатор не вмешивался в выдвижение трибунов и законодателей, чьи атрибуты были чисто народными.

Однако, чтобы создать противовес в самом центре этого органа власти, Сийес отделил инициативу и обсуждение закона, которые были возложены на трибунат, от его принятия, которое принадлежало законодательному собранию. Но, помимо этих различных прерогатив, законодательный орган и трибунат избирались по-разному. Трибунат состоял по праву первых ста членов *национального списка*, в то время как законодательный орган избирался непосредственно коллегиями выборщиков. Трибуны, будучи неизбежно более активными, шумными и популярными, назначались пожизненно и в результате длительного процесса, чтобы предотвратить их появление в момент страсти с разрушительными и гневными проектами, как это до сих пор имело место на большинстве собраний. Тех же опасностей не существовало в другом собрании, которое должно было только спокойно и бескорыстно судить о законе, его избрание было прямым, а власть преходящей.

Наконец, существовал, как дополнение ко всем остальным полномочиям, орган консерватории, неспособный приказывать, неспособный действовать, предназначенный исключительно для обеспечения нормального существования государства. Этим органом было конституционное жюри, или сенат консерватории; оно должно было быть для политического права тем же, чем кассационный суд был для гражданского права. Трибунат, или государственный совет, обращался к нему, когда приговор законодательного органа не соответствовал конституции. Он также обладал способностью призывать в свой состав любого слишком амбициозного лидера правительства или слишком популярного трибуна по "праву поглощения", а когда они становились сенаторами, они были лишены права выполнять какие-либо другие функции. Таким образом, он вдвойне следил за безопасностью всей республики, поддерживая основной закон и защищая свободу от амбиций отдельных лиц.

Что бы ни думали об этой конституции, которая кажется слишком сложной, чтобы быть осуществимой на практике, следует признать, что она требует значительной силы ума и даже большой практической информации. Сийес слишком мало обращал внимания на человеческие страсти; он сделал их слишком разумными как человеческие существа и слишком послушными как машины. Он хотел с помощью искусных изобретений избежать злоупотреблений человеческими конституциями и исключил смерть, то есть деспотизм, откуда бы он ни исходил. Но я очень мало верю в эффективность конституций; в такие моменты я верю только в силу партий, в их господство и, время от времени, в их примирение. Но я должен также признать, что если когда-либо конституция и была адаптирована к определенному периоду, то это была конституция Сийеса для Франции в VIII году.

После десятилетнего опыта, который показал лишь исключительное господство, после насильственного перехода от конституционалистов 1789 года к жирондистам, от жирондистов к Горе, от Горы к реакционерам, от реакционеров к директории, от директории к советам, от советов к вооруженным силам, не могло быть иного покоя или общественной жизни, кроме как в нем. Люди устали от устаревших конституций; конституция Сийеса была новой; исключительные люди больше не были нужны, и тщательно продуманное голосование предотвратило внезапный приход к власти контрреволюционеров, как в начале правления директории, или ярых демократов, как в конце правления нынешнего правительства. Это была конституция умеренных людей, подходящая для того, чтобы покончить с революцией и обустроить нацию. Но именно потому, что это была конституция умеренных людей, именно потому, что у партий больше не было достаточно рвения требовать закона господства, именно по этой причине обязательно нашелся бы человек, более сильный, чем павшие партии и

умеренные законодатели, который отказался бы от этого закона или, приняв, злоупотребил бы им, и именно это и произошло.

Бонапарт принимал участие в обсуждениях учредительного комитета; обладая инстинктом власти, он ухватился за все в идеях Сийеса, что было рассчитано на то, чтобы служить его проектам, и заставил отвергнуть остальное. Сийес предназначал ему должность великого курфюрста с доходом в шесть миллионов франков и гвардией в три тысячи человек; Версальский дворец в качестве резиденции и все внешнее представительство республики. Но фактическое правительство должно было быть передано консулу по военным вопросам и консулу по вопросам мира, чиновникам, о которых Сийес не думал в III году, но которые были приняты им в VIII году; без сомнения, для того, чтобы соответствовать идеям времени. Эта незначительная должность была далека от того, чтобы устраивать Бонапарта. "Как вы могли предположить, - сказал он, - что человек с таким талантом и честью может смириться с ролью откормленного бора на несколько миллионов в год?" С этого момента об этом больше не упоминалось; Роже Дюко и большая часть комитета высказались в пользу Бонапарта; а Сийес, ненавидевший дискуссии, либо не желал, либо не мог отстаивать свои идеи. Он видел, что законы, люди и сама Франция находятся во власти человека, возвышению которого он способствовал.

24 декабря 1799 года (Нивоз, VIII год), через сорок пять дней после 18 Брюмера, была опубликована конституция VIII года; она была составлена на обломках конституции Сийеса, ныне ставшей конституцией рабства. Правительство было передано в руки первого консула, которого поддерживали двое других, имевших совещательный голос. Сенат, избираемый в первую очередь консулами, выбирал членов трибунала и законодательного органа из списка национальных кандидатов. Инициатива в принятии законов принадлежала только правительству. Соответственно, больше не было органов выборщиков, которые назначали кандидатов из разных списков, трибунов и законодателей; больше не было независимых трибунов, искренне отстаивающих дело народа перед законодательным собранием; не было законодательного собрания, возникающего непосредственно из недр нации и подотчетного только ей — одним словом, не было политической нации. Вместо всего этого существовал всемогущий консул, располагавший армиями и властью, полководец и диктатор; государственный совет, которому суждено было стать авангардом узурпации; и, наконец, сенат из восьмидесяти членов, единственной функцией которого было сводить на нет народ и выбирать трибунов, не обладающих властью, и законодателей, которые должны были хранить молчание. Жизнь перешла от народа к правительству. Конституция Сийеса служила предлогом для плохого порядка вещей. Стоит отметить, что вплоть до VIII года, все конституции произошли от *Контрсоциальной*, а впоследствии, вплоть до 1814 года, от конституции Сийеса.

Новое правительство было немедленно сформировано. Бонапарт был первым консулом, и он объединил с ним в качестве второго и третьего консулов Камбасереса, юриста и бывшего члена равнины в конвенте, и Лебрена, бывшего помощника канцлера Мопеу. С их помощью он надеялся повлиять на революционеров и умеренных роялистов. С той же целью бывший дворянин Талейран и бывший член "Горы" Фуше были назначены на посты министра иностранных дел и министра полиции. Сийес испытывал большое отвращение к использованию Фуше, но Бонапарт желал этого. "Мы вступаем в новую эпоху, - сказал он. - мы должны забыть все плохое прошлого и помнить только хорошее". Его мало заботило, под какими

знаменами служили люди до сих пор, при условии, что теперь они поступали на службу под его началом и призывали туда своих старых соратников по роялизму и революции.

Два новых консула и консулы, ушедшие в отставку, назначили шестьдесят сенаторов, не дожидаясь списков кандидатов; сенаторы назначили сто трибунов и триста законодателей; а авторы 18 Брюмера распределили между собой государственные функции в качестве трофея своей победы. Однако справедливо будет сказать, что умеренная либеральная партия преобладала при этом разделе и что, пока она сохраняла какое-либо влияние, Бонапарт правил в мягкой, выгодной и республиканской манере. Конституция VIII года, представленная народу для принятия, была одобрена тремя миллионами одиннадцатью тысячами семью гражданами. В 1793 году было получено один миллион восемьсот одна тысяча девятьсот восемнадцать голосов избирателей; и в III году. один миллион пятьдесят семь тысяч триста девяносто. Новый закон удовлетворил умеренные массы, которые искали спокойствия, а не гарантий; в то время как кодекс 93-го года нашел сторонников только среди низшего класса; и кодекс III года. был в равной степени отвергнут роялистами и демократами. Только конституция 1791 года получила всеобщее одобрение; и, не будучи предметом индивидуального одобрения, она была принята всей Францией.

Первый консул, следуя пожеланиям республики, сделал Англии предложение о мире, которое она отвергла. Естественно, он хотел напустить на себя видимость умеренности и, прежде чем приступить к угощению, придать своему правительству блеск новых побед. Таким образом, было решено продолжать войну, и консулы выступили с замечательным воззванием, в котором они апеллировали к новым для нации чувствам. До сих пор его призывали к оружию в защиту свободы; теперь они начали возбуждать его во имя чести: "Французы, вы хотите мира. Ваше правительство желает этого с еще большим рвением: его главные надежды, его постоянные усилия были направлены в пользу этого. Английское министерство отвергает это; английское министерство выдало тайну своей ужасной политики. Раздирать Францию, уничтожать ее флот и порты, стирать ее с карты Европы или низводить до ранга второстепенной державы, враждовать с народами континента, чтобы захватить всеобщую торговлю и обогатиться за счет их добычи: таковы устрашающие успехи, ради которых Англия разбрасывает свое золото, расточает свои обещания и множит свои интриги. В вашей власти установить мир; но для установления этого необходимы деньги, меч и солдаты; тогда пусть все поспешат отдать дань уважения, которую они обязаны внести в свою общую защиту. Пусть наши молодые граждане восстанут! Они больше не возьмутся за оружие ради фракций или выбора тиранов, но ради безопасности всего, что им дороже всего; ради чести Франции и священных интересов человечества".

Голландия и Швейцария были защищены во время предыдущей кампании. Первый консул собрал все свои силы на Рейне и в Альпах. Он поручил Моро командование Рейнской армией, а сам двинулся в Италию. Он выступил 16 Флореаля VIII года. (6 мая 1800 г.) за ту блестящую кампанию, которая длилась всего сорок дней. Было важно, чтобы он не надолго отсутствовал в Париже в начале своего правления и особенно не оставлял войну в состоянии нерешительности. У фельдмаршала Меласа было сто тридцать тысяч человек под ружьем; он оккупировал всю Италию. Противостоявшая ему республиканская армия насчитывала всего сорок тысяч человек. Он оставил фельдмаршала-лейтенанта Отта с тридцатью тысячами человек перед Генуей и выступил против корпуса генерала Сюше. Он вошел в Ниццу, приготовившись перейти Вар и вступить в Прованс. Именно тогда Бонапарт переправился через

реку большой Сен-Бернар во главе сорокатысячной армии, спустился в Италию в тыл Меласу, вошел в Милан 16-го прериаля (2 июня) и поставил австрийцев между Суше и собой. Мелас, оперативное направление которого было нарушено, быстро отступил к Ницце, а оттуда к Турину; он основал свою штаб-квартиру в Алессандрии и решил восстановить свои коммуникации сражением. 9 июня авангард республиканцев одержал блистательную победу при Монте-Белло, главная честь которой принадлежала генералу Ланну. Но именно равнина Маренго 14 июня (25 прериаля) решила судьбу Италии; австрийцы были разбиты. Не имея возможности форсировать переправу через Бормиду победой, они оказались без всякой возможности отступления между армией Суше и армией первого консула. 15-го они получили разрешение отступить за Мантую при условии возвращения всех территорий Пьемонта, Ломбардии и Дипломатических миссий; и победа при Маренго, таким образом, обеспечила владение всей Италией.

Восемнадцать дней спустя Бонапарт вернулся в Париж. Его встретили со всеми признаками восхищения, которые только могли вызвать такие решительные победы и потрясающая активность; энтузиазм был всеобщим. Произошла спонтанная иллюминация, и толпа поспешила к Тюильри, чтобы увидеть его. Надежда на скорый мир удвоила всеобщую радость. 25-го Мессидор, первый консул, присутствовал на юбилейном празднике 14 июля. Когда офицеры вручили ему штандарты, отобранные у врага, он сказал им: "Когда вы вернетесь в свои лагеря, скажите своим солдатам, что французский народ 1-го вандемьера, когда мы будем отмечать годовщину республики, будет ожидать либо провозглашения мира, либо, если враг воздвигнет непреодолимые препятствия, новых штандартов в результате новых побед". Однако установление мира на некоторое время затянулось.

В промежуток времени между победой при Маренго и всеобщим умиротворением первый консул обратил свое внимание главным образом на обустройство населения и уменьшение числа недовольных, используя для этого перемещенные группировки в государстве. Он был очень снисходителен к тем партиям, которые отказались от своих систем, и очень щедр на милости к тем вождям, которые отказались от своих партий. Поскольку это было время эгоизма и безразличия, ему было нетрудно добиться успеха. Запрещенные 18-го Фруктидора уже были отозваны, за исключением нескольких роялистских заговорщиков, таких как Пишегрю, Вилло и др. Вскоре Бонапарт нанял даже тех из изгнанных, кто, подобно Порталису, Симеону, Барбе-Марбуа, проявил себя скорее противниками традиций, чем контрреволюционерами. Он также одержал победу над противниками другого рода. Покойные лидеры Вандеи, знаменитый Бернье, кюре Сен-Ло, который помогал во всем восстании, Шатийон, д'Отишан и Сюзанне пришли к соглашению по Мон-Люсонскому мирному договору (17 января 1800 года). Он также обратился к лидерам бретонских банд, Жоржу Кадудалю, Фротте, Лапревеле и Бурмону. Только двое последних согласились подчиниться. Фротте был застигнут врасплох и застрелен; а Кадудаль, разбитый генералом Брюном при Гран-Шане, капитулировал. Таким образом, война на западе была окончательно прекращена.

Но *шуаны*, нашедшие убежище в Англии и единственной надеждой которых была смерть того, кто теперь сосредоточил в своих руках власть революции, спланировали его убийство. Некоторые из них высадились на побережье Франции и тайно направились в Париж. Поскольку связаться с первым консулом было нелегко, они решились на поистине ужасный заговор. Третьего числа, в восемь часов вечера, Бонапарт должен был отправиться в Оперу на улице Сен-Никез. Заговорщики поместили бочку с порохом на маленькую тележку, которая преграждала путь экипажу, и один из них, по имени Святой Регент, должен был поджечь ее, как

только получит сигнал о приближении первого консула. В назначенное время Бонапарт покинул Тюильри и пересек улицу Никез. Его кучер был достаточно искусен, чтобы быстро проехать между грузовиком и стеной, но спичка уже горела, и карета едва успела доехать до конца улицы, как *адская машина* взорвалась, покрыв квартал Сен-Никез руинами, сотрясая карету и разбивая ее окна.

Застигнутая врасплох полиция, хотя и руководимая Фуше, приписала этот заговор демократам, к которым первый консул питал гораздо более решительную антипатию, чем к *шуанам*. Многие из них были заключены в тюрьму, а сто тридцать были перевезены простым сенатом-консулом, которого попросили и получили ночью. Наконец, они обнаружили истинных авторов заговора, некоторые из которых были приговорены к смерти. В связи с этим консул инициировал создание специальных военных трибуналов. Конституционная партия еще больше отделилась от него и начала свою энергичную, но бесполезную оппозицию. Ланжуине, Грегуар, которые мужественно сопротивлялись крайней партии в конвенте, Гарат, Ламбрехтс, Ленуар-Ларош, Кабанис и др., выступили в сенате против незаконного проскрипции ста тридцати демократов; а трибуны Иснар, Дауну, Шенье, Бенжамен Констан, Байоль, Шазаль и др. выступили против специальных судов. Но славный мир отодвинул в тень это новое посягательство власти.

Австрийцы, побежденные при Маренго и разбитые в Германии Моро, решили сложить оружие; 8 января 1801 года республика, венский кабинет министров и империя заключили Люневильский мирный договор. Австрия ратифицировала все условия Кампо-Формийского мирного договора, а также уступила Тоскану молодому герцогу Пармскому. Империя признала независимость Батавской, Гельветийской, Лигурийской и Цизальпинской республик. Вскоре умиротворение стало всеобщим благодаря Флорентийскому мирному договору (18 февраля 1801 г.) с королем Неаполя, который уступил остров Эльба и княжество Пьембино, Мадридскому мирному договору (29 сентября 1801 г.) с Португалией; Парижскому мирному договору (8 октября 1801 г.) с императором России; и, наконец, благодаря предварительным переговорам (9 октября 1801 г.) с Османской Портой. Континент, прекратив военные действия, вынудил Англию к кратковременному миру. Питт, Дандас и лорд Гренвилл, которые поддерживали эту кровопролитную борьбу с Францией, ушли в отставку, когда их системе перестали следовать. Оппозиция сменила их, и 25 марта 1802 года Амьенский мирный договор завершил умиротворение мира. Англия согласилась на все континентальные приобретения французской республики, признала существование второстепенных республик и восстановила наши колонии.

Во время морской войны с Англией французский военно-морской флот был почти полностью разгромлен. Было захвачено или уничтожено триста сорок кораблей, и большая часть колоний перешла в руки англичан. Сан-Доминго, самый важный из них, сбросив иго белых, продолжил американскую революцию, которая, начавшись в английских колониях, должна была закончиться в колониях Испании и превратить колонии нового света в независимые государства. Чернокожие Сан-Доминго хотели сохранить по отношению к метрополии свободу, которую они приобрели у колонистов, и защитить себя от англичан. Их возглавлял цветной человек, знаменитый Туссен-Лувертюр. Франции следовало согласиться на эту революцию, которая обошлась человечеству очень дорого. Правительство метрополии в Сан-Доминго больше не могло быть восстановлено; и стало необходимым получить единственные реальные преимущества, которые Европа теперь может извлечь из Америки, укрепив торговые связи с нашей старой колонией. Вместо этой благоразумной политики Бонапарт предпринял

экспедицию с целью подчинения острова. Сорок тысяч человек отправились в это катастрофическое предприятие. Поначалу чернокожие не могли противостоять такой армии; но после первых побед на нее напал климат, и новые восстания обеспечили независимость колонии. Франция понесла двойную потерю - потеряла армию и лишилась выгодных коммерческих связей.

Бонапарт, главной целью которого до сих пор было способствовать слиянию партий, теперь обратил все свое внимание на внутреннее процветание республики и организацию власти. Старые привилегированные классы дворянства и духовенства вернулись в состав государства, не сформировав особых классов. Несогласные священники, дав клятву послушания, могли отправлять свои богослужения и получать пенсии от правительства. Был принят акт о помиловании в пользу лиц, обвиняемых в эмиграции; остался только список из примерно тысячи имен тех, кто остался верен семье и требованиям претендента. Работа по умиротворению подходила к концу. Бонапарт, зная, что самый верный способ управлять нацией - способствовать ее счастью, поощрял развитие промышленности и благоприятствовал внешней торговле, которая так долго была приостановлена. Он соединял высокие взгляды со своим политическим курсом и связывал свою славу с процветанием Франции; он путешествовал по департаментам, велел рыть каналы и гавани, строить мосты, ремонтировать дороги, воздвигать памятники и умножать средства связи. Особенно он стремился стать защитником и законодателем частных интересов. Гражданский, уголовный и торговый кодексы, которые он разработал, будь то в этот период или в более поздний период, завершили в этом отношении дело революции и регулировали внутреннее существование нации способом, несколько более соответствующим ее реальному состоянию. Несмотря на политический деспотизм, Франция во времена господства Бонапарта имела частное законодательство, превосходящее законодательство любого европейского общества; ибо при абсолютном правлении большинство из них все еще сохраняло гражданское состояние средневековья. Всеобщий мир, всеобщая терпимость, восстановление порядка и создание административной системы вскоре изменили облик республики. Внимание было обращено на строительство дорог и каналов. Цивилизация получила необычайное развитие; и консульство было в этом отношении завершенным периодом правления директории, с его начала до 18 фруктидора.

Особенно после заключения Амьенского мира Бонапарт заложил фундамент своей будущей власти. Он сам говорит в Мемуарах, опубликованных под его именем, [Примечание: *Воспоминания о службе в истории Франции с Наполеоном, книги Святой Елены*, том I, стр. 248.] Идеи Наполеона были неизменны, но для их реализации ему требовалась помощь времени и обстоятельств. Организация консульства не имела ничего противоречащего им; она приучила нацию к единству, и это был первый шаг. Сделав этот шаг, Наполеон остался равнодушен к формам и наименованиям различных официальных органов. Он был чужд революции. Это была его мудрость - продвигаться изо дня в день, не отклоняясь от неизменной точки, полярной звезды, которая указывала Наполеону, как вести революцию к порту, куда он хотел ее провести".

В начале 1802 года он одновременно разрабатывал три великих проекта, стремившихся к одной и той же цели. Он стремился организовать религию и учредить духовенство, которое пока существовало только как религиозное; создать посредством Почетного посольства постоянный военный порядок в армии; и обеспечить свою собственную власть, сначала на всю жизнь, а затем передать ее по наследству. Бонапарт утвердился в Тюильри, где постепенно возобновил

обычаи и церемонии старой монархии. Он уже думал о том, чтобы установить промежуточные органы между собой и народом. Некоторое время назад он начал переговоры с папой Пием VII по вопросам религиозного богослужения. Знаменитый конкордат, создавший девять архиепископств, сорок одно епископство, с учреждением капитулов, который учредил духовенство в государстве и снова подчинил его внешней монархии папы римского, был подписан в Париже 16 июля 1801 года и ратифицирован в Риме 15 августа 1801 года.

Бонапарт, который уничтожил свободу печати, создал исключительные трибуналы и который все больше и больше отступал от принципов революции, чувствовал, что, прежде чем идти дальше, необходимо полностью порвать с либеральной партией 18 Брюмера. В Вентосе X года (март 1802 г.) самые энергичные из трибунов были уволены простым решением сената. Трибунал был сокращен до восьмидесяти членов, и законодательный орган подвергся аналогичной чистке. Примерно через месяц после этого, 15 Жерминаля (6 апреля 1802 г.), Бонапарт, больше не опасаясь противодействия, представил конкордат этим ассамблеям, послушания которых он таким образом добился, для их принятия. Они приняли его подавляющим большинством. Воскресный день и четыре великих религиозных праздника были восстановлены, и с этого времени правительство перестало соблюдать систему десятилетий. Это была первая попытка отказаться от республиканского календаря. Бонапарт надеялся привлечь на свою сторону священническую партию, всегда наиболее склонную к пассивному повиновению, и таким образом лишить роялистов духовенства и коалиции папы.

Торжественное открытие конкордата состоялось с большой помпой в соборе Нотр-Дам. На этой новой церемонии присутствовали сенат, законодательный орган, трибунал и ведущие функционеры. Первый консул отправился туда в экипажах старого двора, в сопровождении этикета и свиты старой монархии; артиллерийские залпы возвестили о возвращении привилегий и о вступлении в королевские права. Кардинал-легат Капрара отслужил папскую мессу, и к народу было обращено воззвание на языке, к которому они давно отвыкли. "Разум и многовековой пример, - гласило воззвание, - повелевают нам обратиться к верховному понтифику, чтобы добиться единства мнений и примирения сердец. Глава церкви взвесил в своей мудрости и в интересах церкви предложения, продиктованные интересами государства".

Вечером была иллюминация и концерт в садах Тюильри. Солдаты неохотно присутствовали на церемонии инаугурации и громко выразили свое недовольство. По возвращении во дворец Бонапарт расспросил генерала Дельма по этому поводу. *"Что вы думаете о церемонии?"* - спросил он. *"Прекрасный маскарад"* - последовал ответ. *"Не было нужды ни в чем, кроме миллиона убитых людей, разрушающих то, что вы восстанавливаете."*

Месяц спустя, 25 Флореаля X года (15 мая 1802 г.), он представил проект закона, касающегося *учреждения ордена почетного легиона*. Этот легион должен был состоять из пятнадцати когорт, пожизненных сановников, расположенных в иерархическом порядке, имеющих центр, организацию и доходы. Первый консул был начальником легиона. Каждая когорта состояла из семи высших офицеров, двадцати командеров, тридцати офицеров и трехсот пятидесяти легионеров. Целью Бонапарта было создание новой знати. Таким образом, он воззвал к плохо подавляемому чувству неравенства. Обсуждая этот проект закона в государственном совете, он не постеснялся объявить о своем аристократическом замысле. Государственный советник Берлье, не одобрявший институт, столь противоположный духу республики, сказал, что "Различия были игрушкой монархии". "Я бросаю вам вызов, - ответил

первый консул, - покажите мне республику, древнюю или современную, в которой не существовало различий; вы называете их игрушками; что ж, именно игрушками ведут людей. Я бы не сказал этого трибуну, но на совете мудрецов и государственных деятелей мы можем говорить прямо. Я не верю, что французы любят *свободу и равенство*. Французов не изменили десять лет революции; у них есть только одно чувство — *честь*. Значит, это чувство необходимо подпитывать; у них должны быть различия. Посмотрите, как люди падают ниц перед лентами и звездами иностранцев; они были удивлены ими; и они не преминули надеть их. Все было разрушено; вопрос в том, как все восстановить. Есть правительство, есть авторитеты; но остальная нация, что это? Песчинки. Среди нас есть старые привилегированные классы, организованные по принципам и интересам и хорошо знающие, чего они хотят. Я могу сосчитать наших врагов. Но мы сами рассеяны, без системы, союза или контактов. Пока я здесь, я буду отвечать за республику; но мы должны позаботиться о будущем. Как вы думаете, республика окончательно установлена? Если это так, то вы сильно обмануты. В наших силах сделать это так, но мы этого не сделали; и мы не сделаем этого, если не обрушим несколько гранитных глыб на землю Франции ". [Примечание: Этот отрывок взят из *Воспоминаний* месье Тибодо о консульстве. В этих *мемуарах*, которые чрезвычайно любопытны, содержатся некоторые политические беседы Бонапарта, подробности, касающиеся его внутреннего правления и основных заседаний государственного совета, которые проливают много света на эту эпоху.] Этими словами Бонапарт провозгласил систему правления, противоположную той, которую стремилась установить революция и которой требовали перемены в обществе.

Тем не менее, несмотря на покорность государственного совета, чистку, которой подверглись трибунал и законодательный орган, эти три органа решительно выступили против закона, который возродил неравенство. В государственном совете орден почетного легиона получил всего четырнадцать голосов против десяти; в трибунале - тридцать восемь против пятидесяти шести; в законодательном корпусе - сто шестьдесят шесть против ста десяти. Общественное мнение проявило еще большее отвращение к этому новому рыцарскому ордену. Те, кого посвятили в него впервые, казалось, почти стыдились его и принимали с некоторым презрением. Но Бонапарт продолжал свой контрреволюционный курс, не беспокоясь о недовольстве, которое больше не могло сопротивляться.

Он хотел подтвердить свою власть установлением привилегий, а привилегии подтвердить продолжительностью своей власти. По ходатайству Шабо де л'Алье трибунал постановил: "Первый консул, генерал Бонапарт, должен получить знак национальной благодарности". Во исполнение этой резолюции 6 мая 1802 года органический сенат-консулат назначил Бонапарта консулом еще на десять лет.

Но Бонапарт не считал достаточным продление консульства; и два месяца спустя, 2 августа, сенат по решению трибунала и законодательного корпуса и с согласия народа, опрошенного посредством публичных реестров, издал следующий декрет:

"I. Французский народ выдвигает кандидатуру, и сенат провозглашает Наполеона Бонапарта пожизненным первым консулом.

"II. Статуя Мира, держащая в одной руке лавр победы, а в другой - указ сената, должна засвидетельствовать потомкам благодарность нации.

"III. Сенат передаст первому консулу выражение доверия, любви и восхищения французского народа".

Эта революция была завершена путем приспособления к пожизненному консульству посредством простого *senatus-consultus*, конституции, и без того достаточно деспотической, временного консульства. "Сенаторы, - сказал Корнюде, представляя новый закон, - мы должны навсегда закрыть общественный путь для Гракхов. Желания граждан в отношении политических законов, которым они подчиняются, выражаются в общем процветании; гарантия социальных прав безоговорочно возлагает догму об осуществлении суверенитета народа на сенат, который является связующим звеном нации. Это единственная социальная доктрина". Сенат признал эту новую социальную доктрину, вступил во владение суверенитетом и хранил его как залог до тех пор, пока не наступил благоприятный момент для передачи его Бонапарту.

Конституция 16 термидора X года (4 августа 1802 г.) исключила народ из состава государства. Государственные и административные функции стали фиксированными, как и у правительства. Первый консул мог увеличить число выборщиков, которые избирались пожизненно. Сенат имел право изменять институты, приостанавливать функции суда присяжных, выводить департаменты из-под действия конституции, отменять приговоры трибуналов, распускать законодательный орган и трибунал. Государственный совет был усилен; трибунал, и без того сокращенный из-за увольнений, все еще оставался достаточно внушительным, чтобы потребовать сокращения до пятидесяти членов.

Таков был ужасающий прогресс привилегий и абсолютной власти в течение двух лет. К концу 1802 года все находилось в руках пожизненного консула, у которого был преданный ему класс в духовенстве; военный орден почетного легиона; административный орган в государственном совете; механизм постановлений в законодательном собрании; механизм конституции в сенате. Не осмеливаясь пока уничтожить трибунал, в собрании которого время от времени раздавалось несколько слов о свободе и несогласии, он лишил его самых смелых и красноречивых членов, чтобы тот мог услышать, как его воля будет покорно провозглашена во всех собраниях нации.

Эта внутренняя политика узурпации распространилась за пределы страны. 26 августа Бонапарт присоединил остров Эльба, а 11 сентября 1802 года Пьемонт к территории Франции. 9 октября он вступил во владение Пармскими штатами, оставшимися свободными после смерти герцога; и, наконец, 21 октября он ввел в Швейцарию тридцатитысячную армию, чтобы поддержать федеративный акт, регулировавший конституцию каждого кантона и вызвавший беспорядки. Таким образом, он предоставил предлог для разрыва с Англией, которая искренне не подписывалась под миром. Британский кабинет лишь почувствовал необходимость временной приостановки военных действий; и вскоре после заключения Амьенского мирного договора он организовал третью коалицию, как это было сделано после Кампо-Формийского мирного договора и во время Раштадтского конгресса. Только интересы и положение Англии могли привести к разрыву, который был ускорен союзом государств, заключенным Бонапартом, и влиянием, которое он сохранил на соседние республики, получившие полную независимость в соответствии с недавними договорами. Бонапарт, со своей стороны, жаждавший славы, завоеванной на поле боя, желавший возвеличить Францию завоеваниями и завершить свое собственное возвышение победами, не мог удовлетвориться покоем; он отверг свободу, и война стала необходимостью.

В течение некоторого времени два кабинета министров обменивались весьма резкими дипломатическими нотами. Наконец, лорд Уитворт, английский посол, покинул Париж 25 Флореаля XI года (13 мая 1803 г.). Теперь мир был окончательно нарушен: обе стороны готовились к войне. 26 мая французские войска вошли в курфюршество Ганновер. Германская империя, стоявшая на пороге распада, не создавала никаких препятствий. Эмигрантская партия Шуан, которая не предприняла никаких шагов после истории с адской машиной и установлением мира на континенте, была воодушевлена этим возобновлением военных действий. Возможность казалась благоприятной, и в Лондоне, с согласия британского кабинета министров, сформировался заговор, возглавляемый Пишегрю и Жоржем Кадудалем. Заговорщики тайно высадились на побережье Франции и с такой же секретностью направились в Париж. Они связались с генералом Моро, которого жена убедила примкнуть к партии роялистов. Как раз в тот момент, когда они собирались осуществить свой проект, большинство из них были арестованы полицией, которая раскрыла заговор и выследила их. Жорж Кадудаль был казнен, Пишегрю был найден задушенным в тюрьме, а Моро был приговорен к двум годам тюремного заключения, замененным ссылкой. Этот заговор, раскрытый в середине февраля 1804 года, сделал личность первого консула, жизни которого угрожала такая опасность, еще более дорогой для народных масс; поздравительные адреса были представлены всеми государственными органами и всеми департаментами республики. Примерно в это же время он принес в жертву выдающуюся жертву. 15 марта герцог Энгиенский был увезен кавалерийским эскадроном из замка Эттенхайм в великом герцогстве Баден, в нескольких лье от Рейна. Судя по сообщениям полиции, первый консул полагал, что этот принц руководил недавним заговором. Герцог Ангбьенский был поспешно доставлен в Венсен, через несколько часов предстал перед военной комиссией и расстрелян в окопах замка. Это преступление было не актом политики или узурпации, а актом насилия и гнева. 18 Брюмера роялисты могли подумать, что первый консул готовится к роли генерала Монка, но в течение четырех лет он разрушал эту надежду. У него больше не было необходимости ни порывать с ними столь возмутительным образом, ни успокаивать, как предполагалось, якобинцев, которых больше не существовало. Те, кто оставался преданным республике, в то время боялись деспотизма гораздо больше, чем контрреволюции. Есть все основания полагать, что Бонапарт, который мало думал о человеческой жизни или о правах наций, уже выработав привычку к быстрой и поспешной политике, вообразил принца одним из заговорщиков и стремился ужасным примером положить конец заговорам, единственной опасности, угрожавшей его власти в тот период.

Война с Великобританией и заговор Жоржа Кадудалья и Пишегрю были ступенями, по которым Бонапарт поднялся от консульства к империи. 6-го жерминала XII года (27 марта 1804 г.) сенат, получив сведения о заговоре, направил депутацию к первому консулу. Президент Франсуа де Невшато выразил свое мнение в следующих выражениях: "Гражданин первый консул, вы основываете новую эру, но вы должны увековечить ее: великолепие - ничто без длительности. Мы не сомневаемся, что эта великая идея привлекла ваше внимание, ибо ваш творческий гений охватывает все и ничего не забывает. Но не откладывайте: вас подталкивают время, события, заговорщики и честолюбивые люди; и в другом направлении - тревога, которая волнует французский народ. В вашей власти сковать время, управлять событиями, обезоружить честолюбцев и успокоить всю Францию, предоставив ей институты, которые укрепят ваше здание и продолжат для наших детей то, что вы сделали для их отцов. Гражданин первый консул, будьте уверены, что присутствующий здесь сенат говорит с вами от имени всех граждан.

5-го Флореаля XII года. (25 апреля 1804 г.) Бонапарт ответил сенату из Сен-Клу следующим образом: "Ваше выступление постоянно занимало мои мысли; оно было предметом моих постоянных размышлений. Вы считаете, что верховная магистратура должна быть наследственной, чтобы защитить народ от заговоров наших врагов и волнений, возникающих из-за соперничающих амбиций. Вы также считаете, что некоторые из наших институтов должны быть усовершенствованы, чтобы обеспечить постоянное торжество равенства и общественной свободы и предложить нации и правительству двойную гарантию, в которой они нуждаются. Чем больше я размышляю об этих великих объектах, тем глубже я чувствую, что в таких новых и важных обстоятельствах советы вашей мудрости и опыта необходимы, чтобы я мог прийти к какому-то выводу. Тогда я приглашаю вас поделиться со мной своими идеями по этому вопросу". Сенат, в свою очередь, ответил 14 Флореаля (3 мая): "Сенат считает, что интересам французского народа будет в значительной степени способствовать доверительное управление республикой *Наполеону Бонапарту*, как наследственному императору". Эта заранее подготовленная сцена положила начало созданию империи.

Трибун-кюре открыл дебаты в трибунате предложением по этому вопросу. Он остановился на тех же мотивах, что и сенаторы. Его предложение было воспринято с энтузиазмом. Один Карно имел мужество выступить против империи: "Я далек, - сказал он, - от желания ослабить похвалы, воздаваемые первому консулу; но какие бы услуги ни оказал гражданин своей стране, есть границы, которые честь, равно как и разум, накладывают на национальную благодарность. Если этот гражданин восстановил общественную свободу, если он обеспечил безопасность своей страны, будет ли наградой предложить ему пожертвовать этой свободой; и не будет ли это разрушением его собственного труда сделать свою страну своим частным достоянием? Когда однажды на голосование народа было вынесено предложение о пожизненном сохранении консульства, было легко увидеть, что существовала запоздалая мысль. Множество институтов, очевидно, монархических, последовали друг за другом; но теперь цель стольких предварительных мер раскрыта положительным образом; мы призваны заявить о наших чувствах по поводу официального предложения восстановить монархическую систему и даровать императорское и наследственное достоинство первому консулу.

"Значит, свобода была показана человеку только для того, чтобы он никогда не смог ею насладиться? Нет, я не могу согласиться считать это благо, столь повсеместно предпочитаемое всем остальным, без которого все остальные - ничто, простой иллюзией. Мое сердце говорит мне, что свобода достижима; что ее режим проще и стабильнее, чем любое произвольное правительство. Я голосовал против пожизненного консульства; теперь я голосую против восстановления монархии, как, по-моему, того требует мое положение трибуна".

Но он был единственным, кто так думал; и его коллеги соперничали друг с другом в своем несогласии с мнением единственного человека, который единственный среди них оставался свободным. В речах того периода мы можем видеть колоссальные изменения, произошедшие в идеях и языке. Революция вернулась к политическим принципам древнего режима; существовали тот же энтузиазм и фанатизм, но это был энтузиазм лести, фанатизм рабства. Французы ворвались в империю так же, как они ворвались в революцию; в век разума они все связывали с предоставлением избирательных прав нациям; теперь они не говорили ни о чем, кроме величия человека и эпохи Бонапарта; и теперь они боролись за создание королей, как раньше боролись за создание республик.

Трибунат, законодательный орган, и сенат проголосовали за империю, которая была провозглашена в Сен-Клу 28 Флореаля XII года (18 мая 1804 г.). В тот же день консультативный сенат внес изменения в конституцию, которая была адаптирована к новому порядку вещей. Империи требовались ее придатки; и ей были предоставлены французские принцы, высшие сановники, маршалы, камергеры и пажи. Всякая публичность была уничтожена. Свобода печати уже была подвергнута цензуре; осталась только одна "трибуна", да и та замолчала. Заседания трибуната были тайными, как и заседания государственного совета, и с этого дня в течение десяти лет Францией управляли при закрытых дверях. Жозеф и Луи Бонапарты были признаны французскими принцами. Бетье, Мюрат, Монси, Журден, Массена, Ожеро, Бернадотт, Султ, Брюн, Ланн, Мортье, Ней, Даву, Бессьер, Келлерман, Лефевр, Периньон, Серюрье были назначены маршалами империи. Департаменты рассылали обращения, и духовенство сравнивало Наполеона с новым Моисеем, новым Маттафией, новым Киром. Они видели в его возвышении "перст Божий" и говорили, "что подчиняться следует ему как господствующему над всеми; его министрам, посланным им, потому что таков был порядок Провидения". Папа Пий VII. прибыл в Париж, чтобы освятить новую династию. Коронация состоялась в воскресенье, 2 декабря, в церкви Нотр-Дам.

Подготовка к этой церемонии велась в течение некоторого времени, и она регулировалась в соответствии с древними обычаями. Император отправился в столичную церковь вместе с императрицей Жозефиной в карете, увенчанной короной, запряженной восемью белыми лошадьми, в сопровождении своей охраны. Папа римский, кардиналы, архиепископы, епископы и все высшие должностные лица государства ожидали его в соборе, который был великолепно украшен для этой экстраординарной церемонии. У дверей к нему обратились с речью, а затем, облаченный в императорскую мантию, с короной на голове и скипетром в руке, он вззошел на трон, установленный в дальнем конце церкви. Верховный раздаватель милостыни, кардинал и епископ, подошли и подвели его к подножию алтаря для освящения. Папа возлил троекратное помазание на его голову и руки и произнес следующую молитву: "О Всемогущий Бог, который поставил Азаила править Сирией, а Ииуя - царем Израиля, открыв им устами пророка Илии твою цель; который также пролил святое царское помазание на головы Саула и Давида, благодаря служению твоего пророка Самуила, сподоби излить моими руками сокровища твоей благодати и благословения на твоего слугу Наполеона, которого, несмотря на наше собственное недостойнство, мы этим день посвящения императором во имя твое".

Папа торжественно подвел его обратно к трону; и после того, как он принес на Завещании клятву, предписанную новой конституцией, главный герольд громко воскликнул: *"Славнейший и августейший император Франции коронован и возведен на трон! Да здравствует император!"* Церковь мгновенно огласилась криком, раздались артиллерийские залпы, и папа провозгласил "Те Деум". В течение нескольких дней происходила череда праздников; но эти праздники *по приказу*, эти праздники абсолютной власти, не дышали искренней, живой, всенародной и единой радостью первой федерации 14 июля; и, как ни был измучен народ, он не приветствовал начало деспотизма так, как приветствовал начало свободы.

Консульство было последним периодом существования республики. Революция надвигалась на сословие людей. В течение первого периода консульского правления Бонапарт завоевал запрещенные классы, отозвав их, он обнаружил, что народ все еще охвачен всеми страстями, и он вернул его к спокойствию трудом и к процветанию восстановлением порядка. В конце концов он вынудил Европу, завоеванную в третий раз, признать его возвышение. До заключения

Амьенского мирного договора он возродил в республике победу, согласие и процветание, не жертвуя свободой. Тогда он мог бы, если бы пожелал, стать представителем той великой эпохи, которая стремилась к тому, чтобы эта благородная система человеческого достоинства была освящена широко распространенным равенством, разумной свободой и более развитой цивилизацией. Нация была в руках великого человека или деспота; от него зависело сохранить ее свободной или поработить. Он предпочитал реализацию своих эгоистичных проектов и предпочитал себя всему человечеству. Воспитанный в палатках, поздно вступивший в революцию, он понимал только ее материальную и заинтересованную сторону; он не верил ни в моральные потребности, которые ее породили, ни в верования, которые ее возбуждали и которые рано или поздно вернутся и уничтожат его. Он видел, что восстание приближается к концу, измученный народ в его власти, а корона на земле в пределах его досягаемости.

ИМПЕРИЯ

ГЛАВА XV

ОТ ОСНОВАНИЯ ИМПЕРИИ, 1804-1814

После установления империи власть стала более произвольной, и общество перестроилось по аристократическому принципу. Великое движение по переустройству, начавшееся 9 термидора, продолжало нарастать. Конвент упразднил классы; директория победила партии; консульство одержало верх над людьми; а империя развратила их отличиями и привилегиями. Этот второй период был противоположен первому. При первом мы видели правление комитетов, осуществляемое людьми, избираемыми каждые три месяца, без охраны, почестей или представительства, живущими на несколько франков в день, работающими по восемнадцать часов за общими деревянными столами; при другом - правление империи со всеми ее административными атрибутами, камергерами, дворянами, преторианской гвардией, наследственными правами, огромным гражданским списком и ослепительной показухой. Национальная активность была направлена исключительно на труд и войну. Все материальные интересы, всечестолюбивые страсти были иерархически распределены под началом одного лидера, который, пожертвовав свободой, установив абсолютную власть, уничтожил равенство, введя дворянство.

Директория превратила все окружающие государства в республики; Наполеон хотел создать их по образцу империи. Он начал с Италии. Государственный совет Цизальпинской республики принял решение о восстановлении наследственной монархии в пользу Наполеона. Его вице-президент М. Мельци прибыл в Париж, чтобы сообщить ему об этом решении. 26-го Вентоза XIII года. (17 марта 1805 г.) он был с большой торжественностью принят в Тюильри. Наполеон восседал на своем троне, окруженный своим двором и всем великолепием суверенной власти, демонстрация которой доставляла ему удовольствие. Г-н Мельци предложил ему корону от имени его сограждан. "Сир, - сказал он в заключение, - соблаговолите удовлетворить пожелания собрания, в котором я имею честь председательствовать. Выражая чувства, которые одушевляют сердце каждого итальянца, он приносит вам искреннее почтение. Это с радостью сообщит им, что, приняв приглашение, вы укрепили узы, которые связывают вас с сохранением, обороной и процветанием итальянской нации. Да, сир, вы желали существования итальянской республики, и она существовала. Пожелайте итальянской монархии счастья, и оно будет таковым".

Император отправился вступать во владение этим королевством; и 26 мая 1805 года он получил в Милане железную корону лангобардов. Он назначил своего приемного сына, принца Евгения де Богарне, вице-королем Италии и отправился в Геную, которая также отказалась от своего суверенитета. 4 июня 1805 года его территория была присоединена к империи и образовала три департамента: Геную, Монтенотту и Апеннины. Маленькая республика Лукка была включена в эту монархическую революцию. По просьбе гонфалоньера он был передан в удел принцу Пьомбино и его принцессе, сестре Наполеона. Последний после этого королевского похода снова пересек Альпы и вернулся в столицу своей империи; вскоре после этого он отбыл в лагерь в Булони, где готовилась крупная морская экспедиция против Англии.

Этот проект нисхождения, который директория вынашивала после Кампо-Формийского мира, а первый консул - после Люневильского мира, был возобновлен с большим рвением после нового разрыва. В начале 1805 года флотилия из двух тысяч небольших судов, укомплектованных шестнадцатью тысячами моряков, с армией в сто шестьдесят тысяч человек, девятью тысячами лошадей и многочисленной артиллерией, собралась в портах Булонь, Этабль, Вимере, Амблетез. и Кале. Император своим присутствием ускорил исполнение этого проекта, когда узнал, что Англия, чтобы избежать падения, которым ей угрожали, убедила Австрию пойти на разрыв с Францией и что все силы австрийской монархии пришли в движение. Девяносто тысяч человек под командованием эрцгерцога Фердинанда и генерала Мака переправились через Юру, захватили Мюнхен и изгнали баварского курфюрста, союзника Франции; тридцать тысяч человек под командованием эрцгерцога Иоанна заняли Тироль, а эрцгерцог Карл со ста тысячами человек наступал на Адидже. Две русские армии готовились присоединиться к австрийцам. Питт приложил максимальные усилия для организации этой третьей коалиции. Основание Итальянского королевства, присоединение Генуи и Пьемонта к Франции, открытое влияние императора на Голландию и Швейцарию снова возбудили Европу, которая теперь боялась честолюбия Наполеона так же сильно, как раньше боялась принципов революции. Союзный договор между британским министерством и российским кабинетом министров был подписан 11 апреля 1805 года, а Австрия присоединилась к нему 9 августа.

Наполеон покинул Булонь, поспешно вернулся в Париж, 23 сентября обратился в сенат, получил рекрутинговый набор в восемьдесят тысяч человек и на следующий день выступил в поход. Он перешел Рейн 1 октября и вступил в Баварию 6-го с армией в сто шестьдесят тысяч человек. Массена сдерживал принца Чарльза в Италии, а император полным ходом вел войну в Германии. Через несколько дней он форсировал Дунай, вступил в Мюнхен, одержал победу при Вертингене и вынудил генерала Мака сложить оружие в Ульме. Эта капитуляция дезорганизовала австрийскую армию. Наполеон продолжил путь своих побед, 13 ноября вступил в Вену, а затем двинулся маршем в Моравию, чтобы встретиться с русскими, вокруг которых сплотились побежденные войска.

2 декабря 1805 года, в годовщину коронации, две армии встретились на равнинах Аустерлица. Численность противника составляла девяносто пять тысяч человек, французов - восемьдесят тысяч. Артиллерия обеих сторон была устрашающей. Сражение началось на рассвете; эти огромные массы пришли в движение; русская пехота не могла устоять перед стремительностью наших войск и маневрами их генерала. Сначала был отрезан левый фланг противника; русская императорская гвардия подошла, чтобы восстановить связь, и была полностью разбита. Центр постигла та же участь, и в час дня самая решительная победа завершила эту замечательную кампанию. На следующий день император поздравил армию в прокламации на самом поле

битвы: "Солдаты, - сказал он, - я доволен вами. Вы украсили своих орлов бессмертной славой. Стотысячная армия под командованием императоров России и Австрии менее чем за четыре дня была разбита на куски или рассеяна; те, кто избежал вашей стали, утонули в озерах. Сорок знамен, штандарты российской императорской гвардии, сто двадцать пушек, двадцать генералов, более тридцати тысяч пленных - вот результат этого приснопамятного дня. Эта хваленая пехота, превосходящая вас численностью, не смогла устоять перед вашим натиском, и отныне вам больше нечего бояться. Таким образом, за два месяца эта третья коалиция потерпела поражение и распалась". С Австрией было заключено перемирие, и русские, которые могли быть разорваны на куски, получили разрешение отступать определенными этапами.

Прессбургский мир последовал за победами при Ульме и Аустерлице; он был подписан 26 декабря. Австрийский дом, потерявший свои внешние владения, Голландию и Милан, теперь подвергался нападкам в самой Германии. Он передал провинции Далмация и Албания королевству Италия; территорию Тироля, город Аугсбург, княжество Эйхштетт, часть территории Пассау и все его владения в Швабии, Брисгау и Ортенау курфюршества Бавария и Вюртемберг, которые были преобразованы в королевства. Великое герцогство Баден также воспользовалось своей добычей. Прессбургский мирный договор завершил унижение Австрии, начатое Кампо-Формийским мирным договором и продолженное Люневильским. Император по возвращении в Париж, увенчанный такой славой, стал объектом такого всеобщего и дикого восхищения, что сам был увлечен общественным энтузиазмом и опьянен своей удачей. Различные органы государственной власти соперничали между собой в послушании и лести. Он получил титул Великого, и сенат издал указ о возведении ему триумфального памятника.

Наполеон все больше укреплялся в том принципе, которого он придерживался. Победа при Маренго и Люневильский мир санкционировали консульство; победа при Аустерлице и Прессбургский мир освятили империю. Последние остатки революции были отброшены. 1 января 1806 года григорианский календарь окончательно заменил республиканский, просуществовав четырнадцать лет. Пантеон снова был посвящен богослужебным целям, и вскоре даже трибунат прекратил свое существование. Но император особенно стремился распространить свое владычество на континент. Фердинанд, король Неаполя, во время последней войны нарушивший мирный договор с Францией, подвергся вторжению в свои государства; и Жозеф Бонапарт 30 марта был провозглашен королем Обеих Сицилий. Вскоре после этого (5 июня 1806 года) Голландия была преобразована в королевство и принята в качестве монарха Луи Бонапартом, еще одним братом императора. Ни одна из республик, созданных конвентом или директорией, в настоящее время не существовала. Наполеон, назначая второстепенных королей, восстановил военно-иерархическую систему и титулы средневековья. Он превратил Далмацию, Истрию, Фриули, Кадоре, Беллуно, Конельяно, Треviso, Фельтру, Бассано, Виченцу, Падую и Ровигу в герцогства, великие феодалы империи. Маршалу Бертье было передано княжество Невшатель, министру Талейрану - княжество Беневенто. Принц Боргезе и его жена - в Гуасталле, Мюрат - в великом герцогстве Берг и Клев. Наполеон, не решаясь уничтожить швейцарскую республику, провозгласил себя ее посредником и завершил организацию своей военной империи, поставив под свою зависимость древнее германское государство. 12 июля 1806 года четырнадцать князей юга и запада Германии объединились в Рейнскую конфедерацию и признали Наполеона своим покровителем. 1 августа они заявили ратисбонскому сейму о своем отделении от германского тела. Германская империя прекратила свое существование, и Франциск II отрекся от титула

путем провозглашения. По конвенции, подписанной в Вене 15 декабря, Пруссия обменяла территории Анспох, Клев и Невшатель на курфюршество Ганновер. Под властью Наполеона был весь запад. Абсолютный повелитель Франции и Италии, как император и король, он был также повелителем Испании благодаря зависимости от этого двора; Неаполя и Голландии - благодаря двум своим братьям; Швейцарии - благодаря акту посредничества; а в Германии в его распоряжении были короли Баварии и Вюртемберга и Рейнская конфедерация против Австрии и Пруссии. После Амьенского мира, поддерживая свободу, он мог бы стать защитником Франции и сдерживающим фактором Европы; но, стремясь к славе в господстве и сделав завоевания целью своей жизни, он обрек себя на длительную борьбу, которая неизбежно закончилась бы зависимостью континента или его собственным падением.

Этот стремительный прогресс привел к созданию четвертой коалиции. Пруссия, нейтральная со времен Базельского мира, в ходе последней кампании была близка к присоединению к австро-русской коалиции. Только быстрота побед императора сдерживала ее; но теперь, встревоженная усилением империи и ободренная прекрасным состоянием своих войск, она вступила в союз с Россией, чтобы изгнать французов из Германии. Берлинский кабинет требовал, чтобы французские войска переправились через Рейн, иначе следствием этого была бы война. В то же время он стремился сформировать на севере Германии лигу против конфедерации юга. Император, находившийся в расцвете своего процветания и национального энтузиазма, был далек от того, чтобы подчиниться *ультиматуму* Пруссии, и немедленно выступил против нее.

Кампания началась в начале октября. Наполеон, как обычно, ошеломил коалицию стремительностью своих маршей и энергичностью принятых мер. 14 октября он сокрушил при Йене военную монархию Пруссии решительной победой; 16-го четырнадцать тысяч пруссаков сложили оружие при Эрфурте; 25-го французская армия вошла в Берлин, а конец 1806 года был занят взятием прусских крепостей и маршем в Польшу против русской армии. Кампания в Польше была менее стремительной, но столь же блестящей, как и в Пруссии. Россия в третий раз померилась силами с Францией. Побежденная при Цюрихе и Аустерлице, она также потерпела поражение при Эйлау и Фридланде. После этих памятных сражений император Александр вступил в переговоры и заключил в Тильзите 21 июня 1807 года перемирие, за которым 7 июля последовал окончательный мирный договор.

Тильзитский мир расширил французское господство на континенте. Пруссия сократилась вдвое. На юге Германии Наполеон учредил два королевства Бавария и Вюртемберг против Австрии; далее на севере он создал два феодальных королевства Саксония и Вестфалия против Пруссии. Территория Саксонии, состоящая из курфюршества с таким названием, и прусской Польши, называемой великим герцогством Варшавским, была передана королю Саксонии; территория Вестфалии включала государства Гессен-Кассель, Брауншвейг, Фульде, Падерборн и большую часть Ганновера и была передана Жерому Наполеону. Император Александр, согласившись на все эти договоренности, эвакуировал Молдавию и Валахию. Однако Россия, хотя и была завоевана, была единственной державой, на которую никто не посягал. Наполеон более чем когда-либо следовал по стопам Карла Великого; на своей коронации он держал перед собой корону, меч и скипетр франкского короля. Папа пересек Альпы, чтобы освятить свою династию, и он построил свои государства по образцу обширной империи этого завоевателя. Революция стремилась к установлению древней свободы; Наполеон восстановил военную иерархию средневековья. Первые стали гражданами, вторые - вассалами. Первые

превратили Европу в республики, другие - в феоды. Каким бы великим и могущественным он ни был, придя в себя сразу после потрясения, которое истощило мир своей жестокостью, он был способен на какое-то время устроить все по своему усмотрению. *Великая империя* возвысилась внутренне благодаря своей системе управления, пришедшей на смену правительству собраний; своим специальным судам, своим лицам, в которых военное образование было заменено республиканским образованием центральных школ; своему наследственному дворянству, которое в 1808 году завершило установление неравенства; своей гражданской дисциплине, которая сделала всю Францию подобной армии, послушной слову команды; и внешне благодаря своим второстепенным королевствам, своим конфедеративным штатам, своим крупным феодальным владениям и своему верховному вождю. Наполеон, больше нигде не встречавший сопротивления, мог командовать от одного конца континента до другого.

В этот период все внимание императора было приковано к Англии, единственной державе, которая могла обезопасить себя от его нападков. Питт умер год назад, но британский кабинет министров с большим рвением и настойчивостью следовал его планам в отношении Франции. После тщетного формирования третьей и четвертой коалиций она не сложила оружия. Это была война не на жизнь, а на смерть. Великобритания объявила Францию на положении блокады и предоставила императору средства перекрыть ее континентальные сношения аналогичной мерой. Континентальная блокада, начавшаяся в 1807 году, была вторым периодом правления Бонапарта. Чтобы добиться всеобщего и неоспоримого превосходства, он применил оружие против континента и прекратил торговлю с Англией. Но, запрещая континентальным штатам всякое сообщение с Англией, он создавал себе новые трудности и вскоре добавил к враждебности общественного мнения, вызванной его деспотизмом, и ненависти к государствам, вызванной его завоевательным господством, обострение частных интересов и коммерческие страдания, вызванные блокадой.

Тем не менее, все державы, казалось, были объединены в одном замысле. Англия была поставлена под запрет континентальной Европы во время заключения мира. Россия и Дания в Северных морях; Франция, Испания и Голландия в Средиземном море и океане были вынуждены выступить против этого. Этот период был пиком имперского господства. Наполеон употребил всю свою активность и весь свой гений на создание морских ресурсов, способных уравновесить силы Англии, располагавшей тогда тысячами сотнями боевых кораблей всех классов. Он приказал построить порты, укрепить побережье, построить и подготовить корабли - все для сражения через несколько лет на этом новом поле битвы. Но прежде чем этот момент настал, он хотел обезопасить испанский полуостров и основать там свою династию с целью проведения более твердой и благоприятной политики. Португальская экспедиция 1807 года и вторжение в Испанию в 1808 году положили начало для него и для Европы новому порядку событий.

Португалия в течение некоторого времени была полностью английской колонией. Император совместно с мадридскими бурбонами по Фонтенблоскому мирному договору от 27 октября 1807 года постановил, что дом Браганса прекратил свое правление. Французская армия под командованием Жюно вошла в Португалию. Принц-регент отплыл в Бразилию, и французы овладели Лиссабоном 30 ноября 1807 года. Это вторжение было всего лишь приближением к Испании. Королевская семья находилась в состоянии величайшей анархии. Фаворит Годой был отвергнут народом, а Фердинанд, принц Астурийский, устроил заговор против власти фаворита своего отца. Хотя императору особо нечего было опасаться такого правительства, он был

встревожен неуклюжим вооружением, подготовленным Годоем во время прусской войны. Без сомнения, в это время он вынашивал план возвести на трон Испании одного из своих братьев; он думал, что сможет легко свергнуть разделенную семью, умирающую монархию и получить согласие народа, которому он вернет цивилизацию. Под предлогом морской войны и блокады его войска вступили на полуостров, заняли побережье и основные пункты и расположились лагерем близ Мадрида. Затем королевской семье было предложено удалиться в Мексику по примеру дома Браганса. Но народ восстал против этого отъезда; Годой, объект общественной ненависти, подвергался большому риску лишиться жизни, и принц Астурийский был провозглашен королем под титулом Фердинанда VII. Император воспользовался этим придворным переворотом, чтобы осуществить свой собственный. Французы вошли в Мадрид, а он сам направился в Байонну, куда созвал испанских принцев. Фердинанд вернул корону своему отцу, который, в свою очередь, отказался от нее в пользу Наполеона; последний передал ее своему брату Жозефу верховной хунтой, советом Кастилии и муниципалитетом Мадрида. Фердинанда отправили в замок Валенсе, а Карл VI поселился в Компьене. Наполеон призвал своего шурина Мюрата, великого герцога Бергского, на неаполитанский престол вместо Иосифа.

В этот период началось первое противодействие господству императора и континентальной системе. Реакция проявилась в трех странах, которые до сих пор были союзниками Франции, и это привело к созданию пятой коалиции. Римский двор был недоволен; национальная гордость полуострова была уязвлена навязыванием ему иностранного короля; его обычаи - подавлением монастырей, инквизиции и вельмож; Голландия страдала в своей торговле от блокады, а Австрия нетерпеливо поддерживала ее убытки и подчиненное положение. Англия, ожидавшая возможности возобновить борьбу на континенте, вызвала сопротивление Рима, полуострова и венского кабинета министров. Папа был холоден по отношению к Франции с 1805 года; он надеялся, что его папская уступчивость в отношении коронации Наполеона была бы компенсирована восстановлением церковных владений тех провинций, которые директория присоединила к Цизальпинской республике. Обманувшись в этом ожидании, он присоединился к европейской контрреволюционной оппозиции, и с 1807 по 1808 год Римские государства стали местом встречи английских эмиссаров. После нескольких горячих возражений император приказал генералу Миоллису занять Рим; папапригрозил ему отлучением от церкви; и Наполеон захватил миссии Анкона, Урбино, Мачерата и Камерино, которые стали частью итальянского королевства. Легат покинул Париж 3 апреля 1808 года, и религиозная борьба за мирские интересы началась с главы церкви, которого Наполеону не следовало либо признавать, либо лишать власти.

Война с полуостровом была еще более серьезной. Испанцы признали Фердинанда VII. как король, в провинциальной хунте, состоявшейся в Севилье 27 мая 1808 года, и они взялись за оружие во всех провинциях, которые не были оккупированы французскими войсками. Португальцы также восстали в Порту 16 июня. Эти два восстания поначалу имели самые счастливые результаты; за короткое время они быстро продвинулись вперед. Генерал Дюпон сложил оружие при Байлене в провинции Кордова, и это первое поражение французского оружия пробудило живейшую надежду и энтузиазм среди испанцев. Жозеф Наполеон покинул Мадрид, где находился Фердинанд VII. был провозглашен; и примерно в то же время Жюно, не имея достаточных войск, чтобы удержать Португалию, согласился, согласно Цинтрскому соглашению, покинуть ее со всеми военными почестями. Английский генерал Веллингтон вступил во владение этим королевством с двадцатью пятью тысячами человек. В то время как

папа выступал против Наполеона, в то время как испанские повстанцы входили в Мадрид, в то время как англичане снова ступали на континент, король Швеции объявил себя врагом европейской имперской лиги, а Австрия производила значительные вооружения и готовилась к новой борьбе.

К счастью для Наполеона, Россия осталась верна союзу и Тильзитским обязательствам. Император Александр испытал в то время приступ энтузиазма и привязанности к этому могущественному и необыкновенному смертному. Наполеон, желая быть уверенным в успехе севера, прежде чем перебросить все свои силы на полуостров, имел беседу с Александром в Эрфурте 27 сентября 1808 года. Два повелителя севера и запада гарантировали друг другу спокойствие и покорность Европы. Наполеон вступил в Испанию, а Александр захватил Швецию. Присутствие императора вскоре изменило ход войны на полуострове. Он привел с собой восемьдесят тысяч солдат-ветеранов, только что прибывших из Германии. Несколько побед сделали его хозяином большинства испанских провинций. Он въехал в Мадрид и предстал перед жителями полуострова не как хозяин, а как освободитель. "Я отменил, - сказал он им, - трибунал инквизиции, против которого протестовали эпоха и Европа. Священники должны направлять совесть, но не должны осуществлять какую-либо внешнюю или телесную юрисдикцию над гражданами. Я отменил феодальные права; и каждый может строить гостиницы, печи, мельницы, рыбные промыслы и давать свободный импульс своей промышленности. Эгоизм, богатство и процветание немногих нанесли больше вреда вашему сельскому хозяйству, чем летняя жара. Поскольку Бог только один, в государстве должна существовать только одна система правосудия. Все частные суды были узурпированы и противоречили правам нации. Я подавил их. Нынешнее поколение может изменить свое мнение; в игру было вовлечено слишком много страстей; но ваши внуки благословят меня как вашего возроденца; они причислят к своим памятным дням те, когда я появлялся среди вас, и с тех дней Испания будет считать свое процветание".

Такова была действительно роль Наполеона на полуострове, который мог быть возвращен к лучшему положению вещей и свободе только путем возрождения цивилизации. Установление независимости не может быть осуществлено полностью, как и что-либо другое; и когда страна невежественна, бедна и отсталая, покрыта монастырями и управляется монахами, ее социальное положение должно быть восстановлено, прежде чем можно будет думать о свободе. Наполеон, угнетатель цивилизованных народов, был настоящим восстановителем полуострова. Но две партии гражданской свободы и религиозного рабства, партия кортесов и партия монахов, хотя и преследовали совершенно разные цели, пришли к соглашению относительно своей общей защиты. Один стоял во главе высшего и среднего классов, другой - населения; и они соперничали друг с другом в возбуждении в испанцах энтузиазма чувствами независимости или религиозного фанатизма. Ниже приводится катехизис, используемый священниками: "Скажи мне, дитя мое, кто ты? Испанец милостью Божьей.—Кто враг нашего счастья? Император Франции.—Сколько у него натур? Две: человеческая и дьявольская.—Сколько существует императоров Франции? Один истинный в трех обманчивых личностях.—Как их зовут: Наполеон, Мюрат и Мануэль Годой.—Кто из троих самый злой? Они все трое одинаково злые.—Откуда произошел Наполеон? От греха.—Мюрат? От Наполеона. —И Годой? Соединение двух.—Каков господствующий дух первого? Гордость и деспотизм.—Второго? Грабеж и жестокость.—О третьем? Алчность, измена и невежество.—Кто такие французы?

Бывшие христиане становятся еретиками.—Грех ли убивать француза? Нет, отец; небеса обретаются, если убить одного из этих собак еретиков.—Какого наказания заслуживает испанец, не выполнивший свой долг? Смерть и позор предателя.—Что избавит нас от наших врагов? Уверенность в себе и в оружии."

Наполеон ввязался в долгое и опасное предприятие, в котором вся его система ведения войны потерпела неудачу. Победа здесь заключалась не в разгроме армии и овладении столицей, а во всей оккупации территории и, что было еще труднее, в подчинении общественного мнения. Однако Наполеон готовился покорить этот народ своей неудержимой активностью и непреклонной решимостью, когда пятая коалиция снова призвала его в Германию.

Австрия воспользовалась его отсутствием и отсутствием его войск. Она предприняла мощное усилие и собрала пятьсот пятьдесят тысяч человек, составляющих ландвер, и выступила в поход весной 1809 года. Восстал Тироль, и вестфальцы изгнали короля Иеронима из его столицы; Италия дрогнула; а Пруссия только ждала, пока Наполеон потерпит поражение, чтобы взяться за оружие; но император все еще находился на вершине своего могущества и процветания. Он поспешил из Мадрида в начале февраля и приказал членам конфедерации держать свои контингенты в готовности. 12 апреля он покинул Париж, перешел Рейн, вторгся в Германию, одержал победы при Экмюле и Эсслинге, 15 мая вторично занял Вену и после четырехмесячной кампании разгромил эту новую коалицию в битве при Ваграме. Пока он преследовал австрийские армии, англичане высадились на острове Вальхерен и появились перед Антверпеном; но набора национальной гвардии было достаточно, чтобы сорвать экспедицию через Шельду. Венский мирный договор от 11 октября 1809 года лишил австрийский дом еще нескольких провинций и вынудил его снова принять континентальную систему.

Этот период был примечателен новым характером борьбы. Это положило начало реакции Европы против империи и провозгласило союз династий, людей, наций, духовенства и коммерции. Все, чьи интересы были ущемлены, предприняли попытку сопротивления, которая поначалу была обречена на провал. После заключения Амьенского мира Наполеон начал карьеру, которая неизбежно должна была закончиться владением или враждебностью всей Европы. Увлеченный своим характером и положением, он создал против народа систему управления, несравненно выгодную для власти; против Европы - систему второстепенных монархий и крупных феодальных владений, которые облегчали его завоевательные планы; и, наконец, против Англии - блокаду, которая приостановила ее торговлю и торговлю с континентом. Ничто не препятствовало ему в осуществлении этих грандиозных, но бессмысленных замыслов. Португалия установила связь с Англией: он вторгся в нее. Королевская семья Испании своими ссорами и колебаниями поставила под угрозу пределы империи: он вынудил ее отречься от престола, чтобы вести на полуострове более смелую и менее колеблющуюся политику. Папа поддерживал отношения с врагом: его наследство уменьшалось. Он угрожал отлучением от церкви: французы вошли в Рим. Он осуществил свою угрозу с помощью буллы: в 1809 году он был свергнут с престола как временный суверен. Наконец, после битвы при Ваграме и Венского мира Голландия стала складом английских товаров из-за своих коммерческих потребностей, и император лишил своего брата Людовика этого королевства, которое 1 июля 1810 года вошло в состав империи. Он не боялся никакого вторжения, потому что не потерпел бы противодействия или колебаний ни с чьей стороны. Все были вынуждены подчиниться, как союзники, так и враги, глава церкви так же, как короли,

братья так же, как незнакомцы; но, хотя на этот раз они были побеждены, все, кто присоединился к этой новой лиге, только ждали возможности снова восстать.

Между тем, после заключения Венского мира Наполеон все еще увеличивал масштабы и мощь империи. Швеция пережила внутреннюю революцию, и король Густав Адольф IV, будучи вынужден отречься от престола, признал континентальную систему. Бернадот, принц Понте-Корво, был избран генеральными штатами наследным принцем Швеции и королем Карлом XIII. усыновил его как своего сына. Блокада соблюдалась по всей Европе, и империя, дополненная Римскими государствами, Иллирийскими провинциями, Вале, Голландией и Ганзейскими городами, насчитывала сто тридцать департаментов и простиралась от Гамбурга и Данцига до Триеста и Корфу. Наполеон, который, казалось, проводил опрометчивую, но непреклонную политику, примерно в это же время отклонился от своего курса, вступив во второй брак. Он развелся с Жозефиной, чтобы родить наследника империи, и женился 1 апреля 1810 года на Марии-Луизе, эрцгерцогине Австрийской. Это была явная ошибка. Он покинул свой пост парвеню и революционного монарха, выступив в Европе против древних судов, как республика выступала против древних правительств. Он поставил себя в ложное положение по отношению к Австрии, которую ему следовало либо сокрушить после победы при Ваграме, либо восстановить в ее владениях после своей женитьбы на эрцгерцогине. Прочные союзы опираются только на реальные интересы, и Наполеон не мог лишить венский кабинет желания или власти возобновить военные действия. Этот брак также изменил характер его империи и еще больше отделил ее от народных интересов; он искал старые семьи, чтобы придать блеск своему двору, и делал все возможное, чтобы объединить старую и новую знать, смешивая старые и новые династии. Аустерлиц основал плебейскую империю; после Ваграма была создана империя дворян. Рождение 20 марта 1811 года сына, получившего титул короля Рима, казалось, укрепило власть Наполеона, обеспечив ему преемника.

Война в Испании велась энергично в течение 1810 и 1811 годов. Территория полуострова оборонялась дюйм за дюймом, и несколько городов пришлось брать штурмом. Сюше, Сульт, Мортье, Ней и Себастьяни стали хозяевами нескольких провинций; а испанская хунта, не сумев удержать свой пост в Севилье, отступила в Кадис, который французская армия начала блокировать. Новая экспедиция в Португалию оказалась менее удачной. Руководивший им Массена сначала вынудил Веллингтона отступить и занял Порту и Оливенсу; но английский генерал окопался на сильной позиции Торрес-Ведрас, и Массена, не имея возможности форсировать ее, был вынужден эвакуироваться из страны.

В то время как война на полуострове шла с преимуществом, но без какого-либо решающего успеха, на севере готовилась новая кампания. Россия почувствовала приближение империи Наполеона к своим территориям. Запертая в своих собственных пределах, она оставалась без влияния или приобретений; страдала от блокады, не получив никаких преимуществ в результате войны. Более того, этот кабинет с нетерпением терпел превосходство, к которому он сам стремился и которого медленно, но без перерыва добивался со времен правления Петра Великого. Примерно к концу 1810 года она увеличила свои армии, возобновила торговые отношения с Великобританией и, казалось, была не против разрыва. 1811 год прошел в переговорах, которые ни к чему не привели, и обе стороны готовились к войне. Император, чьи армии стояли перед Кадиксом и который полагался на сотрудничество Запада и Севера против России, энергично готовился к предприятию, целью которого было сокрушить единственную державу, пока еще не тронутую, и довести своих победоносных орлов даже до Москвы. Он

заручился помощью Пруссии и Австрии, которые обязались по договорам от 24 февраля и 14 марта 1812 года предоставить вспомогательные отряды; один из двадцати, а другой из тридцати тысяч человек. Все безработные вооруженные силы Франции немедленно выступили в поход. Сенат-консулат разделил национальную гвардию на три подразделения для внутренней службы и выделил сотню полков первой линии (почти сто тысяч человек) для действительной военной службы. 9 марта Наполеон покинул Париж с этой обширной экспедицией. В течение нескольких месяцев он поселил свой двор в Дрездене, куда император Австрии, король Пруссии и все монархи Германии приезжали преклониться перед его высокой судьбой. 22 июня России была объявлена война.

В этой кампании Наполеон руководствовался принципами, которые всегда считал успешными. Он прекратил все войны, которые вел, быстрым разгромом врага, оккупацией его столицы и заключил мир, разделив его территорию. Его проект состоял в том, чтобы ослабить Россию путем создания королевства Польского, как он ослабил Австрию, образовав королевства Бавария и Вюртемберг после Аустерлица; и Пруссию, организовав королевства Саксония и Вестфалия после Йены. С этой целью он заключил с австрийским кабинетом министров мирный договор от 14 марта об обмене Галлии на иллирийские провинции. Создание королевства Польского было провозглашено Варшавским сеймом, но неполно, и Наполеон, который, по своему обыкновению, хотел завершить все за одну кампанию, сразу же двинулся в сердце России, вместо того чтобы предусмотрительно организовать против нее польский заслон. Его армия насчитывала около пятисот тысяч человек. 24 июня он перешел Неман, взял Вильно и Витепск, разбил русских при Островно, Полоцке, Могилеве, Смоленске, под Москвой и 14 сентября вступил в Москву.

Российское правительство полагалось в своей обороне не только на свои войска, но и на свою обширную территорию и на свой климат. Когда побежденные армии отступали перед нашими, они сжигали все города, опустошали провинции и таким образом готовили большие трудности для врага в случае неудач или отступления. Согласно этому плану обороны, Москва была сожжена ее губернатором Ростопчиным, как уже были сожжены Смоленск, Доригобуи, Вязьма, Джхат, Можайск и множество других городов и деревень. Императору следовало бы предвидеть, что эта война незакончится так, как другие; и все же, победив врага и овладев своей столицей, он питал надежды на мир, которые русские умело поддерживали. Приближалась зима, и Наполеон продлил свое пребывание в Москве на шесть недель. Он задержал свои действия из-за обманчивых переговоров русских и не принимал решения об отступлении до 19 октября. Это отступление было катастрофическим и положило начало падению империи. Наполеон не мог быть побежден рукой человека, ибо какой генерал мог одержать победу над этим несравненным вождем? какая армия могла бы победить французскую армию? Но его неудачи должны были произойти в отдаленных пределах Европы; в замороженных регионах, которые должны были положить конец его завоевательному господству. С окончанием этой кампании он потерял не поражение, а холод и голод, посреди русских снегов и одиночества, свою старую армию и *ипрестиж* своего состояния.

Отступление осуществлялось в некотором порядке до Березины, где превратилось в сплошной разгром. После переправы через эту реку Наполеон, который до сих пор сопровождал свою армию, в большой спешке сел в сани и направился в Париж, поскольку во время его отсутствия там вспыхнул заговор. Генерал Маллет и еще несколько человек задумали свергнуть этого колосса власти. Его предприятие было дерзким, а поскольку оно было основано на ложном

сообщении о смерти Наполеона, необходимо было обмануть слишком многих, чтобы успех был вероятен. Кроме того, империя все еще была прочно установлена, и это был не заговор, а медленное и всеобщее дезертирство, которое могло разрушить ее. Заговор Маллета провалился, и его лидеры были казнены. Император, вернувшись, застал нацию пораженной столь необычным бедствием. Но различные органы государственной власти по-прежнему проявляли безоговорочное повиновение. Он достиг Парижа 18 декабря, набрал рекрутов в триста тысяч человек, вдохновил дух жертвенности, за короткое время своей замечательной деятельностью перевооружил новую армию и 15 апреля 1813 года снова выступил в поход.

Но после отступления Москвы Наполеон вступил в новую серию событий. Именно в 1812 году проявился упадок империи. Усталость от его правления стала всеобщей. Все те, с чьего согласия он восстал, выступили против него. Священники составили тайный заговор после его разрыва с папой. Восемь тюрем штата были официально созданы против инакомыслящих его партии. Национальные массы устали от завоеваний так же, как раньше от фракций. Они ожидали от него учета частных интересов, развития торговли, уважения к людям; а их угнетали воинские повинности, налоги, блокада, суды провинций и пошлины, которые были неизбежными последствиями этой завоевательной системы. У него больше не было противников среди тех немногих, кто оставался верен политической цели революции и кого он называли *идеологами*, но все, кто, не имея определенных идей, стремился к материальным преимуществам лучшей цивилизации. Снаружи целые нации стонали под военным игом, а павшие династии стремились подняться снова. Всему миру было неспокойно; и одно препятствие вызвало всеобщее восстание. "Я одержал победу, - говорит сам Наполеон, говоря о предыдущих кампаниях, - среди постоянно возрождающихся опасностей. Мне постоянно требовалось столько же красноречия, сколько и голоса. Если бы я не победил при Аустерлице, вся Пруссия была бы против меня; если бы я не одержал победу при Йене, Австрия и Испания напали бы мне в тыл; если бы я не сражался при Ваграме, что не было решающей победой, у меня были основания опасаться, что Россия отступит, Пруссия восстанет против меня, а англичане будут у Антверпена". [Footnote: *Mémorial de Saint Hélène*, tome ii. p. 221.] Таково было его состояние; чем дальше он продвигался в своей карьере, тем большую потребность он испытывал все более решительно. Соответственно, как только он потерпел поражение, короли, которых он подчинил, короли, которых он создал, союзники, которых он возвысил, государства, которые он объединил с империей, сенаторы, которые так льстили ему, и даже его товарищи по оружию последовательно покинули его. Поле битвы простиралось до Москвы в 1812 году, отодвинулось к Дрездену в 1813 году и к Парижу в 1814 году: так быстро повернулась судьба вспять.

Кабинет министров Берлина начал дезертировать. 1 марта 1813 года он присоединился к России и Англии, которые формировали шестую коалицию. Вскоре после этого Швеция присоединилась к нему; однако император, которого конфедеративные державы считали поверженным последним бедствием, открыл кампанию новыми победами. Битва при Лютцене, выигранная призывниками 2 мая, оккупация Дрездена, победа при Баутцене и война, перенесенная на Эльбу, поразили коалицию. Австрия, которая с 1810 года жила в условиях мира, вновь взялась за оружие и уже обдумывала изменение союза. Теперь она предложила выступить посредником между императором и конфедератами. Ее посредничество было принято; 4 июня в Пlessвице было заключено перемирие, а в Праге собрался конгресс для переговоров о мире. Договориться было невозможно. Наполеон не согласился бы на умаление величия; Европа не согласилась бы оставаться подчиненной ему. Конфедеративные державы, к

которым присоединилась Австрия, потребовали, чтобы границы империи ограничивались Рейном, Альпами и Маасом. Участники переговоров разошлись, не придя к соглашению. Австрия присоединилась к коалиции, и война, единственное средство уладить это великое противостояние, возобновилась.

У императора было всего двести восемьдесят тысяч человек против пятисот двадцати тысяч; он хотел вынудить противника отступить за Эльбу и, как обычно, быстротой и мощью своих ударов разбить эту новую коалицию. Поначалу казалось, что победа на его стороне. Под Дрезденом он разбил объединенные силы; но поражения его лейтенантов расстроили его планы. Макдональд был побежден в Силезии; Ней под Берлином; Вандамм под Кульмом. Не имея возможности помешать врагу, обрушившемуся на него со всех сторон, Наполеон подумывал об отступлении. Принцы Рейнской конфедерации выбрали этот момент, чтобы отказаться от дела империи. После того как под Лейпцигом произошло крупное сражение между двумя армиями, саксонцы и вюртембергцы перешли на сторону врага на поле боя. Это отступление перед мощью союзных держав, которые научились более компактному и искусному способу ведения войны, вынудило Наполеона отступить после трехдневного сражения. Армия в большом замешательстве продвигалась к Рейну, где баварцы, которые также дезертировали, попытались помешать ее переходу. Но он разбил их при Ханау и 30 октября 1813 года вновь вступил на территорию империи. Завершение этой кампании было таким же катастрофическим, как и предыдущей. Франции угрожали в ее собственных пределах, как это было в 1799 году; но энтузиазма независимости больше не существовало, и человек, лишивший ее прав, обнаружил, что в этот великий кризис она была неспособна поддержать его или защитить себя. Порабощение народов рано или поздно когда-либо отмщается.

Наполеон вернулся в Париж 9 ноября 1813 года. Он добился от сената набора в триста тысяч человек и с большим рвением занялся подготовкой к новой кампании. Он создал законодательный корпус, чтобы объединить его в общей защите; он передал ему документы, относящиеся к переговорам в Праге, и попросил предпринять еще одно и последнее усилие, чтобы обеспечить славный мир, каково общее желание Франции. Но законодательный орган, до сих пор молчаливо послушный, выбрал этот период для сопротивления Наполеону.

Она разделяла общее истощение и, сама того не желая, находилась под влиянием роялистской партии, которая вела тайную агитацию с тех пор, как упадок империи возродил ее надежды. Комиссия, состоящая из г-жи Лейне, Рейнуара, Галлуа, Фложерга, Мэна де Бирана, составила весьма враждебный доклад, в котором осуждался курс, принятый правительством, и требовалось отказаться от всех завоеваний и восстановить свободу. Это желание, столь справедливое в любое другое время, могло бы тогда только способствовать вторжению врага. Хотя конфедеративные державы, казалось, ставили эвакуацию Европы условием мира, они были настроены довести победу до крайности. Наполеон, раздраженный этим неожиданным и изматывающим противодействием, внезапно распустил законодательный орган. Это начало сопротивления объявило о внутреннем дезертирстве. После перехода из России в Германию они собирались распространиться из Германии и Италии во Францию. Но теперь, как и прежде, все зависело от исхода войны, которую зима не прервала. Наполеон возлагал на это все свои надежды и 25 января выступил из Парижа в этот бессмертный поход.

Империя подверглась вторжению со всех сторон. Австрийцы вступили в Италию; англичане, сделавшие себя хозяевами полуострова за последние два года, перешли Бидассоа под

командованием генерала Веллингтона и появились на Пиренеях. Три армии наступали на Францию с востока и севера. Великая армия союзников численностью в сто пятьдесят тысяч человек под командованием Шварценберга наступала со стороны Швейцарии; армия Силезии численностью в сто тридцать тысяч человек под командованием Блюхера наступала со стороны Франкфурта; и армия севера численностью в сто тысяч человек под командованием Бернадотта захватила Голландию и вступила в Бельгию. Враги, в свою очередь, пренебрегли укрепленными местами и, извлекая урок из опыта завоевателя, двинулись на столицу. Когда Наполеон покидал Париж, две армии Шварценберга и Блюхера были на грани соединения в Шампани. Лишенный поддержки народа, который был всего лишь наблюдателем, Наполеон остался один против всего мира с горсткой ветеранов и своим гением, который ничуть не утратил своей отваги и силы. В этот момент он благородно выделяется, больше не угнетатель; больше не завоеватель; защищая дюйм за дюймом, с новыми победами, почву своей страны и в то же время свою империю и славу.

Он выступил в Шампейн против двух огромных враждебных армий. Генералу Мезону было поручено перехватить Бернадотта в Бельгии; Ожеро, австрийцев, в Лионе; Сульта, англичан, на границе с Испанией. Принц Евгений должен был защищать Италию; и империя, хотя и была пронизана в самом центре, все еще простирала свои обширные руки в глубь Германии, располагая гарнизоны за Рейном. Наполеон не отчаивался изгнать эти полчища врагов с территории Франции посредством мощного военного противодействия и снова водрузить свои знамена в странах противника. Он умело расположился между Блюхером, спускавшимся по Марне, и Шварценбергом, спускавшимся по Сене; он перебегал от одной из этих армий к другой и поочередно наносил им поражения; Блюхер был разбит при Шам-Обере, Монмирайле, Шато-Тьерри и Вошане; а когда его армия была разгромлена, Наполеон вернулся к Сене, разбил австрийцев при Монтеро и гнал их перед собой. Его комбинации были так сильны, его активность так велика, его меры так надежны, что казалось, он вот-вот полностью дезорганизует эти две грозные армии, а вместе с ними и всю коалицию.

Но если он побеждал везде, куда приходил, то враг торжествовал везде, где его не было. Англичане вошли в Бордо, где партия выступила в поддержку семьи Бурбонов; австрийцы заняли Лион; бельгийская армия присоединилась к остаткам армии Блюхера, которые вновь появились в тылу Наполеона. Теперь дезертирство коснулось и его собственной семьи, и Мюрат только что последовал в Италии примеру Бернадотта, присоединившись к коалиции. Высшие офицеры империи по-прежнему служили ему, но вяло, и он находил пыл и преданность только в своих младших генералах и неутомимых солдатах. Наполеон снова двинулся на Блюхера, который трижды спасался от него: слева от Марны из-за внезапного мороза, который сковал грязные дороги, по которым пруссаки увязли, и им грозила опасность погибнуть; на Эне из-за отступления Суассона, которое открыло им проход в тот момент, когда у них не было другого пути к отступлению; и на Лане по вине герцога Рагузского, который предотвратил решающее сражение, допустив, чтобы его застали врасплох ночью. После стольких потерь, которые расстроили самые верные планы, Наполеон, плохо поддерживаемый своими генералами, окруженный коалицией, задумал смелый план перебраться в Сен-Дизье и перекрыть врагу выход из Франции. Этот дерзкий марш, столь гениальный, на мгновение напугал генералов конфедерации, которым он отрезал путь к отступлению; но, воодушевленные тайным ободрением, не беспокоясь за свой тыл, они двинулись на Париж.

Этот великий город, единственная столица Европы, которая не была театром военных действий, внезапно увидел, что все европейские войска вступили на его равнины, и был близок к тому, чтобы подвергнуться общему унижению. Он был предоставлен самому себе. Императрица, назначенная регентом несколько месяцев назад, только что уехала ремонтировать его в Блуа. Наполеон был на расстоянии. Не было того отчаяния и того движения за свободу, которые толкают людей к сопротивлению; война велась больше не против наций, а против правительств, и император сосредоточил все общественные интересы на себе и доверил все свои средства защиты механическим войскам. Усталость была велика; одно только чувство гордости, очень справедливой гордости, делало болезненным приближение незнакомца и сжимало сердце каждого француза при виде того, как его родная земля топчется по армиям, так долго терпевшим поражение. Но это чувство было недостаточно сильным, чтобы поднять массы населения против врага, и меры роялистской партии, во главе которой встал принц Беневенто, призвали союзные войска к столице. Однако 30 марта под стенами Парижа произошло сражение; но 31-го числа ворота были открыты для войск конфедерации, которые вошли в соответствии с капитуляцией. Сенат завершил великое императорское отступничество, покинув своего старого хозяина; на него оказал влияние г-н де Талейран, который в течение некоторого времени был в немилости у Наполеона. Этот добровольный участник каждого кризиса власти только что выступил против него. Не имея привязанности к партии, обладая глубоким политическим безразличием, он с поразительной проницательностью предвидел на расстоянии падение правительства; своевременно ушел из него; и когда настал точный момент для нападения на него, присоединился к атаке со всеми своими талантами, своим влиянием, своим именем и своим авторитетом, которые он позаботился сохранить. Выступая за революцию в учредительном собрании; за директорию 18 Фруктидора; за консульство 18 Брюмера; за империю в 1804 году, он был за восстановление королевской семьи в 1814 году; он казался великим церемониймейстером партии власти, и в течение последних тридцати лет именно он смещал и устанавливал сменявшие друг друга правительства. Сенат под его влиянием назначил временное правительство и объявил Наполеона низложенным с трона, наследственные права его семьи отмененными, народ и армию освобожденными от присяги на верность. Она провозгласила его *тираном*, чьему деспотизму она способствовала своим преклонением. Тем временем Наполеон, побуждаемый окружающими его людьми прийти на помощь столице, отказался от своего похода на Сен-Дизье и поспешил к Парижу во главе пятидесятитысячной армии в надежде предотвратить вторжение врага. По прибытии (1 апреля) он услышал о капитуляции предыдущего дня и отступил в Фонтенбло, где узнал о дезертирстве сената и своем низложении. Затем, обнаружив, что все вокруг него отступили от его злосчастья - народ, сенат, генералы и придворные, - он решил отречься от престола в пользу своего сына. Он послал герцога Виченцкого, князя Московского и герцога Тарентского в качестве полномочных представителей к конфедератам; по пути они должны были взять с собой герцога Рагузского, который прикрывал Фонтенбло корпусом.

Наполеон, с его пятьюдесятью тысячами человек и сильной военной позицией, все же мог заставить коалицию признать притязания его сына. Но герцог Рагузский оставил свой пост, обошелся с врагом и оставил Фонтенбло незащищенным. Тогда Наполеон был вынужден подчиниться условиям союзных держав; их притязания росли вместе с их могуществом. В Праге они уступили ему империю с Альпами и Рейном в качестве границ; после вторжения во Францию они предложили ему в Шатийоне только владения старой монархии; позже они отказались вести с ним переговоры иначе, как в пользу его сына; но теперь, преисполненные

решимости уничтожить все, что осталось от революции в отношении Европы, ее завоеваний и династии, они вынудили Наполеона окончательно отречься от престола. 11 апреля 1814 года он отказался ради себя и детей от тронов Франции и Италии и получил маленький остров Эльба в обмен на свой обширный суверенитет, пределы которого простирались от Кадиса до Балтийского моря. 20-го числа, после трогательного прощания со своими старыми солдатами, он отбыл в свое новое княжество.

Так пал этот человек, который в одиночку в течение четырнадцати лет наполнял мир. Его предприимчивый и организаторский гений, его жизненная сила и воля, его любовь к славе и огромная располагаемая сила, которую революция вложила в его руки, сделали его самым гигантским существом современности. То, что изменило бы судьбу другого экстраординарного человека, едва ли имеет значение в его судьбе. Поднявшись от малоизвестного чина до самого высокого; из простого артиллерийского офицера превратившись в вождя величайшей из наций, он осмелился выдвинуть идею всеобщей монархии и на мгновение осознал ее. После того, как он завоевал империю своими победами, он пожелал подчинить Европу с помощью Франции и ослабить Англию с помощью Европы, и он установил военную систему против континента, блокаду Великобритании. Этот план удался на несколько лет; от Лиссабона до Москвы он подчинил людей и властителей своему приказу как генерала и обширному секвестру, который он предписал. Но таким образом он потерпел неудачу в выполнении своей восстановительной миссии 18 Брюмера. Осуществляя за свой счет полученную им власть, посягая на свободу людей с помощью деспотических институтов, на независимость государств с помощью войны, он возбуждал против себя мнения и интересы человеческой расы; он вызывал всеобщую враждебность. Нация покинула его, и после долгих побед, после того, как он водрузил его знамя во всех столицах, после того, как в течение десяти лет наращивал свою власть и с каждой битвой завоевывал королевство, одна неудача объединила против него весь мир, доказав его падением, насколько невозможен в наши дни деспотизм.

Однако Наполеон, несмотря на все катастрофические последствия своей системы, придал огромный импульс континенту; его армии несли с собой идеи и обычаи более развитой цивилизации Франции. Европейские общества были поколеблены на своих старых основах; нации смешались в результате частых сношений; мосты, переброшенные через пограничные реки; большие дороги, проложенные через Альпы, Апеннины и Пиренеи, сблизили территории друг с другом; и Наполеон оказал на материальное положение государств то же влияние, которое революция оказала на умы людей. Блокада завершила завоевательный порыв; она улучшила континентальную промышленность, позволив ей занять место английской, и заменила колониальную торговлю продукцией мануфактур. Таким образом, Наполеон, возбуждая народы, внес свой вклад в их цивилизацию. Его деспотизм сделал его контрреволюционером по отношению к Франции; но его дух завоевателя сделал его возрожденцем по отношению к Европе, многие народы которой, пребывавшие в оцепенении до его прихода, отныне будут жить той жизнью, которую он им дал. Но в этом Наполеон подчинился велению своей натуры. Дитя войны — война была его склонностью, его удовольствием; господство — его целью; он хотел овладеть миром, и обстоятельства вложили это в его руки, чтобы он мог использовать это.

Наполеон представил во Франции то, что Кромвель на мгновение представил в Англии: управление армией, которое всегда устанавливается, когда происходит борьба с революцией; затем оно постепенно меняется и из гражданского, каким оно было вначале, становится

военным. В Великобритании, поскольку внутренняя война не осложнялась войной за границей, из-за географического положения страны, изолировавшего ее от других государств, как только враги реформ были побеждены, армия перешла с поля боя к правительству. Ее вмешательство было преждевременным, но Кромвель, ее полководец, застал партии все еще в неистовстве их страстей, во всем фанатизме их мнений, и он направил против них одну свою военную администрацию. Французская революция, происходившая на континенте, показала, что нации стремились к свободе, а монархи объединились из страха перед освобождением своего народа. У нее были не только внутренние, но и внешние враги, с которыми нужно было бороться; и в то время как ее армии отталкивали Европу, партии свергали друг друга на ассамблеях. Военное вмешательство произошло позже; Наполеон, обнаружив, что фракции побеждены, а мнения почти забыты, легко добился повиновения от нации и настроил военное правительство против Европы.

Эта разница в положении существенно повлияла на поведение и характер этих двух выдающихся людей. Наполеон, располагавший огромной силой и неоспоримой властью, в безопасности отдался обширным замыслам и роли завоевателя; в то время как Кромвель, лишенный согласия, которое мог дать измученный народ, и подвергавшийся постоянным нападкам фракций, был вынужден нейтрализовать их одну за другой и до конца оставаться военным диктатором партий. Один использовал свой гений в начинании; другой - в сопротивлении. Соответственно, первый обладал откровенностью и решительностью власти; другой - хитростью и лицемерием противостоящих амбиций. Эта ситуация разрушила бы их влияние.

Все диктатуры преходящи; и какими бы сильными или великими они ни были, ни для кого невозможно долго подчинять партии или удерживать королевства. Именно это рано или поздно привело бы к падению Кромвеля (проживи он дольше) в результате внутренних заговоров; и это привело к падению Наполеона в результате подъема Европы. Такова судьба всех держав, которые, возникнув из свободы, не продолжают оставаться с ней. В 1814 году империя только что была разрушена; революционные партии прекратили свое существование с 18 Брюмера. Все правительства этого политического периода были исчерпаны. Сенат отозвал старую королевскую семью. И без того непопулярный из-за своего прошлого раболепия, он погубил себя в общественном мнении, опубликовав конституцию, довольно либеральную, но ставившую на один уровень пенсии сенаторов и гарантии нации. Граф д'Артуа, который первым покинул Францию, первым вернулся в качестве генерал-лейтенанта королевства. 23 апреля он подписал Парижскую конвенцию, которая сократила территорию Франции до пределов, существовавших на 1 января 1792 года, и по которой Бельгия, Савойя, Ницца и Женева, а также огромные военные запасы перестали принадлежать нам. Louis XVIII. высадился в Кале 24 апреля и торжественно вступил в Париж 3 мая 1814 г., после того как 2 мая была принята Сент-Омерская декларация, в которой были закреплены принципы представительного правления и за которой 2 июня последовало обнародование хартии.

В эту эпоху начинается новая серия событий. 1814 год был периодом великого движения предыдущих двадцати пяти лет. Революция была политической, поскольку была направлена против абсолютной власти двора и привилегированных классов, и военной, поскольку Европа напала на нее. Возникшая в то время реакция только разрушила империю и привела к созданию коалиции в Европе и представительной системы во Франции; таков был ее первый период. Позже оно выступило против революции и создало священный союз против народа и

правительство партии вопреки уставу. Это ретроградное движение неизбежно имело свой ход и пределы. Францией можно управлять надолго, только удовлетворяя двойную потребность, которая заставила ее совершить революцию. Это требует реальной политической свободы в правительстве, а в обществе - материального процветания, обеспечиваемого постоянно прогрессирующим развитием цивилизации.